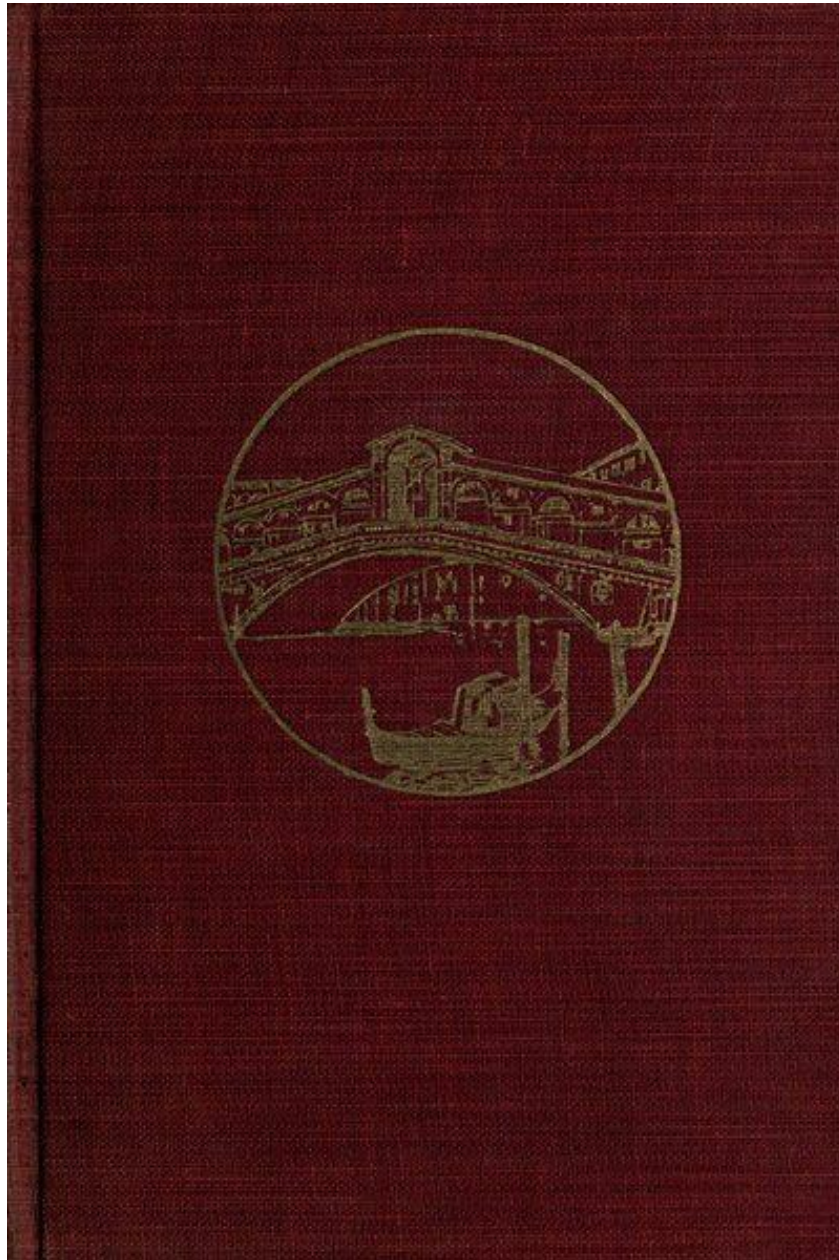

Средиземноморье. Его легендарные города и достопамятные руины

Х. Д. Трейлл
Юстас А. Рейнольдс-Болл
Артур Гриффитс
Грант Аллен
Т. Г. Бонни

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Средиземноморье: его легендарные города и достопамятные руины

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Средиземноморье: его легендарные города и достопамятные руины

Автор: Т. Г. Бонни

Грант Аллен

Артур Гриффитс

Юстас А. Рейнольдс-Болл

Х. Д. Трейлл

Дата выхода: 2 ноября 2012 г. [Электронная книга № 41263]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

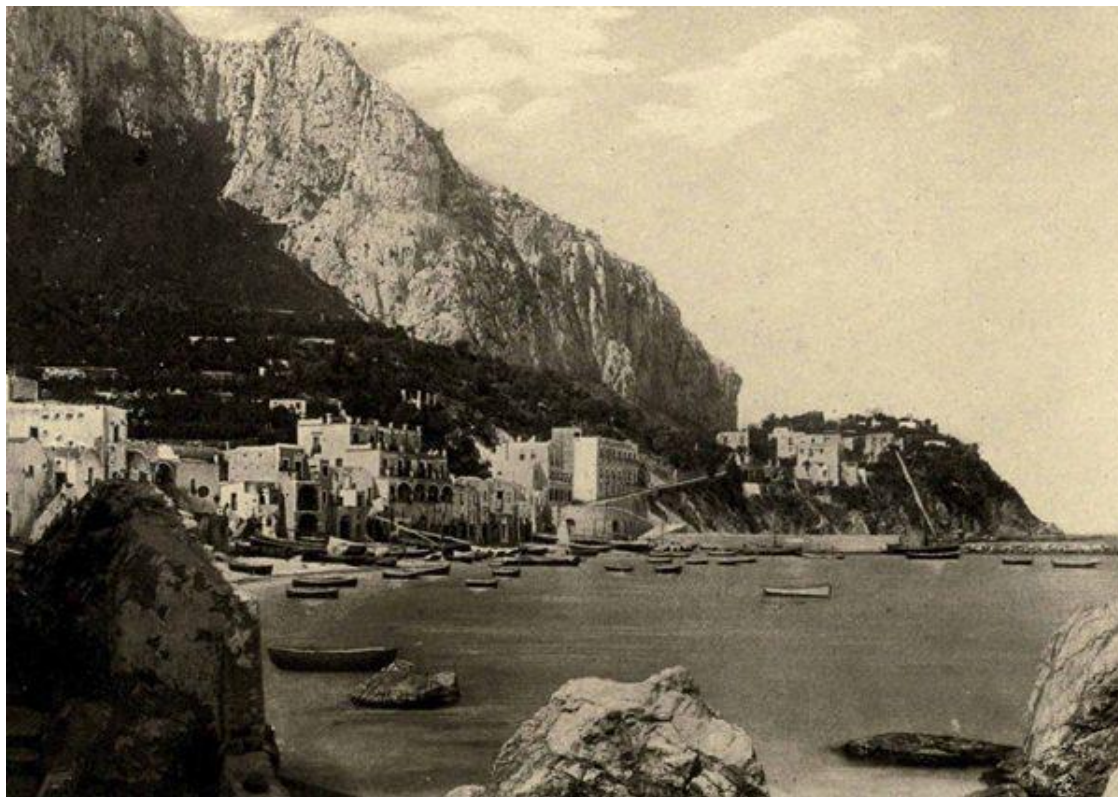
Кредиты: Электронный текст подготовлен командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<http://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: ЕГО ЛЕГЕНДАРНЫЕ ГОРОДА И ДОСТОПАМЯТНЫЕ РУИНЫ" ***

Электронная книга проекта Гутенберга "Средиземноморье", написанная Т. Г. (Томасом Греем) Бонни, Э. А. Р. Боллом, Х. Д. Трейлом, Грантом Алленом и Артуром Гриффитсом

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Посмотреть <http://archive.org/details/mediterraneanits00bonnrch>

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Его Легендарные города и почтенные руины

Авторы: Т. Г. Бонни, Э. А. Р. Болл,
Х. Д. Трейлл, Грант Аллен,
Артур Гриффитс и Роберт Браун

Иллюстрировано фотогравюрами

НЬЮ - ЙОРК
James Pott & Company
1907

Содержание

СТРАНИЦА

I. ГЕРКУЛЕСОВЫ СТОЛПЫ,

1

Порталы древнего мира—Танжерский залив на восходе солнца—Тарифы—
Гибралтарская скала—Чудеса ее укреплений—Послеобеденная прогулка в садах
Аламеда—Восхождение на скалу—Вид с самой высокой точки—Великая осада—
Сеута, главная испанская крепость на мавританском побережье —Скала со
многими названиями.

II. АЛЖИР,

28

“Жемчужина в изумрудах” — Два разных города; один древний, другой
современный—Великая мечеть—Мусульманский религиозный праздник—
Восточная жизнь в совершенстве—Дорога к Мустафе Супериору—Описана
настоящая мавританская вилла—Женщины молятся священному дереву—
Обильные осадки.

III. МАЛАГА,

42

Почти идеальный климат—Непрерывное существование на протяжении тридцати
веков—Гранада и всемирно известная Альгамбра-Системы орошения—
Виноградники, главный источник богатства—Трава Эспарто—Знаменитый мыс де

Гатт—Высочайшая вершина Сьерра—Невады—Последний вид на Гранаду.

IV. БАРСЕЛОНА,

61

Цветочный рынок на Рамбле—Улицы старого города—Кафедральный собор Барселоны—Описание памятника Колумбу—День всех святых в Испании—Гора Тибидахо—Разнообразные центры интеллектуальной деятельности—Древняя история—Филантропические и благотворительные учреждения.

Против МАРСЕЛЯ,

94

Его греческие основатели и ранняя история—Великолепный вид с моря—Каннебьер—Прадо и Набережная Корниш—Замок Иф и Монте-Кристо—Влияние греков в Марселе—Разрушения от чумы и мора—Сокровища Дворца искусств—Часовня Парижской Богоматери — Новый Марсель и его будущее.

VI. НИЦЦА,

124

Королева Ривьеры—Порт Лимпия—Замковая гора—Английская набережная—Карнавал и Битва цветов—Площадь Массена, деловой центр—Красота пригородов—Дорога в Монте—Карло—Причудливо живописный городок Вильфранш-Достопримечательности Ниццы и ее окрестностей.

VII. РИВЬЕРА,

145

Во времена Дожей—Происхождение названия—Голубая бухта Канн—Ste. Маргарита и Сент—Онора — Исторические ассоциации—Улица Антиб—Скала Монако—“Улица дамы Рулетки”— От Монте—Карло до Ментоны—Сан-Ремо - Романтическая железная дорога.

VIII. ГЕНУЯ,

160

Ранняя история—Старые укрепления—Соперник Венеции—Изменения за двадцать пять лет—С парапета Корсо—Нижний город—Генуэзский дворец—Памятник Христофору Колумбу—Старая Догана—Мемориалы в Кампо Санто—Залив Специя—Изола Пальмерия—Виды гавани.

IX. ТОСКАНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ,

192

Последние месяцы Шелли в Леричи—История его смерти—Каррара и ее мраморные карьеры—Пиза— Грандиозная группа церковных зданий—Монастыри Кампо Санто—Жизнь Наполеона на Эльбе—Происхождение этрусков—Руины Тарквиниев—Чивита Веккья, старый порт Рима—Остия.

X. ВЕНЕЦИЯ,

220

лет — Гранд—канал и его дворцы—Площадь Святого Марка—Венецианские похороны—Длинная гряда островов—Венецианское стекло—Торчелло, древний

Алтинум - Две его уникальные церкви.

XI. АЛЕКСАНДРИЯ,

234

Унылые и бесплодные берега дельты Нила—Своеобразная форма города—
Странная и разнообразная картина александрийской уличной жизни—Площадь
Мехемет Али—Великолепная панорама из каирской цитадели—Колонна Помпея—
Битва на Ниле—Открытие знаменитого камня с надписью в Розетте—Порт-Саид и
Суэцкий канал.

XII. МАЛЬТА,

267

“Око Англии в Средиземном море” — Обширные системы укреплений—Часовые и
военная музыка—Настоящая страда Валлетты—Церковь Святого Иоанна—Святого
Эльма—Военный госпиталь, “сама слава Мальты”—Читта Веккья—Святой Павел и
его путешествия.

XIII. СИЦИЛИЯ,

295

Сцилла и Харибда—Мессина, главный торговый центр Сицилии—Великолепные
руины греческого театра в Таормине—Вездесущность горы Этна—Подход к
Сиракузам—Знаменитая Латомия дель Парадизо—Гиргенти, Город храмов—
Железнодорожный маршрут в Палермо—Мозаики—Кафедральный собор и
аббатство Монреале—Монте Пеллегрино в час заката.

XIV. НЕАПОЛЬ,

325

Неаполитанский залив—Везувий—Характерные сцены уличной жизни—
Рестораны под открытым небом—Часовня Святого Януария—Могила
Вергилия—Капри, Мекка художников и любителей живописного—Император
Тиберий—Описание Голубого грота—Побережье-дорога из Кастелламаре в
Сорренто—Амальфи—Сорренто, “деревня цветов и цвет деревень”—Храмы
Пестума.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Капри.—На

СТРАНИЦЕ

фронтисписа

Марина Гранде, Гибралтар.—Вид со Старого мола,

14

Алжир.—Правительственная площадь и улица Ла Марин,	28
Алжир.—Интерьер губернаторского дворца	36
Малаги.—Общий вид из замка	52
Барселоны.—Вид на гавань	70
Марселя.—Панорама Старого порта	98
Ниццы.—Английская набережная	132
Ривьера.—San Remo	158
Геноа.—Дворец Дориа—Сад и дверной проем	172
Тосканское побережье.—Пиза—Соборная площадь и памятники	198
Венеция.—Площадь Святого Марка	226
Александрия.—Общий вид города	240
Александрия.—Сцена на канале	260
Мальта.—Общий вид	274
Сицилия.—Вид на Таормину и гору Этна	298
Неаполь.—Панорама из гробницы Вергилия	334

Средиземноморье

Я

ГЕРКУЛЕСОВЫ СТОЛПЫ

Порталы древнего мира—Танжерский залив на восходе солнца—Тарифы—Гибралтарская скала—Чудеса ее укреплений—Послеобеденная прогулка в садах Аламеда—Восхождение на скалу—Вид с самой высокой точки—Великая осада—Сеута, главная испанская крепость на мавританском побережье—Скала со многими названиями.

“Геркулесовы столпы”! Врата Древнего мира! Скольким путешественникам, только начинающим уставать от недели, проведенной в Атлантике, или, может быть, медленно приходящим в себя в своем спокойном путешествии вдоль берегов Португалии и Южной Испании после тридцати беспокойных часов в Бискайском заливе, приближающийся вид этой могущественной исторической вехи принес весть о новой жизни! Эта далекая точка впереди, где сужающиеся воды несущего его пролива полностью исчезают в объятиях обнимающих его берегов, является для многих таких путешественников началом романтики. Он взирает на нее с

запада с каким-то смутным отблеском того таинственного благоговения, с которым античность взидала на нее с Востока. Прогресс веков, по сути, переместил центр человеческих интересов и человеческую точку зрения. Сейчас, как и в эпоху Гомера, Геркулесовы столпы образуют врата в мир чудес; но для нас сегодняшних этот мир чудес находится внутри, а не за пределами этих врат. С точки зрения современной поэзии Атлантика и Средиземноморье поменялись местами. В водной пустоши, простирающейся к западу от скалы Кальпе и соседнего с ней мыса, грек эпохи Гомера нашел свой край, о котором с незапамятных времен ходили поэтические легенды и почитаемые религиозные мифы, и населил его богами и героями своего традиционного вероучения. Здесь, на дне широкой извилистой реки Океан, лежат Острова Блаженных — эта обитель вечной красоты и спокойствия, где “жизнь смертных наиболее легка”, где “нет ни снега, ни зимы, ни обильных дождей, но океан всегда посылает пронзительные бризы Зефира, чтобы освежить человека”. Но для нас, современных людей, исследовавших эту могучую “реку Океан”, эту неизвестную и таинственную Атлантику до самых ее дальних уголков, очарование ее тайны ушло навсегда; и именно на восток, а не на запад, через “Геркулесовы столпы”, мы теперь направляем наши паруса в поисках романтического края. Именно к бассейну Средиземного моря — окаймленному легендарными городами и почтенными руинами, с разрушающимися святилищами ушедшего в прошлое вероучения и памятниками нетленного искусства, сегодня обращается человек. Гений цивилизации продвинулся далеко на запад и прошел через странные испытания; он возвращается с новым почтением и еще более глубоким благоговением в тот *танклав* средней Европы, где находится его родина и который освящен воспоминаниями о своей славной юности. Вдумчивый путешественник всегда будет чувствовать, что величественный портал в скале, к которому мы приближаемся, является входом в регион, вечно священный в истории человечества; в земли, породившие бессмертные образцы литературы и безошибочные каноны философской истины; в святилища и храмы, хранящие прах тех “мертвых, но держащих в руках скипетр государей”, которые “управляют нашими душами из своих урн”.

По мере того, как наше судно продвигается вперед по быстро сужающемуся проливу, взгляд падает на живописное неправильной формы скопление зданий на испанском берегу, откуда выступает скалистый язык суши, увенчанный башней. Это Фарос Тарифы, и еще через полчаса мы будем достаточно близко, чтобы различить точные очертания древнего и знаменитого города, названного в честь Тарифа Ибн Малека, первого берберского шейха, высадившегося в Испании, и самого, как говорят, — хотя некоторые этимологи косо смотрят на происхождение — прародителя слова, которое для современного торговца не менее страшно, чем само это пиратское гнездо для его предшественника в старые времена. Герб Тарифы представляет собой замок на волнах с ключом у окна, и это устройство вполне уместно символизирует ее средневековую историю, когда ее владельцы играли в сторожей пролива и весело взимали шантаж — нерегулярный *тариф* тех дней — с любого судна, которое желало пройти. Сам маленький городок живописно расположен в самом глубоком углублении изгибающегося пролива, и вид, обращенный на запад — с маяком, резко и отвесно поднимающимся к небу из выступающей группы скал и строящимся у ее основания, в то время как смутно виднеются слева на дальнем расстоянии горы африканского побережья, спускающиеся туда так искусно за изгиб, что кажется, что два континента соприкасаются и соединяют пролив в озеро, — заслуживает внимательного изучения. Интересным местом также является Тарифы, а также живописным — интересным, по крайней мере, для всех, кто интересуется ранними или поздними судьбами постримской Европы. Он сыграл свою роль, как и большинство других мест,

на этом общем поле битвы арийцев и семитов, в светской борьбе между европейским христианским миром и мусульманским Востоком. И снова, столетия спустя, о нем слышали во время более короткой, но более катастрофической борьбы во время наполеоновских войн. С того дня, когда Алонсо Перес де Гусман бросил свой кинжал с зубчатой стены, презрительно игнорируя угрозу убить своего сына, которого предатели, связанные, притащили к его стенам, прошло “много времени” до того дня, когда полковник Гоф из 87-го полка (“Ловцов орлов”) отбил осаждающую армию маршала Виктора численностью 1800 человек и освободил генерала Кэмпбелла и его доблестный маленький гарнизон; но Тарифа видела их обоих, и ее стоит посетить не только ради зрелища. прокатитесь от него через горы в Альхесирас и Гибралтар, но также ради его исторических ассоциаций и очарования старого света.

Мы взяли его, как и предполагаем взять Танжер, немного вне очереди, поскольку путешественник, посетивший Гибралтар, вряд ли посетит какое-либо из этих двух мест по пути. Более вероятно, что он посетит их, одного по суше, а другого по морю, с самой Скалы. Но Танжер, в частности, невозможно посетить без сильного желания познакомиться с ним поближе; так много достопримечательностей привлекает путешественника в это некогда удел британской короны, в это африканское *царство*, которое, если бы не бессмысленные распри и фракции периода Реставрации, могло бы быть сегодняшней Англией. Мало найдется более очаровательных зрелищ, чем Танжерский залив, каким он предстает на восходе солнца путешественнику, чей пароход прошел по проливу днем и вечером предыдущего дня и бросил якорь после наступления темноты в ближайшей точке у берега, к которой может подойти судно любой осадки. Нигде в мире нет уголка такого сладостного спокойствия, где бы на время затихли стремительные воды столь беспокойного моря. Примерно в полумиле от центра пролива пароходу, идущему из Гибралтара, приходится прокладывать себе путь через поверхностные течения, которые постоянно несутся из Атлантики к Геркулесовым столбам и Средиземному морю за их пределами. Здесь, под краснеющим рассветом, все спокойно. Голубые воды залива, сейчас мягко отливающие с приближением восхода солнца, лениво разбиваются имитирующими волны “нежными изгибающимися линиями кремовых брызг” о сияющий пляж. Справа раскинулся город, призрачный в лучах рассвета, за исключением тех мест, где нежная бледная слоновая кость некоторых из его более высоких домов окрашивается в нежно-розовый цвет; в то время как над всем, над морем, берегом и городом, витает кристальная атмосфера Африки, в которой каждый камень, каждая рябь, каждая крыша дома выделяются так же четко, как филигранная работа зимы на матовом стекле.

Надо честно признать, ничто в Танжере не сравнится с приближением к нему со стороны его несравненной бухты. С другой стороны, ни здесь, ни где-либо еще нет ничего, что в точности напоминало бы этот “подход”, поскольку его последняя стадия должна выполняться одинаково для мужчины и женщины — если только мужчина не готов идти по колено в чистой голубой воде верхом на крепком мавре. Приземлившись, он обнаружит, что живописность Танжера, как и большинства восточных городов, при ближайшем рассмотрении скорее уменьшается, чем увеличивается. Прогулка по его главной улице не дает ничего особенно достойного внимания, если только это не минарет Джама-эль-Кебир, главной мечети города. Точка, к которой каждый посетитель Танжера направляет свои шаги или получает их за себя, - это Баб-эль-Сок, ворота рыночной площади, где сцена, которую можно увидеть ранним утром, представляет собой непревзойденную картину восточной жизни. Крадущиеся верблюды с грузом фиников, болтающие торговцы, болтающие женщины, хитрые и подобострастного вида евреи из города, свирепые, тяжеловооруженные дети пустыни, лошади с грубой шерстью и кривобокие мулы,

высохшие старухи, сидящие группами на корточках у обочины, спотыкающиеся девицы, глазающие на *яшмак*, когда они проходят мимо, и все это окутано ослепляющим, сбивающим с толку, удушающим облаком такой пыли, какую может поднять только Африка, “*арида нутрикс*”. продукты - такая пыль, по сравнению с которой мельчайшие частички самой сухой заставы в самое жаркое лето и при самом пронизывающем восточном ветре кажутся влажными и прохладными и не более чем приятно щекочущими рот и ноздри, - пусть читатель представит себе такую сцену с такими аксессуарами, и он поймет, какое зрелище ожидает его ранним утром в Баб-эль—Соке в Танжере.

Но мы должны продолжить наше путешествие на восток, к знаменитой “Скале”. Наконец-то она здесь! Там “зори Гибралтара величественны и серы”, хотя мистер Браунинг очень напрягает поэтическую вольность, чтобы сделать его видимым даже “в самой тусклой северо-восточной дали” поэту, который в тот момент наблюдал, как “закат одним великолепным кроваво-красным лучом заливает Кадисский залив”. Мы, во всяком случае, находимся достаточно далеко от Кадиса, прежде чем он предстает перед нами во всем своем титаническом величии очертаний; величественный, конечно, из-за величия Природы, и все же с неким странным привкусом человеческой угрозы, как от какого-то орудия Атлантиды, установленного в Кадисском заливе. и на него указала рука человека. Этот “военный” вид Скалы — видимый или, по крайней мере, воображаемый на ней задолго до того, как мы приблизимся к ней достаточно близко, чтобы различить ее настоящие укрепления, еще меньше — артиллерию, - значительно усиливается мертвой ровностью местности, из которой отвесно вырастает ее западная стена, и с которой, как следствие, она, кажется, имеет не более тесную физическую связь, чем лафет с плацем, на котором он стоит. По мере приближения этот эффект усиливается. Окружающая местность, кажется, опускается и отступает вокруг него, а Скала, кажется, возвышается все выше и выше и все более грозно хмурится, обозревая пролив и два континента, разделенные им. Однако по мере приближения к порту это впечатление сменяется другим, и Скала, несколько утратив свою “природную крепость”, начинает приобретать то сходство с лежащим львом, которое в ней так часто замечали. И все же, увы! из-за так называемого знаменитого “львиного аспекта” знаменитого роста, или, увы! по крайней мере, из-за капризной работы человеческого воображения! Ибо в то время как составителю одного хорошо известного путеводителя очертания гибралтара кажутся “очертаниями спящего льва, чья голова, несколько усеченная, повернута в сторону Африки, как будто с мечтательным и пристальным глубоким вниманием”, другому, более позднему наблюдателю кажется, что лев “своей царственной головой повернут в сторону Испании, как бы бросая вызов своему бывшему хозяину, и каждая черта имеет характер львиного величия и силы!” Правда, конечно, в том, что Камень приобретает совершенно разные аспекты, в зависимости от того, как на него смотрят с разных точек зрения. Определенно, есть момент, из которого Гибралтар можно сделать, немного напрягая воображение Полония, напоминающим какое-то лежащее животное, повернувшее голову в сторону Африки — хотя “голова, несколько усеченная” — это такая же странная фраза, как “тело, несколько обезглавленное”, - и созерцающее этот континент с тем, что мы можем вообразить, если захотим, как “мечтательное и пристальное внимание”. Но сходство это, в лучшем случае, весьма слабое и притянутое за уши. По-настоящему и поразительно львиный облик Гибралтара, несомненно, таков, каким он предстает перед наблюдателем, когда он приближается к Скале с запада, но еще не полностью разглядел склон, на котором расположен город. Тогда никто не сможет перепутать льва. Его голова явно повернута в сторону Испании, и более того, его нога вытянута в сторону материка, как бы в знак его могучей хватки за землю. Однако, если смотреть

с нейтральной территории, этот Изменчивый утес приобретает совершенно новые очертания, и никто бы не предположил, что линии этого отвесного обрыва, возвышающегося зубчатой вершиной, могут появиться с любой стороны и превратиться в тупые и массивные изгибы, обозначающие голову и плечи Царя Зверей.

Наконец, однако, мы в гавани и собираемся приземлиться. Приземлиться! Как мало говорит эта фраза неопытным в морских путешествиях или тем, чьи путешествия начинались и заканчивались переходом с пристани на трап, а с трапа на палубу, и *наоборот*! И как много это значит для того, к кому приходит, чреватое воспоминаниями о крутых спусках, о вздымающихся волнах, о раскачивающихся шлюпках, возможно, о мокрой одежде, и уж точно о мошенниках-лодочниках! Есть высадки, при которых вы получаете все; но не в Гибралтаре, по крайней мере, при обычных обстоятельствах. Воды порта спокойны, и с большинства из множества прекрасных судов, которые заходят туда, вы спускаетесь по трапу, столь же приятной формы, как и обычная лестница. Все, чего вам нужно бояться, - это коварного лодочника, говорящего на двух языках, который, если вы не заключите с ним строгий договор перед тем, как сесть в его лодку, отдаст вас в свою милость. Это правда, что у него есть тариф, и вы можете себе представить, что нарушение его превышения каралось бы в таком месте, как Гибралтар, немедленным военным трибуналом и смертной казнью; но путешественнику не следует полагаться на это. Во всем мире наблюдается прискорбное ослабление уз дисциплины. Более того, разумно договориться с лодочниками об определенной фиксированной сумме в качестве благотворной меры пресечения чрезмерной щедрости. Большинство пароходов бросают якорь на значительном расстоянии от берега, и в жаркий день можно поддаваться искушению из ложных побуждений заплатить лодочнику чрезмерную плату.

Ваши хозяева в Гибралтаре — “избалованные”, как всегда, видом новых гражданских лиц, — с самого начала демонстрируют решимость принять вас как дома. Рядовой Томас Аткинс, несущий караульную службу, широко улыбается, приветствуя вас от “Крота”. Чиновник, перед которым вы должны отчитаться о себе и своих вещах, приветствует вас приятной улыбкой, и, в то время как вашего французского или испанского попутчика строго допрашивают относительно его личности, профессии, цели визита и т.д., Вашу английскую группу пропускают легко и быстро, как людей, “чувствующих себя как дома” на земле, по которой они ступают. К счастью, хотя и немного сбивает с толку, что посетитель прибывает в полдень, ибо еще до того, как он доберется от пристани до своего отеля, он увидит зрелище, аналогов которому в мире практически нет. В Гибралтаре, как и во всех южных городах, есть свои узкие, тихие, сонные переулки; и любой, кто ограничивается прогулками по ним и вдоль них, избегая главной улицы, может никогда не обнаружить странного космополитического характера этого места. Он должен пройти по Уотерпорт-стрит в полдень, чтобы увидеть, что такое Гибралтар на самом деле — слияние наций, рынок рас, Биржа всех многочисленных разновидностей человеческого продукта. Европа, Азия и Африка встречаются и толкаются на этом уникальном шоссе. Высокие, статные, неторопливо шагающие мавры с северо-западного побережья; турки в белых тюрбанах с восточных ворот Средиземного моря; толстогубые негроиды с лохматой головой из внутренних районов Африки; быстроглазые, жестикулирующие левантийские греки; евреи в габардинах и еврейки в черных платках; испанские контрабандисты и испанские моряки; “каменные скорпионы” и английские солдаты в красных мундирах - все они составляют, не завершая, пеструю движущуюся толпу, которая заполняет главную улицу Гибралтара до полудня и собирает толпы людей на улицах Гибралтара. плотнее всего на рынке возле Торговой площади.

Таким образом, Гибралтар впервые предстает перед вновь прибывшим посетителем не как крепость, а скорее как крупный транспортный узел. Сейчас он находится слишком близко под его хмурыми батареями и господствующими каменными стенами, чтобы ощутить их силу и угрозу, столь впечатляющие, как на расстоянии; и текущий поток разноцветной жизни вокруг него в равной степени подавляет чувства и воображение. Он должен искать окраины города с обеих сторон, чтобы снова увидеть великую Скалу, будь то физически или морально, в надлежащем фокусе. И еще до того, как он попытается испытать ее высоту и крутизну с помощью древнего, хотя и ненаучного процесса восхождения на нее — нет, даже до того, как он приступит к исследованию под надлежащим руководством ее могучих элементов военной мощи, — он, возможно, обнаружит, что суровость — не единственная ее черта. Пусть он прогуляется по кругу в направлении ипподрома к северу от Скалы и пересечет плац, который находится между городом и большей площадью, на которой проводятся смотры и полевые учения, и он не будет жаловаться на недостаток живописности в Гибралтаре. Отвесный утес, под которым расположено испанское кафе, ломаными и неправильными, но поразительными линиями спускается к равнине и от ступеньки к ступеньке пышно окаймлен южной растительностью. Марширующие и сменяющие друг друга под сенью этой высокой стены солдаты на небольшом расстоянии кажутся жестяными игрушками из детской, и не знаешь, думать ли больше о физической ничтожности человека перед грубой массой Природы или о моральной — или аморальной — силе, которая позволила ему поставить себе на службу даже огромную Скалу, которая возвышается над ним, и превратить слепого гиганта в своего рода титанического воина.

Однако подобные размышления, вероятно, подогрели бы у посетителя желание без промедления осмотреть укрепления, а время для этого еще не пришло. Сначала необходимо осмотреть город и его здания; необходимо изучить жизнь этого места, как в военном, так и — в том виде, в каком она есть, — в гражданском аспекте; хотя это, по правде говоря, не займет надолго даже самого внимательного наблюдателя. Гибралтар не славится своими магазинами и вообще не примечателен как место, где можно что-либо купить, за исключением табака, который, как известно испанскому казначейству (и, надо опасаться, испанским таможенникам на границе, что является их преимуществом), дешев и хорош. Бизнес, однако, во всех отношениях довольно активен, как и следовало ожидать, если вспомнить, что город довольно густонаселен для своих размеров и насчитывает около 20 000 жителей, в дополнение к его гарнизону численностью от 5000 до 6000 человек. Однако, несмотря на всю его гражданскую активность, посетитель вряд ли забудет — на какое-то время, — что он находится в “месте с оружием в руках”. Не говоря уже о потрясениях, которые причиняет его непривычным нервам утренняя и вечерняя ружейная пальба; не говоря уже о захватывающих дух фанфарах горнов, исполняемых так, как это может исполнять только горнист первоклассного английского полка, и отдающих эхом взад и вперед, от Скалы к Скале, повсюду царит непередаваемая атмосфера сурового порядка, жесткой дисциплины, авторитета, чье слово — закон. По мере того как день клонится к вечеру, этот аспект становится все более и более очевидным; и по соседству с воротами, ближе к часу ружейной пальбы, вы можете увидеть, как жители спешат внутрь, а иногородние ускоряют шаги перед отъездом, чтобы роковой бой пушечных часов не задержал их на ночь. После закрытия ворот еще несколько часов разрешается бродить по улицам; но в полночь эта привилегия также прекращается, и никому не разрешается выходить на улицу без ночного пропуска. 31 декабря разрешается небольшое дополнительное послабление. Один из военных оркестров, возможно, пройдет парадом по главной улице, исполняя сладкие мелодии

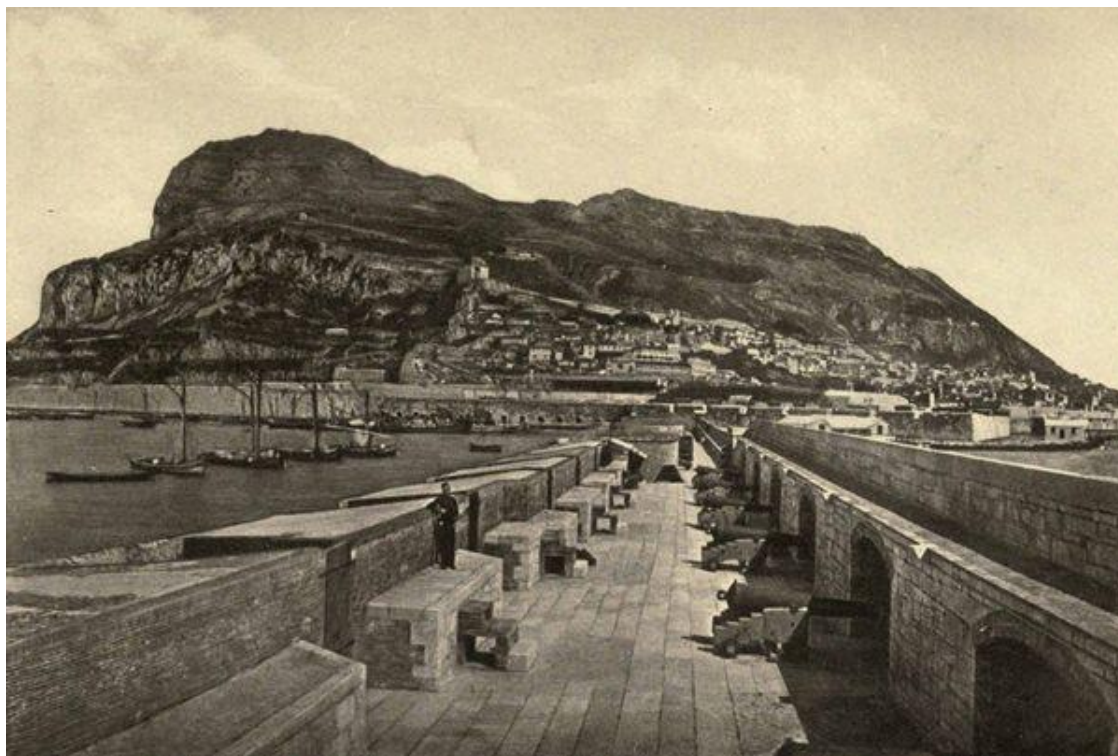
“Auld Lang Syne”, а гражданскому населению будет позволено “проводить старый год и встретить новый”. Но робкие и уважительные приветствия - их единственный вклад в церемонию, и примерно в 12.15 их снова отправляют спать: таковы бдительные меры предосторожности против предательства внутри стен или неожиданности снаружи. В Гибралтаре, несомненно, испытываешь что-то от ощущений людей, живущих на осадном положении, или тех рыцарей Бранксома, которые ели и пили в доспехах и ложились отдыхать, зашнуровав корсет и положив щит вместо подушки.

Львов в самом городе, в отличие от чудес его укреплений, немного. Кафедральный собор, Гарнизонная библиотека, Дом правительства, Сады Аламеда, поездка в Эуропа Пойнт - вот и весь список; и есть только один из них, который, вероятно, вызовет — если только не с какой-то особой целью — повторение визита. Однако в Аламеде посетитель может провести много приятных часов, и — если тишина и красота сада на склоне холма, очарование субтропической растительности в изобилии под рукой и великолепные виды побережья и моря вдалеке привлекут его — он, несомненно, это сделает. Гибралтар безмерно гордится своей набережной, и у него есть на то веские причины. С точки зрения природы и искусства Аламеда пользуется равным успехом. Генерал Дон, который спланировал и осуществил это около трех четвертей века назад, несомненно, заслужил звание того же рода, что и его знаменитый военный предшественник, маршал Уэйд. Любой, кто “видел” Аламеду “до того, как она была создана”, вполне мог бы “поднять руки и благословить” доблестного офицера, превратившего “Красные пески”, как называлась засушливая пустыня, некогда занимавшая это место, в рай гераневых деревьев, который занял ее место. Его памятники Эллиоту и Веллингтону не идеальны: таинственное проклятие, наложенное на английскую скульптуру, похоже, преследует ее даже за морями; но о казни изображений этих национальных героев, возможно, можно забыть из-за интереса к их сюжетам. Жители, во всяком случае, гражданские или военные, привыкли к этим достижениям искусства скульптора и уже давно перестали роптать. И послеобеденная прогулка по этим садам — с английскими офицерами, их женами и дочерьми, английскими няньками и их подопечными, туристами обоего пола и всех возрастов, и все это в окружении многоязычной и разноцветной толпы восточных слушателей военного оркестра — зрелище, на которое стоит посмотреть и которое нелегко забыть.

Но мы должны продолжить наше путешествие вокруг полуострова Скала; и, оставив нью-Мол справа от нас и дальше по маленькой, не имеющей выхода к морю котловине залива Росия, мы проезжаем высоту Буэна-Виста, увенчанную ее казармами, и так далее до вершины мыса Европа-Пойнт. Здесь еще несколько казарм, а здесь, на Europa Flats, еще одно открытое и ровное пространство для отдыха и военных учений под стеной утеса. Удваивая маршрут и возвращаясь на небольшое расстояние вдоль восточной стороны мыса, мы подходим к Губернаторскому коттеджу, прохладному летнему убежищу, приютившемуся вплотную к Скале и фактически обозначающему границы наших исследований. Немного дальше возвышается неприступный утес, дорога заканчивается, и мы должны вернуться по нашим следам. Что касается ходьбы или вождения автомобиля по равнине, посетитель, достигший этой точки, может утверждать с определенной поверхностной точностью, что он “совершил Гибралтар”. Неудивительно, что опытный путешественник из-за Атлантики и не думает останавливаться на достигнутом в Кальпе.

Однако для тех, кто посещает Гибралтар в историческом духе, это ни в коем случае не должно быть “сделано” так быстро, как сейчас. Действительно, правильнее было бы сказать, что работа

посетителя такого порядка едва ли еще началась. Ибо он приедет в Гибралтар главным образом не для того, чтобы прогуляться по залитой солнцем набережной или насладиться тенистой прогулкой по обращенным к морю склонам испанского мыса, или даже для того, чтобы полюбоваться южным колоритом и живописным разнообразием южной жизни; но чтобы осмотреть великую мировую крепость, возведенную почти неприступной рукой Природы и превратившуюся в абсолютную неприступность искусством человека; место, запомнившееся с самого начала нового периода соперничеством наций и прославившееся на все времена одним из самых героических подвигов, занесенных в летописи, о человеческой расе. Для такого человека, скажем мы, название Гибралтар прежде всего обозначает Скалу Великой Осады; и он не может думать о нем в свете средиземноморского курорта с романтическим, хотя и несколько ограниченным видом на море, точно так же, как он не может думать о фермерском доме Ла Хэй как об “интересной фламандской усадьбе” или о замке Угумон как о “подходящем загородном доме бельгийского джентльмена”.

Для него экскурсия по знаменитым укреплениям станет главным событием его визита. Получив необходимое разрешение от соответствующих военных властей (поскольку ему на каждом шагу будут напоминать о строгой военной дисциплине, в соответствии с которой он живет), он продолжит восхождение на Скалу, сделав свою первую остановку у здания, на которое, по всей вероятности, он часто до этого смотрел и удивлялся снизу. Это мавританский замок, первый объект, который бросается в глаза новичку, когда он выходит на берег у Мола и смотрит на дома, карабкающиеся вверх по западному склону Скалы. Над их восходящими ярусами возвышается эта зубчатая свая, и именно с уровня, на котором она стоит, можно попасть в знаменитые галереи Гибралтара. Замок является одним из старейших мавританских зданий в Испании,

арабская легенда над южными воротами гласит, что он был построен в 725 году Абу-Абуль-Хаджезом. Егоглавная башня, Торре-дель-Хоменахе, испещрена следами от пуль - шрамами, оставленными приснопамятной осадой. Галереи, которые ярусами проложены вдоль северного фасада Скалы, имеют протяженность от двух до трех миль. На одном конце они расширяются и переходят в просторный склеп, известный как Зал Святого Георгия, в котором пировал Нельсон. Никакие арки не поддерживают эти галереи; они просто высечены в цельной скале и примерно через каждые дюжину ярдов прорезаны иллюминаторами, через каждое из которых черное дуло пушки смотрит на материковую часть Испании. Они смотрят на север, эти суровые сторожевые псы, и, видя, что равнина лежит в сотнях футов под ними, а между ними - отвесная скала, их, возможно, можно признать олицетворением того, что один остроумный француз назвал*роскошью и кокетством неприступности*, или, как мы могли бы выразиться, "утонченностью неприступного". Установка артиллерии на позиции подразумевает возможность регулярных осадных операций, за которыми, возможно, последует штурм с той стороны, над которой командуют орудия; но хотя на второй год великой осады испанцы развернули сложные укрепления на нейтральной территории, ни тогда, ни в любое другое время штурм Скалы с ее северной стороны не рассматривался. И все же оноднажды был "удивлен" со своей восточной стороны, которая выглядит почти столь же недоступной; и дальше в своем исследовательском туре посетитель наткнется на следы этого беспрецедентного и никем не отмеченного подвига. Должным образом осмотрев галереи, он поднимется на Сигнальную башню, известную в испанские времена как Эль-Хачо, или Факел, - место, на котором обычно зажигали сигнальные огни. Это не совсем самая высокая точка Скалы, но вид с нее один из самых впечатляющих в мире. К северу простираются горы Ронда, а далеко на востоке Снежная Сьерра, которая смотрит вниз на Гранаду, бледно и призрачно поблескивает на горизонте. Далеко под вами раскинулись город и бухта, батареи с их крошечными снарядами и гавань с игрушечными кораблями; в то время как дальше, в том же поле зрения, африканский "Геркулесов столп" Сеута смотрит вниз на залитые солнцем воды Пролива.

Чуть дальше находится настоящая высшая точка Скалы, 1430 футов; и еще немного дальше, после спуска на несколько футов, мы натываемся на башню, известную как "Безумие О'Хары", с которой также открывается великолепный вид и которая отмечает самую южную точку хребта. Он был построен офицером с таким именем как сторожевая башня, с которой можно наблюдать за передвижениями испанского флота в Кадисе, который даже по ту сторону мыса находится на расстоянии пятидесяти-шестидесяти миль. Однако степень обзора, который он открывал на самом деле, вероятно, никогда не проверялась, и уж точно не с помощью современных оптических приборов, поскольку в него ударила молния вскоре после завершения строительства. Возвращаясь по своим следам к северной оконечности высоты, посетителю, исторически интересующемуся Гибралтаром, будет полезно еще раз осмотреть местность отсюда, прежде чем спуститься, чтобы осмотреть укрепления береговой линии. Далеко под ним, если смотреть в сторону суши, раскинулась плоская песчаная часть перешейка, перерезанная как раз там, где его горловина начинает расширяться британскими линиями. За ними, опять же, простирается зона шириной примерно в полмили нейтральной территории; в то время как еще дальше вглубь страны взгляд натывается на прерывистую и неровную линию земляных укреплений, обозначающую, с политической точки зрения, границу испанской территории. Это самые заметные, возможно, единственные сохранившиеся реликвии великой осады. На третий год существования этой отчаянной лиги — это было в 1781 году — испанцы, тщетно пытавшиеся с июня 1779 года уморить гарнизон голодом, прибегли к идее принудить город к капитуляции

бомбардировками и возвели на нейтральной территории огромные земляные укрепления, от которых остались только эти руины. У них действительно были основания прибегнуть к чрезвычайным усилиям. Дважды за эти двадцать четыре месяца они довели город до ужасного состояния голода, и дважды его освобождали английские флоты. В январе 1780 года, когда Родни появился в проливе со своим бесценным грузом продовольствия, жители питались чертополохом и диким луком; задняя часть алжирской овцы продавалась за семь фунтов десять центов, а английская дойная корова - за пятьдесят гиней. Весной 1781 года, когда адмирал Дарби сменил их во второй раз, цена “плохих корабельных галет, полных паразитов”, — говорит капитан 72-го Джон Дринкуотер, актер сцен, которые он записал, - составляла шиллинг за фунт; “старого сушеного гороха - шиллинг и четыре пенса; соли, наполовину грязной, для уборки корабельных днищ и складов - восемь пенсов; и английских свечей по фартингу - шесть пенсов за штуку”. Поскольку эти ужасные лишения не смогли сломить неукротимый дух осажденных, до строительства этих линий прибегали к бомбардировкам. Огромные батареи, насчитывавшие 170 орудий и 80 минометов, были установлены вдоль берега и вели непрерывный огонь по городу в течение шести недель. Дома были разрушены и подожжены, бездомные и полуголодные семьи были согнаны в поисках убежища на южную оконечность мыса, где их снова преследовали испанские корабли, плававшие вокруг мыса Европа и открывавшие беспорядочный огонь по берегу. Войска, изгнанные из своих квартир, жили в палатках на склоне холма, за исключением тех случаев, когда они также были снесены яростными ливнями в этом регионе. И именно для того, чтобы положить, как надеялись, завершающий штрих этому мучительному процессу, на нейтральной территории всю весну и лето 1781 года строились огромные укрепления, о которых говорилось выше. Генерал Эллиот — этот суровый старый спартанский воин, чья пища состояла из овощей и воды и максимум из четырех часов непрерывного сна, и заразительность благородного примера которого, возможно, могла бы сама по себе придать мужества даже этому стойкому гарнизону, — с тревогой наблюдал за ходом работ и решил, что до наступления зимы они должны быть атакованы. Соответственно, в три часа ночи 27 ноября 1781 года он совершил вылазку с отборным отрядом в две тысячи человек — парой полков, которые сражались бок о бок с ним при Миндене двадцать два года назад, — и, преодолев три четверти мили разделявшей их территории в полном молчании, обрушился на испанские укрепления. Тревога была поднята, но только незадолго до того, как нападавшие достигли объекта своей атаки, и произошедшее стало практически неожиданностью. Артиллеристы, деморализованные и охваченные паникой, были заколоты штыками на своих постах, орудия утыканы шипами, а сами батареи подожжены приготовленными для этой цели горящими поленьями хвороста. Через час пламя набрало такую силу, что стало неугасимым, и генерал Эллиот отвел свои войска и отступил к городу, последним звуком, достигшим их ушей, когда они возвращались в ворота, был грохот взрыва вражеских складов. В течение четырех дней лагерь продолжал гореть, и когда огонь иссяк из-за нехватки материалов, многомесячная кропотливая работа лежала в руинах, а результаты огромных военных затрат были развеяны по ветру. Это была последняя серьезная попытка, предпринятая испанцами против гарнизона со стороны суши. Самая ожесточенная борьба за всю долгую осаду должна была развернуться на берегу и в водах к западу.

И, в конце концов, именно к “линейной стене” — к этому грозному бастиону из каменной кладки и оружейного металла, который окаймляет город Гибралтар от Старого Мола до залива Росия, — возвращаешься как к главной достопримечательности с исторической точки зрения, к могучей крепости. На протяжении полных двух миль она тянется зигзагообразно вдоль изрезанного

побережья, кое-где прерываемая водяными воротами или бастионами, известными в военной истории. Здесь, по мере продвижения на юг от Старого Мола, находится Королевский бастион, самый известный из всех. Далее идет Потрепанная Лестница для персонала, названная так из-за геральдических знаков отличия Карла V. А еще дальше находится батарея Прыгуна, расположенная в том, что считается самой слабой частью Скалы, и которая, несомненно, доказала это в одном незабываемом случае. Ибо именно в том месте, где сейчас стоит батарея Прыгуна, первый английский десант ступил на берег; можно сказать, что именно в этом месте был взят Гибралтар. Судьба номенклатуры очень капризна, и имя Джампера — если, конечно, оно не было специально выбрано из—за его уместности - вряд ли имеет больше прав на увековечение подобным образом, чем имя Хикса. Ибо это были имена двух доблестных офицеров, которые были первыми на своих лодках в гонке за Южный Мол, который в то время занимал место, где была произведена высадка; и мы не знаем, зафиксировано ли в истории, кто был действительным победителем. Как известно всему миру, именно 23 июля 1704 года эти два доблестных моряка и команды их лодок совершили свой исторический прыжок на берег; и, в конце концов, случайность, сохранившая имя одного из них, является не более чем тем, что принято называть “случайностью”, чем сам план захвата и удержание великой крепости после захвата. Почти комично думать, что, когда сэр Джордж Рук отплывал из Англии, в путешествие, из которого он вернулся, образно говоря, с ключом от Средиземного моря в кармане, у него было не больше намерений атаковать Гибралтар, чем открыть Северо-Западный проход. Он просто отправился высадить кандидата Англии на испанский престол, “короля Карла III”, в Лиссабоне; оказав эту услугу, он получил приказ от английского правительства отплыть на помощь Ницце и Вилья-Франке, которые, как предполагалось, находились в опасности со стороны французов, и в то же время Карл настаивал на том, чтобы он “огляделся” на Барселону, где народ, по мнению их претендента-суверена, был готов восстать в его пользу. Рук выполнил оба поручения. Иными словами, он убедился, что ему нечего делать ни в том, ни в другом месте — что Барселона не восстанет, и что Ницце не грозит падение; и адмирал, соответственно, спустился по Средиземному морю к проливам, где к нему присоединился сэр Клаудсли Шовел с другой эскадрой, с целью перехватить Брестский флот Франции, который, как он слышал, собирался попытаться соединиться с флотом Тулона. Однако он обнаружил, что Брестский флот уже ускользнул от него, и таким образом получилось, что 17 июля эти два энергичных морских офицера оказались примерно в семи лигах к востоку от Тетуана от нечего делать. Вряд ли будет преувеличением сказать, что нападение на Гибралтар было задумано как развлечение от невыносимой скуки. Было известно, что в крепости был слабо укомплектованный гарнизон, хотя для того времени она была хорошо вооружена; впоследствии выяснилось, что в ней было всего сто с половиной тысяч артиллеристов против ста орудий, и считалось возможным захватить это место с помощью *государственного переворота*. 21-го весь флот бросил якорь в Гибралтарской бухте. Две тысячи человек под командованием принца Гессенского были высажены на то, что сейчас является нейтральной территорией, и отрезали все коммуникации с материковой Испанией. 23-го контр-адмиралы Вандердуссен и Бинг (отец менее удачливого моряка) открыли огонь по батареям и после пяти или шести часов бомбардировки заставили их замолчать, после чего капитану Уиттекеру было приказано захватить все шлюпки, заполненные моряками и морской пехотой, и овладеть Южным мысом Мол-Хед. Капитаны Джампер и Хикс, как уже было сказано, находились на передних катерах и первыми совершили посадку. Мина взорвалась у них под ногами, убив двух офицеров и сотню солдат, но Джампер и Хикс продолжали наступление со своими отважными сторонниками, атаковали и захватили редут, который находился между Молом и городом. После чего испанский губернатор капитулировал,

ворота со стороны перешейки были распахнуты перед принцем Гессенским и его войсками, и Гибралтар перешел к ним. Или, скорее, он не принадлежал им, за исключением титула “человека, находящегося во владении”. Это была собственность его Высочества эрцгерцога Карла, именуемого его Величеством королем Карлом III. Испании, и если бы ему удалось оправдать этот титул в военном деле, Англии, конечно, пришлось бы уступить ему в конце войны самое сильное место в своих владениях. Но она извлекла выгоду из неудачи своего протеже. Война за испанское наследство закончилась признанием Филиппа V. и почти вопреки воле нации — поскольку Георг I был достаточно готов отказаться от нее, а популярный английский взгляд на этот вопрос заключался в том, что это была “бесплодная скала, незначительный форт и бесполезная атака” — Гибралтар остался в ее руках.

Несомненно, Королевский бастион является центром исторического военного интереса Гибралтара, но следует проследить линию стены вдоль его неприступного фронта, чтобы составить полное представление о морской обороне великой крепости. Чуть дальше находится Дом правительства, старинный женский монастырь, который сейчас является официальной резиденцией губернатора; а еще дальше - площадка, известная как Потрепанная Лестница для персонала. Затем Бастион Прыгуна, уже упомянутый; и затем линия укреплений, идущая вдоль береговой линии к Новому молу и месту высадки, возвращается к себе и, огибая бухту Росия, снова направляется на юг к мысу Буэна-Виста. Поистине стальное кольцо — кольчуга на теле гиганта, непроницаемая для снарядов самого ужасного из современных Титанов морей. Казематы для артиллерии абсолютно взрывобезопасны, стены такой толщины, что выдерживают попадание снарядов весом в сотни фунтов, в то время как мощные арки над головой сконструированы так, чтобы противостоять взрыву самых тяжелых снарядов. Что касается его наступательного вооружения, линейная стена оцетинилась орудиями самого крупного калибра, некоторые из которых были установлены на парапете выше, другие - в казематах ближе к уровню моря, откуда их выстрел мог быть произведен с наибольшим смертоносным эффектом по атакующему кораблю.

Тот, кто посетит Гибралтар, почти уверен, что, по крайней мере, если позволит время, посетит Альхесирас и Сан-Роке, в то время как издалека его соблазнит Эстепона. Первое из этих мест он действительно посетит в спешке, если пропустит; не то чтобы само место было очень примечательным, просто оно так бросается в глаза на другой стороне залива, что почти бросается в глаза при посещении. Добавьте к этому естественное любопытство посетителя перейти испанскую территорию и осмотреть Гибралтар со стороны суши, и не будет ничего удивительного в том, что четырехмильное путешествие через залив совершается довольно часто. В целом это оправдывает себя; ибо, хотя Альхесирас достаточно современен и неинтересен, его окрестности живописны, и художник сможет зарисовать великую скальную крепость с совершенно новой точки и в не менее поразительном из ее аспектов.

А теперь, прежде чем раз и навсегда пройти через легендарный портал Средиземноморья, остается бросить хотя бы мимолетный взгляд на другую колонну, охраняющую вход. Напротив нас, когда мы стоим на мысе Европа и смотрим в сторону моря, примерно в десяти или дюжине миль вырисовывается Пунта-де-Африка, Африканский Геркулесов Столп, мыс, за которым находится Сеута, главная испанская крепость на мавританском побережье. По правде говоря, первая мысль человека заключается в том, что великий дверной проем внутреннего моря имеет чудовищно неравные косяки. Если бы не тот факт, что Пунта-де-Африка находится как раз напротив Гибралтарской скалы и что это последнее возвышение на южной стороне пролива -

точка, в которой африканское побережье внезапно поворачивает прямо на юг и все остается в открытом море, — вряд ли оно привлекло бы внимание исследователя или привлекло бы внимание географа. Однако в таком виде он должен обозначать африканский Геркулесов Столп, если только этот полубог не собирается довольствоваться только одним. Приблизиться к нему несложно, поскольку мы направляемся прямо через Гибралтарский пролив или вниз и вдоль него от Альхесираса к нему: гладкий, округлый холм, увенчанный фортом с развевающимся над ним испанским флагом, и обнесенный стеной со стороны моря, так что его защитники вряд ли могут рассчитывать на очень незначительные естественные трудности, возникающие даже при самом трудном приближении. Такова Сеута на расстоянии, и при ближайшем рассмотрении она мало впечатляет, если вообще впечатляет. Говорят, что его название происходит от Себты, искаженного Септема, и было дано ему из-за семи холмов, на которых он построен. Вероятно, семь холмов было бы трудно найти и сосчитать, или, при более свободном толковании этого слова, с такой же легкостью можно было бы найти четырнадцать.

Сеута, как почти любой другой город или цитадель на этом поле битвы Европы и Африки, сыграла свою роль в светской борьбе между христианством и исламом. Прошло более четырех с половиной столетий с тех пор, как он был впервые отвоеван у мавров королем Португалии Иоанном, и в руках этого государства он оставался еще двести лет, когда в 1640 году был присоединен к короне Кастилии. Однако приобретение королем Джоном этого места оказалось неудачным для его семьи. Он вернулся домой, оставив португальских принцев командовать своим новым владением; которое после отражения попытки мавров отвоевать его, он продолжил укреплять новыми укреплениями и увеличенным гарнизоном. Умерев в 1428 году, ему наследовал его старший сын Эдуард, который предпринял экспедицию против Танжера, которая оказалась настолько неудачной, что португальцам пришлось выкупить свое отступление из Африки обещанием вернуть Сеуту, сын короля Дон Фердинанд остался в руках мавров в качестве заложника для ее сдачи. Однако, несмотря на это, король и Совет по возвращении домой отказались выполнять свое обязательство; и хотя были предприняты приготовления к возвращению несчастного заложника, смерть Эдуарда помешала осуществлению проекта, и принц Фердинанд оставался пленником в течение нескольких лет. Сеута так и не была сдана, и, перейдя, как уже было сказано, в семнадцатом веке из владения Португалии в владение Испании, в настоящее время она образует один из четырех или пяти наблюдательных пунктов, удерживаемых Испанией на побережье Африки и в ее окрестностях. Если смотреть с соседних высот, цитадель с городом, раскинувшимся вдоль перешейка у ее подножия, выглядит как угодно, только не как мощная крепость, и от любой менее изнеженной и разлагающейся расы, чем окружающие ее мавры, защитить ее может оказаться не очень легко. Его гарнизон, однако, силен, какими бы ни были его форты, и как основа военных операций он доказал определенную ценность для Испании во время ее экспедиции против Марокко тридцать лет назад. В мирное время испанцы используют его как место содержания заключенных.

Внутренние достопримечательности Сеуты для посетителя невелики. По соседству с цитаделью сохранились римские руины, и городские стены с массивными арками ворот заслуживают особого внимания. Однако его главной достопримечательностью является и всегда будет являться эта многоименная скала, которую он выдвигает в пролив, образуя вместе со своей братской колонной над водой ворота между Восточным и Западным миром. Мы уже рассматривали его вдалеке с Эль-Хачо, сигнальной башни на вершине Гибралтарской скалы. Абила, “гора Бога”, так называли ее финикийцы; Гибель Мооса, холм Мусы, было ее названием у

мавров; у испанца это Кабо-де-Буллонес, а у англичанина - Холм обезьян. Его можно хорошо разглядеть, хотя и немного уменьшить из-за близости, из соседних вод; любопытное зрелище, хотя бы из-за его странного контраста с Европейским Столпом, который мы оставили позади. Он имеет форму миниатюрного пика Тенерифе, с заостренной вершиной, уходящей с обеих сторон вниз по высоким гребням к соседним холмам и представляющей собой изрезанный морщинами лик к морю. Именно его положение, как уже было отмечено, а не внешность, дало ему такое древнее название. Но каким бы заслуженным ни было его мифическое название, со всем ореолом поэзии и романтики, который бессмертные мифы Эллады окружают каждое место, которого они достигли, остается за ним навсегда. И здесь мы бросаем прощальный взгляд на Геркулесовы столпы справа и слева и, уносимые стремительным течением Пролива, переходим из современности в древний мир.

II

АЛЖИР

“Жемчужина в изумрудах” — Два разных города, один древний, другой современный—Великая мечеть—Мусульманский религиозный праздник—Восточная жизнь в совершенстве—Дорога к Мустафе Супериору—Описана настоящая мавританская вилла—Женщины молятся священному дереву—Обильные осадки.

“Алжир, - говорит арабский поэт с подлинной восточной любовью к драгоценным камням в литературе, - это жемчужина, оправленная в изумруды”. И даже в эти упадочные дни откровенного господства ислама старый мавританский город все еще сверкает белизной на солнце на фоне густой зелени холмов, настоящая жемчужина среди изумрудов. Ибо было бы большой ошибкой представлять Северную Африку, как полагают неизведанные люди, сухой и пустынной страной с засушливыми скалистыми горами. Напротив, вся полоса побережья Смеха, основой которой является Атлас, может быть отнесена к числу самых влажных, зеленых и пышных регионов средиземноморской системы. Родина берберийских корсаров - страна высоких гор, глубоких долин, огромных ущелий; страна обширных сосновых лесов и густого зеленого подлеска. Тысячи ручейков стремительно стекают по его богатым ущельям; тысячи рек быстро текут по его плодородным долинам. Что касается диких цветов, то Алжиру, вероятно, нет равных во всем мире; его общий вид во многом напоминает, хотя и в меньших масштабах, менее заснеженные районы восточной Швейцарии.

Когда вы приближаетесь к старому пиратскому гнезду с моря, первое, что бросается в глаза при взгляде на африканское побережье, - это длинная зубчатая цепь огромных, залитых солнцем гор, уходящих вглубь страны и на юг. Когда пароход приближается к берегу, через некоторое время вы начинаете различать заснеженный хребет великолепной Джурджуры, Бернской области Алжира, огромную глыбу вздымающихся пиков, вершины которых покрыты густым слоем девственного снега, питающего весной множество бурных потоков. Мало-помалу, по мере приближения, открывается широкая бухта, и небольшая гряда зеленых холмов на переднем плане постепенно отделяется от темной массы Атласа, вырисовывающейся вдали позади. Этот небольшой хребет - Сахель, выступ, отделенный от основной цепи в тылу некогда болотистой равнины Метиджа, ныне превращенной благодаря осушению и научному земледелию в самый плодородный низменный регион всей Северной Африки.

Вскоре на обращенных к морю склонах Сахеля взору предстает белый город, такой ослепительно белый, такой тесный, такой плотный, что с первого взгляда можно подумать, что он целиком, ярус за ярусом, высечен из цельной глыбы мрамора. На небольшом расстоянии не видно ни улицы, ни переулка, ни дома, ни какого-либо общественного здания; просто группа белых ступеней, можно сказать, вырезанных гигантскими руками в твердом склоне холма. Город Дейсов выглядит почти как меловая яма на склоне английского холма; только меловая яма рельефная, застроенная снаружи, а не вырубленная внутри.

По мере того, как вы входите в гавань, странная картина постепенно с очаровательным эффектом распадается на составные элементы. Белые дома поднимаются круто, один над другим, бесконечными ярусами и рядами, на очень крутом склоне. Большинство из них выполнены в мавританском стиле, квадратные коробки с плоской крышей; снаружи все

побелены и улыбаются, как хорошенькие девушки, которые обнажают свои жемчужные зубки в лучах яркого южного солнца. Снаружи они выглядят как цельный каменный блок; можно подумать, что между ними невозможно просунуть булавочную головку. Изнутри тому, кто входит, при ближайшем рассмотрении открываются то тут, то там различные узкие и извилистые переулки; но они слишком запутаны, чтобы произвести такое же впечатление, как улицы или ряды, на общий *переворот* с воды.

Высадитесь на причал, и вы сразу обнаружите, что Алжир состоит из двух разных городов: одного древнего, другого современного; одного Восточного, другого Западного. Время от времени они пересекаются, но по большей части держатся строго порознь.

Нижний город был полностью преобразован за полвека его французскими мастерами. То, что он приобрел в цивилизации, он потерял в живописности. Был построен просторный порт с массивным молом и огромным аркадным волнорезом. Внутри обширные арки поддерживают великолепную линию очень современных набережных, окаймленных складами такого масштаба, которые сделали бы честь Марселю или Ливерпулю. Широкие улицы пронизывают вдоль и поперек этот преобразившийся Алжир, улицы величественных магазинов, где дамы могут приобрести все безделушки и наряды парижских портних. Однако даже здесь путешественник во многих отношениях уже обнаруживает себя *на plein Orient*. Общий вид самого нового города гораздо более восточный, чем у модернизированной Александрии времен бомбардировок. Арабы, мавры и кабилы заполняют улицы и рыночные площади; закутанные женщины в свободные белые одежды, закутанные по самые глаза, бесшумно ступают в тапочках по недавно вымощенным тротуарам; евреи в тюрбанах, которые, казалось, сошли прямо из “Тысячи и одной ночи”, торгуются за сантимов у дверей лавок с горными берберами в капюшонах. Все странно и неуместно; Париж и Багдад пожимают друг другу руки, словно на склонах девонширских холмов.

И даже восточные здания с большими архитектурными претензиями не чужды этому новому французскому городу. Завоеватели, реконструируя Алжир по парижскому образцу, по крайней мере, отказались от османизации во всех случаях старых мечетей и дворцов. Главная площадь, широкая площадь, обсаженная пальмами, оживляется и становится живописной благодаря белому круглому куполу и поразительным минаретам мечети Печери. Совсем рядом стоит кафедральный собор, религиозное сооружение мусульманского происхождения, внешне наполовину христианизированное благодаря башням на каждом конце, но внутри дверей сохранился старый мусульманский *мимбар* и множество любопытных остатков причудливого мавританского убранства. Архиепископство рядом с ним представляет собой мавританский дворец суровой красоты и величия; музей греко-римского антиквариата странным образом расположен в изысканном доме, построенном для себя Мустафой-пашой. Великая мечеть на улице Баб-эль-Уэд остается для нас нетронутой как прекраснейший архитектурный памятник раннего мусульманского мира. Это великолепное сооружение было построено самыми первыми арабскими завоевателями Северной Африки, сподвижниками Пророка, и его изысканные арки для подков из чистого белого мрамора не имеют себе равных в мусульманском мире по своей причудливости, необычности и оригинальности.

Интерьер этой мечети, на мой взгляд, гораздо более впечатляющ, чем что-либо, что можно увидеть даже в самом Каире, настолько он огромен, внушителен, величествен и мрачен. Все здание занято чередующимися аркадами, которые длинными рядами поддерживаются

простыми квадратными колоннами. Декоративного оформления здесь нет; эффект мечети полностью зависит от ее архитектурных особенностей и благородных пропорций. Но длинная перспектива этих бесконечных проходов, постоянно открывающихся направо и налево по мере продвижения, поражает воображение зрителя торжественным ощущением необъятности и таинственности. Когда вы пробираетесь босиком по расстеленным на полу циновкам, по этим пустым длинным коридорам, между этими колоннами, похожими на контрфорсы, душа сжимается внутри вас, охваченная благоговейным страхом. Само отсутствие изображений или святынь, простота и суровость придают человеку истинно семитский религиозный трепет. Здесь нет никаких украшений или безделушек. Вы сразу же чувствуете, что находитесь в невидимом присутствии Бесконечного и Непостижимого.

Самый первый раз, когда я зашел в Большую мечеть, по счастливой случайности, пришлось на мусульманский религиозный праздник. Ряды арабов в белых одеждах заполняли промежутки между колоннами и в определенные моменты службы поднимались и опускались в едином порыве. Из темных глубин ниши, обращенной в сторону Мекки, доносился голос какого-то невидимого служителя, медленно бубнящего громкие арабские молитвы или длинные стихи из Корана. По какому-то невидимому сигналу время от времени огромная толпа верующих, выстроившихся в прямые ряды на равном расстоянии между бесконечными колоннами, автоматически падала ниц перед Аллахом и громко причитала, словно сознательно признавая свое полное ничтожество. Эффект был экстраординарным, электрическим, заразительным. Ни одно религиозное служение, которое я когда-либо видел в другом месте, не казалось мне таким глубоким искренним унижением, как человеческое перед действительным присутствием своего Создателя. Кому-то это казалось похожим на главу из книги Неемии, которая снова сбылась в нашу эпоху. Мы, немногие назойливые вестернисты, стоявшие в благоговейном страхе у двери, в смущении ускользнули от этой сцены глубокого унижения. Мы не имели права вмешиваться в религиозные обряды этих пылких выходцев с Востока. Мы чувствовали себя не в своей тарелке. Мы сняли обувь, потому что место, на котором мы стояли, было святой землей. Но мы прокрались обратно на крыльцо и снова надели их в тишине. Выйдя на улицу, мы оказались в девятнадцатом веке и окружающем мире. И все же, несмотря на это, мы прошли еще некоторое время по площади Режанс, среди болтающих негров-разносчиков, прежде чем один из нас осмелился перекинуться с другим хоть одним словом.

Однако, если новый город Алжир интересен, то старый город уникален, неопишуем, непостижим. Ни одна карта не могла воспроизвести это, ни одна зацепка не могла разгадать это. Он взбирается и карабкается по извилистым переулкам и крутым лестницам вверх по отвесному склону высокого холма к старой крепости Дейсов, венчающей вершину. Ни один луч солнца никогда не проникает в эти узкие щели между домами, где два человека могут просто пройти рядом, задевая локтями стены и ступая ногами по разваренной грязи канавы. Грязь, которая забивает борта, относится к грязи Италии так же, как грязь Италии относится к грязи Уайтчепела. И все же все это так причудливо, так живописно, так интересно, что даже утонченные леди, перед глазами которых вечно стоит страх перед брюшным тифом, не могут отказать себе в трепетной радости посещать его и исследовать снова и снова; более того, торговаться за старинные изделия из меди или алжирскую вышивку с пронзительными арабскими лавочниками в его лишенных солнца лабиринтах. Действительно, за исключением "Муски" в Каире, я не знаю еще ни одного места, где можно было бы увидеть восточную жизнь в совершенстве, как в старом городе Алжира. Ибо разве в наши дни нет трамваев даже на улицах Дамаска? Разве железнодорожная станция не проникла в очарованное сердце Стамбула?

Фрэнк сделал все возможное для нижнего города в своем собственном здании, но верхний город по-прежнему остается таким же живописным, таинственным и антисанитарным, как всегда. Никакой Пастер не смог бы вычистить эти авгиевы конюшни.

По этим зловонным маленьким переулкам, где радует любая перспектива и отвратителен любой запах, на самом деле никто не ходит; фигуры в вуалях скользят мягко, словно под неслышимую музыку; дамы, закутанные до самых глаз, своим уединенным видом производят большое впечатление на случайного прохожего; старые мавры в величественных одеждах крадучись выходят из полузакрытых дверных проемов; мальчики в одних рубашках сидят и играют в бейсбол на пенс на темных ступеньках. От всего беспристрастно разит грязью и тайной. Все погружено во мрак и тень. В этом мрачном старом городе можно поверить во что угодно. Там все восточные фантазии могли бы легко сбыться, все басни могли бы возродиться, вся мертвая история могла бы повториться.

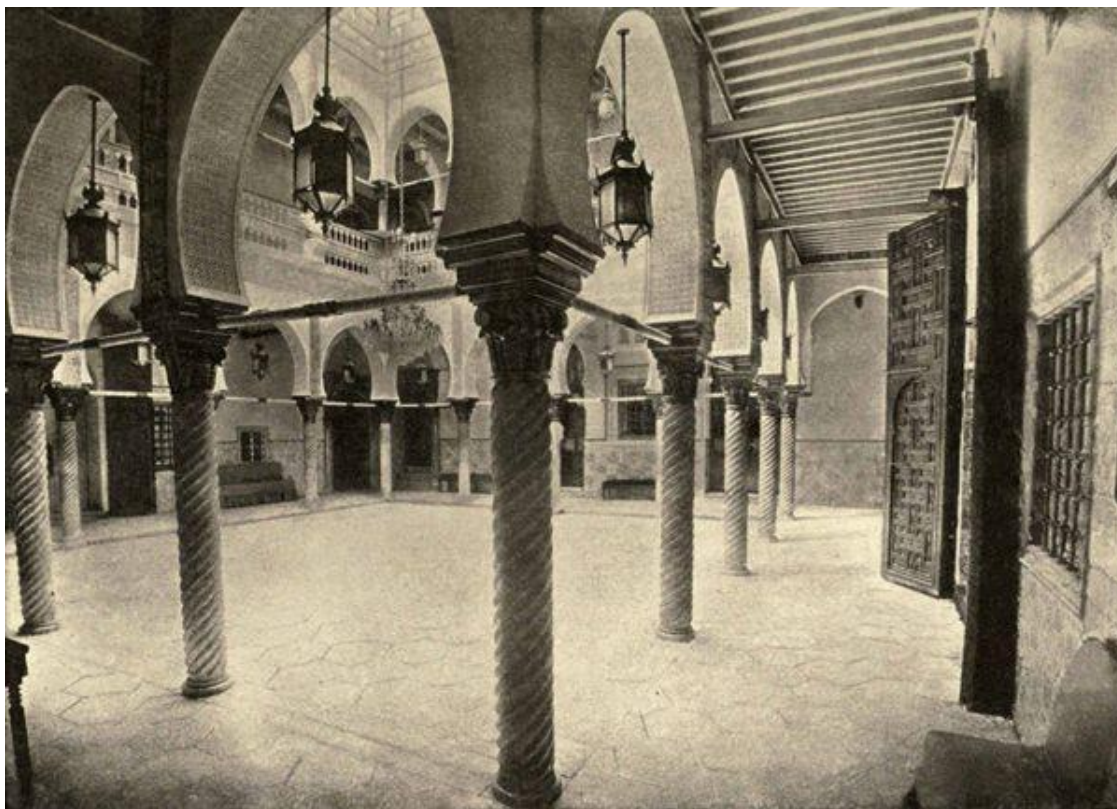
Эти два несовместимых мира, древний и современный город, образуют два больших подразделения Алжира, как это известно новоявленному туристу с нашего холодного Севера. Один - античный, ленивый, сонный, непрогрессивный; другой - суетный, новомодный, занятой, шумный, коммерческий. Но есть еще третий Алжир, который прекрасно лежит без стены, Алжир чужака и зимнего жителя. Сюда мистер Кук ведет своих нетерпеливых неофитов; сюда швейцарский трактирщик созывает своих гостей-космополитов. Он достигает своей кульминации примерно в трех милях от города, на высотах Мустафа-Супериор, где очаровательные виллы густо раскинулись по залитым солнцем холмам и где западный посетитель может насладиться воздухом Северной Африки без какого-либо неприятного привкуса изысканных мавританских духов со старой корочкой.

Дорога к Мустафе Супериору лежит через ворота Баб-Аззун и проходит сначала по широкой улице, заполненной арабами и кабилами из сельской местности и с гор. Это большая рыночная дорога Алжира, главная артерия снабжения, широкая магистраль, вдоль которой выстроились ~~фондю~~ или караван-сарай, где усталый верблюд из пустыни складывает свои тюки фиников и где черные лица сахарских негров улыбаются любопытному незнакомцу из плотных складок какого-нибудь грязного бурнуса. Кафе заполнены всевозможными мусульманами, евреями, турками и неверными. Нигде больше вы не увидите так ярко замечательное разнообразие рас и костюмов, которое отличает Алжир от большинства других космополитичных средиземноморских городов. Смуглый М'забит из оазисов, одетый, как Иосиф, в разноцветный плащ, стоит у своей двери и болтает с бледнолицым меланхоличным бербером с гор Орес. Толстый и смуглый мавр, объевшийся кус-куса, толкается щекой к щеке с белокурой еврейкой в ее пестрой шали и причудливом туземном головном уборе. Испанцы-махонне с Балеарских островов, подпоясанные вокруг талии красными шарфами, весело беседуют с французскими священниками-миссионерами в фиолетовых повязках и черных сутанах. Пожилые арабы на белых ослах с серьезным достоинством прогуливаются по центру широкой улицы, где компанию им составляют егеря в форме и спахи в малиновых плащах на огненных скакунах с правительственного конезавода в Блиде. Кругом шум и суета, спешка, снование, и беспокойство, жизнь муравейника английского базара, гротескно наложенная на движение и суету большого европейского города.

Вы проходите через ворота старого мавританского города и сразу оказываетесь в современном, но все еще оживленном пригороде. Затем внезапно дорога начинает подниматься по крутому

склону Мустафа резкими зигзагами и смелыми уклонами. Во времена коренных алжирцев, до того, как Аллах в своей мудрости таинственным образом позволил ненавистному неверному властвовать в Изумрудном городе над верующими ислама, единственная узкая тропа для мулов поднималась от городской стены к продуваемым ветром высотам Мустафы. Она все еще существует, хотя и заброшенная, эта старая извилистая мусульманская дорога, глубоко врезающаяся в мягкий камень, мало чем отличающаяся от девонширского переулка, сплошь заросшего мхом и листвой, любимое место натуралистов и пауков-ловушек. Но французские инженеры, самые известные дорожники, знали более превосходный способ. Вскоре после завоевания они проложили великолепных размеров зигзагообразную дорожку для карет вверх по этому крутому склону холма и хорошо вымостили ее щебнем самой ортодоксальной прочности. На вершине, в доказательство своего триумфа над природой и мусульманством, они воздвигли крошечный памятный памятник - Колонну Вуароль, названную в честь их командира, которая сейчас является перекрестком всех коротких экскурсий в Клэпхеме среди зеленых долин Сахеля.

Дорога Мустафы, поднимаясь в гору, проходит мимо множества изысканных вилл старых мавританских корсаров. Наиболее заметным является то, что сейчас образует Летний дворец генерал-губернатора, сверкающее беломраморное сооружение с довольно вычурным внешним видом, но великолепное внутри, для тех, кто знает секрет декоративного искусства, с его великолепной семейной реликвией - старинными изразцовыми папье-маше. Однако многие другие старинные виллы, и особенно та, которую занимала леди Мэри Смит-Барри, на самом деле гораздо красивее, хотя и менее претенциозны внешне, чем Летний дворец. Один, в частности, возле последнего большого поворота дороги, задрапированный от земли до плоской крыши совершенным водопадом алых бугенвиллий, может считаться одним из самых живописных и очаровательных домов во французских владениях.

Именно в Мустафе, или вдоль дороги Эль-Биар, почти полностью собирается английская колония местных жителей или приезжих на зиму. Ничто не может быть очаровательнее этого восхитительного квартала, застроенного вилами, с его сверкающими белыми мавританскими домами, наполовину затерянными в богатых апельсиновых садах, пальмах и кипарисах. Насколько бесконечно красивее эти восточные дома, чем фантастическая экстравагантность калифорнийского ресторана в Каннах или фальшивый антиквариат на Мон Борон! Исконно североафриканский архитектурный стиль в точности соответствует стране, в центре которой он был разработан. В нашем холодном северном климате эти открытые воздушные галереи выглядели бы зябко и неуместно, точно так же, как наши замки и коттеджи выглядели бы тусклыми и неуместными среди солнечных уголков Атласа. Но здесь, на нежащейся красной африканской земле, молочно-белый мавританский дворец с его широкими сарацинскими арками, крошечными круглыми куполами, плоскими террасными крышами и глубокими перспективными затемненными окнами, кажется, вписывается в местность и климат, как будто они созданы друг для друга. В этих очаровательных старинных домах жизнь становится совершенно сказочной. Каждый из них на мгновение кажется вам просто мечтой из чистого мрамора.

Я понимаю, что описывать настоящую мавританскую виллу - все равно что описывать вкус клубники; одно нужно попробовать, другое увидеть. Но все же, поскольку сложность задачи придает пикантности попытке ее решения, я попробую свои силы в опасной словесной картинке. Большинство домов Мустафы имеют внешний входной дворик, в который можно попасть с дороги через простую и часто довольно тяжелую арку. Но как только вы доберетесь до первого атриума или открытого центрального двора, у вас не будет причин жаловаться на

тяжесть или недостаток декора. Внутренний двор, как правило, вымощен разноцветным мрамором, а в его центре находится фонтан в помпейском стиле, прохладная вода которого переливается в неглубокий резервуар под ним. Здесь тростник и высокие сливы поднимают свою величественную зеленую листву, а яркие прудовые цветы высоко поднимают свои малиновые головки. По периметру четырехугольника проходит крытая аркада (можно даже сказать, монастырь) с арками в виде подков, поддерживаемая мраморными колоннами, иногда греко-римским антиквариатом, иногда чуть более поздними по времени, но превосходно имитирующими оригиналы. Этот внешний дворик часто является самой очаровательной деталью всего дома. Здесь в знойные дни дамы семьи сидят со своими книгами или поделками; здесь владелец поместья курит свою послеобеденную сигару; здесь дети играют в тени в самый жаркий африканский полдень. Это место для сиесты, для послеобеденного чаепития, для отдыха в вечерней прохладе, для радостного ощущения восторга от простой жизни.

Со двора второй коридор ведет в сам дом, центр которого всегда занят большим квадратным двором, похожим на первый в плане, но двухэтажным и застекленным. Это холл, или первая приемная, часто главная квартира всего дома, из которой во все стороны открываются другие комнаты. Обычно на первом этаже зала есть открытая аркада, поддерживающая над ним что-то вроде балкона или галереи, которая проходит прямо вокруг первого этажа. Этот балкон сам по себе имеет аркаду; но вместо того, чтобы оставлять арки открытыми на всем протяжении, они заполнены на первые несколько футов от пола очаровательной балюстрадой из резного каирского дерева. Представьте себе такой двор, окруженный рядами старинных восточных изразцов и украшенный в изобилии тонкой керамикой и местной медью, и вы, возможно, составите себе некую смутную мысленную картину обычной перестроенной алжирской виллы. И снова возникает зависть, когда вспоминаешь, сколько счастливых дней ты провел в таких очаровательных уединенных местах, домах, где вся культура и художественный вкус Запада сочетались с изысканным декоративным чутьем и проницательностью восточного архитектора.

Нет недостатка и в прекрасных перспективах. Со многих точек зрения с холма Мустафа открывается одна из самых очаровательных в западном Средиземноморье. Сэр Ламберт Плейфейр, действительно, ученый и добродушный генеральный консул Великобритании, чьи замечательные работы об Алжире вызывают восторг у каждого туриста, посещающего эту прекрасную страну, любит повторять, что два лучших вида на Внутреннее море - это, во-первых, вид из греческого театра в Таормине и, во-вторых, вид из окон его собственной столовой на вершине холма в Эль-Биаре. Это очень сильная похвала, и она исходит от автора "Справочника по Средиземноморью", который видел это море во всех аспектах, от Гибралтара до Сирии; и все же мне кажется, что она слишком высока, особенно если учесть, что среди исключенных сцен следует отнести Неаполь, Сорренто, Амальфи, Палермо и длинный участок Венеции, видимый с Лидо. Лично я бы даже поставил вид на Монако со склонов Кап-Мартен и великолепную панораму Ниццы и Приморских Альп с холма-маяка в Антибе выше любой картины, которую можно увидеть с северных отрогов Сахеля. Давайте будем справедливы к Пиреусу, прежде чем проявим щедрость к Эль-Биару. Но все это, в конце концов, всего лишь дело вкуса, и ни один любитель живописного во всяком случае не станет отрицать, что Алжирский залив, если смотреть с холма Мустафа, заслуженно занимает одно из самых красивых мест Средиземноморья. А когда закат окрашивает в розовые тона белую моль и мраморный город, в результате получается картина почти сказочного великолепия.

Действительно, местность вокруг Мустафы - это район особого очарования и многообразной красоты. Прогулки и поездки восхитительны. Огромные массы бледно-белых клематисов простынями свисают с деревьев, кактусы и алоэ буйно разрастаются в долинах, сладкие ароматы олеандра витают над глубокими ущельями, восхитительный аромат фиалок доносится при каждом дуновении ветерка из невидимых садов, о существовании которых никто и не подозревал. Нигде я не знаю ландшафта, столь усеянного домами, и нигде сами дома не представляют такого индивидуального интереса. Вид на залив, зеленые долины на переднем плане, город на крутом склоне, мысы и, прежде всего, в противоположном направлении, покрытые снегом вершины Джурджуры, составляют картину, которой, в конце концов, мало равных или превосходящих на нашей современной планете.

Одной из достопримечательностей Мустафы является арабское кладбище, куда раз в неделю женщины ходят молиться и причитать, с истинно восточной гиперболой, над могилами своих умерших родственников. По обычаям ислама они исключены из мечетей и из любого открытого участия в общественных религиозных обрядах; но эти храмы под открытым небом, построенные не своими руками, даже сам Пророк никогда не осмеливался закрывать рядом с ними. Культ предков и почитание умерших сородичей всегда занимали значительную роль в домашней вере менее цивилизованных семитов, и, подобно многим другим следам язычества, этот древний культ все еще прочно проглядывает сквозь тонкую завесу мусульманского монотеизма. Каждый холмик в окрестностях Атласа увенчан крошечной куполообразной гробницей, или *куббой*, какого-нибудь местного святого; каждая священная роща осеняет мощи какого-нибудь преподобного Марабу. Более того, самые древние формы семитского идолопоклонства, культ стоячих камней, священных деревьев и особых возвышенностей на вершинах гор, сохранились до наших дней даже в разгар ислама. Именно женщины, в частности, сохраняют живыми эти последние реликвии домусульманской веры; именно женщин можно увидеть плачущими над узкими могилами своих близких, молящимися о великом желании семитского сердца - ребенке мужского пола от Аллаха - перед священным деревом своих языческих предков или развешивающими тряпки и кукол в качестве подношений в священной роще, которая окружает божественный источник с чистой и освященной водой.

Таким образом, Алжир во многих отношениях является самым живописным зимним курортом. Но у него есть один большой недостаток: климат влажный, а осадков выпадает слишком много. Те, кто едет туда, не должны ожидать сухого пустынного бриза, который делает Луксор и Ассиут такими полезными и такими неприятными. Красивая растительность означает дождь и жару. Вы побываете и в Алжире, и в прекрасном средиземноморском путешествии, которое запечатлется в вашей памяти.

Почти идеальный климат—Непрерывное существование на протяжении тридцати веков—Гранада и всемирно известная Альгамбра-Системы орошения—Виноградники, главный источник богатства—Трава Эспарто—Знаменитый мыс де Гатт—Высочайшая вершина Сьерра—Невады—Последний вид на Гранаду.

Малагу описывали и ценили совсем по-другому. Арабские хронисты, знавшие его в лучшие дни мавританского владычества, считали его “самым красивым городом, густонаселенным, большим и превосходнейшим”. Некоторые превозносили его до поэтической рапсодии; они восхваляли его как “центральную жемчужину ожерелья, райскую страну, полярную звезду, диадему луны, непокрытое чело чарующей красоты”. Испанский поэт был не менее красноречив и воспел Малагу как “волшебницу, родину вечной весны, омываемую ласковым морем, уютно устроившуюся среди цветов”. Форд, с другой стороны, этот принц среди составителей путеводителей, близко знавший Испанию своего времени от края до края, скорее презирал Малагу. Он считал это прекрасным, но чисто коммерческим городом, в котором “мало что привлекательного, кроме климата, миндаля, изюма и сладкого вина”. Тем не менее, Малага добилась больших успехов за пятьдесят с лишним лет, прошедших с тех пор, как Форд так написал о ней. Сохранив многие очаровательные характеристики, которые вызывали такие громкие похвалы в прошлом, он значительно развился в плане торговли, численности населения и значимости. Он растет с каждым днем; постоянно ведется строительство, год за годом в городе появляются новые улицы. Его торговля процветает; его порт заполнен судами, которые увозят множество продуктов его производства: шоколад, лакрицу, пористые банки и глиняные фигурки, железную руду, которую выплавляют на месте; разнообразные продукты его плодородной почвы, на которой в изобилии произрастают отборные фрукты земли: виноград, дыни, бананы, гуаву, айву, японскую мушмулу, апельсины, лимоны и опунции. В Малаге можно найти все приспособления и роскошные приспособления для комфорта, известные нашей современной цивилизации: несколько театров, один из них оперный, клубы, гранд-отели, банкиров, английских врачей, такси. Он также радуется неоценимому дару - почти идеальному климату, самому сухому и мягкому в Южной Европе. Дождь в Малаге выпадает всего полдюжины дней в году, а ее зимнее солнце посрамило бы английское лето. Он имеет южную сторону и защищен с севера внушительной горной грядой; его единственной проблемой является *terral* или северо-западный ветер, такой же неприятный гость, как тот, что известен на итальянской Ривьере как Трамонтана, а на юге Франции как Мистраль. Эти климатические преимущества уже давно рекомендуют Малагу в качестве зимнего оздоровительного курорта для слабонервных и больных чахоткой инвалидов и все более успешного конкурента Мадейре, Мальте и Алжиру. Общий вид этого солнечного города, обращенный на запад, с которого он открывается, приятен и разнообразен; пышная южная растительность, алоэ, пальметто и пальмы заполняют передний план; на среднем расстоянии видны ослепительно белые фасады и башни города, огромный амфитеатр арены для боя быков, высокий шпиль собора - очень заметный объект, все это оттеняется темно-синим Средиземным морем и красновато-фиолетовым фоном Сьерра-Бермехи, или Алых холмов.

В Малаге и ее окрестностях можно получить как активное удовольствие, так и просто отрицательное удовольствие от спокойной, ленивой жизни среди красивых пейзажей. Это отличная отправная точка для интересных экскурсий. Малага находится на окраине страны, полной прекрасных воспоминаний и сохранившей множество любопытных антикварных

реликвий. Отсюда легко добраться по железной дороге из Гранады и всемирно известной Альгамбры, откуда восхождение на великий южный снежный хребет Сьерра-Невада может быть совершено с приятным волнением и минимальным дискомфортом. Можно посетить и другие города, тесно связанные с великими событиями: Альхаму, горный ключ к Гранаде, взятие которого предшествовало взятию мавританской столицы и прославлено в прекрасных стихах Байрона; Ронду, необычайно живописный городок, раскинувшийся в самом сердце своих диких холмов; Альмерию, Антекеру, Арчидону - все это старинные мавританские города. По прибрежной дороге на запад, в двух днях езды, через Эстепону и Марбелью, маленькие приморские городки, омываемые тихим Средиземным морем, можно добраться до Гибралтара. В глубине страны, на расстоянии дня пути, находятся термы Каратрака, восхитительно расположенные в узкой горной долине, расщелине скалистого холма, и известные на всю Испанию. Воды здесь сродни водам Харрогита, и им в основном покровительствуют толпы идалго с самой голубой кровью, самые модные люди, испанцы из Ла-Корте (Мадрид) и со всех уголков полуострова. Можно совершить еще одну серию конных экскурсий в дикий Альпухаррас, пустынный и неосвоенный район, украшенный яркими зелеными оазисами, до которых лучше всего добраться по прибрежной дороге, ведущей из Малаги через Велес Малага, Мотриль в Адру, и которая, возможно, является самым приятным маршрутом в саму Гранаду. С одной стороны - темно-синее море; с другой - поросшие виноградом холмы: это земля, выражаясь словами Форда, "изобилующая маслом и вином; здесь пальмы без пустыни, сахарный тростник без рабов"; старые мавританские замки, возвышающиеся, как орлиные гнезда, венчают холмы; внизу громоздятся шпили и башни церквей и монастырей, окруженные богатейшей растительностью. Вся эта длинная полоса побережья богата аллювиальными отложениями, принесенными горными потоками со снежных Сьерр; весной, пока летняя жара не иссушила землю, здесь цветет все: сладкий картофель, индиго, сахарный тростник и виноградная лоза; массы диких цветов бесчисленных ярких расцветок, голубой ирис, малиновый олеандр, герань и пышные гирлянды девичьих папоротников украшают окружающий пейзаж. Невозможно преувеличить прелести этих верховых прогулок; путешественник, полагающийся на свою лошадь, которая везет скромный багаж, наслаждается странным чувством независимости: он может продолжать или остановиться, как ему заблагорассудится, продлить или сократить свой дневной путь, который длится постоянно и в неторопливом темпе, позволяющем вдоволь полюбоваться разнообразными видами. Сцена постоянно меняется: теперь он плывет по наполовину пересохшему руслу, густо заросшему пальметтой и кистевидной камедью; теперь он медленно огибает ряд маленьких скалистых бухт, омываемых безмятежным синим морем; теперь он взбирается по крутому склону, кажущемуся опасным восхождению на отвесные скалы, вдоль которых вьется тропа, проложенная столетия назад, когда самый прямой путь считался кратчайшим куда бы то ни было, несмотря на возникшие трудности.

Малага как морской порт и место поселения может претендовать на почти сказочную древность. Впервые он был основан финикийцами три тысячи лет назад, и непрерывное существование в течение тридцати веков полностью доказывает мудрость их выбора. Говорят, что его название финикийское и по-разному происходит от слова, означающего соль, и другого, которое отличает его от "королевского города". С незапамятных времен Малага вела процветающий бизнес по производству соленой рыбы; ее основным продуктом и предметом экспорта были те же самые анчоусы и маленькие *бокероне*, мало чем отличающиеся от английского малька, которые до сих пор являются самыми ценными деликатесами на рыбном

рынке Малаги. Южная Испания была одним из самых богатых и ценимых владений Финикии. Для них это была богатая шахта, Фарсиш из библейской истории, откуда они черпали такие огромные запасы драгоценных металлов, что на их кораблях были серебряные якоря. Хирам, царь Тира, был для Соломона кем-то вроде ювелира, снабдившего дом мудреца такими запасами золотой и серебряной утвари, что серебро там “не считалось ценностью”, как мы читаем в Первой книге Царств. Когда звезда Тира и Сидона угасла, и Карфаген стал великим торговым центром Средиземноморья, он контролировал минеральные богатства Испании и в основном торговал с Малагой. Позже, когда Испания полностью перешла в руки Рима, эта южная провинция Батика становилась все более и более ценной, и богатства страны проходили через ее порты на восток, на крупнейшие рынки мира. Однако Малага никогда не была равна ни по богатству, ни по коммерческому значению своей более восточной и благополучно расположенной соседке Альмерии. Последним был некогда знаменитый “Portus Magnus”, или Великий порт, который монополизировал большую часть морских перевозок с Италией и более отдаленным Востоком. Но Малага процветала по мере того, как римские поселенцы теснились в Батику, а римские останки, раскопанные в городе и его окрестностях, свидетельствуют о размерах и важности этого места при римлянах. Это был муниципий с прекрасным амфитеатром, фундамент которого был заложен много лет спустя при строительстве монастыря, в то время как множество бронзовых изделий, фрагментов скульптур и римских монет, находимых время от времени, доказывают тесные отношения между Малагой и тогдашней Владычицей Мира. Готы, пришедшие следующими, захватили Бетику, и хотя их пребывание было недолгим, они переименовали провинцию, которая до сих пор известна под их именем, в современную Андалусию, или Вандалусию. Малага не имела значения во времена вестготов, и она пришла в упадок только для того, чтобы возродиться с новым великолепием при маврах, когда достигла зенита своего величия и заняла высокое место среди испано-мавританских городов.

Это был тот самый одноглазый берберский генерал Тарик, который взял Гибралтар и был первым мавританским хозяином Малаги. Легендарная история до сих пор связывает ворота в старом мавританском замке Гибралфаро с мавританским вторжением. Говорили, что эта Пуэрта-де-ла-Кава была названа в честь обиженной дочери графа Джулиана, чьи проступки привели к обращению к мавританскому вмешательству. Но исторически неизвестно, что у графа Джулиана была дочь по имени Ла Кава или вообще какая-либо дочь; и маловероятно, что мавры запомнили имя христианской девы в качестве спонсора ворот. После мавританского завоевания Малага перешла к племенам, пришедшим с реки Иордан, скотоводческой расе, распространившей свое владычество на открытые земли вплоть до Арчидоны. Богатство их новых владений привлекло огромные орды арабов из их далеких домов; произошел всеобщий исход, и каждый, прибыв в землю обетованную, поселился там, где они нашли все, что напоминало о их далеких домах. Так племена из пустынь Пальмиры нашли подходящее место для отдыха на засушливом побережье близ Альмерии и более сурового королевства Мурсия; сирийские горцы обосновались среди скалистой твердыни Ронда-Серрания; в то время как жители Дамаска и Багдада наслаждались роскошной красотой плодородных равнин, орошаемых реками Ксениль и Дарро, великой Веги с ее апельсиновыми рощами и драгоценными садами, которые до сих пор превращают Гранаду в улыбающийся рай.

Эти мусульманские завоеватели были замечательны в управлении и освоении захваченной ими земли, быстро распознали ее скрытые ресурсы и максимально использовали их. Сама Малага стала двором и резиденцией правительства могущественной династии, чьи владения

простирались вглубь страны до Кордовы, а регион вокруг превратился под их энергичным и просвещенным управлением в один огромный сад, изобилующий самой разнообразной растительностью. Что больше всего привлекало мавров в Малаге, так это красота ее климата и удивительное плодородие почвы. Первое было посланным Богом даром, второе приносило безграничную отдачу за свободно, но разумно применяемый труд. Вода была и остается большой потребностью этих измученных жаждой и почти без дождей южных земель, и мавританские методы орошения, многочисленные образцы которых сохранились до наших дней, были наиболее сложными и эффективными приспособлениями для распределения удобрильной жидкости. Многие из этих древних систем орошения все еще действуют в Мурсии, Валенсии, Гранаде и других местах. Мавры были мастерами гидравлики, которая никогда не практиковалась так широко и разумно, как на Востоке. Таким образом, методы, принятые и до сих пор применяемые в Испании, имеют свои восточные прототипы и аналоги. Конечно, они варьировались в зависимости от характера орошаемого района и источников снабжения. Там, где реки и проточная вода давали материал, он транспортировался по каналам; одна главная магистраль или артерия снабжала жидкостью бесчисленные более мелкие водотоки или вены, *acequias*, которые образовывали сетчатую сеть мельчайших разветвлений. Большая трудность на равнинах, и это особенно касалось Малаги, заключалась в обеспечении надлежащего водопода, который осуществлялся либо путем поднятия воды на более высокий уровень по акведуку, либо опусканием ее ниже поверхности по подземным каналам. Там, где воду нужно было поднимать из-под земли, использовался простой шест, на который опирался рычаг с ведром, идентичный “шадуфу” Нила; или более сложное водяное колесо, арабское *Анаура*, название, до сих пор сохранившееся в испанском *Нория*, одно из которых изображено на умывальне в Альмерии, где оно служит сплетничающим *лавандерам* за их работой. В этих нориях движущей силой обычно является терпеливый бык, который приводит во вращение вращающееся колесо и таким образом поворачивает второе под прямым углом, вооруженное банками или ведрами. Они, в свою очередь, опускаются, поднимаясь вверх, наполненные водой, которая попадает в резервуар или трубу, откуда вытекает, чтобы делать свое дело внизу.

При этой замечательной системе земля постоянно прирастает. Она не знает покоя. Ничто не остается под паром. “Человек никогда не устает сеять, а солнце - призывать к жизни”. Урожай следует за урожаем с поразительной быстротой; за год собирают три-четыре урожая кукурузы, двенадцать-пятнадцать урожаев клевера и люцерны. Изобилуют всевозможные фрукты; берега ручьев цветут цветами, которые ценились бы в теплицах, и здесь царит изумительная плодovitость. С помощью этих средств мавры Малаги, самые ученые и преуспевающие садоводы, до предела развили удивительно плодородную почву. Мавританские писатели описывали гранаты Малаги красными, как рубины, и им нет равных во всем мире. *Бревас*, или маленький зеленый инжир, отличался изысканным вкусом и до сих пор заслуживает этой похвалы. Виноград был дешевым наркотиком на рынках, в то время как изюм, в который его превращали с помощью процесса, восходящего к финикийцам, попал на дальний Восток и был известен в Палестине, Аравии и за ее пределами. Виноградники района Малага, обширной территории, охватывающей все южные склоны, ведущие к Средиземному морю, были и остаются главным источником его богатства. Вино Малаги могло соблазнить даже мавров-мусульман забыть запрет своего пророка; оно было настолько вкусным, что умирающий мавр, вверяя свою душу Богу, просил только о двух благословениях в Раю, достаточных для того, чтобы выпить вина Малаги и Севильи. Как и “Горы”, это же вино много пили и ценили наши

предки. По сей день широко употребляется "Малага", как сухая, так и сладкая, особенно та, что известна как Лагримас, или Слезы, родственный термин знаменитому неаполитанскому "Лакрима Кристи", представляющему собой саму суть сочного спелого винограда, который подвешивают на солнце до тех пор, пока из него сочными каплями не потечет сок. На Веге в изобилии растут апельсиновые и лимонные рощи, и фрукты в основном экспортируются. Сбор и упаковка производится в пунктах вдоль железнодорожной линии, к которой относится Малага, например, на Ла Писарра, небольшой, но важной станции, откуда отправляются купальни Каратрака и горная поездка в Ронду через великолепный перевал Эль Бурго. В последние годы Малага превратилась в своего рода огород, на котором выращивают большое количество ранних овощей, *главных* блюд французских гурманов - молодого горошка, картофеля, спаржи и салата-латука, которые в зимние месяцы отправляются экспрессами на север, в Париж. Это, вероятно, более прибыльный бизнес, чем выращивание сахарного тростника, отрасль, введенную (или, точнее, возрожденную, поскольку она была известна маврам и культивировалась ими) в Малаге и ее окрестностях известным генералом Кончой, Маркесом дель Дуэро. Он потратил большую часть большого состояния на развитие выращивания тростника и чуть не разорился в этом патриотическом начинании. Другие в значительной степени выиграли от его благонамеренного предприятия, и сахарные плантации южной Испании процветали до тех пор, пока немецкий свекловичный сахар не потеснил отечественный. Климат Малаги, с его большой сухостью и абсолютной невосприимчивостью к заморозкам, чрезвычайно благоприятен для роста сахарного тростника, и сахарные поля во время вырубки являются живописными центрами деятельности. Однако лучшее представление об удивительном плодородии этой одаренной страны можно получить, посетив один из частных жилых комплексов или *усад*еб, таких как Ла Консепсьон, где пальмы, бамбук, арума, цикады и другие тропические растения смело растут на открытом воздухе. Это всего в нескольких минутах езды, и его стоит посетить. Небольшой греческий храм полон римских руин, в основном из Картамы, места, где располагался великий римский город, описанный Ливием. Некоторые из этих останков представляют собой прекрасные мраморные фигуры, которые были найдены, как обычные камни, встроенными в тюремную стену и с некоторым трудом извлеченными. Власти Малаги аннексировали их, думая, что в них содержится золото, а затем выбросили как старый хлам. Другими останками в Ла Консепсьон являются фрагменты римского муниципального права на бронзовых табличках, найденных в Осуне, между Антекерой и Севильей.

В Малаге сохранилось множество памятников мавров, помимо их методов орошения. Великая цитадель, которую эта поистине воинственная раса воздвигла на главном наблюдательном пункте и ключе к овладению Малагой, все еще остается. Этот замок Гибралфаро, скала-маяк, был построен принцем Гранады Мухаммедом на месте финикийской крепости, и он был настолько сильно укреплен и удерживался, что долго сопротивлялся напряженным усилиям Фердинанда и Изабеллы во время памятной осады, предшествовавшей падению Гранады. О том, как позорно католические короли жестоко обращались с покоренными маврами Малаги, обрекая их на рабство или *аутодафе*, можно прочитать на страницах Прескотта. Все еще стоящие башни Гибралфаро имеют свою собственную историю: одной из них была аталайя, или сторожевая башня; на другой, Ла Вела, был установлен большой серебряный крест, когда город сдался. Ниже Гибралфаро, но соединенная с ним и составляющая часть четырех глубоких городских стен, находится Алькасаба, еще одно укрепление, использовавшееся маврами, но возведенная ими крепость стоит на финикийском фундаменте. Квартал, расположенный ниже этих мавританских крепостей, является самой древней частью Малаги, дикой местностью с

темными извилистыми улочками восточного вида, несомненно, мавританского происхождения. Это дом низших классов, буйных масс, которые во все века были испытанием и проблемой для властей того времени. Малагеньос, жители Малаги, будь то мавры или испанцы, всегда были непокорными подданными своих сеньоров и неудобными соседями друг для друга. Во всех своих волнениях они, как правило, поддерживали дело, которое в конечном итоге потерпело неудачу.

Таким образом, в 1831 году Риего и Торрихос, поднявшие открытый бунт против правительства, были заманены военным комендантом Гибралтара Морено в Малагу, где они собрались, и застрелили мужчину на пляже ниже монастыря Кармен. Среди жертв был англичанин мистер Бойд, чья несчастная судьба вызвала резкие протесты со стороны Англии. После этой резни была с запозданием воздана дань уважения памяти убитых; она установлена в виде памятника на площади Пласа-де-Риего в Аламеде. И снова Малага встала на сторону Эспартеро в 1843 году, когда он “произнес”, но был вынужден бежать в изгнание. В очередной раз, в 1868 году, Малагеньос подняли оружие на стороне проигравших, сражаясь за свергнутую с престола Изабеллу Вторую против успешных солдат, которые изгнали ее из Мадрида. "Малага" долго и упорно оборонялась, но в конце концов сдалась после кровопролитной борьбы. Наконец, после отречения Амадея в 1873 году восстали республиканцы Малаги, которые дошли в своих бесчинствах до установления коммунистического режима, терроризировавшего город. Войска сами распустились, их оружие было захвачено худшими слоями населения, которые держали в руках бразды правления, местные власти обратились в бегство. Толпа наложила лапы на таможню и все общественные фонды, обложила контрибуциями наиболее миролюбивых граждан, затем перессорила между собой и устроила свои сражения на улицах, обстреливая

их артиллерийским огнем и угрожая всеобщей бомбардировкой. Восстановить порядок было нелегко и без демонстрации вооруженной силы, но достойное наказание наиболее виновных до сих пор удерживало Малагу в спокойствии.

В то время как мужской пол в массах Малаги пользуется безразличной репутацией, ее дочери всех сословий славятся своей привлекательностью даже в Испании, на родине, *по преимуществу*, привилегированной расы. “Muchachas Malagueñas, muy halagueñas” (“Девушки Малаги самые обворожительные”) - вошедшее в поговорку выражение, истинность которого подтверждена многими признательными наблюдателями. Описание их Теофилом Готье, пожалуй, самое лестное. Малагенья, по его словам, примечательна ровным тоном лица (на щеках не больше цвета, чем на лбу), насыщенным румянцем губ, изяществом ноздрей и, прежде всего, блеском ее арабских глаз, которые можно было бы подкрасить хной, они такие томные и миндалевидной формы. “Я не могу сказать, была ли это красная драпировка их головных уборов или нет, но на их лицах была серьезность в сочетании со страстью, которая носила вполне восточный характер”. Готье нарисовал эту картину Малагеньи такими, какими он увидел их на корриде, и он выражает вполне естественное удивление по поводу того, что милые, похожие на мадонны лица, которые вполне могли бы вдохновить художника на священные сюжеты, равнодушно взирают на ужасные эпизоды окровавленного ринга. Его потрясло видеть глубокий интерес, с которым эти бледные красавицы следили за боем, слышать, как подвиги на арене обсуждаются сладкими устами, которые могли бы более уместно говорить о более мягких вещах. И все же он нашел их простыми, мягкосердечными, добрыми и пришел к выводу, что не жестокость характера, а обычаи страны привлекли их к этому дикому зрелищу. С тех пор бой быков, избавленный, однако, от своих худших ужасов, стал привычным и наиболее популярным среди соотечественниц месье Готье в Париже. О том, что красота высших чинов соперничает с красотой низших, можно заключить из того факта, что дама, чье очарование когда-то прославлялось по всей Европе, имеет малагуанское происхождение. Мать императрицы Евгении, которая жила вместе с Наполеоном III. высшей наградой во Франции была девушка из Малаги, мисс Фитцпатрик, дочь британского консула, но в ее жилах текла и испанская кровь.

Ближайший сосед и старый соперник, столь же богато одаренный, может снова обогнать Малагу в великой гонке за коммерческой экспансией. Это Альмерия, расположенная дальше на восток и обладающая многими природными преимуществами; ее открытый порт был улучшен за счет строительства пирсов и волнорезов, и теперь он предлагает безопасную гавань для судоходства, которое вскоре должно быть привлечено растущим тоннажем для вывоза богатых продуктов из соседних районов. Альмерия - столица провинции, изобилующей полезными ископаемыми, климат и почва которой благоприятствуют выращиванию самых разнообразных и ценных сельскохозяйственных культур. Серебряные рудники в горах Мурсии и плодородные долины Альпухаррас найдут свой лучший выход в Альмерии, а Гранада снова станет ее фермой. Так гласила старая пословица: “Когда Альмерия была по-настоящему Альмерией, Гранада была только ее алькерией”, или источником снабжения. В чем этот освященный веками, но почти забытый город больше всего нуждается, так это в налаживании связи с железнодорожными системами Испании. Тем временем Альмерия, ожидающая лучшей доли, процветает за счет экспорта собственной продукции, главными из которых являются виноград и эспарто. Первое звучит знакомо британскому слуху благодаря зеленому винограду, известному как “Альмерия”, который в основном употребляется в британских семьях. Они не сравнятся с мускатными орехами с изысканным вкусом, но они более крепкие и выдержат упаковку и грубые методы экспорта, при которых другие портятся. Эспарто - натуральный продукт этих благодатных

земель, который после долгого удовлетворения местных потребностей теперь стал уважаемым товаром в их списке экспорта. Ботаникам он известен как испанский тростник, или басовый ковыль, Генет д'Эспань, и Форд сравнивает его с “копьевидной травой, которая растет на песчаных морских берегах Ланкашира”. Из него до сих пор, как и во времена Плиния, изготавливают циновки, корзины, веревки и подошвы для знаменитых альпаргат, или веревочных сандалий, которые повсеместно носили испанские крестьяне на юге и испанские солдаты на марше. Легкость и скорость, с которыми испанская пехота преодолевает большие расстояния, в значительной степени объясняются их удобной одеждой. В настоящее время трава эспарто получила гораздо более широкое распространение, и ее выращивают искусственно. Когда тряпки становились все более и более дефицитными и не соответствовали требованиям производителей бумаги, проводились эксперименты с различными заменителями, и ни один из них не отвечал этой цели лучше, чем дикая копьеносная трава юга Испании.

Альмерия, ожидающая возвращения процветания на море, может с некоторым самодовольством взирать на незабываемое, если не совсем славное прошлое. Сами его названия: *Portus Magnus* у римлян и *Al Meriah*, “Заметный” у мавров, свидетельствуют о его важности. Вся сельскохозяйственная продукция плодовой Веге, шелка, которые ткали на мавританских ткацких станках и высоко ценились на Востоке, привозились в Альмерию для передачи за границу. Безопасность и удобство этого знаменитого порта создали ему дурную репутацию в последующие годы, когда он стал независимым королевством при Ибн Маймуме. Альмерия была ужасом Средиземноморья; ее пиратские галеры рыскали взад и вперед, совершая набеги на французское и итальянское побережья и увозя свою добычу, рабов и трофеи обратно в свой неприступный дом. Испанцы и генуэзцы вскоре объединились против общего врага, и Альмерия стала одним из первых христианских завоеваний, отвоеванных у мавров. Еще позже алжирские мавры взяли новый реванш, и их корсары так постоянно угрожали Альмерии, что Карл V. отремонтировал ее древние укрепления, старый мавританский замок, который теперь называется Алькасаба, центр или цитадель, и повесил большой набатный колокол на башне собора, чтобы оповещать о приближении пиратов. Этот собор - самый внушительный объект в обветшалом городе. Свиньи и домашняя птица свободно разгуливают по улицам, среди грязи и отбросов; но при ярком солнечном свете, белом и ослепляющем, как в Африке, убогие дома ярко блестят, а обильные краски, видимые на навесах и решетках, на женских юбках и платках, в ультрамариновом море, выделяются самым ярким и красивым рельефом.

Пейзажи на побережье от Малаги на восток прекрасны, в некоторых местах и при определенных аспектах великолепны. За Альмерией находится знаменитый мыс де Гатта, как его называют наши мореплаватели, Кабо-де-Гата на местном жаргоне, Агатовый мыс, чтобы придать ему точное значение. Этот замечательный мыс, состоящий из скал, инкрустированных драгоценными камнями, достоин места в “Арабских ночах”. Здесь простираются мили агатов и хрустального шпата, а в одном конкретном месте найдены аметисты. Вокруг этого богато сложенного, но часто подверженного штормам ориентира собираются дикие ветры и постоянно бушуют. Старые морские пилы увековечили его характер в виде пословицы: “На мысе Гатт береги свою шляпу”. Другие участки побережья ближе к Малаге еще более неприступны и опасны: например, под Сьерра-Техадой, где скалистые барьеры, ограждающие сушу, возвышаются ярус за ярусом, прямые, как стена, в которых нет ни проемов, ни безопасных убежищ для проходящих судов во время прибрежного шторма. Позади всего смутным контуром,

как бы соединяясь с облаками, возвышается великий снежный хребет южной Испании, Сьерра-Невада, возвышающийся на высоте Швейцарских Альп, а в некоторых отношениях гораздо более красивый.

Однако здесь нет таких мрачных ледников, таких обширных снежных полей, как в Швейцарии, потому что здесь, на юге, солнце светит сильнее, и даже на этих высотах только пики и шпили носят белые гребни во время летней жары. Эта более приятная температура способствует более богатой растительности и делает восхождения менее опасными и утомительными. Член Альпийского клуба посмеялся бы над покорением Мулей-Хасен или Пикачо-де-ла-Велета, двух венчающих хребет вершин. Это предприятие требует самых умеренных усилий. Подъем на последнюю из названных и самую низкую вершину, хотя и самую живописную, совершить проще всего, потому что дорога из Гранады самая прямая. В обоих случаях большая часть восхождения выполняется верхом; но это должно быть сделано за день до восхождения, и, таким образом, ночь должна быть проведена недалеко от вершины при звездном свете. Температура низкая, и путешественники могут защититься от холода только с помощью принесенных с собой бинтов и топлива, которое они могут найти (просто узловатые корни) вокруг своего укрытия от ветра. Подъем туда, где еще лежит снег, местами очень грязный и пользующийся дурной репутацией, обычно начинается около двух часов ночи, чтобы достичь вершины до рассвета. Если небо ясное, восход солнца с горы Пикачо - это сцена, которую невозможно забыть никогда, она по праву конкурирует, если не превосходит, с самыми известными видами подобного рода. Средиземное море раскинулось внизу подобно озеру, ограниченному на севере и западе побережьем Испании, на юге - Африканским, малейшие очертания которого часто можно разглядеть на далеком, смутном расстоянии. На востоке горизонт украшают яркие лучи восходящего солнца, о величественном приближении которого возвещают радужные облака. Повсюду виднеются странно зазубренные и искривленные вершины, которые в уменьшающемся величии спускаются к более низким вершинам, которые, кажется, поднимаются из моря.

Самая высокая вершина Сьерра-Невады - Мьюли-Хасен, хотя она имеет преимущество над Пикачо-де-ла-Велета всего лишь на пару сотен футов. Это более длительное и трудное восхождение, но в некотором смысле самое интересное, поскольку лучше всего добраться до него можно через Альпухаррас, эти романтические и уединенные долины, которые полны живописных пейзажей и исторических ассоциаций. Отправной точкой, как правило, является Тревеллес, хотя восхождение в равной степени может быть совершено из Португоса, что несколько ближе к Гранаде. Тревеллес находится на другой стороне и удобнее всего добираться из Малаги через Мотриль. Но никто не выбрал бы последний маршрут, если бы мог путешествовать по первому, который ведет через Алхендин, ту хорошо известную деревню, которая, как говорят, видела последнего из уходящих мавров. Это тот момент, когда Гранада окончательно потеряна из виду, и именно здесь Боабдиль, последний король Гранады, в последний раз попрощался с городом, о потере которого он оплакивал, под едкий сарказм своей более героической матери, которая сказала ему, что он вполне может "рыдать как женщина о том, что он не смог защитить как мужчина". Недалеко от этой деревни находится небольшой холм, до сих пор известный как место "Эль Ультимо Суспиро дель Моро, последнего вздоха мавра". Эта же дорога ведет через Ланжарон, очаровательное место, расположенное высоко на отроге холмов и известное как место для купания в целебных минеральных источниках. Из Португоса или Тревелеса подъем достаточно легок: большую часть пути приходится преодолевать верхом, а на более ранних этапах подниматься среди лесов из

вечнозеленых дубов; после этого преодолеваются длинные пустыри из голых скал, пока, наконец, не достигается вершина на узкой полоске плоскогорья, самой высокой в Южной Европе, откуда открывается непревзойденный вид. Очарование пика Мулей-Хасен заключается в его изолированности, в то время как с него Пикачо выглядит лучше, чем Мулей-Хасен с Пикачо, и открывается более протяженный вид на Средиземное море.

IV

БАРСЕЛОНА

Цветочный рынок на Рамбле—Улицы старого города—Кафедральный собор Барселоны—Описание памятника Колумбу—День всех святых в Испании—Гора Тибидахо—Разнообразные центры интеллектуальной деятельности—Древняя история—Филантропические и благотворительные учреждения.

“Барселона, святыня вежливости, гавань путника, приют бедных, колыбель храбрых, защитница оскорбленных, кормилица дружбы, уникальна по положению, уникальна по красоте!”

Таков был панегирик, произнесенный Барселоне великим Сервантесом несколько сотен лет назад, панегирик, оправданный опытом незнакомца в наши дни. Неповторимое место второго города Испании, его роскошные окрестности, как и прежде, пробуждают энтузиазм, в то время как даже самого краткого пребывания здесь достаточно, чтобы мы почувствовали себя как дома. Обаятельная вежливость, космополитическое дружелюбие характеризуют горожан, испанское высокомерие здесь сменяется французской сердечностью. Мягкость манер и изящество речи придают дополнительный шарм представителям расы, отличающейся личной красотой. Современники описывают барселонцев как трудолюбивых и энергичных, стремящихся к социальному прогрессу, цепких за личное достоинство, обладающих богатым воображением, в то же время в высшей степени практичных, стойких в дружбе, неистовых в ненависти. Оживление и великолепие города свидетельствуют о прогрессивном характере жителей.

Немногие европейские столицы могут похвастаться более прекрасными общественными памятниками, и лишь немногие действительно обладают такой набережной, как знаменитая Рамбла. Рамбла может рассматриваться как олицетворение не только всего города, но и всей Испании, и здесь должен остановиться любознательный путешественник. За день взору предстает дюжина блестящих или трогательных зрелищ, в то время как обычный аспект отличается невообразимой живописностью и разнообразием. Темноглазые цветочницы с их богатыми цветочными композициями; деревенские жители, все еще придерживающиеся

костюмов Каталонии - мужчины в сандалиях и широкополых шапочках из малинового, алого или персикового фетра вместо головных уборов; женщины в роскошных шелковых платках, приколотых булавкой под подбородком; астурийские няньки в маково-красных юбках с черной полосой и изящных золотых и кружевных чепцах; дамы, обмахивающиеся на ноябрьской прогулке черными кружевными мантильями на своих хорошеньких головках; гражданская гвардия в больших, внушающие благоговейный трепет треуголки и длинные черные плащи, доходящие до щиколоток; подтянутые солдаты в черно—красных мундирах, бриджах и кокетках, их офицеры сверкают золотой тесьмой и кружевами; безупречная городская полиция, каждый опрятен, как денди в мелодраме, ни единого растрепанного волоска, воротнички и манжеты безупречно белые, отутюженные до совершенства, хорошо сидящие костюмы, мечи на поясе; священники и монахини; моряки многих национальностей; пастухи неотесанной наружности с соседних гор - все это поначалу заставляет нас чувствовать себя так, словно мы участвуем в маскараде.

Теперь дорогу расчищает похоронный кортеж какого-нибудь богатого горожанина, высокий вагон с роскошными черными и золотыми драпировками, венки из свежих роз, фиалки и гелиотропа, большие, как колеса кареты, прикрепленные по бокам, гроб, обитый черным и фиолетовым бархатом, утыканным золотыми гвоздями; за ними медленно следует длинная процессия экипажей со священниками, певчими и плакальщицами. И вот звуки военной музыки вторично призывают вновь прибывшего к его окну. Это солдат, которого уносят на покой. Шестеро товарищей сопровождают носилки, неся длинные перевернутые свечи; позади маршируют командиры и рядовые, оркестр наигрывает мелодии, которые, кажется, слишком энергичны для такого случая. На этом великолепном проспекте, оживленном с раннего утра до полуночи, всегда что-то происходит - рыночная площадь, плац, набережная в одном флаконе.

Ежедневный цветочный рынок сам по себе почти окупил бы путешествие из Лондона. Когда небо на севере самое мрачное, а туманы - обычное дело, Рамбла прекрасна. Пожелтевшие листья платанов кажутся золотыми под ослепительно голубым небом, а продавцы цветов и их товары сверкают, как на картинке. В этих поразительно хорошеньких девушках с темными локонами, спадающими на лоб, прекрасными глазами, насыщенно-оливковым цветом лица и сверкающими белыми зубами нет ничего от нищенствующих. Когда они предлагают свои цветы — возможно, прикрепляя розы к наполовину готовой гирлянде одной рукой, в то время как другой протягивают горшок с гелиотропом, — прохожего приглашают сделать покупку. Испанский язык, даже диалект Каталонии, сам по себе является музыкой, и цветочницы делают его еще более музыкальным своими нежными, ласкающими манерами. Некоторые носят маленькие мантильи из черного, светлого или кашемира; другие - шелковые косынки самых ярких оттенков — оранжевого, малинового, темно-фиолетового или с причудливыми разноцветными узорами. Барселона круглый год цветет, и в середине зимы мы прогуливаемся среди зарослей роз, гвоздик и фиалок, не говоря уже о георгинах и хризантемах.

Цветочный рынок на Рамбле особенно популярен в Дни Всех Святых и поминовения усопших; огромные суммы тратятся на венки и гирлянды для кладбища, и тогда самые бедные умудряются отдать дань уважения цветами усопшим родным и близким.

Улицы старого города разительно контрастируют с широкой, воздушной, всегда ярко освещенной Рамблой, электрический свет которой ночью заменяет солнечный свет. Незнакомец может повернуть куда угодно — направо или налево - он обязательно окажется в

одном из этих сумеречных узких проулков, пространство между окнами которых часто настолько мало, что соседи могут чуть ли не пожимать друг другу руки. С их открытыми магазинами ярких шерстяных изделий они живо напоминают кайринские базары. Каким бы узким ни было жилье снаружи, внутри оно должно быть еще более узким, поскольку, когда люди переезжают из одного дома в другой, их товары и движимое имущество поднимают наверх и передают через передние окна. Вид комода или дивана в cloudland достаточно комичен, хотя система, безусловно, имеет свои преимущества. Таким образом, избавляется от большого количества ручного труда, и мебель, несомненно, не получает травм от ударов.

Мудрый путешественник предпочтет жить на Рамбле, но проводить время в старом городе. Куда бы он ни пошел, он обязательно наткнется на какой-нибудь предмет старины, в то время как здесь он в значительной степени упускает из виду космополитический элемент, характеризующий новые кварталы. Каким бы новым и поразительным ни был его вид для постороннего человека, Барселону, тем не менее, следует охарактеризовать как наименее испанский из испанских городов. Второй морской порт Испании по—прежнему, как и в Средние века, является одним из важнейших центров международной торговли на Средиземноморье. Пробираясь локтями по переполненной улице Рамбла, мы сталкиваемся с самыми разными типами людей и слышим непонятный жаргон многих языков. Достаточно нескольких минут, чтобы перенести нас в знакомый Форду город старого света, который, однако, не может быть описан туристом двадцатого века словами самого Форда. “Трудный язык, ” писал он всего полвека назад, “ грубые манеры и недоверие к незнакомцам делают Барселону неприятным городом”. Нигде в наши дни не проявляют такой вежливости к любопытствующему незнакомцу. Он даже не обязан спрашивать дорогу на этих узких извилистых улочках. Городская полиция, встречающаяся на каждом шагу, без приглашения приходит к нему на помощь и, достав карманную карту, с бесконечным трудом разъясняет ему маршрут, которым он должен следовать. Красивая улица Сан-Фернандо ведет к мрачному, но грандиозному старому собору с его прекрасными галереями, великолепными башнями и колоколами, такими же глубокими, как у самого Биг-Бена. Кстати, все церкви в Испании следует посещать до полудня; даже тогда свет настолько тусклый, что мало что можно разглядеть из их сокровищ — картин, реликвариев, мраморных гробниц. Кафедральный собор Барселоны не является исключением из правил. Освещенный только окнами из старинного стекла с богатыми витражами, мы буквально вынуждены пробираться ощупью по переполненным проходам. Месса продолжается с раннего утра до полудня, и в мерцающем свете драгоценных камней мы можем едва различить движущиеся фигуры священников и послушников перед главным алтарем и рассеянных молящихся, преклонивших колени на полу. Столь же смутными представляются нам часовни, настоящие маленькие музеи редких и красивых вещей, к сожалению, обреченные на вечную неизвестность, окутанные никогда не сгущающимися сумерками. Какие перемены мы находим снаружи! Элегантные готические монастыри, которые скорее можно описать как ряд часовен, каждая из которых отличается от другой, каждая роскошно украшена, окружают солнечное открытое пространство или внутренний дворик, засаженный пальмами, апельсиновыми и лимонными деревьями, ослепительно яркой листвой и теплым голубым небом, разительно контрастирующим с мрачно-серым камнем здания. Чуть дальше, на другой стороне, мы можем увидеть фигуры звонарей высоко на открытой башне звонницы, с огромным усилием раскачивающих огромные колокола взад и вперед - зрелище, которое нельзя пропустить по воскресеньям и в праздничные дни.

Этот величественный старый собор, как и многие другие, так и не был достроен, и работы по ремонту и реставрации продолжаются постоянно. Рядом находится Дворец правосудия с его прекрасным готическим двором и резной каменной лестницей, балюстраду которой поддерживают прелестные маленькие статуэтки или горгульи, каждая из которых сама по себе является художественным произведением. К нему примыкает Дворец Депутаций, здание провинциального или местного парламента, здание поистине испанского величия. Его широкие мраморные лестницы, вычурные потолки из резного дерева, величественные пропорции, возможно, заинтересуют некоторых путешественников меньше, чем его художественные сокровища, два шедевра талантливой компании Fortuny. Барселона была покровительницей этого истинного гения — каталонца по происхождению, — столь несчастливо оборвавшегося в самом начале своего расцвета. Величественные чиновники с немалой гордостью демонстрируют эти полотна — знаменитую “Одалиску” и “Битву при Тетуане” — последнее, увы! осталось незаконченным. Это великолепный образец жизни и красок, но его нужно увидеть в ясный день, так как зал мрачноват. Ничто не может превзойти вежливость барселонцев по отношению к незнакомцам, и эти фотографии демонстрируются в нерабочее время. Но пусть никто не предлагает неосторожно плату. Предложенная монета будет вежливо, даже с улыбкой отклонена, без унижительного упрека, не говоря уже об оскорбленном взгляде. Замечание Форда о том, что “серебряный ключ всегда обеспечивает доступ”, в наши дни не актуально.

Рядом с кафедральным собором, судами и зданием парламента провинции стоит еще один живописный старый дворец, построенный сравнительно недавно, но в сарацинском стиле и содержащий одно из самых любопытных исторических сокровищ в Европе. Это дворец королей Арагона, или Генеральный архив короны Арагона. Внешний вид, как обычно у испанских зданий, массивный и мрачный. Внутри царит атмосфера восточной легкости и веселья. Стройные колонны, выкрашенные в красный цвет, окружают открытый дворик и поддерживают небольшую террасу, засаженную кустарниками и цветами. Здесь в идеальном порядке и сохранности, без перерыва, хранятся записи более чем тысячелетней давности, самые ранние из которых состоят из пергаментных свитков и черного письма, последние показывают прогресс книгопечатания с его зарождения вплоть до наших дней. Первый пергамент датирован 875 годом нашей эры. Среди редкостей коллекции не менее восьмисот двух папских булл с 1017 по 1796 год. Помимо архивов самой Барселоны и королевства Арагон, к которому она была присоединена в двенадцатом веке, во дворце хранится множество чрезвычайно интересных рукописей, найденных в закрытых монастырях.

Архивы были искусно организованы ученым хранителем записей. Книжные шкафы высотой не более шести футов стоят по обе стороны огромной библиотеки, на некотором расстоянии от стены, в виде лестницы; один набор томов расположен чуть выше другого, в результате чего невозможно скопление пыли и каждый набор одинаково доступен. Эти симметрично расположенные тома на белом пергаменте производят очень необычное и приятное впечатление на глаз. Кажется, мы находимся в зале, стены которого выложены рифленным кремовым мрамором.

Небольшой музей местных древностей в разрушенной церкви Санта-Аньеда, мрачные старые церкви Сан-Пабло-дель-Кампо, Санта-Мария-дель-Мар и Белен, сохранившиеся кое-где фрагменты средневековой домашней архитектуры — все это задержит археолога. Более общий интерес представляют современные памятники Барселоны. Ни в одном городе общественная роскошь и общественный дух не проявлялись так ярко.

Копеечный трамвай — здесь за копейки можно доехать куда угодно — доставит вас к прекрасному парку и фонтану Нептуна. Слово “фонтан” дает неадекватное представление о великолепном сооружении с его обширными трехэтажными мраморными галереями, скульптурными изображениями наяд и дельфинов, а на вершине, возвышающейся над парком, озером и каскадами, три гигантских морских конька и колесничие, богато позолоченные, сверкающие, как будто действительно из массивного золота. Есть ли в мире более роскошный фонтан? Я сомневаюсь в этом. Несмотря на позолоченных морских коньков и колесницу, здесь нет безвкусицы; все смело, великолепно и внушительно. Под обширными галереями с террасами и широкими лестницами, полностью отделанными чистым мрамором, широкой полосой течет кристально чистая вода, где обитают мириады золотых рыбок. *Антураж* достоин столь великолепного сооружения. Фонтан находится посреди тщательно ухоженного, со вкусом обустроенного, вечно зеленого парка или общественной площадки для развлечений. В ноябре все свежо и цветет, как в английском июне. Пальмы, магнолии, бананы, олеандры, камелии, переносное дерево образуют богатую, многоцветную листву. Цветы в зимнее время заменяются клумбами с растениями с блестящими листьями, которые отвечают за цветение. Пурпурные, малиновые и листья цвета морской волны расположены с большим эффектом и имеют блестящий внешний вид. Здесь, в окружении золотисто-зеленого дерна, есть маленькие озера, по которым можно переплыть на крошечных прогулочных лодках. У главного входа на видном месте стоит прекрасный конный памятник Прим, открытый с большой гражданской и военной помпой несколько лет назад. Это смелая статуя из красной бронзы. Генерал сидит на коне, шляпа в руке, его красивое, как у солдата, лицо обращено к городу. По бокам пьедестала расположены барельефы, запечатлевшие эпизоды его карьеры, а на лицевой стороне только эти слова: “Барселона чопорная”. Работа принадлежит испанскому художнику, и памятник в целом отражает огромную заслугу как местному искусству, так и общественному духу.

Но через несколько минут езды мы увидим памятник одному из героев мира. Я имею в виду мемориальную колонну, недавно воздвигнутую Колумбу тем же самым общественным и щедрым городом Барселоной. Напомним, что Колумб был принят здесь Фердинандом и Изабеллой после его открытия Америки в 1493 году. Повсюду, над холмами и городом, окруженной пальмами гаванью и морем, подобно маяку возвышается огромный обелиск, увенчиваемый его фигурой великого генуэзца, его ноги стоят на золотой сфере, вытянутая рука торжествующе указывает в направлении его недавно открытого континента, словно говоря: “Это там!”

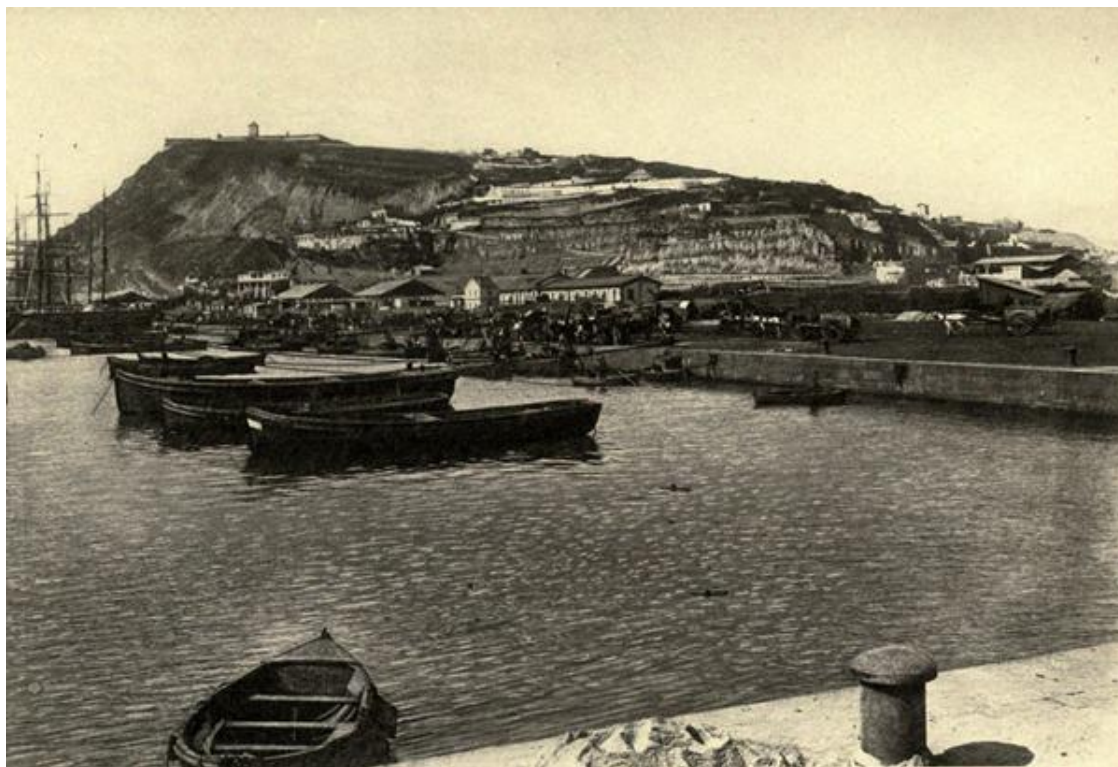
Никогда еще это начинание не делало городу большего чести, чем эта колоссальная работа. Общая высота памятника составляет около двух третей высоты лондонского монумента. Выполнение было поручено барселонским мастерам и художникам; материалы - бронза, камень и мрамор - были доставлены по соседству.

На верхнем ярусе пьедестала установлены статуи четырех благородных каталонцев, которые оказали материальную помощь Колумбу в его экспедиции — Фрая Бойля, монаха с Монтсеррата, Педро Маргарита, Хайме Феррера и Луиса Сентангеля. Ниже представлены аллегорические фигуры, представляющие в виде величественных матрон четыре королевства - Каталонию, Кастилию, Арагон и Леон. Шестиугольные стороны украшены барельефами, иллюстрирующими сцены из жизни первооткрывателя, шесть великолепных крылатых львов из серого камня ревниво охраняют все это, а под ними, смягчая суровость, находится полоса дерна, на которой цветами постоянно выведена следующая надпись: “Барселона а Колон”.

Колонну венчает глобус, отполированный золотом, а над ней возвышается колоссальная фигура Колумба.

Нельзя было выбрать более удачного места. Памятник обращен к морю, а со стороны города к нему ведет обсаженная пальмами аллея и общественный сад. Первое, что бросается в глаза моряку, когда он видит сушу, - фигура Колумба, парящего на своем сверкающем шаре; последней из вида исчезает эта похожая на маяк колонна, так гордо возвышающаяся над городом и берегом. Необходимо совершить небольшую экскурсию на лодке или пароходе, чтобы оценить поразительный эффект этого памятника с моря.

Чтобы увидеть саму Барселону с высоты птичьего полета, незнакомцу следует пройти некоторое расстояние вглубь острова. Форт Монжуич, возвышающийся над городом с юга, или гора Тибидахо на севере, в равной степени будут соответствовать его цели. Красивая извилистая тропинка ведет от берега к прогулочному саду прямо под фортом, и отсюда мы видим весь город, раскинувшийся у наших ног, как на карте. Панорама несколько однообразна, обширные скопления белых стен и серых крыш нарушаются лишь мрачными старинными церковными башнями и высокими фабричными трубами, но таким образом впервые осознается огромная протяженность испанских Ливерпуля и Манчестера в одном лице. Таким, действительно, может быть стилизована Барселона. Если смотреть в сторону моря, картина получается оживленной и привлекательной — широкая гавань, кишмящая судами, рыбацкие лодки с распушенными парусами скользят по темно-синим солнечным волнам, благородные суда едва различимы на тусклом горизонте.

Некогда знаменитой набережной Муралло-дель-Мар, воспетой Фордом и другими писателями, больше не существует, но путешественник будет держаться береговой линии в поисках нового кладбища. Туда ведет очень плохая дорога, по которой в дни Всех Святых и поминовения усопших следует непрерывная вереница экипажей, омнибусов, крытых повозок, наемных экипажей и частных карет; их пассажиры, по большей части, одеты в черное. Женщин, одетых в черные кашемировые мантильи, почти не видно, их скрывают огромные венки, кресты и букеты из натуральных, а также искусственных цветов. Новое кладбище удачно расположено, в нескольких милях от города, на возвышенности между открытой местностью и морем. Оно со вкусом разбито террасами — деревья и кустарники свидетельствуют о проявленном к ним уходе. Здесь много дорогостоящих памятников — вернее, мавзолеев — богатых барселонцев, у каждой семьи есть своя крошечная часовня и место захоронения.

Следует надеяться, что такой прогрессивный город, как Барселона, вскоре внедрит систему кремации. Казалось бы, ничто не может быть менее гигиеничным, чем нынешний способ захоронения в Испании. Умереть там — это в буквальном, а не в переносном смысле, быть положенным на полку. В террасообразных склонах кладбищенской земли были выдолблены ячейки для хранения вещей, и в них установлены гробы, а отверстие закрывает мраморная плита с памятной надписью. Вокруг различных секций увиты плющом и другими вьющимися растениями, их украшают венки из свежих цветов и бессмертников; все это создает вид огромного комода, разделенного на математически точные сегменты. Для нас есть что—то сверхъестественное — более того, отвратительное - в такой форме захоронения; которая, мягко говоря, не может быть оправдана эстетическими, а тем более научными принципами. Отраднo обнаружить, что наконец-то у протестантов и евреев здесь есть свое собственное захоронение, отделенное от остальных, правда, стеной высотой не менее двадцати футов, но, несмотря на все это, место упокоения. Не так давно Малага была единственным испанским городом, предоставлявшим протестантам эту привилегию, уступку которой добился от властей покойный многоуважаемый британский консул мистер Марк.

В течение нескольких дней, предшествующих празднику Всех Святых, кладбище представляет собой оживленную сцену. Затем уборщицы, садовники, каменщики и художники вступают во владение этим местом. Мрамор вычищен, надписи перекрашены, кусты подстрижены, газон подстрижен — все приведено в порядок к великому празднику мертвых. Следует иметь в виду, что День всех святых в Испании не имеет аналогии с той же датой в нашем календаре. Яркое солнце, воздух, мягкий и благоухающий, как в июле, характеризуют здешний ноябрь. Таким образом, эти визиты на кладбище менее угнетают, чем если бы они совершались в условиях английского тумана и мороси. Более того, мы, северяне, не можем избавиться от мрачных мыслей и печальных воспоминаний так же легко, как более эластичный, более жизнерадостный южный темперамент. Месса окончена, паломничество на кладбище оплачено, все отдыхают и веселятся. Дни всех Святых и поминовения усопших - это действительно периоды полного наслаждения и релаксации. Государственные учреждения, музеи, школы, магазины закрыты. Отдыхающие приезжают из деревни. Город оживлен, как Париж 14 июля.

До полудня трудно пробираться локтями по переполненным улицам. На каждой улице полно народу, мужчины стекаются на мессу так же ревностно, как и приверженцы другого пола. В эти ранние часы большинство дам одеты в черное; их траурные наряды позже в тот же день сменяются модными туалетами всех цветов. Дети разодеты весело, как на модной ярмарке. Служба проходит в каждой церкви, и отовсюду доносится звонкий звон соборных колоколов.

Его обширный, мрачный интерьер, сейчас сверкающий восковыми свечами, - зрелище, которое стоит запомнить. Толпы в восторженном благоговении преклоняют колени на голых камнях, дамы не обращают внимания на свои шелка; тут и там мужчины преклоняют колени перед перчаткой или носовым платком, чтобы защитить свои воскресные панталоны. Ряды бедняков — нищие, казалось бы, прибранные по такому случаю, — сидят рядами вдоль прохода, держа в руках зажженные свечи. Хор наполнен хористами, мужчинами и мальчиками, исполняющими службу так искусно, что кажется, что они почти поют. Вскоре толпа расступается, и процессия проходит от хоров к главному алтарю — священники и сановники в своих роскошных одеждах, одни черные, расшитые золотыми крестами, другие белые, пурпурные или желтые, епископ идет последним, его длинный фиолетовый шлейф несет священник; все это время хорошо поставленные голоса хористов — нежные дисканты мальчиков, тенора и низа — восполняют недостаток музыки. Наконец долгая церемония подходит к концу, и огромное количество прихожан высыпает наружу, чтобы насладиться ароматным воздухом, теплым солнечным светом, визитами, кондитерскими изделиями и другими развлечениями.

Такие религиозные праздники не должны быть пропущены путешественником, поскольку они по-прежнему отмечают Испанию как самую католическую страну в мире. Даже в шумной, космополитичной, прогрессивной Барселоне люди, кажется, проводят половину своего времени в церкви.

В столице Каталонии цивилизацию двадцатого века и средневековый дух все еще можно назвать ближайшими соседями. Просторные бульвары и красивые виллы пригородов Алжира не так разительно контрастируют со старинными мавританскими улочками, как новые кварталы Барселоны со старыми. Рамбла с ее электрическими огнями, сверкающими магазинами, кафе, клубами и театрами напоминает парижский бульвар. На многих извилистых, зловонных улицах старого города едва ли найдется место для тачки; ни один солнечный луч никогда не проникал сквозь мрак.

Давайте сядем на дешевый трамвай от Рамблы до мрачной, грандиозной старой церкви Санта-Мария-дель-Мар. Между городом и морем возвышается величественный памятник Колумбу, заметный как маяк как с суши, так и с моря. Мы идем по широкой, обсаженной пальмами аллее и увеселительному саду, за которым виднеется величественная гавань, ошестинившаяся мачтами, и нежно-голубое Средиземное море. Под пальмами отдыхают праздные толпы, слушающие группу, прикрываясь, как только могут, от палящего ноябрьского солнца! Какая перемена, когда мы покидаем трамвайную остановку и просторные, красивые окрестности парка и оказываемся на темной, узкой улочке позади дворца Лонха. Мрачная картина не лишена облегчения. Вокруг древнего фасада церкви расположены суконные лавки, на каждом этаже которых выставлены яркие товары, как будто лавочники выставили все свои товары напоказ. Здесь были красные, желтые, зеленые цвета самых ярких оттенков, некоторые из этих шерстяных одеял, шалей и предметов одежды всех разновидностей были веселыми до грубости; травянисто-зеленые, алые, оранжевые, небесно-голубые ослепляли глаз, но общий эффект был живописным и жизнерадостным. Темная маленькая площадь выглядела готовой к празднику. На самом деле в церкви проходила заупокойная служба. Если испанские интерьеры всегда темные и унылые, какими они должны быть, когда их задрапируют черным? Как только за нами захлопывается дверь, дневной свет полностью исчезает, как при входе в шахту; мы вынуждены пробираться ощупью по слабым лучам света, проникающим сквозь старое

витражное стекло этажерки. Прекрасные стрельчатые проходы скрыты огромными черными знаменами, огромное здание освещено лишь вспыхивающими тут и там восковыми свечами. Когда я вошел, продолжалось нежное пение мальчишеских голосов под восхитительный органнй аккомпанемент, который вскоре сменился невыразимо монотонным и заунывным пением хористов в черных одеждах. Они образовали процессию и, распевая на ходу, направились к боковому алтарю, перед которым священник служил мессу. Воинство поднялось, все снова двинулись в обратный путь, и теперь снова зазвучали тоскливые напевы. Невозможно передать какое-либо адекватное представление об унынии службы. Если испанцы понимают, как в полной мере насладиться тем, что Браунинг называет “дикой радостью жизни”, они также знают, как облечь смерть всеми ужасами средневековых суеверий. Кроме того, захватывает дух, когда подсчитываешь стоимость похорон здесь, учитывая, что священники исполняют мистический танец — так испанский писатель называет это представление, — не менее искусные службы хористов, освещение церкви, демонстрацию траурных одежд. К счастью, расходы могут быть понесены только один раз. Эти древние церкви, такие мрачные, но в праздничные дни сияющие светом и красками, символизируют ведущие черты испанского характера. Как только преданный поднимается с колен, южная страсть к радости и оживлению дает о себе знать. Религиозные упражнения и увеселения, покаяние и наслаждение чередуются одно с другим; чем набожнее первое, тем охотнее предаются последнему.

Утром в воскресенье после Праздника Всех Святых - 4 ноября - великолепный старый собор стал ареной настоящего театрализованного представления. Восковые светильники освещали обширное помещение из конца в конец, парча и атлас священнических одежд сверкали золотойвышивкой, богатые украшения и сокровища алтаря и часовен были видны во всем великолепии. Перед величественной музыкой органа и возвышением пришлось выслушать долгую, очень долгую проповедь, огромная паства по большей части стояла; разбросанные группы тут и там сидели на корточках на каменных опорах, нигде не было стула, и, казалось, никому эта беседа не показалась слишком длинной. Когда, наконец, проповедник закончил, хористы в белых одеждах, мужчины и юноши, вышли из хора и образовали двойную шеренгу. Затем епископ в торжественной форме спустился с высокого алтаря. На нем была малиновая мантия с длинным шлейфом, которую нес священник, а на голове - фиолетовая шапочка с горохово-зеленым хохолком. Платья сопровождавших их священнослужителей были не менее великолепны и богаты по фактуре: некоторые были малинового цвета с тяжелой золотой отделкой, другие - лилового, гвинейско-золотого, персикового или кремово-белого цвета, на некоторых были меховые шапки. Процессия обошла хоры, затем вернулась к исходной точке. Когда я сидел за главным алтарем на одной из деревянных скамеек с высокими спинками, предназначенных для престарелых бедняков, ко мне подошли два крошечных мальчика-хориста, оба в белых стихарях, один с розовым, другой с небесно-голубым воротничком. Здесь они болтали и смеялись, держась руками за веревку звонка, готовые подать сигнал к подъему. Внезапно хихиканье прекратилось, детские ручки потянули за веревку, послышался звон колокольчика, и толпа, как один человек, упала на колени, а орган тем временем заиграл божественно. Служба закончилась, толпы людей вышли на ослепительный солнечный свет: увеселительные вечеринки, прогулки на пароходе, визиты, театры, бои быков занимали остаток дня, Рамбла представляла собой маскарад.

Необходима экскурсия к северу от города, чтобы увидеть его очаровательные, быстрорастущие пригороды. Многие из них, как в случае с Парижем, Пасси, Отеем, Бельвилем и другими, раньше были маленькими городками, но быстро становятся частью самой Барселоны.

Самое музыкальное название - Грасия, куда можно добраться по железной дороге или трамваю, где у богатых горожан есть свои апельсиновые и лимонные сады, замки и виллы, а также множество религиозных обителей. Только в этом восхитительном пригородном уединении можно насчитать не менее шести женских монастырей; мрачные здания, похожие на тюрьмы, с крошечными зарешеченными окнами, указывающие на обитель монахинь аскетических орденов. Недавно был основан орден Святого Доминго. Здание выглядит в точности как тюрьма. Здесь также есть несколько конгрегаций другого пола — миссионеры Святого Сердца, отцы Сан-Филипе и другие.

Грасию можно назвать Хэмпстедом Барселоны. Вряд ли это дом, но у нее есть свой сад. Над высокими стенами вьются великолепные лианы и дурман, а за железными воротами мы видим георгины во всем великолепии, красные и белые розы, а над ними - апельсиновые и лимонные деревья с глянцевыми листьями и созревающими плодами. Самый приятный пригород Барселоны вполне достоин своего названия. По мере приближения к Саррии пейзаж становится более сельским, и под ярким ноябрьским солнцем он напоминает путешественнику Восток с квадратными белыми домами с низкими крышами, возвышающимися среди оливковых деревьев и пальм. Алоэ и опунции на пустыре снова и снова напоминают об Алжире. Здесь раскинулись обширные огороды и виноградники, поставляющие товары на городские рынки, а также расположенные на своих собственных землях на солнечных склонах холмов квинты или загородные дома богатых горожан и вельмож.

Из маленького городка Саррия, который пока трудно назвать пригородом, открывается великолепный вид на город, порт и море. Узкие пыльные улочки с домами с закрытыми ставнями имеют сонный вид; тем не менее, Саррия владеет одной из крупнейших хлопчатобумажных фабрик в Испании, на одной фирме занято несколько тысяч рабочих. Железнодорожная ветка заканчивается в Саррии. Здесь высаживаются туристы и отдыхающие; самый выносливый пешеход, чтобы добраться до вершины горы Тибидахо пешком — это дело двух часов или около того, — менее предприимчивый, чтобы воспользоваться одним из крытых автомобилей, ожидающих экскурсантов у вокзала. Гора Тибидахо - любимое место отдыха горожан. Даже в ноябре здесь наверняка проходят многочисленные увеселительные вечеринки, а большие рестораны свидетельствуют о том, что летом здесь царит шефство. На продуваемых ветром высотах вокруг расположены роскошные особняки знати и принцев-торговцев, а внизу раскинулись многочисленные живописные долины, особенно Сан-Кугат. Иностранец, которому посчастливится получить допуск, окажется в сказочной стране, описанной Теннисоном в его “Гарун аль-Рашиде”, Оуэном Мередитом в “Осаде Константинополя” или Гаянгосом в его восхитительном переводе “Хроник Аль-Маккари”. Мраморные дворы, хрустальные фонтаны, великолепные бани, мозаичные тротуары, скульптуры, гобелены, вольеры, редкая экзотика, золотая и серебряная посуда теперь сочетаются со всеми современными удобствами. Достаточно остановиться в одном из хорошо оборудованных отелей, чтобы составить некоторое представление об испанском обществе. Во время каникул здесь селятся многие семьи из города. Общественные мероприятия, пикники, экскурсии, концерты - в порядке вещей, а по воскресеньям сады оживляют хорошие военные оркестры.

К юго-востоку от Барселоны расположен пригород Барселонета, часто посещаемый моряками. Между городом и пригородом курсируют недорогие лодочки, по воскресеньям и праздникам в придачу звучит шарманка. Гавань тогда черна от зрителей, а лодки и маленькие пароходики,

совершающие круиз по порту за полфранка, переполнены отдыхающими. Яркие шелковые головные уборы женщин, малиновые или алые сомбреро и пледы мужчин, мундиры солдат, яркие платья дам - все это создает живописную картину. На борту судов за музыку шарманки ни в коем случае нельзя платить. Исполненному благих намерений незнакомцу, который должен предложить музыканту пенни, дают понять, что угощение безвозмездное и щедро предоставляется мастерами своего дела. Поскольку жадность почти повсеместна в тех частях света, которые часто посещают туристы, отрадно иметь возможность вести хронику таких исключений. Действительно, экскурсantu Барселоны редко приходится засовывать руку в карман.

Хотя столица Каталонии и уступает другим испанским городам по живописности и интересу в целом, она компенсирует дефицит изобилием ресурсов. В нем нет ничего, что можно было бы назвать картинной галереей; музеи второсортные, коллекции древностей незначительны. Но какой еще город в Испании может похвастаться таким количеством ученых организаций и разнообразных центров интеллектуальной деятельности? Чрезмерная преданность делу и научные изыскания здесь, кажется, не противоречат друг другу. Как ни странно, население, которое, кажется, постоянно стоит на коленях, первым приветствует современные идеи.

Академия художеств была основана в 1751 году и обязана своим происхождением Хунте, или Торговому трибуналу Каталонии. Эта художественная школа великолепно разместилась во дворце Лонха, и при нем находится музей, содержащий несколько любопытных образцов старых испанских мастеров, несколько довольно убогих копий итальянских школ и одно настоящее художественное сокровище чистой воды. Это коллекция черно-белых этюдов талантливого Фортунни, который здесь получил первое образование. Эскизы выполнены виртуозно и искупают незначительность оставшейся коллекции. На занятия допускаются студенты обоих полов, курс обучения охватывает живопись во всех ее отраслях, лепку, офорт, линейный рисунок и перспективу, анатомию и эстетику. Отрадно обнаружить, что девочки посещают эти занятия, хотя пока в небольшом количестве.

Движение в поддержку высшего образования женщин продвигается по Испании черепашьями темпами. Огромное количество женских монастырей и так называемых “Эскуэлас Пайас”, или религиозных школ, свидетельствуют о том, что даже в самом космополитичном и просвещенном испанском городе образование девочек по-прежнему остается в основном в руках монахинь. Существуют светские школы и колледжи, а также обычная школа для подготовки женщин-учителей, основанная несколько лет назад. То тут, то там мы встречаем богатые семьи, доверяющие своих девочек английским гувернанткам, но такие случаи редки.

Однако мы должны помнить, что помимо многочисленных “Эскуэлас пайас” и светских школ, существует несколько, открытых под эгидой испанской евангелической организации, а также Лиги содействия мирскому обучению. Таким образом, нам не нужно делать вывод, что из-за того, что они не посещают муниципальные школы, дети остаются необученными.

Мы были свидетелями того, как неохотно католические страны соглашались давать образование своим женщинам во Франции. Здесь, в двадцатом веке, главным занятием образованной испанской леди, по-видимому, является пересчет четок в церкви.

Музыке обучают повсеместно, и нигде так усердно не занимаются игрой на фортепиано. Учителей игры на фортепиано можно насчитать сотнями; а консерватории, помимо академий по

частной инициативе, предлагают учащимся основательную музыкальную подготовку. Элегантные пианино, отличающиеся большой тонкостью звучания и низкой ценой, являются ведущей особенностью производства Барселоны, в частности фирмы Bernareggi.

Университет, в котором обучаются две тысячи пятьсот студентов, был основан в 1430 году и перестроен в 1873 году.

Техническая школа - единственная полноценная школа искусств и наук, существующая в Испании, — была открыта под той же крышей в 1850 году; и в связи с этим проводятся вечерние занятия. Любой рабочий, имеющий справку о хорошем поведении, может посещать эти занятия бесплатно. При университете также действуют школы архитектуры и навигации.

Жажда знаний характеризует все классы общества. Литературный клуб рабочих, или Атенеум, основанный несколько лет назад, сейчас является процветающим учреждением, которому помогают муниципальные фонды. В его стенах запрещен любой вид отдыха. Открытые здесь вечерние школы посещают несколько сотен учеников. Барселона также может похвастаться Академией художественной литературы, первой основанной в Испании; школами естествознания, химии, сельского хозяйства, медицины и хирургии, юриспруденции, академией, посвященной культуре каталонского языка, с библиотекой и музеем. Это общество внесло большой вклад в охрану древних зданий по всей провинции, помимо накопления ценных сокровищ, легенд, ботанических и геологических образцов и предметов старины. Археологическое общество Барселоны также проделало хорошую работу: по его инициативе город в основном обязан очаровательной маленькой коллекцией древностей, известной как “Провинциальный музей”, о котором уже упоминалось ранее.

В плане общественных развлечений Барселона необычайно богата. Ее оперный театр, вмещающий четыре тысячи зрителей, по площади не уступает знаменитому московскому театру. Непритязательный внешний вид не дает представления о великолепии внутри. Кроме того, можно насчитать дюжину театров. Увы, бои быков! до сих пор позорят самый передовой город полуострова. Арена для боя быков была основана в 1834 году, и это жестокое зрелище до сих пор привлекает огромные толпы, в основном состоящие из местных жителей. Иностранные резиденты всех рангов почти единодушно отвергают бой быков.

Теперь необходимо сказать несколько слов об истории этого древнего места. Предполагается, что город, основанный здесь Гамилькаром Барко, отцом великого Ганнибала, стоит на месте еще одного древнего города, существовавшего задолго до основания Рима. Карфагенский город в 206 году до н.э. стал римской колонией под названием “Фавентия Юлия Августа Пиа Барзино”, которая, однако, затмила по значимости Таррагону, римскую столицу. В 409 году нашей эры он был захвачен готами и под их владычеством увеличился в размерах и влиянии, чеканя собственные деньги с надписью “Барцинона”. После разрушения Таррагоны маврами Барселона капитулировала, с ней обошлись милосердно, и она снова стала метрополией. После многих превратностей в девятом веке им правил собственный христианский вождь, потомки которого до двенадцатого управляли им под титулом графов Барселоны, позже приняв титул королей Арагона, к королевству которого была присоединена провинция. В средние века Барселона играла важнейшую роль в истории торговли. По словам Форда, “Подобно древнему Карфагену, она была властелином и ужасом Средиземноморья. Она разделила с Италией обогащающую торговлю Востока. Тогда это был город торговли, завоеваний и придворных, вкуса, учености и роскоши — Афины трубадура”.

Его знаменитый торговый кодекс, составленный в XIII веке, получил признание по всей Европе. Здесь был установлен один из первых печатных станков в Испании, и здесь Колумб был принят Фердинандом и Изабеллой после его открытия нового света. Сто лет спустя из порта был спущен на воду корабль, приводимый в движение паром. Отныне история Барселоны - это всего лишь перечень тираний и предательств, с которыми храбрый, хотя и беспокойный город боролся в одиночку. В 1711 году он был подвергнут бомбардировке и частично разрушен Филиппом V. Несколько лет спустя, после великодушной защиты, он был взят штурмом Бервиком от имени Людовика XIV и предан разграблению, надругательству, огню и мечу. Мошеннический захват Барселоны Наполеоном - одна из самых позорных страниц его позорной истории. Первый город — ключ Испании, как он его называл, — который был взят только в честной войне восемьюдесятью тысячами человек, был подло заманен в ловушку и оставался в руках французов до Парижского мирного договора 1814 года. С тех пор Барселона наслаждалась лишь прерывистыми перерывами на отдых. В 1827 году произошло народное восстание в пользу дона Карлоса. В 1834 году королева Кристина выступила против, а в 1840 году общественное мнение высказалось за Эспартеро. В 1856 и 1874 годах произошли восстания, не обошедшиеся без кровопролития.

Барселона - отличное место сбора торговцев со всех концов Европы. В ее красивых отелях слышится настоящий гул языков. Основная продукция состоит из шерстяных тканей, которые, как говорят, уступают английским по качеству, — шелка, кружев, огнестрельного оружия, шляп, скобяных изделий, пианино; последние, как уже было сказано, превосходного качества и по низкой цене. В этот список должны быть включены фарфор, хрусталь, мебель и инкрустированные изделия, а также изделия из железа и каменных блоков.

Прекрасно расположенная на берегу Средиземного моря между устьями двух рек — Льобрегата и Бесоса — и обладающая одним из лучших климатических условий в мире, Барселона, несомненно, вскоре будет соперничать с Алжиром в качестве оздоровительного курорта. Три железнодорожные ветки теперь соединяют его непосредственно с Парижем, от которого его отделяет двадцать восемь часов пути. Путешественник может выехать из Барселоны в пять часов утра и добраться до Лиона в полночь, сделав пересадку только на границе. Маршрут через Бордо столь же быстрый; через Клермон-Ферран менее сложный, но более живописный. Отели столицы Каталонии не оставляют желать лучшего в плане управления, гигиены, комфорта, а цены строго регулируются тарифами. Единственный недостаток, на который можно пожаловаться, — это полное отсутствие женского элемента - в помещении не видно ни одной женщины. Хорошие семейные отели, обеспеченные леди-клерками и горничными, являются решительным желанием. Путешественник, желающий овладеть испанским языком и познакомиться с испанской жизнью и нравами, может остановиться в одном из многочисленных пансионатов.

Барселона очень богата филантропическими и благотворительными учреждениями. Главным из них является больница Санта-Крус, насчитывающая шестьсот коек. Он находится под совместным управлением сестер и братьев милосердия и медсестер-мирянок обоего пола. Часть здания занимает приют для душевнобольных с пристройками для выздоравливающих. Больница Святого Корасона, основанная по общественной подписке в 1870 году для хирургических больных, также красноречиво свидетельствует о щедрости граждан. Единственное, что требуется от пациента, - это паспорт бедности. Интересной особенностью этой больницы является то, что руководящий комитет состоит из женщин. Сестринский

персонал сформирован из французских сестер Святого Винсента де Поля. Кроме того, следует назвать приют для более чем двух тысяч детей обоего пола — Casa de Caridad de la Provincia de Barcelona — приюты для брошенных младенцев, для осиротевших детей моряков, родильные дома, ясли и т.д. Здесь также есть школа для слепых и глухонемых, первая в своем роде, созданная в Испании. Здесь слепые обоего пола получают тщательную музыкальную подготовку, а глухонемых обучают по системе, известной как речь губами. Все обучение бесплатное.

В Барселоне насчитывается тридцать восемь церквей, не считая часовен при женских монастырях, и огромное количество монастырских домов. Несколько евангелических служб проводятся по воскресеньям как в городе, так и в пригороде Барселонета. Протестантские общины Испании, Англии, Франции, Германии, Швеции и других стран имеют здесь своих представителей и организации. При этих церквях открыты воскресные школы и вечерние школы для взрослых. Протестантская организация, по-видимому, активна. Мы находим здесь филиал Общества религиозных трактатов; издаются различные религиозные журналы, многие из которых являются переводами с английского и немецкого. Среди них "Revista Christiana", предназначенная для более вдумчивых читателей; "La Luz", орган Реформатской церкви Испании; и несколько иллюстрированных периодических изданий для детей. Пустит ли протестантизм когда-нибудь глубокие корни на родине инквизиции? Время покажет.

То, что здесь придерживаются очень передовых политических взглядов, вряд ли должно нас удивлять. Мы находим следующие существующие демократические клубы: Исторический республиканский клуб ("Centro Republicano Historico"), Республиканский клуб POSSИБИЛИСТОВ ("Circulo Republicano Possibilista"), Клуб демократических прогрессистов, Федеральный республиканский клуб и многие другие. Когда в следующий раз в Испании произойдет крупное народное движение — а событие уже маячит вдали, — без сомнения, первый импульс будет дан в Барселоне.

Здесь рано появилось электрическое освещение, компания была основана еще в 1880 году и имела филиалы в столице, Севилье, Валенсии, Бильбао и других городах. Важность Барселоны как торгового центра подтверждается огромным количеством банков. На каждом шагу незнакомец натывается на банк. "По сравнению с могучими ульями английской промышленности и мастерства здесь все мелко", - писал Форд пятьдесят лет назад. Совсем иным был бы его вердикт, если бы он вновь посетил каталонские Манчестер и Ливерпуль в наши дни.

Одной из любопытных особенностей общественной жизни Испании является чрезвычайное количество религиозных праздников и государственных праздников. Закон о банковских каникулах не требуется, как в соседней стране Франции. Вот список дней, в течение которых бизнес в этом любящем развлечения городе по большей части приостанавливается: День двенадцатого кулича - великий праздник малышей; карнавал продолжается, пусть и с меньшим былым блеском, тем не менее с большим воодушевлением; в пепельную среду богатые и бедные разъезжаются по деревням; Страстной четверг и Страстная пятница отмечаются с большой помпой в церквях; в канун Пасхи проходит процессия пастухов в парке; Пасхальный понедельник - день, посвященный сельскому веселью; 19 марта День Святого Хосе — это всеобщий праздник, едва ли не самый массовый. семья в Испании, среди которой нет Хосе. Первое воскресенье мая - праздник цветов и поэтических состязаний; дни, посвященные

святому Хуану и святому Педро, являются государственными праздниками, которым покровительствует огромное количество жителей страны; Дни всех святых и поминовения усопших, как мы видели, посвящены чередованию богослужения и праздника. 20 декабря отмечается праздник Рождества Христова, ярмарка и витрины магазинов привлекают незнакомцев со всех концов света. Но особенно все классы празднуют дни, посвященные Пресвятой Деве. Балы, банкеты, процессии, представления чудес, иллюминации, бои быков, скачки, школьные праздники, промышленные выставки, гражданские церемонии, помимо торжественных служб, занимают старых и молодых, богатых и бедных. Угощение - в порядке вещей, и на витрины кондитерской приятно смотреть.

Хотя многие местные обычаи отмирают, мы все еще можем увидеть некоторые любопытные уличные достопримечательности, описанные Фордом пятьдесят лет назад, и поклонение Марии, о котором он сожалел, по-прежнему активно, как никогда. Однако изобилие деликатесов в магазинах опровергает его несколько язвительное описание испанского приема. “Те, кто получает, - писал он, - очень мало угощаются, если только не хотят быть покрытыми славой; пространства, света и немного плохой музыки достаточно, чтобы развлечь эти веселые, легко радующиеся души и насытить их скромные тела. Для тех, кто под гостеприимством и развлечениями понимает только еду и питье — пищу для человека и животных, — такие голодные действия будут более почетны при нарушении, чем при соблюдении; но эти вопросы во многом зависят от широты и долготы”. Как бы то ни было, либо климат Барселоны изменился, либо международное общение произвело революцию в испанском пищеварении. Тридцать лет назад, путешествуя по Испании, не было ничего необычного в том, что художавый аристократичный идальго входил в ресторан и с большой церемонностью завтракал крошечным омлетом. В настоящее время мы находим множество испанских гостей в общественных заведениях, отдающих должное обильному столу. Английские гости в испанском доме получают не только хорошую музыку в дополнение к пространству и свету, но и обильное материальное гостеприимство.

Испания, о которой Форд писал с таким юмором и, надо признать, часто с таким злорадством, претерпевает медленные, но верные преобразования. Многие национальные особенности сохраняются — страсть к жестоким боям быков по-прежнему позорит образованный народ, женщины по-прежнему проводят большую часть своей жизни в церкви, религиозная нетерпимость начала двадцатого века должна быть поставлена в вину медленно прогрессирующей нации. С другой стороны, и нигде этот факт не является более очевидным, чем в Барселоне, великая интеллектуальная и социальная революция, описанная современными испанскими романистами, сближает полуостров со своими соседями. *Например*, многие молодые испанцы сейчас получают образование в Англии, в Малаге свободно говорят на английском, а ее литература больше не является неизвестной испанским читателям. Эти факты указывают на грядущие перемены. Исключительность, которая до сих пор препятствовала прогрессу этой богатой и привлекательной страны, идет на убыль. Кто скажет? Возможно, вскоре мы увидим темноглазых студентов из Барселоны в колледже Гертон и испанское общество защиты животных, запрещающее мучить быков и лошадей для всеобщего удовольствия.

Уже — к чести ее имени — испанская писательница, одаренная Кабальеро, обратилась к своим соотечественникам с трогательными призывами к более мягкому обращению с животными в целом. По большей части, надо с грустью признать, напрасно!

Несмотря на свое передовое положение в интеллектуальном и коммерческом плане, Барселона не произвела на свет известных людей. Ее самый благородный памятник воздвигнут иностранке; Лопес, щедрая гражданка, удостоенная статуи, родилась в Сантандере. Прим, хотя и каталонка, не впервые увидела свет в столице. По какому-то странному стечению обстоятельств этот благородный город обязан своей славой скорее коллективному гению и духу своих детей, чем кому-либо другому. Великодушная мачеха, она усыновила тех, кого отождествляла с ее великолепием, кого родила не она сама.

Бальзак остроумно замечает, что ужин - это барометр семейного кошелька в Париже. О том, процветают парижане или нет, можно судить, взглянув на ежедневную доску. Одежда служит хорошим индикатором температуры во всем мире. Нам нужно только заметить, во что одеты люди, и мы сможем составить для себя прогноз погоды. Хотя поздняя осень в целом была благоприятной, я оставил в Париже камин, меха и пальто. В Лионе, городе, страдающем от климата, который уместно охарактеризовать как "душный", дамы еще не избавились от летней одежды и только начинали обновлять фетровые шляпы и меховые мантии.

В Монпелье погода стояла апрельская — мягкая, ветреная, с дождем; непромокаемые ботинки, калоши и зонтики были в порядке вещей. Добравшись до Барселоны, я застал палящее солнце, окна распахнуты настежь, и все одеты в самую легкую одежду. Такие факты делают свое дело для термометра.

Обладея одним из лучших климатических условий в мире, природным положением редкой красоты, добродушным, космополитичным и поразительно красивым населением и, наконец, транспортной доступностью, Барселона, несомненно, должна стать оздоровительным курортом, едва ли уступающим Алжиру. Почему это не так, я возьмусь объяснить.

Во-первых, есть нечто, в чем инвалиды и сиделки нуждаются более настоятельно, чем в идеальном климате. Они не могут обойтись без женской помощи. Для страдающих, подавленных, нервных женское влияние часто обладает большей успокаивающей — нет, целительной — силой, чем любой медицинский рецепт.

Пусть никто не примет лестное помазание на свою душу — с таким же успехом можно искать женщину в армии Пашо или на военном корабле, как и в роскошных, хорошо оборудованных, в остальном безупречных отелях Барселоны! Они могут похвастаться мраморными полами, ваннами, которыми не удовлетворился бы и римский gastronome, салонами, роскошными, как в клубе Вест-Энда, газетами на десятке языков, толпой вежливых официантов, разнообразием блюд, восхитительными винами, но нигде не попадается на глаза дочь Евы, старая или молодая, красивая или уродливая — если, конечно, в Барселоне существует уродливая женщина! Ни очаровательной хозяйки, как во французских отелях, проявляющей дружеский интерес к своим гостям, ни горничных, услужливых и проворных, как Мэри и Джейн, которых мы оставили дома, ни даже грубой, доброй, словоохотливой уборщицы, моющей полы. Фешенебельный отель здесь представляет собой огромную казарму, построенную по строго обезличенным принципам. Посетители получают то, что им причитается, и оплачивают свои счета. На этом сделка между трактирщиком и путешественником заканчивается.

Хорошие семейные отели или "пансионаты", в которых инвалиды чувствовали бы себя как дома, к сожалению, необходимы в этом привлекательном, пользующемся большим спросом городе. Следующее пожелание - скорый поезд из Порт-Бу - первого испанского города на границе.

Экспресс на испанской линии сократит поездку до Лиона на несколько часов. Новые вагоны нужны не меньше, чем новые железные дороги. Многие английские вагоны третьего класса чище и комфортабельнее, чем здешние, так называемые “первые”. Следует добавить, что официальные лица олицетворяют собой вежливость и внимание, и что, кроме медлительности и неряшливости, путешественнику не на что жаловаться. Изысканная вежливость по-прежнему является характерной чертой барселонцев, какой она была в эпоху Сервантеса. Об одном исключении будет упомянуто ниже.

Если в стенах отеля нет женщин — за исключением, конечно, случайных туристок, — хвала небесам, и без того достаточно самых обворожительных женщин. Пикантность — это, пожалуй, главное очарование испанской красавицы, будь то высокородная сеньора в своей карете или цветочница в своем ларьке. Все без исключения кажутся рожденными для того, чтобы кружить головы противоположному полу, подобно Кармен из рассказа Мериме. Внешняя привлекательность присуща не только женщинам. Городская полиция, водители такси, трамвайные кондукторы — все обладают тем, что Шопенгауэр называет наилучшим из возможных рекомендательных писем, а именно приятной внешностью.

Количество полиции удивляет нас. Эти шумные, сверкающие улицы с их космополитичными толпами кажутся самыми тихими и упорядоченными в мире. Кажется, трудно поверить, что это спокойствие и удовлетворенность должны быть ложными — только на первый взгляд. И все же это так, как показала недавняя вспышка беспорядков и кровопролития.

“Я видел революцию за революцией, ” сказал мне высокопоставленный испанский джентльмен, идальго старой школы. “ Я ожидаю увидеть больше, если моя жизнь продлится достаточно долго. В Испании нет правительства; каждый, кто стоит у власти, стремится только к самовозвеличиванию. В нашей армии полно буланжеров, каждый из которых готов узурпировать власть в своих целях. Вы предлагаете сменить династию? Мы не могли надеяться, что от этого выиграем. Республика, говорите вы? У нас это тоже оказалось провалом. Ах, вы, англичане, счастливы; вам не нужно резко менять существующий порядок вещей, вы совершаете революции более спокойно”.

Я заметил, что, возможно, национальный характер и темперамент имели какое-то отношение к этому делу. Он ответил очень печально: “Вы правы; мы, южане, более импульсивны, у нас более свирепый нрав. С какой стороны ни посмотри, я не вижу никакой надежды для несчастной Испании”.

Проходящему мимо путешественнику трудно осознать такие мрачные размышления. И все же, когда мы рассматриваем огромную силу такого города, как Барселона, его прогрессивные тенденции, его дух научного исследования, мы можем лишь признать, что ультрамонтанское регентство и реакционное правительство не должны гармонировать с тенденциями современной Испании.

Есть только одно занятие, которое, по-видимому, оказывает ухудшающее воздействие на испанский характер. Во всяком случае, атмосфера почтового отделения делает каталонца резким, как восточный ветер, и едким, как терн. Мне посоветовали обзавестись паспортом перед повторным посещением Испании, но я принципиально отказался это сделать.

Какое нам дело до этого пережитка варварства в начале двадцатого века, во времена мира между дружественными народами? Получение паспорта при таких обстоятельствах казалось

мне таким же анахронизмом, как ношение наплечника или обращение за королевским прикосновением при золотухе. По чистой случайности заказное письмо, содержащее банковские купюры, было адресовано мне до востребования. Никогда еще не было такой бури в чайной чашке, такого стога горы перед появлением на свет крошечного мышонка! Доставка заказных писем в Испании сопровождается таким же формализмом, как брачный контракт во Франции. Пусть будущие путешественники, ожидающие получения таких документов, возьмут с собой не только паспорт, но и копию записи о крещении, свидетельства о браке своих родителей, семейную Библию — независимо от ее размера — и любые другие документы, удостоверяющие личность, которые попадутся им под руку. Они не найдут ничего лишнего.

V

МАРСЕЛЬ

Его греческие основатели и ранняя история—Великолепный вид с моря—Каннебьер—Парадо и Набережная Корниш—Замок Иф и Монте-Кристо—Влияние греков в Марселе—Разрушения от чумы и мора—Сокровища Дворца искусств—Часовня Нотр—Дам-де-ла-Гард—Новый Марсель и его будущее.

Примерно за шестьсот лет до Рождества Христова, когда Средиземное море, окруженное длинным рядом торговых колоний, впервые начало с поразительной быстротой превращаться в “греческое озеро”, группа отважных эллинских мореплавателей — юных Колумбов своего времени, полных жизни и энергии, — отплыла из Фокеи в Малой Азии и окольными путями направилась туда, что тогда было Далеко на Запад, в поисках подходящего и незаселенного места для основания нового торгового города. Сильно теснимые персами на родном берегу, эти свободные молодые греки — Отцы-пилигримы современного Марселя - навсегда оставили город, в котором родились, и отправились на поиски свободы в какую-то далекую страну, где ни Кир, ни Ксеркс никогда не смогли бы им досаждать. Проплыв мимо Греции и Сицилии, обогнув Мессину и войдя в почти неизвестное Тирренское море, отважные путешественники, после множества неудачных попыток на Корсике и в других местах, наконец достигли суровых белых холмов галльского побережья, и бросили якорь в маленькой, но почти не имеющей выхода к морю гавани, под прикрытием нескольких голых известняковых гор. Нашли ли они финикийскую колонию, уже основанную на этом месте, или нет, в наши дни для истории имеет столь же мало значения, как и то, действительно ли их лидеров звали Симос и Протис или совсем иначе. Что действительно важно, так это тот несомненный факт, что Массалия, как называли ее греческие основатели, на протяжении всей своей ранней истории сохраняла отпечаток истинно

эллинского города; и что даже по сей день много хорошей греческой крови течет, без сомнения, в горячих жилах всех ее подлинных коренных граждан.

Основанный таким образом город имел долгую, славную и богатую событиями историю. Марсель сегодня является столицей Средиземноморья, настоящей торговой столицей этого внутреннего моря, которое теперь снова стало единым органическим целым после долгого разделения в результате мусульманского завоевания Северной Африки и Леванта на две отдельные и враждебные части. Население Неаполя, это правда, больше; но с другой стороны, популяция неаполитанских лаццарони, простых человеческих трутней, слоняющихся по своему улью и греющихся на солнышке, мало что значит, за исключением торговли макаронами. Чем когда-то была Венеция, тем Марсель стал сегодня; главные ворота средиземноморского судоходства, главный рынок купцов, которые спускаются на кораблях по внутреннему морю. В Каннебьере и Старом Порту она действительно обладает, как выразился однажды Эдмон, “открытой дверью в Средиземное море и во весь мир”. Пароходы и парусники, стоящие вдоль ее причалов, связывают все средиземноморское побережье в единое органическое коммерческое целое. Вот пакет для Барселоны и Малаги; вот пакет для Неаполя, Мальты и Константинополя. На этом огромном лайнере, греющемся на солнце в Ла-Джолиетт, мы можем отправиться в Афины и Александрию, а оттуда - в Алжир, Кальяри и Тунис. Более того, Суэцкий канал расширил ее границы за пределы внутреннего моря до Индийского океана, и Геркулесовы столпы больше не препятствуют свободному использованию великого атлантического водного пути. Вы можете сесть на корабль, если пожелаете, с набережной Братства в Бомбей или Иокогаму, в Рио или Буэнос-Айрес, в Санта-Крус, Тенерифе, Сингапур или Мельбурн. И такому широкому распространению своего коммерческого значения Марсель обязан, главным образом, без сомнения, своим исключительным преимуществам природного положения, но в значительной степени также, я осмеливаюсь думать, эллинской предприимчивости его проникательного и энергичного греко-галльского населения.

И какой чудесной истории нет у нее за плечами! Прежде всего, без сомнения, небольшая рыболовецкая и торговая станция доисторических галльских или лигурийских крестьян располагалась на том месте, где сейчас великолепный фасад Биржи увековечивает имена величайших фокейских мореплавателей Массалии. Затем финикийцы воспользовались переменчивой обстановкой и построили те античные колонны и забытые святилища, скудные остатки которых были недавно обнаружены при раскопках улицы Республики. Затем прибыли первые фокейские колонисты, немного позже усиленные всей мощью своих непобедимых горожан, которые, согласно хорошо известной легенде, сохранившейся у Геродота, отплыли всем скопом, когда они больше не могли сопротивляться осаждавшим их персам. Греческий город стал как бы ранней Калькуттой для галльской торговли, со своими собственными отдаленными колониями в Ницце, Антибе и Йере и своими внутренними “фабриками” (если использовать старое знакомое англо-индийское слово) в Тарасконе, Авиньоне и многих других древних городах долины Роны. Ее адмиралы плавали по всем известным морям: Эвтимен исследовал побережья Африки вплоть до Сенегала; Пифеас проследовал вдоль европейского побережья мимо Британии и Ирландии к северу от Шетландских островов. Короче говоря, пока римлянин не прибыл на галльское побережье со своим устрашающим коротким мечом, Массалия оставалась бесспорной царицей всех вод западного Средиземноморья.

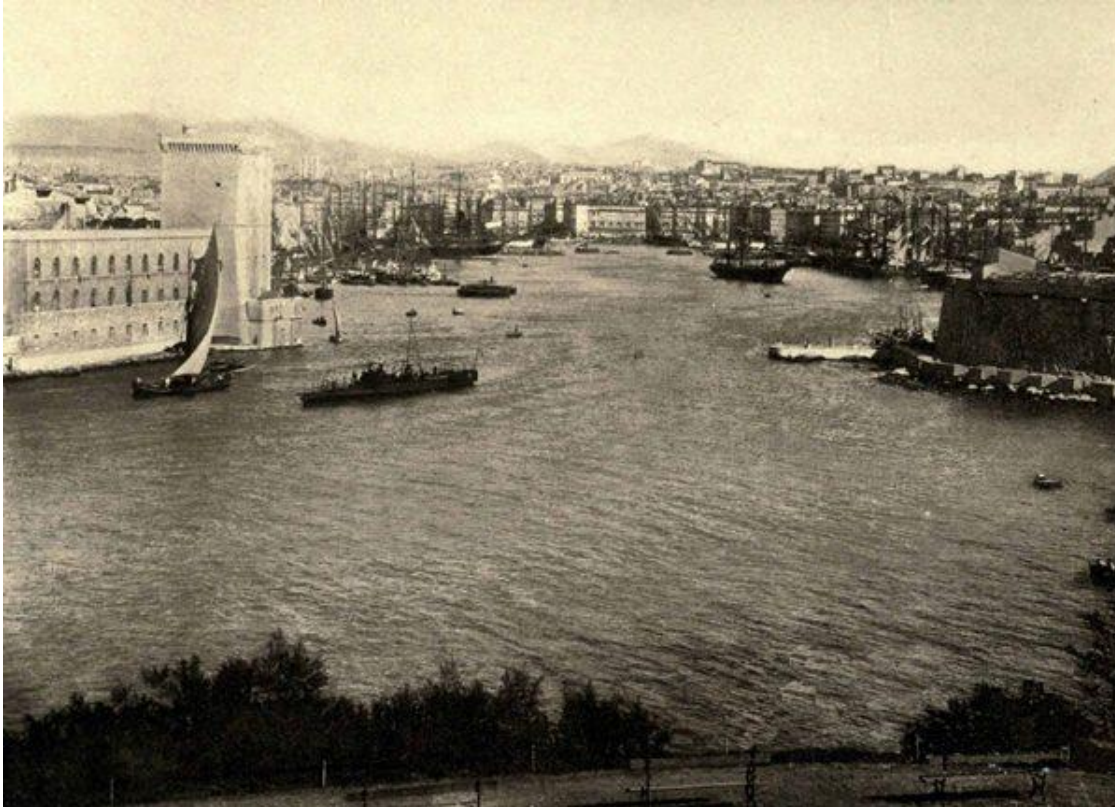
Однако перед “волком из Капитолия” померкли все звезды. Однако даже при Римской империи Массилия (как называли это имя новые завоеватели, просто изменив гласную) сохранила свою

греческую речь и манеры, которые она почти не утратила (если верить случайным намекам более поздних историков) до самого кануна вторжения варваров. С периодом Крестовых походов город Евтимен стал еще более великим и свободным и вряд ли полностью утратил свою независимость вплоть до эпохи Людовика XIV. Однако только после Французской революции она начала по-настоящему вытеснять Венецию как истинную столицу Средиземноморья. Упадок турецкого могущества, рост торговли с Александрией и Левантом, окончательное разгромление берберийских пиратов, завоевание Алжира и, наконец, открытие Суэцкого канала — работы Франции — все это помогло увеличить ее торговлю и население гигантскими шагами за полдюжину десятилетий. В настоящее время Марсель является главным морским городом Франции и признанным центром средиземноморских путешествий и транспортного сообщения.

Таким образом, для иностранца правильный путь в Марсель - это море, старинная магистраль торговли антиквариатом. Старый порт и Каннебьер - это ее парадная дверь, в то время как железная дорога из Парижа ведет вас в лучшем случае, так сказать, по обшарпанным коридорам, через боковой вход. С моря Марсель действительно великолепен. Я не знаю, есть ли во всем Средиземноморье что-нибудь более подходящее для великого города, чем то, что предстает перед глазами артистичного путешественника. Вокруг города полукругом возвышаются засушливые белые холмы, действительно бесплодные и голые на вид; но освещенные голубым провансальским небом чудесным потоком заимствованного сияния, выделяющего каждую выступающую вершину и утес в ясном сухом воздухе в отчетливой перспективе. Их стороны усеяны маленькими квадратными белыми домиками, знаменитыми *бастидами* или загородными домиками добропорядочных марсельских буржуа. Впереди из залива выступает группа залитых солнцем скалистых островков, на одном из которых возвышаются живописные бастиины замка Иф, так хорошо знакомые читателю “Монте-Кристо”. Передний план занимает сам город с его лесом мачт и новым куполом пестрого византийского собора, который полностью вытеснил старый собор Сен-Лазар, от которого сохранилось лишь несколько следов. На небольшом расстоянии знаменитая старая паломническая часовня Нотр-Дам-де-ла-Гард венчает вершину пирамидального холма с его живописной массой запутанной архитектуры. Справа и слева эти бесконечные белые холмы с почти утомительной яркостью сияют на солнце на многие мили подряд; но прямо перед ними, там, где дольше всего задерживается взгляд, суэта большого торгового города кишит разнообразной жизнью на набережных и пристанях.

Если вам посчастливится впервые попасть в Марсель через Старый порт, вы сразу окажетесь в самой гуще всего самого характерного, яркого и местного в этом оживленном городе. Эта маленькая продолговатая котловина, окруженная с внешней стороны выступающими холмами, действительно была местом создания великого города. Конечно, Старого порта сейчас совершенно недостаточно для удовлетворения современных потребностей первоклассной гавани; и все же он все еще сохранился не только как историческая реликвия, но и как живая реальность, даже сегодня переполненная кораблями всех наций. На набережной вы можете увидеть весь разнообразный средиземноморский мир в сборе конгресса. Здесь греки из Афин и левантийцы из Смирны сражаются бок о бок с итальянцами из Генуи и арабами или маврами из Танжера или Туниса. Допустимы любые костюмы и манеры. Толпа всегда взволнована и всегда оживлена. Когда вы приземляетесь, ваш слух встречает вавилон языков, в котором главное место занимает истинный марсельский диалект провансальского — изящный язык, в котором преобладающий латинский элемент еще не полностью избавился от некоторых скрытых следов

эллинского происхождения. Яркие краски, шум, жизнь, движение: в одно мгновение путешественник из северного климата осознает очевидный факт, что он попал в новый мир — тот яркий, стремительный, нетерпеливый южный мир, центр которого сегодня находится на провансальском побережье.

Углубитесь на ярд или два дальше в переполненный Каннебьер, и разница между этим городом и холодным Севером будет на каждом шагу бросаться в глаза еще сильнее. Каждый добрый сын старого Марселя твердо верит, что эта знаменитая магистраль является, по знакомому местному выражению, “la plus belle rue de l'universes”. Поскольку мое собственное знакомство с границами Вселенной несколько ограничено (я сам никогда не выезжал за пределы нашей собственной солнечной системы), я бы не стал слишком буквально и безоговорочно одобрять эту широкую похвалу марсельскому уму; но что касается, по крайней мере, нашей скромной маленькой планеты, я определенно не знаю другой улицы в пределах моего личного опыта (за исключением Бродвея, Нью-Йорк), на которой было бы столько жизни и разнообразия, как на Каннебьер. Конечно, он не длинный, но просторный, и с утра до вечера его просторные *тротуары* постоянно заполнены такой бурлящей толпой космополитов, какую вы вряд ли найдете где-либо еще по эту сторону Александрии. Ибо космополитизм - истинная ключевая нота Марселя, а Каннебьер - это дорога, которая ведет в одном направлении прямо в Париж, но открывается в другом направлении полностью в Алжир и Италию, в Египет и Индию.

Какую картину человеческой жизни рисует этот шумный Каннебьер! И днем, и ночью он одинаково привлекателен. На нем сосредоточено все, что есть живого в Марселе — большие

отели, сверкающие кафе, роскошные магазины, снующие подводы, лошади, запряженные каретами с высокой поступью, и модно одетые люди; бесконечная толпа, многие из которых без шляп по истинно южной моде, не переставая шествуют по его звенящим тротуарам. В конце концов, Старый порт закрывает вид своими сомкнутыми мачтами и рассказывает вам о причинах существования этого смешанного общества. Короче говоря, Каннебьер - это улица Риволи Средиземноморья, главная магистраль всех этих изобилующих нефтью и вином берегов, где культура все еще находится у своей древней колыбели.

Недалеко от набережной, у входа в Каннебьер, находится центральная торговая точка нового Марселя - биржа, где современные фокейцы с сыновней почтительностью отдают должное священной памяти своих древних эллинских предков. Ибо на почетном месте на фасаде этого огромного торгового дворца главное место, как и подобало, было отведено статуям старых адмиралов-массалиотов, Пифея и Евтимена. Именно это постоянное осознание исторической преемственности придает такой большой интерес средиземноморским городам. Стоя перед этими двумя каменными фигурами в переполненном Каннебьере, чувствуешь, что, в конце концов, человечество едино, и что сами фокейцы все еще находятся среди нас в лице своих сыновей.

Каннебьер тянется почти с востока на запад и не имеет большой протяженности, по крайней мере, под своим собственным названием; но под прозрачным псевдонимом Рю де Ноай она продолжается по прямой, пока, наконец, не расширяется до Аллеи Мейлан, любимого места всех сплетников и квиднунков Марселя. Аллеи Мейлана, действительно, являются *идеалом* официального и модного французского променада. Широкие аллеи платанов отбрасывают мягкую тень на его ухоженные дорожки, а опрятнейшие медсестры в чудесных чепчиках и длинных шелковых лентах с показной заботой укачивают самых кружевных и пушистых младенцев в изысканных костюмах на своих пухлых коленях. На каменных скамьях по обе стороны от него обсуждают последние городские новости; зуав безмятежно флиртует с продавщицами без шляпок; городской сержант гордо вышагивает посередине и едва достаивает вниманием подобные человеческие слабости. Эти Аллеи - любимое пристанище всех праздных марсельцев, стоящее ниже ранга "каретной компании", и вполне вероятно, что сатана находит здесь для своих рук столько же делишек, сколько и в любой другой части этого беззаботного города.

Под прямым углом к главной центральной артерии, образованной, таким образом, Каннебьер, улицей Ноай и Аллеями Мейлан, течет второй главный поток марсельской жизни, вниз по руслу, которое начинается как улица Экс и Кур Бельзюнс, и заканчивается, после различных промежуточных изменений, как улица Рим и Прадо. Как раз там, где она пересекает течение Каннебьер, эта многоименная улица носит название Cours St. Louis. Неподалеку находится место, где цветочницы причудливо восседают на своих забавных маленьких кафедрах, откуда они раздают большие букеты свежих росистых фиалок или розовато-белые бутоны роз с убедительным красноречием для упрямого прохожего. Этот цветочный рынок - одна из достопримечательностей Марселя, и я нигде не знаю другого, даже в Ницце, такого живописного и старомодного. Он сохраняет что-то от истинно провансальского колорита и напоминает о том, что здесь, в этой греческой колонии, мы все еще находимся посреди страны роз и доброго короля Рене, страны трубадуров, золота и цветов, и что это страна солнца и летнего сияния.

Когда Римская улица выходит из города и попадает в пригород, она окутывается нависающей тенью платанов и сразу же становится известной как Прадо — тот знаменитый Прадо, который более священен для любви и радостей марсельцев, чем Елисейские поля для прирожденного парижанина. Ибо Прадо - это послеобеденная прогулка по Марселю, Гнилой ряд местного конного спорта, место сбора и гостиная всего модного в фокейском городе, как Аллеи Мейлан - всего буржуазного или откровенно популярного. Конечно, Прадо мало чем отличается от всех других подобных променадов во Франции: за последние двадцать пять лет высший свет повсюду стал болезненно ручным и однообразным: весь колорит национального костюма или национальных манер исчез из него начисто, и только в провинциальных центрах нам оставили безвкусное изящество Лондона и Парижа, которому плохо подражают. Тем не менее, Прадо, несомненно, оживленный; широкий проспект, окаймленный великолепными виллами в меретрическом архитектурном стиле Османеска; и у него есть определенное большое преимущество перед любым другим подобным променадом, который я знаю в мире — он заканчивается наконец одной из самых красивых и живописных набережных у моря во всей Европе.

Марсельцы с простительной гордостью окрестили эту набережную набережной Корниш в скромное подражание другой большой дороге Корниш, которая петляет по извилистым склонам Турбии между Ниццей и Ментоной. И это действительно “уступчатая дорога”, высеченная, как полка, из цельного известняка. Когда я впервые познакомился с Марселем, там не было Корниша: Прадо, длинная ровная дорога по болотистой равнине, резко обрывалась у моря; и отважному пешеходу, желавшему вернуться в город через утесы, приходилось карабкаться по сомнительной и каменистой тропинке, всегда трудной, часто опасной, и ему сильно мешали рыскающие *едуанье*, всегда готовые арестовать его как подозреваемого в контрабанде. Однако в наши дни все это изменилось. Французские инженеры — всегда славившиеся своими дорогами, высекали в скалистой породе широкую и красивую колесницу для карет, которая здесь нависает на выступе отвесно над морем; там поддерживается снизу тяжелыми контрфорсами превосходной каменной кладки; и устроили марсельцам одну из самых изысканных прогулочных площадок, которые можно найти где-либо на побережье Континента. Это чем-то напоминает новое шоссе из Вильфранша в Монте-Карло; но острова, которыми здесь усеяно море, напоминают скорее Канны или окрестности Сорренто. Отовсюду открываются восхитительные виды на море; и когда закат окрашивает голые белые скалы в розовый и фиолетовый цвета, невозможно представить себе ни в искусстве, ни в природе ничего более насыщенного на фоне изумрудно-зеленого залива. Это так же хорошо, как Торки; и как *cosmopolitan* может сказать лучше?

На Корнише в наши дни тоже самое подходящее место, чтобы отведать знаменитое старинное марсельское блюдо, увековеченное Теккереем и известное как *буйабес*. Ресторан *Réserve de Roubion*, в частности, гордится производством этого сугубо национального провансальского лакомства, которое, однако, оказывается чересчур богатым и чересчур разнородным по составу для взыскательного вкуса большинства английских гурманов. Большая эксклюзивность и более тонкая эклектика в вопросах кулинарии нравятся нашим соотечественникам больше, чем такая католическая всеобъемлющность. Однажды я спросил *шеф-повара, bouillabaisse*, и добрый человек широко раскрыл перед собой ладони, пожимая плечами: “Что вы хотите?” Для начала рыбу, а потом — горсть всего, что случайно завалялось на кухне.

Недалеко от улицы Прадо, на ее пересечении с набережной Корниш, современный Марсель также славится своим парком или сквером. Хотя эти красивые места расположены на плоской и неинтересной равнине, лишенной каких-либо природных преимуществ Булонского леса или прекрасного Центрального парка в Нью-Йорке, они, тем не менее, интересны приезжему с севера, который впервые знакомится здесь со Средиземноморьем, благодаря их любопытной и необычной южной растительности. Богатые типы юга видны повсюду. Заросли бамбука перистыми гроздьями нависают над декоративными водоемами; кипарисы и араукарии затевают усыпанные гравием дорожки; эвкалипт осыпает своими пушистыми цветами траву внизу; причудливая салисурия осенью покрывает землю своей красивой и любопытной девичьей листвой. На открытом воздухе пышно цветут юкки и кактусы, и даже веерные пальмы умудряются круглый год цвести в уютных уголках. Это знакомство с великолепием ривьерской растительности и слабый отзвук великолепных тонов североафриканской флоры.

На обратном пути в Марсель мы петляем по дороге Корниш, а вода из голубой превращается в белую и разбивается о сплошные скалы, за углы которых мы поворачиваем на каждом крошечном мысу, и при ближайшем рассмотрении самым заметным объектом становится замок Иф с соседними островками Помег и Ратонно. Тот, кто не знает Шато д'Иф, по крайней мере, по названию, впустую потратил свое детство. Замок на самом деле не отличается большой древностью — он был построен по приказу Франсуа I - и не может претендовать на живописность очертаний или красоту архитектуры; но в исторических и романтических ассоциациях он необычайно богат, а его расположение смелое, интересное и поразительное. Именно здесь Мирабо был заключен в тюрьму *посекретному письму*, полученному его отцом, другом человека; и именно здесь, переходя из истории в роман, Монте-Кристо пережил те удивительные и несколько невероятные приключения, которые будут держать в напряжении сотни поколений школьников еще долго после того, как Вальтер Скотт умрет и будет забыт.

Но хотя солнечными днями Прадо и Корниш заполнены экипажами, именно на самих набережных, а также вокруг доков и бассейнов следует увидеть настоящую бурную марсельскую жизнь во всей ее полноте и стремительности. Быстрый южный темперамент, загорелые лица, жизнь на свежем воздухе, спешка и суэта большого портового города проявляются там с наилучшей стороны. А марсельские порты многочисленны и разнообразны: имя им - легион, а их судоходство разнообразно. Еще в 1850 году считалось, что порт на старой площади, Фокейская гавань, стал совершенно недостаточным для нужд современной торговли в Марселе. С того дня и по сей день вместимость судов продолжала увеличиваться с той невероятной быстротой, которая знаменует великий бум современности. Несомненно, никогда, со времен правления великой Елизаветы, мир так быстро не расширял свои границы, как в эти последние дни, в которые мы все живем. Тихий и Индийский океаны присоединились к Атлантическому. Таким образом, в 1853 году к Старой гавани был пристроен Порт-де-ла-Жолиетт, и люди думали, что Марсель удовлетворил все самые высокие требования своей растущей торговли. Но вскоре после этого были добавлены Bassin du Lazaret и Bassin d'Arenc; а затем, в 1856 году, возникла дальнейшая потребность в еще одном порту - Bassin National. В 1872 году Морской вокзал был окончательно расстрелян; и теперь марсельцы снова кричат, что корабли не знают, куда повернуть в гавани. Повсюду мир, кажется, космополитизируется и расширяет свои границы: день мелочей прошел навсегда; день огромных портов, огромных забот, гигантских начинаний настал для нас.

Однако достаточно любопытно, что, несмотря на все это быстрое и грандиозное развитие, греческие купцы по-прежнему в значительной степени держат в своих руках — даже в наше время — всю торговлю и богатство старого фокейского города. Крупная греческая колония, недавно завезенная сюда, все еще населяет Марсель и эксплуатирует его. Среди богато одетой толпы южанок, которые заполняют Прадо солнечным днем в разгар сезона, немалая часть самых гордых и хорошо экипированных людей, откинувшихся на спинку сиденья своих экипажей, родились в Афинах или на Ионическом архипелаге. Ибо даже по сей день эти современные греки чудесно держатся вместе с древнегреческим упорством. Их вероучение отделяет их от католической Франции, среди которой они живут, торгуют и процветают; ибо, конечно, все они являются членами “ортодоксальной” Церкви и сохраняют свою ортодоксальность, несмотря на океан латинского христианства, который окружает их со всех сторон. Греческая община, по сути, живет обособленно, женится обособленно, боготворит обособленно и мыслит обособленно. Способ, которым, в частности, чаще всего заключаются браки, в очень любопытной степени отличается от наших представлений о супружеских приличиях. Система — как должным образом объяснил мне однажды под тенистыми платанами Аллеи Мейлана на очень отборном новогреческом греческий торговец из Марселя, который сам был “устроен” именно таким образом, — проста и меркантильна в высшей степени, которая когда-либо практиковалась в любой цивилизованной стране. Это “брак по расчету” в чистом виде; только здесь вместо мужа, покупающего жену, жена фактически покупает мужа.

Скажем, у марсельского торговца или судовладельца есть два сына, партнеры по его концерну, на которых он хочет жениться. Однако важно, чтобы жены, которых он выбирает для них, не противоречили ортодоксальности эллинского сообщества. Поэтому наш торговец, стремясь добиться наилучшего в обоих мирах одновременно, пишет своим корреспондентам о великих греческих домах в Смирне, Константинополе, Бейруте и Александрии; более того, возможно, даже в Лондоне, Манчестере, Нью-Йорке и Рио, сообщая о своем желании устроить своих сыновей в жизни и о том, сколько они соответственно потребуют от дам, которым они решили подарить свое имя и привязанность. Корреспонденты отвечают обратной почтой, рекомендуя благосклонному вниманию the happy swains неких греческих юных леди в городе их удочерения, чья точка и чья ортодоксальность могут быть в равной степени гарантированы как вне подозрений. Происходит быстрый обмен фотографиями и письмами юристов; расчеты составляются к взаимному удовлетворению обеих высоких договаривающихся сторон; и когда вся деловая часть сделки тщательно продумана, юные леди вместе с инжиром и финиками, согласно коносаменту, отправляются в порт въезда, где их ожидают их лорды, и утром в день прибытия должным образом венчаются в греческой церкви на улице Великой Армии преподобным архимандритом. Греки - в высшей степени коммерческий народ, и они считают, что такой идиллический способ ухаживания не только сохраняет чистоту православной веры и эллинской крови, но и экономит огромное количество времени, которое в противном случае могло бы быть потрачено впустую на составление бесполезных любовных писем.

Однако в ранние греческие времена это было не так. Тогда колонисты Марселя и зависимых от него городов должны были свободно вступать в браки с коренным галльским и лигурийским населением всего притокового Провансальского побережья. Истинный древнеэллинский род - арийские ахейцы классического периода - несомненно, были светлокожей расой с гораздо более заметной долей блондинов, чем сейчас сохранилось среди их смешанных и дегенеративных современных потомков. В самой Греции значительная смесь албанской и славянской крови, которую древние афиняне заклеили бы как варварскую или скифскую,

сделала темным цвет лица и волосы подавляющего большинства существующего населения. Но в Марселе, как ни странно, и в окрестностях подлинный древнегреческий тип легкости по сей день наложил свой отпечаток на телосложение жителей. На этнографической карте Франции, подготовленной двумя выдающимися французскими учеными, все остальные средиземноморские департаменты без исключения отмечены как “темные” или “очень темные”, в то время как департамент Буш-дю-Рон отмечен как “белый”, где, по сути, доля светлокожих, белокурых волос и светлых глаз столь же велика, как в восточных полунемецких провинциях или как в Нормандии и Фландрии. Это любопытное выживание очень древнего типа, несмотря на последующие наводнения, следует рассматривать как примечательный пример того, как народный слой повсюду переживает все смены завоеваний и династий, правящего класса и правящей семьи.

Действительно, только подумайте, сколько перемен и революций в этом отношении пережил этот пламенный Марсель с первых дней своей греческой независимости! Сначала произошла та роковая, но, возможно, неизбежная ошибка - обращение за помощью к римлянам против их лигурийских врагов, которая дала римлянам их первый плацдарм в Южной Галлии. Затем последовало основание Акве Секстии, или Экс, первой римской колонии в том, что вскоре должно было стать любимой провинцией новых завоевателей. После этого, в великой гражданской войне, грекам Марселя не повезло настолько, что они поддержали проигравшее дело; и в великий день триумфа Цезаря их город соответственно оказался в подчиненном положении простой римской зависимости. Слившись на некоторое время со всепоглощающей империей, Марсель, наконец, пал перед вестготами и бургундами в бурные дни того грандиозного переворота, во время которого даже самому скрупулезному историку невозможно в деталях проследить длинный список бесконечных завоеваний и повторных завоеваний, в то время как кочующие племена то убывали, то наплывали друг на друга дикими волнами перерождающегося беспорядка. Остготы и франки, сарацины и христиане сражались один за другим за обладание могущественным городом. В процессе ее греческая и римская цивилизация была полностью сметена, и теперь не осталось и следа от тех великолепных базилик, храмов и арок, которые, без сомнения, когда-то украшали столицу Греческой Галлии гораздо в большем изобилии, чем они до сих пор украшают простые провинциальные центры, такие как Арль и Ним, Вена и Оранж. Но в конце концов, когда Марсель снова выходит на дневной свет как неотъемлемая часть Королевства Прованс, он по-прежнему сохраняет свое преимущественно греческое население, более светлое и красивое, чем окружающие его темнокожие лигурийцы; он по-прежнему может похвастаться четким греческим профилем, эллинской остротой ума и быстротой восприятия. И как интересно в этой связи отметить также, что Марсель сохранял до сравнительно позднего периода Средневековья свою активную связь с Византийской империей; и что ее главный магистрат долгое время был назначен — по крайней мере, номинально, если не фактически — теневым представителем цезарей в Константинополе.

Не можем ли мы приписать этому постоянному присутствию греческого элемента в жизни Марселя что-то от того любопытного чувства местничества и самодовольства, которое северные французы так часто высмеивают в прирожденных марсельцах? У греков всегда было сильно чувство гражданской индивидуальности и обособленности. Их *полис* был для них всем миром — центром всего сущего. В первую очередь это были афиняне, спартанцы, фиванцы; греки или даже беотийцы и лакедемоняне были только во вторую очередь. И марсельский буржуа, следуя традициям своего фокейского происхождения, все еще остается в определенном смысле самым провинциальным, самым нецентрализованным и антипарижским из современных

французских граждан. Он верит в Марсель даже более преданно, чем средний бульварщик верит в Париж. Для него Каннебьер - Главная улица мира, а Кур Сен-Луи - центр вселенной. Как же он доволен собой и всем, что его окружает! “В Марселе мы делаем то-то и то-то” - частая фраза, которая, как ему кажется, сразу решает все вопросы этикета, процедуры или соответствия вещей в целом. “Massilia locuta est; causa finita est.” Мысль о том, что где-либо все может быть сделано лучше, чем в Каннебьере или Старом Порту, даже не приходит в голову его умному и быстрому, но несколько географически ограниченному уму. Одна из лучших и остроумнейших карикатур Марса на умного марсельца изображает добропорядочного буржуа с Куру Пьера Пюже в его лучшем воскресном костюме за границей во время его путешествия по Генуэзской Ривьере. На берегу в Сан-Ремо веселый, покладистый, самодовольный парень, до краев наполненный беззаботной радостью кокни Юга, видит двух хорошеньких итальянских девушек-рыбаков, чинящих свои сети, и весело обращается к ним на своем мягком диалекте: “Здравствуйте, *més pitchounettes*, вы говорите о круассетильянтах, без запаха, багасса!" *ze vous croyais de Marseille!*” Считать кого-либо в другом месте прирожденным согражданином было высшим комплиментом, на который только могла рассчитывать его добрая марсельская душа.

Тем не менее, марсельцы не гордые. Они великодушно позволяют остальному миру приезжать и восхищаться ими. Они распахивают свои двери на Восток и Запад; они приглашают как евреев, так и греков беспрепятственно входить в страну и помогают им самим сколотить состояние. Они очень хорошо знают, что если Марсель, как они все твердо верят, является самым прекрасным городом в мире, то именно торговля с Левантом создала и сохраняет его таким. И они тщательно готовят себя для приема всех, кому не лень, когда приезжают, в самых красивых отелях Южной Европы. Одно лишь сквозное пассажирское сообщение с Индией сделало бы Марсель в наши дни торговым городом первостепенной важности.

Однако Марселю не раз приходилось платить высокую цену за свои открытые сношения с восточным миром, родиной холеры и всех других эпидемий. С очень давних времен город на берегу Роны был излюбленным пристанищем чумы и подобных ей восточных визитеров; и не одна из его ужасающих эпидемий заняла памятное место в истории. По правде говоря, старый Марсель почти сознательно подставил себя под праведное бедствие - заразную болезнь. *Старый город*, этот запутанный лабиринт грязных и вонючих переулков, извилистых, глубоко изношенных, плохо вымощенных, плохо вентилируемых, частично расчищен работами на улице Республики, которые сейчас ведутся посреди нее; но от его долинского лабиринта все еще осталось достаточно, чтобы показать искателю приключений, который проникает в его темные и лишенные стока логова, насколько грязным может быть трудолюбивый провансалец, если он сосредоточится на этом. Там чистокровный марсельец со старой скалой и греческим профилем все еще пребывает в своем исконном антисанитарном состоянии; там единственным мусорщиком является “метла Прованса”, налетающий *мистраль* — свирепый альпийский ветер, который, с яростью обдувая замерзшие горы, один может изменить воздух и очистить сточные канавы этого грязного и вонючего средневекового города. Во всех остальных местах *“мистраль”* является проклятием: в Марселе его принимают со сдержанной благодарностью как отличную замену магистральному водоотводу.

Неудивительно, что при таких условиях Марсель периодически опустошали ужасные эпидемии. Сообщения с Константинополем, Александрией, и Левантом всегда были частыми; сообщения с Тунисом, Алжиром и Марокко не были редкостью. И если болезнетворные микробы были завезены извне, то в Марселе они нашли подходящее гнездо, заранее подготовленное для их

надлежащего развития. Раз за разом город опустошала чума; самым запоминающимся событием была великая эпидемия 1720 года, когда, согласно местной статистике (несомненно, завышенной), на улицах умерло до сорока тысяч человек, “как ягнята на вершинах холмов”. “Никогда, даже на самом Востоке, на родине чумы, - говорит марсельский поэт-романтик Мери, - не было такой печальной картины опустошения, как на обреченных улицах этого богатого города”. Согласно общественному мнению, эпидемия пришла с грузом шерсти в мае 1720 года: она свирепствовала до тех пор, пока к сентябрю число умерших в суточных не достигло ужасающей цифры в тысячу человек.

Столь ужасное общественное бедствие не обошлось без обычного эффекта, породившего противовесные примеры выдающегося общественного служения и благородного самоотречения. Главным среди них является имя шевалье Роуза, который с помощью пары сотен приговоренных к смертной казни вынес для захоронения в канавах Ла Туретт не менее двух тысяч трупов, заразивших улицы своей смертельной заразой. Там поверх ужасной гноющейся массы была посыпана негашеная известь в месте, которое до сих пор помнят как “Могины пораженных чумой”. Но потомки предпочли особо выделить для почестей этого события монсеньора Бельзюна — “доброго марсельского епископа”, как называет его папа, который вернулся вчас опасности к своей пораженной пастве из салонов Версаля и, предлагая последние религиозные утешения больным и умирающим, в некоторой степени помог обуздать разгул отчаяния и панической черствости, царивший повсюду в обреченном городе. Картина действительно поразительная и романтическая. Однажды на высоком алтаре, воздвигнутом в Куре, который теперь носит его имя, отважный епископ отслужил мессу на глазах у всего своего народа, принося покаяние небесам во имя своей паствы, с босыми ногами, веревкой на шее и высоко поднятым в руке горящим факелом во искупление грехов, повлекших за собой такое наказание. Верующие верили, что его горячее заступничество наконец возымело действие. В мае 1721 года чума прекратилась, но Марсель практически обезлюдел. Бронзовая статуя епископа работы Рамуса на Куру Бельзунце теперь отмечает место этого странного и не имеющего аналогов религиозного служения.

От памятника Бельзунсе улица Тапи Верт и Аллея Капуцинов ведут нас прямым путем к бульвару Лоншан, который заканчивается в истинно современном парижском стиле видом на большие фонтаны и Дворец искусств, причудливый и оригинальный, но в своем роде приятный образец новейшей французской архитектуры. Это, конечно, банально - это само собой разумеется: чего еще можно ожидать от Франции времен Второй империи? Но это определено то, что дети называют “величественным”, и если однажды вы сможете поставить себя на его особый уровень, то оно не лишено определенной причудливой красоты в стиле рококо. Что касается замка Шато д'О, то его самый горячий поклонник вряд ли сможет отрицать, что его дизайн и исполнение до боли *барочны*. Вход украшают тигры, пантеры и львы; аллегорическая фигура, представляющая Дюранса, в сопровождении гениев Виноградной лозы и Кукурузы занимает почетное место посреди смерчей. Справа и слева трубят в свою раковинную трубу; вершину венчают грифоны и фавны, а по бокам возвышаются триумфальные арки. Поистине изумительное произведение версальского типа, лучше соответствующее идеям восемнадцатого века, чем идеям эпохи, в которую мы живем в настоящее время.

Дворец искусств, одно крыло этого памятника, окружает обычную французскую провинциальную картинную галерею со стереотипным Рубенсом и обычным Карааччо. В нем есть свой Рафаэль, свой Джулио Романо и свой Андреа дель Сарто. Он даже расходится, не без

успеха, с путями голландской и фламандской живописи. Но особенно богат он, конечно, провансальскими произведениями, и его пюджеты, в частности, многочисленны и поразительны. Здесь есть хороший Мурильо и Гольбейн с квадратным лицом, а также множество ярдов современных французских баталей и обнаженной натуры, чередующихся по большей части от чувственного к кровожадному. Но жемчужиной коллекции является самое характерное и интересное произведение Перуджино, столь же прекрасное, как и все, созданное рукой мастера, что можно найти в галереях Флоренции. В целом, интерьер заставляет простить фасад и замок д'О. Один хороший Перуджино покрывает, подобно благотворительности, множество грехов марсельских архитекторов.

Как ни странно, каким бы старым ни был Марсель, сегодня в нем почти нет зданий отдаленной древности. Можно было бы заранее предположить, что город с такой древней и продолжительной историей будет изобиловать греко-римскими и средневековыми руинами. Как фокейская колония, имперский город, средневековая республика или провансальский город, он так долго был великим, знаменитым и процветающим, что вполне естественно ожидать, что на его улицах можно встретить бесконечные памятники его былого величия. Ничто не может быть дальше от реального факта. В то время как Ним, всего лишь второсортный провинциальный муниципалитет, и Арль, местная римская столица, сохранили богатые реликвии времен империи - храмы, арки, акведуки, амфитеатры, — в Марселе, их родном городе, гораздо более древнем, богатом, величественном и знаменитом, нет ни одного римского здания; едва ли есть даже второсортная средневековая часовня. Его древний собор давным-давно снесен; от его старейшей церкви сохранился лишь шпиль, встроенный в вульгарную современную псевдоготическую Голгофу. Только Сен-Виктор, расположенный недалеко от форта Святого Николая, является единственным по-настоящему прекрасным образцом средневековой архитектуры, который все еще сохранился в городе спустя столько веков.

Сам Сен-Виктор до сих пор остается для нас последней реликвией очень древнего и важного монастыря, основанного святым Кассианом в пятом веке и разрушенного сарацинами — этими непрекращающимися бедствиями провансальского побережья - во время одного из их частых грабительских набегов. В 1040 году он был перестроен только для того, чтобы снова быть сровненным с землей, пока в 1350 году папа Урбан V., который сам был настоятелем этого самого монастыря, не восстановил его с основания, с теми высокими квадратными башнями, которые сейчас, в своей изношенной солидности, придают ему вид скорее крепости с замком, чем христианского храма. Несомненно, властный папа, наученный опытом, намеревался, что его церковь выдержит осаду, если потребуется, во время следующего визита врага-пайнима в Марсель. Интерьер тоже не лишен внимания. В нем находятся катакомбы, где, согласно наивной провансальской вере, Лазарь провел последние дни своей второй жизни; и он может похвастаться старинным черным изображением Богородицы, которое местная легенда приписывает умелым пальцам святого Евангелиста Луки. Современная критика безжалостно приписывает эту работу безымянному, но значительно более позднему византийскому скульптору.

Однако, безусловно, самым интересным церковным сооружением в Марселе, даже в его нынешнем обугленном и разрушенном состоянии, является древняя паломническая часовня Нотр-Дам-де-ла-Гард, древнее Место первобытного финикийского и лигурийского богослужения. Трудно сказать, как долго на этом месте существовало святилище какого-то

местного культа, но, по крайней мере, мы можем предположить, что ему около двух десятков столетий. Фактически, на всем протяжении средиземноморского побережья человек чувствует себя повсюду, находясь в тесном, почти непрерывном контакте с древнейшими религиозными верованиями народа. Тропинки, ведущие к этим очень древним священным местам, венчающим продуваемые всеми ветрами холмы, возвышающиеся над долиной, равномерно глубоко протоптаны в твердой скале голыми шагами — живая летопись бесчисленных поколений ревностных поклонников. Христианство само по себе недостаточно древнее, чтобы объяснить все эти глубоко вырубленные ступени в сланцеватом сланце или твердом белом известняке провансальских холмов. Святость Возвышенностей, безусловно, более древняя, чем святость Святых или Мадонны. До того, как христианская часовня достигла этих высот, на них возвышались забытые языческие храмы; а до времен Афродиты или Паллады, в свою очередь, на них возвышались святилища какой-нибудь давным-давно умершей галльской или лигурийской богини. Религии меняются, вероучения исчезают, но священные места остаются такими же святыми, как и прежде; и здесь, где священники сейчас распевают свои громкие гимны перед главным алтарем, мы можем быть уверены, что давным-давно совершались какие-то безымянные кровавые обряды перед одиноким святилищем какого-нибудь кельтского Хесуса или какого-нибудь отвратительного и уродливого финикийского Молоха.

Даже сейчас от Старого порта или Анс-де-Каталан до Собора Парижской Богоматери очень крутой подъем; к вершине ведут несколько разных тропинок, все они похожи на далекую древность и в конце концов заканчиваются утомительными ступенями. Вдоль главной дороги, окруженной с обеих сторон бедными южными лачугами, удивительные старые ведьмы истинно провансальского уродства ведут оживленную торговлю четками, веночками и освященными медалями. Эти товары предназначены для паломников; но на любой вкус те же самые странствующие дамы предлагают более мирским туристам кукианского типа соответствующие безделушки в виде фотографий, картинок и дешевых безделушек. На вершине возвышаются обугленные и почерневшие руины Нотр-Дам-де-ла-Гард. Действительно, в последние годы эта незапамятная святыня пришла в упадок в недобрые времена и недобрые дни во многих вопросах. Начнем с того, что потребности современной обороны несколько лет назад вынудили правительство возвести на возвышенности форт, посреди которого находится древняя часовня. Однако даже военные нужды отчасти уступали стойким религиозным чувствам общины; и хотя укрепления окружали ее со всех сторон, священное место Богоматери оставалось незагрязненным в центре великих оборонительных сооружений крепости. Проходя через ворота этих массивных бастионов, строго охраняемая тропа все еще вела верующих марсельских моряков к почитаемому святилищу Мадонны их предков. Более того, на смену античной часовне тринадцатого века пришло великолепное византийское здание по проекту Эсперандье, все сверкающее золотом, драгоценными камнями и самоцветами. На самой верхней колокольне стояла гигантская позолоченная статуя Богоматери. Купол и апсида были искусной работы — белый каррарский мрамор и африканский *россо антико* придавали интерьеру пестрое великолепие. Массивные балки трансептов поддерживал корсиканский гранит и эстерельский порфир; фрески покрывали каждый дюйм стен: пол был выложен мозаикой, главный алтарь инкрустирован дорогим флорентийским камнем. Каждый марсельский рыбак в глубине души радовался тому, что, хотя воины захватили святилище, их Мадонна теперь хранится у сынов Верующих в еще большем великолепии, чем когда-либо.

Но в 1884 году в самом святилище вспыхнул пожар, который почти непоправимо разрушил роскошное здание. Конечно, статуя Пресвятой Богородицы все еще венчает фасад, и часовня

все еще смело смотрится со скромного расстояния; но внутри все великолепие померкло, и внутрь церкви больше не попасть. Тем не менее посетитель, который стоит на платформе перед дверным проемом и смотрит вниз на великолепный панорамный вид, раскинувшийся перед ним в долине внизу, вряд ли будет жаловаться на то, что зря потратил столько сил на подъем в гору. За исключением вида на Монреаль и реку Святого Лаврентия с горы Мон-Рояль, я едва ли знаю в мире вид на город, который мог бы сравниться по красоте и разнообразию с видом из Нотр-Дам-де-ла-Гард ясным весенним утром.

Прямо у наших ног раскинулся сам город, заполняя своей массой всю широкую долину и протягивая длинные рукава предместий, или дорог, вверх по боковым проходам. За ними возвышаются огромные холмы из белого известняка, усеянные, как грибы, сверкающими *бастидами*. Впереди раскинулось море — голубое Средиземное Море — с той предательской улыбкой, которая так часто обманывала нас за день до того, как мы слишком опрометчиво, с незаслуженным доверием положились на его вздымающуюся грудь. У берега волны набегают на островки и замок Иф; затем идут Старый порт и оживленные бассены; а за ними — Цепь Эстак, мрачные и серые зубчатые очертания которой вырисовываются на западном горизонте. Прекрасная перспектива, хотя и бесплодная и безлесная, ибо нигде в мире нет гор более голых, чем эти великие белые стражи провансальского побережья.

Крепость, возвышающаяся над Старым портом у наших ног, сама по себе заслуживает нескольких мимолетных слов вежливого упоминания; ибо это форт Сен-Николя, единственное звено в своей великой деспотической цепи, с помощью которой Людовик Куаторзе приковал непокорный Марсель к трону Тюильри. Город — как и все крупные торговые города — всегда упорно цеплялся за свои древние свободы. Вечно мятежный при угнетении королей, он был оплотом Фронды; и когда Людовик наконец волей-неволей вторгся в мятежный город, это произошло через брешь, проделанную им в мощных крепостных стенах. Король стоял на этом возвышающемся месте, прямо над гаванью, и, глядя в сторону суши, спрашивал окружающих его горожан, как люди называют те маленькие квадратные коробочки, которые он видел разбросанными по залитым солнцем склонам холмов. “Мы называем их *бастидами*, сир”, — ответил учтивый марсельец. “У каждого жителя нашего города есть такой”. “Мой австралиец, я избегаю бастиды в Марселе”, — воскликнул театральный монарх и тут же отдал приказ о строительстве форта Святого Николая: так гласит легенда, которая считается исторической. Но поскольку форт находится в наилучшем из возможных положений, командуя портом, и мог быть построен только после консультаций с инженерами того времени — именно Вобан планировал это, — я боюсь, что мы должны записать *bon mot* Людовика как одну из тех королевских эпиграмм, которые были тщательно подготовлены заранее.

Однако в каждом городе моей любимой теорией является то, что лучшая из всех достопримечательностей — это сам город: и нигде на земле этот трюизм не звучит так убедительно, как здесь, в Марселе. Поднявшись на Собор Парижской Богоматери, исследовав Прадо, улыбнувшись замку О и постояв под хмурыми башнями Сен-Виктора, человек с неподдельным удовольствием и интересом возвращается в многолюдный Каннебьер и видит, как по этому живописному бульвару бурно течет людская жизнь. В конце концов, это главная фотография, которую Марсель всегда оставляет в памяти посетителя. Какой нетерпеливый, какой пронизательный, какой живой разговор, какие горящие глаза, какие выразительные жесты! С какой кипучей энергией, с какой лихорадочной поспешностью великий город изливает свои спешащие тысячи! С каким неиссякаемым духом они движутся вверх и вниз в

бесконечном марше по его грохочущим тротуарам! *Циркуляры, господа, циркуляры:* и они действительно просто циркулируют! От набережной Братства до Аллей Мейлан - какое веселье, какая жизнь и движение! В каждом кафе - какие теплые южные лица! У дверей каждого магазина - какой сообразительный, острый на язык, торгующий человек! Я много раз останавливался в Марселе, путешествуя туда-сюда по этому земному шару, дальше на юг или восток; но я никогда не останавливаюсь там, не ощутив еще раз очарования и интереса его напряженной личности. Даже сейчас в древней фокейской колонии сохранилось что-то от греческой сообразительности. Марсельская публика и по сей день обладает чем-то от острого эллинского остроумия; и я полагаю, что бесшабашный юмор Аристофана был бы более воспринят публикой Алькасара, чем любой другой популярной аудиторией в современной Европе.

“Счастливого пути”, и каждый марсельец - прирожденный грек и прирожденный литератор. Не благодаря ли отчасти этой древней греческой крови мы можем составить длинный список выдающихся людей, сделавших свой первый вдох в фокейском городе? Со времен трубадуров, Раймона де Тура и Барраля де Бо, Фольке и Ростанга, Де Салля и Беранже, через дни Д'Юрфе, Маскарона, Барбару и Де Пасторе, до дней Мери, Бартелеми, Таксиля Делора и Жозефа Отрана Марсель всегда был богат талантами. Достаточно сказать, что ее список великих людей начинается с Петрония Арбитра и заканчивается Тьером, чтобы показать, как долго и разнообразно она была представлена среди своих выдающихся граждан. Тогда, конечно, это не просто фантазия - предполагать, что во всем этом что-то значила истинная эллинская кровь! Конечно, не будет преувеличением поверить, что, обладая греческим профилем и греческим цветом лица, жители до сих пор сохранили некоторую скромную долю острого греческого интеллекта, яркой греческой фантазии и пластичных и артистичных греческих творческих способностей! Мне нравится думать об этом, потому что Марсель дорог мне, особенно когда я приземляюсь там после сильного волнения.

В отличие от многих старинных средиземноморских городов, у Марселя есть не только прошлое, но и будущее. Она живет и будет жить. Действительно, в середине прошлого столетия невнимательному наблюдателю могло показаться, что Средиземноморье “разыгралось”. И отчасти, без сомнения, так оно и есть на самом деле; торговые пути и международные сношения сместились к более широким морям и водным путям. Мы никогда больше не найдем этот внутренний бассейн, окруженный кольцом великих торговых городов, которые ведут торговлю и финансируют мир. Наша территория расширилась, так что Нью-Йорк, Рио, Сан-Франциско, Иокогама, Шанхай, Калькутта, Бомбей и Мельбурн заняли место Сиракуз, Александрии, Тира и Карфагена, Флоренции, Генуи, Венеции и Константинополя. Но, несмотря на это резкое изменение, на это превращение Средиземноморья из центра мира в простой вспомогательный или боковой путь Атлантики, определенное количество средиземноморских портов непрерывно существовало в силу своего положения из одной эпохи в другую. В последние годы Венеция переживает слабое возрождение; Триест переживает расцвет; Барселона, Алжир, Смирна, Одесса превратились в большие гавани для космополитического движения. В этом новом и возрождающемся Средиземноморье, окруженном свежими молодыми народами Италии и Востока и само по себе уже не являющееся внутренним морем, а связанное Суэцким каналом с Индийским океаном и таким образом превратившееся в главную магистраль наций между Востоком и Западом, Марсель по-прежнему является ключом и столицей. Это гордое положение фокейский город вряд ли потеряет. И поскольку мир сейчас шире, чем когда-либо, новый Марсель волей-неволей становится более крупным и богатым городом, чем даже старый в его самые гордые дни. Если раньше дань поступала только с североафриканского,

Левантийского и итальянского побережий, то теперь она поступает со всех берегов Европы, Азии, Африки и Америки, включая Австралию и острова Тихого океана, о которых подумали позже. Регионы, о которых цезарь и не подозревал, обогатили добрых греков с набережной Братства: смуглые, черные и желтые люди, которых никогда не видели его легионы, отправляли чай, шелк, хлопок, кукурузу и табак на переполненные склады Каннебьера и улицы Республики.

VI

неплохо

Королева Ривьеры — Порт Лимпия — Замковая гора — Английская набережная — Карнавал и битва цветов — Площадь Массена, деловой центр — Красота пригородов — Дорога в Монте — Карло — Причудливо живописный городок Вильфранш-Достопримечательности Ниццы и ее окрестностей.

Кто любит нехорошее, тот этого не знает. Кто это знает, тот это любит. Я признаю, что здесь ветрено, пыльно, порывисто. Я допускаю, что это банально, модно, вульгарно. Я допускаю, что его Карнавал - это шумная оргия, его Набережная - место встречи всех самых богатых бездельников Европы или Америки, а его клубы более отчаянны, чем сам Монте-Карло, в своей чрезмерной приверженности азартным играм. И все же, несмотря на все его недостатки, я все еще люблю его. Да, любите его сознательно; ибо ничто из того, что человек сделал или может когда-либо сделать, чтобы испортить его природную красоту, не может исказить саму эту красоту такой, какой ее создал Бог. Более того, только потому, что это Красиво, мы можем легко простить ему эти очевидные недостатки и незначительные огрехи. Королева Ривьеры, со всеми ее кокетливыми манерами и изяществом, тем не менее нравится, как гордая и надменная девушка в придворном наряде, отчасти из-за того самого наряда из шелков и перьев, который мы без особого энтузиазма осуждаем. Если бы она не была собой, она была бы другой, чем она есть. Милая есть милая, и этого для нас достаточно.

Был ли когда-нибудь город более изящно обставленным, в более изящном окружении? Был ли когда-нибудь жемчуг окружен более чистыми изумрудами? Со всех сторон его окаймляет обширный полукруг гор, среди которых лысая и голая вершина Мон-Ко-д'Аспремон возвышается выше всех и бросается в глаза над своими темнеющими соплеменниками. Впереди голубое Средиземное море, это коварное Средиземноморье, воплощающее в себе коварство и прелесть, улыбается мириадами ямочек до самого четко очерченного горизонта. На востоке скалистые мысы Мон-Борон и Кап-Ферра смело выдаются в море с бахромой белых стремительных бурунов. На западе более длинная и низкая коса мыса Антиб ограничивает вид вдаль, а знаменитая паломническая часовня Нотр-Дам-де-ла-Гаруп едва видна на самом

высоком холме на фоне зубчатого хребта великолепного Эстереля на заднем плане. Посреди всего этого приютилась сама Ницца, центральная жемчужина в этой горной короне. Я признаю, что на Ривьере есть более теплые и защищенные уголки: прекраснее их быть не может. Ментона может превзойти его в очаровании своих горных троп и бесчисленных экскурсий; Канны - в богатом разнообразии ближайших прогулок и переездов; но по сочетанию великолепия суши и моря, искусства и природы, древности и новизны, живописности и великолепия Ницца по-прежнему не имеет себе равных на всем том зачарованном побережье, которое протянулось длинной чередой городов и бухт между Марселем и Генуей. Я знаю, что есть те, кто называет Приятное банальным и вульгаризированным. Но тогда, я уверен, они ни на дюйм не отошли бы от затененного пальмами *тротуара* Английской набережной. Если вам нравится итальянский средневековье, отправляйтесь в Старый город; если вам нужна причудливая морская жизнь, отправляйтесь в хороший греческий порт Лимпия; если вам нужен великолепный вид на море, сушу и снежные горы вдалеке, отправляйтесь на Замковую гору; если вам нужна самая великолепная панорама во всей Европе, отправляйтесь на вершину Корниш-Роуд. Нет, нет; эти скандалисты нарушают наше чистое богослужение. У нас есть только одно Приятное, давайте воспользуемся этим по максимуму.

Так легко приобрести характер превосходства, притворяясь, что критикует то, чем восхищаются другие. Так легко назвать место вульгарным и неинтересным, позаботившись о том, чтобы увидеть только самые вульгарные и неинтересные его части. Но старого ривьерца, который хорошо знает свою Ниццу и горячо любит ее, скорее беспокоит противоположная трудность. Там, где так много всего, на что можно посмотреть, и так много всего описать, с чего начать? что опустить? сколько настаивать? сколько настаивать? Язык не позволяет ему на нескольких коротких страницах дать представление об этом сложном и многоцветном городе любому, кто знает его только по названию как космополитичную зимнюю столицу модных искателей здоровья и удовольствий. Это действительно так, но это нечто гораздо большее, о чем никто никогда не сможет рассказать.

Ибо существует по меньшей мере три различных языка: греческий, итальянский, французский; каждый из них прекрасен по-своему и интересен своими особыми чертами. На крайнем востоке, зажатый между горой Мон Борон и Замковой горой, лежит мореплавательный греческий город, самая примитивная и самобытная Ницца из всех; дом рыбаков и мелких каботажных матросов; Никея старых бесстрашных фокейских колонистов; Ницца ди Маре современных итальянцев; средневековый город; родина Гарибальди. Итальянский городок восемнадцатого века (Старый город, как его обычно называют туристы в наши дни, центральный город из трех), отделенный от этой древней Ниццы обрывистой скалой, на вершине которой возвышался Средневековый замок, занимает пространство между Замковой горой и наполовину пересохшим руслом реки Пайон. Наконец, опять же к западу от Пайона, современный фешенебельный увеселительный курорт протягивает свою длинную линию вилл, отелей и дворцов на берегу моря до небольшого ручья Маньян по дороге в Канны и тянется бесконечными бульварами, аллеями и садами обратно к улыбающимся вершинам Симьеса и Карабаселя. Каждый из этих трех городов, “рожденных в три разных века”, имеет свою особую историю и свои достопримечательности. Каждый из них изобилует природной красотой, живописными элементами и разнообразием жизни, которое действительно трудно обнаружить в другом месте.

Обычный способ познакомиться с Ниццей, описанный в путеводителях, - это, конечно, "шиворот-навыворот": начать с белых фасадов Английской набережной в стиле Осман и постепенно продвигаться в обратном направлении через Старый город к порту Лимпия и первоначальному ядру, окружающему его набережные. Я рискну, однако, пренебречь этой освященной веками, но совершенно неисторической практикой и позволю читателю и себе, хоть раз в жизни, "начать с начала". Таким образом, порт Лимпия является, конечно же, естественной отправной точкой и главным оригиналом самой старой Ниццы. Сюда, в пятый век до нашей эры, смелые фокейские поселенцы Марселя отправили небольшую колонию, которая высадилась в крошечной гавани, не имеющей выхода к морю, и назвала это место Никеей (то есть городом победы) в благодарность за их успех в борьбе с его грубыми лигурийскими владельцами. На протяжении двадцати двух столетий он сохранял это название почти неизменным, и теперь, возможно, это единственное напоминание о его греческом происхождении. В дни своего расцвета как эллинского города Никея входила в число главных торговых центров лигурийского побережья; но когда "Провинция" наконец перешла в руки римлян, а диктатор Цезарь скорее одобрил притязания Цеменелума, или Кимьеса, на вершине холма в тылу, город, сгрудившийся вокруг гавани Лимпия, стал на время просто портом своего более успешного внутреннего соперника. В Симьезе до сих пор сохранились прекрасные руины римского амфитеатра и бань, а также остатки храмов и некоторые другие руины императорского периода; но "Квартал Порт", сам древний город Ницца, почти лишен каких-либо архитектурных признаков своего античного величия.

Тем не менее, причудливая маленькая морская деревушка, сгрудившаяся вокруг гавани, полностью отрезанная скалистыми выступами Замковой горы от ее более позднего представителя, итальянизированной Ниццы прошлого века, может справедливо претендовать на звание истинной исторической Ниццы, единственного места, носившего это название до времен Бурбонов. Его летопись слишком длинна и слишком богата событиями, чтобы излагать ее здесь полностью. Готы, бургунды, лангобарды и франки по очереди оспаривали его как пограничную крепость между Галлией и Италией; и этот знакомый круглый белый бастион на восточном склоне Замкового холма, ныне известный посетителям как Тур Белланда, и включенный (такова судьба!) в качестве современного бельведера на территории комфортабельного пансиона Suisse, первоначально был возведен в пятый век после Рождества Христова для защиты города от нападений этих ненасытных захватчиков. Но у Ниццы было и свое утешение в эти злые дни, ибо, когда лангобарды наконец взяли крепость на холме Чимьес, римский город, его уцелевшие жители нашли убежище от своих завоевателей в городе у порта, который, таким образом, после падения своего соперника снова стал бесспорным хозяином окружающего побережья.

Последующая история Ниццы запутанна и сбивает с толку. Теперь вассал франкских королей; теперь снова член генуэзской лиги; теперь вовлеченный в отчаянный конфликт с пиратствующими сарацинами; а теперь образованный в маленькую независимую республику по итальянскому образцу; Ницца боролась с неблагоприятной судьбой как поле битвы рас, пока, наконец, не попала в руки графов Савойских, которым она обязана тем немногим, что еще осталось от средневекового замка. Постоянно переходя из рук в руки между Францией и королевством Сардиния в более поздние времена, оно в конечном итоге перешло к Наполеону III. по Виллафранканскому мирному договору, и теперь полностью галлизировано. Однако родной диалект даже по сей день остается промежуточной формой между провансальским и итальянским языками, и на нем свободно говорят (с большей силой, чем элегантностью) в

Старом городе и вокруг расширенных современных бассейнов порта Лимпия. Действительно, откровенностью выражений и совершенным отсутствием какой-либо ложной деликатности дамы настоящей старогреческой Ниццы превосходят даже своих лондонских коллег в Биллингсгейте.

Одной из самых красивых и уникальных достопримечательностей Ниццы в наши дни является Замковая гора - массив сплошной вздымающейся скалы, по положению мало чем отличающийся от своего тезки в Эдинбурге, расположенный между портом и городом восемнадцатого века, о котором я в будущем буду упоминать как об итальянском городе. Это замечательное место, этот Замковый холм, замечательное как по природе, так и по искусству и истории, и, боюсь, я должен в то же время добавить "уродство". В прежние времена на его вершине или склонах располагался *замок-форт* графов Прованских со старым собором и дворцом архиепископа (ныне полностью разрушенным), а также знаменитый глубокий колодец, долгое время считавшийся одним из инженерных чудес света. Но военная необходимость не знает закона; в пятнадцатом веке собор уступил место бастионам новомодного замка герцога Савойского; сам замок, в свою очередь, был в основном разрушен в 1706 году герцогом Бервиком; и из всех его древностей сейчас не сохранилось ничего, кроме Тур Белланда с его пришедшим в упадок бельведером и скудного плана средневековых зданий.

Тем не менее, Замковая гора по-прежнему остается одним из самых красивых и зеленых мест в Ницце. Хорошая автомобильная дорога поднимается на вершину по зеленым склонам и ведет к открытой платформе на вершине, ныне превращенной в очаровательные сады, изобилующие пальмами, алоэ, кактусами и яркими южными цветами. С одной стороны, увы! болезненно искусственный водопад, питающийся от переполнения гидротехнических сооружений, падает жесткими каскадами среди каменной кладки ручной работы; но даже это дерзкое дополнение к творению природы вряд ли может надолго оскорбить посетителя среди такого великолепного окружения. Ведь вид, открывающийся с вершины, является одним из самых величественных во всей Франции. Взгляду открывается смешанная панорама моря и гор, равной которой едва ли можно найти где-либо в прекрасном Средиземноморье, за исключением лигурийского побережья и окрестностей Сорренто. К югу простирается сама голубая водная гладь, ограниченная только в очень ясную и безоблачную погоду далекими вершинами Корсики на неясном горизонте. На западе береговая линия включает мыс Антиб, низко нависающий над морем, острова Леринс близ Канн, устье реки Вар и тускло зазубренный хребет пурпурного Эстереля. На востоке обрывистый мыс Мон Борон, мрачный и коричневый, закрывает вид на Италию. Прямо под ногами зрителя три отдельных городка Ницца собираются вокруг порта и двух берегов Пайона, раскинув свои садовые пригороды, утопающие в розах и лимонных рощах, высоко на отрогах соседних гор. Но на севере бурное море Альп вздымается к небу, как волна, ближние вершины хмуро выглядят голыми и скалистыми, в то время как более отдаленные купола сверкают белизной девственного снега. Это зрелище, однажды увиденное, никогда не забудется. Человек зачарованно оглядывается вокруг и медленно бормочет себе под нос: "Как хорошо быть здесь". Внизу, как черные точки, катятся экипажи по многолюдной Набережной, и в Общественном саду весело играет оркестр; но там, наверху, вы смотрите на вечные холмы и на мгновение ощущаете себя лицом к лицу с Вечностью за ними.

Спуститься с вершины можно либо мимо древнего кладбища, либо мимо площади Гарибальди, через пышные сады финиковых пальм, веерных пальм и агавы. Прохладные извилистые аллеи

теперь заменяют разрушенные крепостные стены, и со всех сторон открываются прекрасные виды, когда мы проходим непосредственно по переднему плану.

У подножия Замковой горы современная дорога, вырубленная в цельной скале вокруг основания обращенного к морю откоса, соединяет греческий город с итальянским. Угол, за которым она поворачивает, носит в устах местных жителей причудливое провансальское или, скорее, нисуазское название Rauba Capeu или Мыс Робат, из-за частых внезапных порывов ветра, которые с поразительной быстротой срывают с головы ничего не подозревающих парижан головные уборы, к великой радости наблюдательных *гейменов*. Действительно, ветреность - это вообще слабое место Ниццы, рассматриваемой как оздоровительный курорт; город раскинулся в открытой долине Пайон, по чьему раскаленному дну *мистраль*, этот бич Прованса, с неистовой силой низвергается с холодных горных вершин в тылу; и поэтому он ни на минуту не может соперничать по климату с Каннами, Монте-Карло, Ментоной или Сан-Ремо, вплотную окруженными защитным барьером из укрывных холмов. Но даже *мистраль* не может заставить тех, кто любит Ниццу, любить ее ни на атом меньше. Ее добродетелей так много, что небольшое полезное бахвальство время от времени, несомненно, можно простить ей. И все же пыль, несомненно, временами поднимается облаками с Английской набережной.

Итальянский город, который следует следующим по порядку, живописен и старомоден, но его современные французские мастера ежедневно преображают и галлизируют до неузнаваемости. Он восходит в основном к семнадцатому и восемнадцатому векам, когда население стало слишком плотным для узких границ маленького греческого городка и начало перетекать за Замковый холм на восточные берега реки Пайон. Набережная в этом квартале, ныне известная как Променад дю Миди, была модернизирована и превратилась в простое продолжение Английской набережной в восточном направлении, о котором “позже”; но остальная часть небольшого треугольного пространства между Замковой горой и руслом реки по-прежнему состоит из забавных узких итальянских улочек, темных, густых и тусклых, посреди которых возвышается странный, покрытый черепицей купол собора Святого Репарата. Такова была вся Ницца, какой она жила и двигалась до начала нынешнего столетия; настоящая Ницца сегодняшнего дня, Ницца туриста, инвалида и модного мира, Ницца, которую мы все посещаем или о которой говорим, является чисто современным наростом примерно полудюжины десятилетий.

Этот замечательный современный город с величественным видом на море, благородными набережными, изящными белыми виллами, великолепными отелями и казино полностью обязан своим существованием моде, которую приобрело побережье в наше время как курорт для чохоточных. Еще во времена Смоллетта автор книги “Родерик Рэндом” самодовольно заметил, что один знакомый, “понимая, что я намереваюсь провести зиму на юге Франции, настоятельно рекомендовал климат Ниццы в Провансе, который, как я часто слышал, превозносили”, и вполне мог бы это сделать. Но в те времена приезжим приходилось жить на узких и грязных улочках итальянского городка, чья живописность сама по себе вряд ли может искупить их нездоровый воздух и неприятные запахи. Только в суровые зимы 1822-23-24 годов несколько добросердечных жителей Англии, стремившихся найти работу для голодающих бедняков, начали строительство морской дороги за Пайоном, которая до сих пор носит название Английской набережной. Ницца вполне может увековечить их подвиг по сей день, ибо именно им она обязана как водопою своим существованием.

Западный пригород, таким образом, вытесненный за пределы русла пограничного потока, постепенно рос в богатстве и процветании, пока теперь не стал настоящим местом проживания туриста и зимнего жителя. Но как описать этот веселый и красивый город; это обширное скопление вилл, пансионатов, отелей и клубов; это бесконечное множество солнцеклонников, собравшихся в этом храме солнца со всех четырех сторон обитаемого земного шара? Побережье состоит из собственно Английской набережной, которая тянется непрерывной линией белых и сверкающих домов, большинство из которых безвкусны, но все великолепны и роскошны, от старого берега Пайона до его родственного ручья Маньян, расположенного примерно в двух милях отсюда. С одной стороны виллы выходят своими фантастическими фасадами на берег; с другой стороны, вдоль крутого галечного пляжа в спокойном море тянется аллея, затененная финиковыми пальмами и пурпурно цветущими иудинными деревьями.

Однако у Английской набережной есть одна заметная особенность, которая сразу отличает ее от любой аналогичной группы частных домов, которые можно найти где угодно в Англии. Там британская любовь к уединению, которая, конечно, имеет свои положительные стороны, но также и компенсирующие их недостатки, заставляет почти каждого владельца красивых участков или садов обносить их высоким забором или отвратительным уродством, известным жителям пригородов Лондона как “парковый частокол”. Этот план, хотя и обеспечивает полное уединение для немногих счастливиц внутри, лишает многих достойных снаружи возможности наслаждаться красотой территории или природными пейзажами. Напротив, на Английской набережной определенный щедрый дух соперничества, способствующий всеобщему удовольствию и общей эффектности пейзажа в целом, побудил владельцев вилл,

расположенных вдоль берега моря, огораживать свои сады только низкими декоративными перилами или легкой и незаметной железной оградой, чтобы прохожие могли свободно заглядывать в каждую из них и любоваться прекрасными кустарниками и цветами. Дома и территория, таким образом, образуют длинный ряд восхитительных, хотя, несомненно, кричащих и вычурных украшений, полностью обращенных к морю. Такой же план был принят на благородной жилой улице, известной как Евклид-авеню, в Кливленде, штат Огайо, и во многих других американских городах. Следует сожалеть, что вкусы и привычки англичан не позволяют более богатым слоям общества вносить свой вклад, без каких-либо затрат или хлопот для себя, в общее удовольствие менее удачливого человечества.

Набережная, конечно же, в течение сезона является центром модной жизни Ниццы. Здесь катаются экипажи, катаются верхом амазонки, а фланеры нежатся под теплым солнцем в течение долгого дня. Впереди - купальни, купаться в которых в Ницце можно с начала марта; позади - бесконечные отели и клубы этого города незнакомцев. Ибо англичане не одиноки на Английской набережной; американская речь звучит там так же часто, как британский диалект, в то время как немцы, русские, поляки и австрийцы густо усаживаются на тенистые скамейки под платанами и рожковыми деревьями. Во время Карнавала особенно Приятно превращаться в одну долгую оргию легкомысленных развлечений. Битвы цветов, битвы *конфетти*, маскарады под открытым небом и всеобщее дурачество пронизывают это место. Каждый соревнуется со всеми остальными в том, чтобы выставить себя на посмеище; и даже степенный британец, освобожденный от уз дома или Большого города, с удовольствием предается на неделю своего рода продолжительному и прославленному солнечному южному дню Дерби. Мистер Бултитюд переодевается французским клоуном; мистер Домби в домино бросает розы своим друзьям на скамьях "трибун". Повсюду смех, шум, суeta и суматоха; повсюду разнообразные формы античной сатурналийской свободы, украшенные яркими цветами или пародированные на причудливые одежды, но совершенно неуместно привнесенные на неделю в год в гущу нашей современной повседневной Европы двадцатого века.

Всего сравнительно несколько зим назад модная Ницца почти полностью состояла из Английской набережной, с несколькими незначительными приметами и дополнениями в обоих направлениях. На его восточном конце стоял (и стоит до сих пор) Jardin Public, этот рай для детей и увешанных ленточками французских нянек, где оркестр играет веселую музыку каждый день в четыре часа пополудни, а весь мир рассаживается вокруг на стульях по два су, чтобы весь остальной мир увидел своими глазами, что он все еще существует. Они, а также величественные набережные вдоль берега Пайон, вдоль которых выстроились магазины, где женская натура может купить все самые вкусные и дорогие безделушки в Европе, составляли настоящую Прелесть начала восьмидесятых. Но с быстрым ростом общего вкуса к более роскошной архитектуре, характерного для нашего времени, Фокейский город проснулся несколько лет назад с появлением электричества и оказался под угрозой отставания от своих более молодых конкурентов. Итак, отцы-призывники из Ниццы объединили свои мудрые головы, собрались на конклав и приняли решение о всеобщей трансмогрификации центра своего города. Постоянно наводя мосты и перепрыгивая через почти пересохшее русло реки Пайон, они получили широкое центральное место для нового большого сада, который теперь является естественным центром преобразованного города. На верхнем конце этого важного участка они возвели большое и красивое казино в великолепном стиле Третьей Республики, великолепное снаружи и внутри, как понимает это великолепие современный француз, и обеспеченное театром, зимним садом, ресторанами, кафе, бальными залами, *маленькими*

залами всеми другими наиболее насущными требованиями развитой цивилизации. Но, кстати, при этом они пожертвовали прекрасным видом на горы позади, который теперь можно увидеть только с площади Массена или Старого моста выше по реке. Большинство посетителей Ниццы, однако, мало заботятся о видах, и очень сильно о порывистых и пугающих радостях, воплощенных в их сознании во внешней и зримой форме казино.

Это массовое перекрытие нижнего конца Пайона объединило французские и итальянские города и отменило четко обозначенную пограничную линию, которая когда-то так заметно отделяла их друг от друга. Неизбежным результатом стало то, что итальянский город также претерпел значительную модернизацию вдоль побережья, так что Английская набережная и Променад дю Миди теперь практически сливаются в один непрерывный парад и по всей своей длине обсажены теми же подстриженными пальмами и теми же великолепными белыми дворцовыми зданиями. Когда старый театр в итальянском городке сгорел дотла во время знаменитого и рокового пожара, несколько лет назад муниципалитет возвел новый театр на том же месте в самом одобренном стиле парижской роскоши. Немного позади находится префектура и прекрасный цветочный рынок, который ни один посетитель Ниццы никогда не должен пропустить, потому что Ницца - это прежде всего, даже больше, чем Флоренция, город цветов. Защищенный квартал Поншет, расположенный с подветренной стороны Замковой горы, в последнее время, благодаря этим изменениям, стал любимым курортом для инвалидов, которые находят здесь защиту от пронизывающих ветров, которые со всей силы дуют по голой и открытой долине Пайон над французским городом.

Мне не хочется покидать этот любимый берег моря, в целом самый очаровательный морской парад в Европе, с мысом Вильфранш и псевдоготическим, псевдовосточным чудовищем Smith's Folly с одной стороны и восхитительным заливом в направлении Антиба с другой. Но есть еще различные аспекты Ниццы, которые еще предстоит описать: интерьер почти так же прекрасен в своем роде, как и побережье, окаймляющее его. Отправной точкой и центром этой внутренней Ниццы является площадь Массена, названная (как и площадь Гарибальди) в честь другого выдающегося уроженца. Здесь наконец-то сходятся трамваи со всех концов города; отсюда основные дороги расходятся во всех направлениях. Площадь Массена является деловым центром, а Общественный сад и казино - центрами развлечений. Также (*verbum sap.*) здесь есть отличная *паштетница*, где вы можете отведать мороженое или немного французской выпечки с меньшим ущербом для вашего организма и морали, чем где-либо в Европе. Более того, она образует подход к авеню де ла Гар, которая разделяет с Набережными честь быть лучшей торговой улицей в самом фешенебельном месте Средиземноморья. Если эти наслаждения могут тронуть твою душу, что ж, площадь Массена - как раз то место, где их можно найти.

Другие великие бульвары, такие как бульвар Виктора Гюго и бульвар Дюбушаж, были открыты в последние годы, чтобы позволить избыточному богатству, которое постоянным потоком стекается в Ниццу, найти место для развития. Замки и сады весело растут со всех сторон; склоны холмов пестрят виллами; Чимиес и Карабасель, некогда отдельные деревни, теперь объединены непрерывными жилыми домами в главный город; и вскоре город, где родился Гарибальди и где похоронен Гамбетта, поглотит собой все пространство долины, а ее пограничные отроги протянутся от горы к горе. Пригороды, действительно, по-своему едва ли не красивее, чем сам город; и когда по своему желанию бродишь среди холмов, поросших оливами, на запад, глядя вниз на зеленые лимонные рощи, окружающие виллы, и на пышные розы, украшающие их стены, неудивительно, что Жозеф де Местр, еще один знатный человек,

долгими темными вечерами, которые он проводил в Санкт-Петербурге, снова и снова со вздохом вспоминал “се дукс валлон де Маньян”. Да и сами русские не могли не оценить преимуществ перемены, поскольку они знали, что это не так. тысячи людей стекаются в Православный квартал на высотах Сен-Филипп, который окружает греческую часовню, возведенную в память о царевице Николае Александровиче, умершем в Ницце в 1865 году.

В конце концов, однако, для любителя живописной Ниццы сам город является лишь порогом и отправной точкой для знакомства с этой прекрасной страной, которая со всех сторон раскинула свои бесконечные достопримечательности и живописные красоты от Антиба до Ментоны. Экскурсии, которые можно совершить из него во всех направлениях, просто бесконечны. Неподалеку находятся монастырь и амфитеатр Симьез; итальянские монастыри и колокольня Святого Понса; знаменитая обсерватория на горе Мон-Гро с ее великолепными альпийскими видами; набережные Ле-Рей и Ле-Фонтен. Дальше по долине Пайон проезжая часть ведет прямо к Сент-Андре через романтическое известняковое ущелье, которое, наконец, заканчивается гротом и естественным мостом, над которым нависают заплесневелые остатки самого южного замка. Чуть выше крутая горная тропа ведет к Фаликону, расположенному “подобно орлиному гнезду” на панорамной вершине холма, одной из самых известных смотровых площадок Приморских Альп. Пограничные холмы Маньяна, весной покрытые пурпурными цветами диких гладиолусов; увитые виноградом вершины Ле Белле, с которых открывается вид на крутой, окруженный скалами бассейн реки Вар; долина Гепатикас, в марте покрытая бесчисленным количеством весенних цветов; более продолжительная поездка в Контес в самом сердце гор: все они одинаково прекрасны, и все они одинаково соблазняют задержаться на их территории в тени кипарисов или в прохладных гротах, зеленых и пышных, с раскидистыми листьями диких растений. девичьи волосы.

Среди стольких восхитительных экскурсий трудно выделить какую-либо, заслуживающую особой похвалы; тем не менее, нет никаких сомнений в том, что самой популярной, по крайней мере, среди основной массы туристов, является великолепная прибрежная дорога Вильфранш (или Виллафранка) в Монте-Карло и Монако. Именно в этой части побережья, между Ниццей и Ментонией, главный хребет Приморских Альп, упирающийся наконец в море, обрывается крутым спуском с высоты четырех тысяч футов до уровня Средиземного моря. Раньше барьерный хребет можно было преодолеть только по крутому, но великолепному маршруту Корниш; однако в последние годы французские инженеры, самые известные дорожники, вырубили в голой скале замечательную дорогу для карет, часто через крытые галереи или туннели в самом утесе, на всем пути от Ниццы до Монте-Карло и Ментоны. Старая часть этой дороги, между Ниццей и Вильфраншем, хорошо вписывается в рамки нашей нынешней темы.

Вы покидаете современную Ниццу у набережных и моста Гарибальди, быстро мчитесь по новым широким улицам, которые теперь пересекают итальянский город, огибаєте квадратные бассейны, недавно пристроенные к более бесформенному древнегреческому порту Лимпия, и начинаете взбираться на первые отроги Мон Борон среди вилл и садов квартала Лазаре. Розы банксии водопадами ниспадают со стен по мере того, как вы идете; оглядываясь назад, вы видите прекрасную панораму Ниццы, открывающуюся перед вашими глазами. На переднем плане скалистые островки Ла-Ресерв покрыты белой пеной от постоянного плеска летнего моря. Вдалеке на фоне крутых скал Замковой горы выделяется старая греческая гавань с ее молом и маяком. На заднем плане цепочкой поднимаются Альпы, позволяя лишь мельком увидеть у их подножия эту веселую и непостоянную набережную и все парижские прелести нового

французского города. Все это создает чудесную картину разнообразного средиземноморского мира, греческого, римского, итальянского, французского, с поросшими виноградом холмами и апельсиновыми рощами позади, медленно переходящими в заснеженные Альпы.

Поворачивая за угол Мон-Борона, мимо гротескных вульгаризмов замка Смит (любопытный полу-восточный образец архитектуры гигантского масштаба в виде ракушечных гротов), нашим глазам открывается совершенно новый вид на Раде-де-Вильфранш, эту изысканную бухту, не имеющую выхода к морю, ограниченную с одной стороны скалистыми утесами самого Мон-Борона, а с другой - длинным скалистым полуостровом Сен-Жан, который заканчивается Кап-Ферра и Вильфраншским маяком. Длинная глубокая бухта образует излюбленный рейд и место встречи французской средиземноморской эскадры, чьи огромные броненосные чудовища часто можно увидеть, как они гуськом прокладывают себе путь со стороны моря вокруг выступающих мысов или непринужденно нежатся на спокойной поверхности этого зеркального пруда. Окружающие высоты, конечно, ошетинились укреплениями, которые в эти подозрительные дни вооруженного противостояния в Европе туристу и любителю рисовать строго запрещено осматривать слишком внимательным взглядом. Сам причудливо живописный городок Вильфранш, итальянский и грязный, но в полной мере облагороженный своей стройной колокольней и террасами, поросшими оливами, уютно расположился на самом дне своего карманного залива. Новая дорога в Монте-Карло оставляет его далеко внизу, с истинно современным презрением к простой красоте старого света; художнику и любителю природы лучше не следовать примеру этих безжалостных инженеров; они найдут множество сюжетов для набросков среди этих побеленных стен и множество редких морских цветов, спрятанных невидимыми среди этих изрезанных трещинами скал.

И теперь, когда все сказано и сделано, я, знавший и любивший Ниццу в течение стольких погожих зим, слишком остро ощущаю, насколько мне не удалось показать тем моим читателям, которые этого не знают, безграничное очарование этой веселой, увитой розами королевы улыбающейся Ривьеры. Ибо какими словами можно описать жизнь и движение сверкающего морского побережья? многообразие настроений посетителей Jardin? южная живость прачек, которые колотят свое белье большими камнями на сухом ложе галечного Пайона? пышные гирлянды жимолости и мимозы, украшающие шпалерные галереи Карабаселя и Симьеса? Кто сможет правильно описать одним пером корявые оливки Болье и похожий на дворец фасад Церкви Средиземноморья? Кто с такой же правдивостью напишет о ювелирных лавках на набережных, о восточных базарах на Проспекте и о куполе за куполом голых горных вершин, которые в отдаленной перспективе поднимаются к сверкающим белым вершинам великого альпийского хребта? Кто на одном дыхании расскажет о карманьолах Карнавала, или о покрытых пылью букетах "Битвы цветов", и о безмолвных вершинах Мон-Кау и Сим-де-Винегрие, или о бескрайнем и разнообразном морском пейзаже, который неожиданно врывается в душу с набережной Корниш близ Эзы? Есть виды Ниццы и ее окрестностей, которые напоминают Варфоломеевскую ярмарку или Елисейские поля после воскресного смотра; а есть виды, которые напоминают вид с какой-нибудь торжественной вершины Бернского нагорья, смешанной с каким-нибудь поросшим вереском холмом, возвышающимся над зеленой Атлантикой среди Западного нагорья. И все же все так изящно тронута и освещено средиземноморским колоритом и средиземноморским солнцем, что даже в разгар ее самых безумных шалостей вы редко можете всерьез рассердиться на Ниццу. Дела Божьей руки никогда не за горами. Вы поднимаете взгляд от скопления экипажей и зевак на Английской набережной, и перед вашими глазами отвесно возвышается Кап-Ферра над стремительными

белыми волнами небесно-голубого моря; вы переходите мост за Казино под шум набережных, и огромные лысые горы вздымаются к небесам над бурлящей долиной заснеженного Пайона. Возможно, это осквернение, но осквернение, которое по-прежнему оставляет вас лицом к лицу со всем, что есть самого чистого и прекрасного в природе.

А потом цветы, волны, мягкий воздух, солнечный свет! На пляже, между местами для купания, мужчины сушат душистую апельсиновую кожуру для изготовления духов: проезжая по пыльным дорогам, вы улавливаете аромат цветов лимона и гардении: вся городская торговля - это искусная торговля золотистой акацией и малиновыми анемонами: сами *геймены* забрасывают вас в грубой скачке Карнавала сладко пахнущими букетами сиринги и сирени. Роскошь, которая в другом месте вызвала бы праведный гнев, здесь настолько демократична в своем проявлении, что человек почти потворствует ей. Сверкающие белые виллы с резными кариатидами или скульптурными верандами в виде нимф из свободного камня позволяют путнику насладиться богатством их кустарников или залитых солнцем фонтанов, а также легким бризом, обдувающим их благоухающие цветники. Милый вульгарист! Тьфу, друг мой, если ты так говоришь, я прекрасно знаю почему. У тебя вульгарная душа, которая видит только безделушки и накрашенных дам. Вы никогда не поднимались в одиночку от шума и пыли многолюдного города к свободным вершинам Мон-Альбана или цветущим оливковым рощам долины Маньян. Вы никогда не охотились за фиолетовой морозником в ущельях Пайона и не собирали орхидеи и ирисы большими пригоршнями на склонах Сен-Андре. Я даже сомневаюсь, приходилось ли вам когда-нибудь отвлекаться на мгновение от веселой толпы Казино и площади Массена на узкие улочки итальянского городка; беседовать на их собственном восхитительном диалекте со свободными рыбаками квартала Лимпия; или с радостью взирать на холмистую равнину горных вершин с продуваемой бризом платформы Замка. Возможно, вы всего лишь несколько дней просидели на балконе своего отеля, непринужденно прогуливались по дневной набережной, надели накладной нос на вечерний парад Карнавала или вернулись поздно ночью последним поездом из Монте-Карло с гораздо более легким карманом и с гораздо большей тяжестью на сердце, чем когда вы уезжали утренним экспрессом в поисках удачи. А потом ты говоришь, что Мило - это вульгарно! Кажется, у вас нет глаз ни на море, ни на берег, ни на небо, ни на горы; но вы с любопытством смотрите на уличную пыль и бормочете себе под нос, что находите ее неинтересной. Когда вы снова поедете в Ниццу, прогуляйтесь в одиночестве по холмам до Фаликона, возвращаясь через Ле-Рей, а затем скажите, если осмелитесь, что Ницца - это все, что угодно на земле, только не восхитительно красивое.

VII

РИВЬЕРА

Во времена Дожей-Происхождение названия— Голубая бухта Канн-Сент. Маргарита и Сент— Онора—Исторические ассоциации—Улица Антиб—Скала Монако—“Нотр—Дам де ла Рулетка”—От Монте-Карло до Ментоны-Сан-Ремо -Романтическая железная дорога.

“О, Страна роз, что воспевает о тебе бюль-бюль?” Как простой прозой описать европейский сад? Ривьера! Кто знает, кроме того, кто был там, то смутное чувство восторга, которое само это название вызывает у бедного зимнего изгнанника, изгнанного морозом из туманов и бронхита более северных краев? Какие видения серых олив, серебристо мерцающих на ветру на террасных горных склонах! Какие водопады Маршала Нильса, обильно ниспадающие с серых известняковых стен! Какие алоэ и кактусы на прогретых солнцем скалах! Какие декабрьские пикники под безоблачным голубым небом! Но для тех, кто знает и ценит Ривьеру лучше всего, Ривьера - это нечто большее, чем просто пейзажи и солнечный свет. Это жизнь, это здоровье, это сила, это омоложение. Возвращение к нему осенью подобно обновлению молодости. Нам дороги даже его недостатки, ибо они являются недостатками его добродетелей. Мы можем смириться с его пылью, когдапомним, что пыль означает солнце и сухой воздух; мы можем простить его ослепительно белые дороги, если подумаем про себя, что они зависят от почти неизменно хорошей погоды и ясного неба, когда северная Европа окутана туманом, холодом и нищетой.

И что это за Ривьера, которую мы, слабые люди, “зимующие на юге”, так хорошо знаем и обожаем? Все ли были там, или можно рискнуть даже сейчас описать это словами еще раз, в двадцатый раз? Ну, в конце концов, насколько узко наше представление о “всех”! Я полагаю, что один из каждой тысячи, по умеренным подсчетам, посещал это улыбающееся побережье, раскинувшее свои чарующие бухты между Марселем и Генуей; поэтому мое описание предназначено в первую очередь для девятисот девяноста девяти человек, которые там не были. И даже сам тысячный, если он хорошо знает свои Канны и свою Ментону, не откажет мне в воспоминании об этих восхитительных заливах и очаровательных мысах, которые должны быть неизгладимо запечатлены в его памяти.

Название Ривьера теперь практически английское. Но по происхождению оно генуэзское. Этим мореплавателям во времена дождей побережья к востоку и западу от их собственного королевского города, естественно, были известны как Ривьера-ди-Леванте и Ривьера-ди-Поненте соответственно, берега восходящего и заходящего солнца. Но в устах англичан уточняющий термин “di Ponente” постепенно вообще вышел из употребления, и сегодня мы говорим об этом излюбленном зимнем курорте, несколько нелогично сокращая его, просто как “Ривьера”. Таким образом, в нашем современном и специально английском понимании Ривьера означает длинную и плодородную полосу побережья между засушливыми горами и Лигурийским морем, начинающуюся у Сан-Рафаэля и заканчивающуюся в Генуе. Йер, это правда, в последнее время часто причисляют к городам Ривьеры, но только из вежливости. Строго говоря, он находится за пределами заколдованного круга. Можно сказать, что Ривьера, собственно так называемая, берет свое начало там, где Эстерель примыкает к заливу Фрежюс, и простирается до тех пор, пока отроги Альп не окаймляют итальянский берег Средиземного моря.

Итак, Ривьера - это как раз то место, где величайшая центральная горная система всей Европы обрушивается прямо в самое теплое море. А его самые известные курорты - Ницца, Монте-Карло, Ментона - расположены как раз там, где сама ось хребта, наконец, упирается в мелководное и нежащееся Средиземное море. Поэтому они расположены так же выгодно по отношению к горной стене, как Палланца или Рива, с дополнительным преимуществом более

южного положения и соседнего участка солнечного моря, согревающего их. Приморские Альпы отсекают все северные ветры, в то время как горячий воздух пустыни, смягченный прохождением над широким пространством средиземноморских волн, достигает побережья восхитительным бризом, уже не сухим и расслабляющим, а одновременно добродушным и освежающим. Добавьте к этим разнообразным преимуществам сухость климата из-за существенно континентального положения (ведь Средиземное море, в конце концов, всего лишь внутреннее соленое озеро), и неудивительно, что все мы называем Ривьеру самым красивым и приятным из зимних курортов. Мое собственное мнение всегда оставалось непоколебимым, что Антиб по климату может справедливо претендовать на звание лучшего места в Европе или на берегах Средиземного моря.

Не то чтобы я был фанатичным антиполитологом. Я испробовал все остальные уголки и трещинки на этом восхитительном побережье, от Каркейранна до Корнильяно, и должен признать, что каждый из них имеет для определенных целей свои особые преимущества. Все, абсолютно все очаровательны. Действительно, ривьера, на мой взгляд, - это один долгий праздничный наслаждений. С того момента, как железная дорога упирается в море недалеко от Фрежюса, путешественник чувствует, что он может отдать должное пейзажу по обе стороны, только посмотрев в обе стороны одновременно и “прищурившись”, как продавец сосисок у Аристофана. Одни только эти величественные вершины Эстерель побудили бы самого прозаичного человека “погрузиться в поэзию”, с такой же готовностью, как самого мистера Сайласа Вегга в “Особняке Боффинов”. Как мне описать их, эти вздымающиеся массы скал, огромные торы из красного порфира, отвесно вздымающиеся в воздух своими розоватыми утесами из темно-зеленого подножия средиземноморской сосны? Когда солнце попадает на их бока, они светятся, как огонь. Там они лежат во всей своей красоте, как огромная скала, вдавленная в море, авангард Альп, не нарушенный ничем, кроме единственной большой дороги, которая смело проходит через их безлюдную гущу, и более робкой железной дороги, которая, опасаясь прорыть туннель в их твердых порфировых глубинах, осторожно огибает их основание у скалистого морского берега и таким образом дает нам, проезжающим мимо, бесконечные прекрасные виды на сапфировые бухты с красными утесами и скалистые островки, увенчанные маяками. В целом, я считаю Эстерель, как пейзаж сам по себе, самым красивым “уголком” на всей Ривьере; хотя ему и не хватает человеческих дополнений, как природа он лучший, самый разнообразный по очертаниям, самый яркий по колориту.

Поворачивая за угол у Агэ, вы внезапно, совершенно неожиданно, оказываетесь в голубом Каннском заливе, или, скорее, на Гольф-поле ла-Напуль, само название которого невольно выдает поразительную новизну и неожиданность всего этого густонаселенного побережья, этой “маленькой Англии за Францией”, быстро разросшейся вокруг виллы лорда Броэма на берегу устья Сиани. Ибо, когда залив рядом с Эстерелем получил свое нынешнее название, Ла-Напуль, а не Канны, все еще был главной деревней на его берегу. В наши дни люди приезжают в свободный день из многолюдного фешенебельного города в маленькую дремотную деревушку; но в прежние времена Ла-Напуль был оживленным местным рынком, когда Канны были не более чем маленькой деревушкой провансальских рыбаков.

Гольф-де-ла-Напуль заканчивается у Каннской набережной Круазетт, длинного низкого мыса, выдающегося в море подводной насыпью, самые дальние точки которого вновь становятся двумя островами Лерин, Сент. Маргарита и Сент-Онора. Их имена известны в истории. Небольшой пароход курсирует из Канн на “Острова”, как их называют местные жители; и

поездка в тихую погоду, если Альпам угодно сиять, приятна и поучительна. Ste. Маргарита находится несколько ближе из двух, на прелестном маленьком островке, покрытом густой порослью морских сосен и известном как тюрьма того таинственного существа, Человека в железной маске, которое дало повод для стольких глупых и бесплодных домыслов. Рядом с пристанью стоит Форт, примостившийся на высоком утесе и смотрящий на набережную Круазетт. Неинтересное само по себе, это старое укрепление часто посещают туристы-любители чудес ради его знаменитого узника, память о котором до сих пор преследует узкий террасный коридор, где он расхаживал взад-вперед в течение семнадцати лет безжалостного заточения.

Остров Сент-Онора расположен дальше в море, чем его соседний остров, и, хотя он ниже и меньше, в некотором смысле более живописен благодаря своему массивному средневековому монастырю и историческим ассоциациям. В раннем средневековье, когда коммуникации все еще в основном осуществлялись по воде, монастырь на Иль-Леринских островах пользовался большой репутацией излюбленного места остановки, можно даже сказать, отеля, для паломников в Рим или из Рима; и большинство первых британских христиан в своих континентальных странствиях находили приют в то или иное время под его гостеприимной крышей. Святой Августин останавливался здесь по пути в Кентерберии; святой Патрик посетил монастырь по пути из Ирландии; Сальвиан написал в его стенах свою мрачную иеремиаду; Винсент де Леренс сочинил по ней свой “Путеводитель для пилигрима”. Мрачные своды древнего монастыря до сих пор свидетельствуют своей удивительно толстой и прочной каменной кладкой об их двойном использовании как монастыря и как места убежища от “сарацин”, берберийских корсаров девятого, десятого и одиннадцатого веков. Действительно, флоты пайнимов не раз грабили это место и хладнокровно убивали монахов.

О самих Каннах, чудесном продукте нашего бестолкового и коммерческого века, как должен говорить правдивый хроникер с подобающим уважением и достоинством? Ведь у Канн есть свои недостатки. Поистине замечательным местом является этот космополитичный зимний курорт. Замки в стиле рококо, великолепные пальмовые сады, имитация мавританских вилл, деревянные шатры из идеальной Швейцарии художника-сценографа, особняки елизаветинской эпохи, прилепившиеся к итальянской территории, прелестные рощи мимозы, эвкалиптов и иудиных деревьев - все это сливается в такую странную и неуместную картину, что не знаешь, когда смеяться, когда плакать, когда восхищаться, когда восклицать: “Вон отсюда!” Представьте скопление двух или трех белолицых парижских улиц с вкраплениями маленьких кусочков Англии, Брюсселя, Алжира, Константинополя, Пекина, Берна, Нюрнберга и Венеции, расположенных бок о бок на зеленом провансальском склоне холма перед прекрасным заливом, и вы получите современные Канны; Вавилонский дворец в раю; что-то вроде бульварной Бонд-стрит с видом через голубые волны на зубчатые вершины вечно прекрасной Эстерель. Нет, как бы ни старались, Канны не могут не быть прекрасными. Природа так много сделала для него, что само искусство, униженное французское искусство Империи и Республики, ни на минуту не может преуспеть в том, чтобы сделать его уродливым; хотя я вынужден признать, что оно изо всех сил стремилось к этой похвальной цели. Но Канны по-прежнему остаются Каннами, несмотря на великих герцогов, садовников и архитекторов. И Старый город, по крайней мере, еще совершенно не испорчен спекулятивными застройщиками. Почти в каждом месте отдыха на Ривьере есть свое собственное ядро старого света - причудливая рыбацкая деревушка древних времен, вокруг которой одна за другой в неправильной последовательности выстроились роскошные современные виллы. В Каннах

Старый город бросается в глаза еще больше, чем где бы то ни было; он карабкается по крутым склонам небольшого обращенного к морю холма, увенчанного башней церкви одиннадцатого века, и такой же живописный, серый и грязный, как и большинство других мест обитания отважных провансальских рыбаков. Странно также видеть, как два потока жизни вечно текут бок о бок, но никогда не смешиваются. Рыбачьи Канны и по сей день так же неизменны, как если бы вокруг этого бесперспективного центра никогда не вырос новый космополитичный зимний курорт с его англо-русским шиком и грацией, немецко-американским легкомыслием.

Улица Антиб - главная торговая улица новых и более богатых Канн. Если мы последуем за ним за город по прямому французскому бульвару, он, наконец, приведет нас в забавный старый пограничный город, от которого он до сих пор получил свое незатейливое название. Сам Антиб принадлежит к тому самому первому поколению цивилизованных провансальских городов, которые обязаны своим происхождением крепким старым фокейским колонистам. Это греческий город по происхождению, Антиполис, который стоял лицом к Никейской гавани и защищал ее; по живописности и красоте ему нет равных на всей живописной Ривьере. Каждый, кто путешествовал на поезде "Париж, Лион, Средиземное море", хорошо знает восхитительный вид на мол и гавань, открывающийся с железной дороги. Но этот очаровательный проблеск, каким бы причудливым и разнообразным он ни был, ни в коем случае не дает полного представления о древнем фокейском городе. Город до сих пор стоит, окруженный своими ошетилившимися укреплениями работы Вобана, пронизанными узкими по толщине воротами и увенчанными величественными валами. Форт Карре, венчающий обращенный к морю мыс, скалистые островки и два каменных волнореза порта (небольшой Генуи) - все это усиливает поразительный эффект обстановки и перспективы. Внутри это место такое же причудливое и любопытное, как и снаружи: лабиринт узких улочек, бедный памятниками Антиполиса, но богатый римскими руинами, включая знаменитую и трогательную надпись мальчику Септентрио, КВИ АНТИПОЛИ В ТЕАТРЕ БИДВО САЛТАВИТ И ПЛАЦВИТ. Последние три слова, позаимствованные с этого провинциального надгробия, стали притчей во языцех, свидетельствующей о недолговечной славе актерского искусства.

Однако общий вид города Антиб в настоящее время относится к средневековью или даже к семнадцатому веку. Аромат Луи Куаторца пропитывает весь город с его навязчивым военным видом пограничной крепости; ибо, конечно, в то время как Вар все еще служил границей между Францией и Италией, Антиб неизбежно считался стратегическим постом огромной важности; и в наши дни, при новом нашествии военного варварства, огромные казармы окружают укрепления свежими побеленными стенами, а "Гунн! Боже!" - крикливого французского сержанта-строевика весь день доносится с тренировочной площадки у железнодорожного вокзала. Таким образом, сам Антиб ни в коем случае не является местом, где стоит останавливаться; именно расположенный неподалеку Кап д'Антиб привлекает с каждым годом все больший приток мирных и культурных посетителей. Прогулки и драйвы очаровательны; сосновые леса, покрытые ковром из диких анемонов, - это восхитительная мечта; а вид с холма-маяка за городом - один из самых красивых и разнообразных на всем Средиземноморье.

Но я не должен задерживаться здесь на красотах Антибского мыса, а должен двигаться дальше, к Монако и Монте-Карло.

Это замечательное место, это маленькое княжество Монако, зажатое между высокими горами и бушующим морем и долгое время герметично отрезанное от всех своих более могущественных

и коммерческих соседей. Между обсаженными пальмами бульварами Ниццы и величественным горным амфитеатром, который замыкается в Ментоне идеальным полукругом вздымающихся вершин, одна скалистая опора, последний длинный отрог великой альпийской оси, смело тянется к морю и заканчивается обрывистым скалистым мысом Тет-де-Шьен, нависающим над Монте-Карло. До самого недавнего времени ни одной дороге не удавалось обогнуть подножие этого обрывистого мыса: знаменитая трасса Корниш проходит по выступу высоко на его извилистом склоне, мимо массивных римских руин Турбии, и с высоты полутора тысяч футов открывается вид на дворец Монако. Этот горный бастион Турбии долгое время служил реальной границей между древней Галлией и Лигурией; и на самой его вершине, где узкая римская дорога, вившаяся вдоль крутого перевала, теперь расширилась и превратилась в великолепное шоссе Корниш, Август воздвиг массивный квадратный монумент, чтобы обозначить границу между провинцией и италийской землей, а также внушить благоговейный страх горцам этого беспокойного региона. Круглая средневековая башня, в настоящее время также находящаяся в руинах, венчает римское сооружение. Здесь Альпы резко обрываются. Скала Монако у подножия - их последний безрезультатный протест в сторону моря.

И что это за скала, этот причудливый горный хребет, увенчанный странной столицей этого миниатюрного княжества! Представьте себе огромного окаменевшего кита, который нежится на отмели, его спина возвышается примерно на двести футов над кромкой воды, голова обращена к морю, а хвост едва касается материка, и у вас сложится приблизительная мысленная картина Скалы Монако. Фактически это изолированный холм, выступающий в Средиземное море у подножия Приморских Альп (так сказать, последнее напоминание об их умирающем достоинстве) и соединенный с Утесом только узким перешейком у подножия скалы, на которой возвышаются средневековые бастионы княжеского дворца. Когда вы смотрите на него сверху, с высот Корниша, я без колебаний могу сказать, что это самое живописное городское место во всей Европе. Со всех сторон, кроме моря, его окружают огромные горы; в то время как к самому улыбающемуся голубому Средиземному морю тянется огромная скала, омываемая крошечными белыми бурунами во всех местах, за исключением того места, где низкий перешеек соединяет ее с берегом; и в хороший полевой бинокль вы можете с высоты птичьего полета разглядеть каждую улицу и двор этой чистенькой маленькой столицы. Дома с красной черепицей, белый дворец с его аккуратными садами и четырехугольниками, круглые люнеты старой стены, крутая мощеная тропа для мулов, ведущая вверх по скале от современного железнодорожного вокзала, - все это расстилается перед вами, как карта, раскрашенная в ярко-синие цвета Средиземного моря, ослепительно серые цвета средиземноморского солнца и ярко-красноватые оттенки средиземноморских крыш.

Нет никаких сомнений в том, что Монте-Карло даже сейчас, со всеми его безделушечными пристройками, очень красив: ни один Осман не смог бы испортить такое прелестное расположение; и даже сам новый город, который быстро разрастается каждый раз, когда я приезжаю в него, отличается живописностью крепких арок, отвесных скал, хорошо пристроенных вилл, что в значительной степени избавляет его от любых опрометчивых обвинений в обычной вульгарности. Все выглядит как сцена в театре, а не как прозаический кусочек нашего повседневного мира. Вокруг нас голубое Средиземное море, разбитое на сотню мелких сапфировых бухт. Позади нас ярус за ярусом поднимаются Приморские Альпы, их огромные вершины окутаны ворсистым туманом. Слева возвышается белая скала Монако; справа - зеленый итальянский берег, переходящий в пурпурные горы, охраняющие Генуэзский залив. Прекрасные по своей природе окрестности Казино были в некотором смысле сделаны

искусством еще более прекрасными. От кромки воды террасы тропической растительности сменяют друг друга постепенными ступенями к величественному фасаду игорного дома; гроздь пальм и алоэ, их основание опоясано экзотическими цветами, искусно выдвинуты на передний план в каждой точке обзора, так что вы видите залив и горы сквозь художественные панорамы, искусно расположенные в тех самых местах, где их расположила бы фантазия художника. Вы смотрите на Монако сквозь поникшие финиковые ветви; вы мельком видите Бордигеру сквозь каркас из раскидистых драцен и причудливо симметричных веерных пальм.

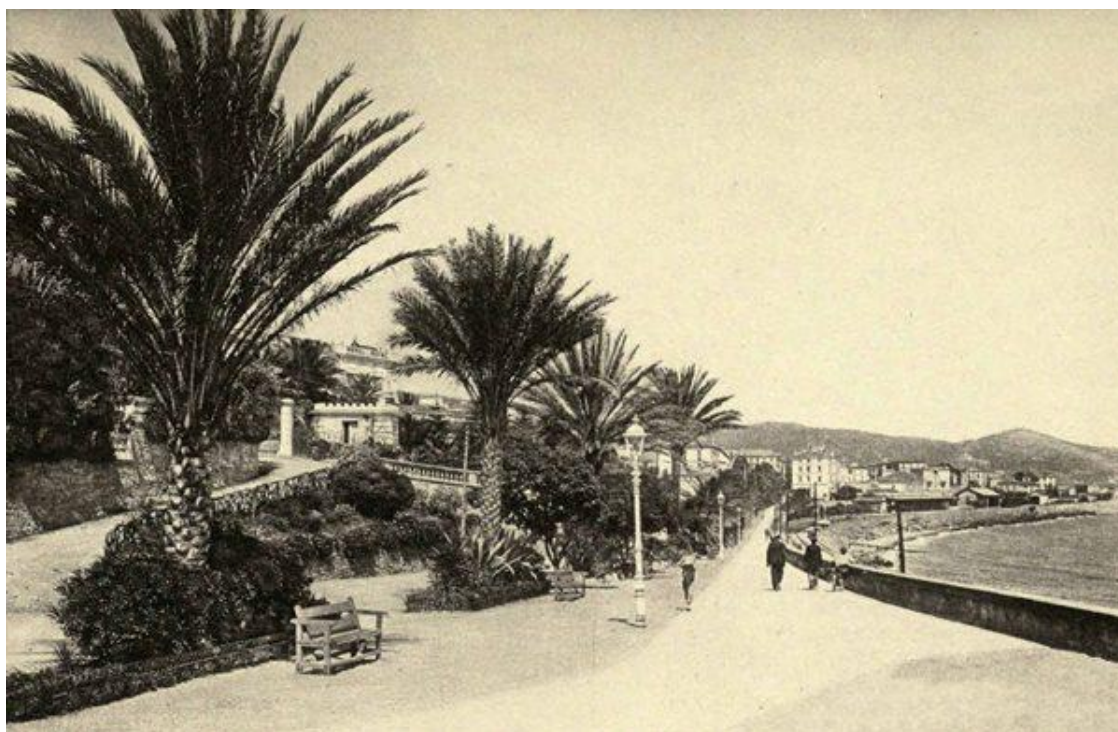
Снова в путь, на этот раз пешком. Ибо дорога из Монте-Карло в Ментону по-своему почти так же прекрасна, как дорога из Ниццы в Монте-Карло. Сначала он проходит среди постоянно растущих вилл и отелей столицы Удачи и мимо той роскошной церкви, построенной на доходы от игры за столом, которую местные острословы вполне уместно окрестили “Ночная дама Рулетки”. Есть одна точка, откуда открывается вид на Монако и его залив, на склонах Кап-Мартен, недалеко от Рокбрюна, такая красивая, что, хотя я видел ее, наверное, раз сто или больше, я по сей день никогда не могу взглянуть на нее без невольного возгласа удивления и восхищения.

Сам Рокбрюн, который, когда я впервые его узнал, был итальянской Роккабруной, имеет свою собственную причудливую обстановку и связанную с ней причудливую историю. Коричневая, как и ее собственные скалы, полуразрушенная маленькая деревушка стоит, причудливо перемешавшись, среди огромных каменных глыб, которые, должно быть, когда-то в беспорядке упали с изуродованного склона соседнего холма. С дороги на Корниш все еще довольно легко распознать голый участок на склоне горы, откуда оторвался оползень, и проследить его путь вниз по склону до его нынешнего положения. Но местная легенда идет немного дальше: она просит нас поверить, что скала упала такой, какой мы ее видим *домами наверху*; другими словами, что деревня была построена до того, как произошла катастрофа, и что она соскользнула вниз по частям в том беспорядочном виде, в каком мы ее видим сейчас. Как бы то ни было, и эта история предъявляет определенные требования к доверчивости слушателя, несомненно, что дома сейчас занимают самые живописные позиции: здесь они стоят по двое или по трое на разрушенных массивах конгломерата, там вклинились между двумя огромными стенами утеса битлинг, а вон там снова цепляются изо всех сил за какую-нибудь тонкую опору на крутом склоне холма.

Мы достигаем вершины перевала. Залив Монако отделен от залива Ментона длинным низким мысом Кап-Мартен, покрытым оливковыми рощами и низкорослыми морскими соснами. Когда сворачиваешь за угол от Рокбрюна по седловине, огибающей утес, внезапно открывается одна из самых красивых перспектив, которые можно увидеть с набережной Корниш. У наших ног, утопающая в зелени лимонов и апельсиновых деревьев, Ментона наполовину прячется за своими виллами и садами. На среднем расстоянии старая церковь с ее высокой итальянской колокольной выделяется на фоне голубых вершин этого великолепного амфитеатра. Дальше, опять же, узкое ущелье отмечает место моста Сен-Луи и итальянской границы. Дальше на восток красные скалы смутно переходят в мыс Ла-Мортола со знаменитым садом мистера Хэнбери; затем идут утесы и укрепления Вентимильи, сверкающие белизной на солнце; и, наконец, пурпурные холмы, окаймляющие Сан-Ремо. Это подходящий подход к самому прекрасному месту, поскольку Ментона высоко ценится за красоту даже среди своих прекрасных сестер на лигурийском морском побережье.

Да, Ментона прекрасна, бесспорно прекрасна; и для прогулок и поездок на автомобиле, возможно, она сможет отобрать пальму первенства у всех соперников на этой зачарованной Ривьере. Пять отдельных долин, каждая из которых образована своим собственным потоком, с пересыхающим зимой руслом, сходятся к морю в черте города. Четыре основных скалистых хребта разделяют эти долины своим хребтообразным хребтом, помимо бесчисленных второстепенных отрогов, разветвляющихся в боковом направлении вглубь материка. Каждую долину пересекает хорошо проложенная автомобильная дорога, а на каждый разделительный гребень взбираются по тропинке для верховой езды и пешеходной дорожке. Следствием этого является то, что пешие прогулки и поездки на автомобиле в Ментоне никогда не исчерпываются, и экскурсии среди холмов могут занимать трудолюбивого пешехода много зим подряд. Что это за холмы, эти огромные голые иглы и остроконечные скалы, превратившиеся в зазубренные вершины под непрекращающимися дождями веков, и со своих недоступных вершин они со сверкающим презрением взирают на зеленые лимонные рощи под ними!

Следующий город на очереди, Бордигера, более известен всему миру как ривьерский зимний курорт, хотя и более мягкого и тихого типа, я не говорю, чем Ницца или Канны, но чем Ментона или Сан-Ремо. Бордигера, действительно, только что достигла той приятной промежуточной стадии в эволюции ривьерского водопоя, когда все положительные потребности пришельца с севера в изобилии удовлетворены, в то время как толпы и модные развлечения еще не начали вторгаться в ее первобытную простоту. Прогулки и переезды со всех сторон очаровательны; отели комфортабельны, а цены по-прежнему ни в коем случае не являются запредельными.

Следующим в списке космополитических зимних курортов идет Сан-Ремо: Сан-Ремо, густо усеянный немцами в очках, как листьями в Валломброзе, с тех пор как император Фридрих

выбрал это место для своего последнего отчаянного митинга. Германец действительно чувствует себя более комфортно за дружественной итальянской границей, чем во враждебной Франции; и Сен-Готард обеспечивает ему легкий доступ приятным маршрутом к этим ближайшим лигурийским городам, так что Отечество теперь почти аннексировало Сан-Ремо, как Англия аннексировала Канны, а Америка - Ниццу и Симье. Построенный в злые времена средневековья, когда каждый дом был крепостью, а каждый ветерок нес сарацина, Сан-Ремо сегодня представляет собой живописный лабиринт улиц, переулков, подвалов и аллей, превзойденный только причудливой соседней деревней Тагия. Это также сердце региона землетрясений; и чтобы защититься от этого частого и нежеланного посетителя, чей след можно увидеть на половине стен на окраинах, жители Сан-Ремо укрепили свои дома системой арок, перекинутых на разной высоте через запутанные тропинки, что напоминает Алжир или Тунис. Таким образом, с определенных точек зрения, и особенно с восточной стороны, Сан-Ремо напоминает огромную пирамиду из цельного камня или чудовищную пагоду, вытесанную гигантскими руками из глыбы белого необработанного камня. Как хорошо выразился Диккенс, кажется, что проходишь через город, постоянно переходя из подвала в подвал. Романтическая железная дорога огибает побережье от Сан-Ремо до Аlassiо и Савоны. Он образует одну длинную череду туннелей, перемежающихся частыми передышками рядом с прекрасными бухтами, "павлиньей шейкой оттенка", как поет о них Лауреат. Один город за другим постепенно появляются из-за угла мыса, белой массы домов, венчающих какой-то крутой выступ скалы, из которых только Аlassiо пока еще претендует на то, чтобы считаться домом для гостей с севера.

VIII

ГЕНУЯ

Ранняя история—Старые укрепления—Соперник Венеции—Изменения за двадцать пять лет—С парашета Корсо—Нижний город—Генуэзский дворец—Памятник Христофору Колумбу—Старая Догана—Мемориалы в Кампо Санто—Залив Специя—Изола Пальмерия—Сцены гавани.

Генуя Суперба — Генуя Гордая — эпитет, вполне подходящий для этого города князей-торговцев древности, который когда-то был торговым центром Тиррени, как и Венеция на Адриатическом море, и соперником последней в торговле Восточного Средиземноморья. Нет двух городов, приспособленных для того, чтобы играть подобную роль в истории, которые не могли бы быть более непохожими в своей природной среде: Венеция, сгрудившаяся на гряде илистых отмелей, отделенных водной гладью от низкой береговой линии, за которой вдали смутно вырисовываются горы, словно флотилия домов, стоящих на якоре на мелководье Адриатики; Генуя, протянувшаяся вдоль берега у углубляющейся воды, у самых подножий Апеннин,

взбирающаяся по их склонам и венчающая нижние вершины своими сторожевыми башнями. Ни один морской порт в Италии не обладает столь богатой природной красотой территорией, даже Специя с ее заливом, ибо, хотя пейзажи по соседству, безусловно, превосходят пейзажи вокруг Генуи, сам город построен на почти ровной равнине; не даже сам Неаполь, несмотря на великолепный размах его залива, над которым возвышается вулканический конус Везувий и который ограничен известняковыми скалами хребта Монте-С. Анджело. Однако у Генуи, как и у всех мест и людей, были свои недоброжелатели. Пожалуй, ни о каком городе не было сказано более горького сарказма, чем хорошо известный, который, без сомнения, исходил из уст какого-нибудь завистливого тосканца, когда два народа боролись за господство над западным морем, и автор эпиграммы был на стороне проигравшего. Хотя это многим знакомо, мы рискнем процитировать это снова, как это можно перевести на нашем родном языке: “Безлесные холмы, море без рыбы, неверные мужчины, бесстыдные женщины”. Что касается упрека в первом пункте, то следует признать, что в нем все же есть доля правды; и в прежние времена, когда садов было меньше, а больше земли оставалось в ее естественном состоянии, возможно, в этом было даже больше смысла. Холмы вокруг Генуи, несомненно, кажутся немного бесплодными по сравнению с холмами Ривьеры, расположенными несколькими милями дальше к югу, с их необычайной пышностью растительности, их бесконечными оливковыми склонами, которые уступают место дубам, соснам и миртам. Я полагаю, что во втором предложении также есть доля истины; но что касается остального, то не дело относительно постороннему человеку высказывать свое мнение. Однако, что касается мужчин, то упрек не является чем-то новым. Столетия назад Лигурия, главным городом которой является Генуя, славилась хитрым и вероломным нравом своих жителей, которые этнически значительно отличаются от своих соседей. В “Энеиде” Вергилия лигурийский вождь проявляет больше хитрости, чем храбрости в схватке с амазонкой, и, таким образом, получает апостроф перед тем, как получить смертельный удар от женской руки: “Напрасно, о хитрый, ты испробовал свое наследственное ремесло”. Жители этой части Италии образуют один из серии этнологических островов; где остатки, отнюдь не незначительные, более древней расы пережили нашествие более сильного народа. Эта раса старого света, обычно называемая иберийцами, отличается характерно низким ростом, темными волосами, глазами и цветом лица. Его представители сохранились в Бретани, Уэльсе, Ирландии, провинциях Басков и других отдаленных уголках Европы; изолированные или оттесненные, пока они не смогли продвинуться дальше, продвижением арийской расы, тем или иным представителем которой в настоящее время заселена Европа. Однако на Лигурийском побережье, как и следовало ожидать, за две тысячи лет торговли и цивилизации расы, какими бы разными они ни были по происхождению и прежде от природы враждебными, были почти слившимися в результате смешанных браков; и это, во всяком случае, в Генуе, по-видимому, имело случайный результат в появлении исключительно симпатичных людей, особенно в случае молодых женщин. Я хорошо помню, как несколько лет назад, выезжая летним вечером на западную окраину Генуи, я проезжал мимо толп женщин, в большинстве своем молодых, возвращавшихся с работы на фабриках, и, конечно, я никогда не видел такого количества красивых лиц, как среди них.

Генуя по меньшей мере две тысячи лет была важным центром торговли; хотя, конечно, как и большинство других мест, она не была одинаково процветающей. Он попал под власть Рима примерно за два столетия до христианской эры, владение им некоторое время оспаривалось у карфагенян; затем он стал известен как портовый город для торговли в западной части Средиземноморья, он пришел в упадок и пострадал во время упадка Империи, а затем

постепенно приобрел известность в средние века. Даже в десятом веке Генуя была важным сообществом; ее граждане, как заслуженные люди, которые были отважными моряками, находили естественное удовольствие в любых беспорядках; они присоединялись к крестовым походам и превращали религиозный энтузиазм в коммерческую прибыль, приобретая различные города и острова на Востоке. Довольно необычное сочетание воина и торговца, которое представляют генуэзцы средневековья, без сомнения, обусловлено не только социальным характером, но и исключительными обстоятельствами. “Постоянные вторжения сарацин объединили профессии торговца и военного, и величайшие купцы стали также величайшими генералами, в то время как капитаны флота тоже были купцами”.

Генуе, как можно предположить, с самого начала пришлось бороться с двумя грозными соперниками: одним из них была Пиза в ее собственных водах; другим - Венеция, граждане которой в равной степени стремились к господству в Леванте и торговле с Востоком. За оба этих места борьба была долгой и ожесточенной, но военный исход в целом был явно благоприятен для Генуи, расположенной ближе к дому, и неблагоприятен по отношению к более отдаленному противнику. Пиза потерпела окончательное поражение в окрестностях Ливорно, и в 1300 году ей пришлось уступить своему врагу значительную территорию, включая остров Корсика; в то время как Венеции после более чем столетнего конфликта с очень разной судьбой наконец удалось добиться господства в Восточном Средиземноморье.

Внутренняя история города на протяжении всего этого периода была не более мирной, чем его внешняя. Генуя представляет собой дом, разделенный сам против себя; и, как ни странно, опровергает пословицу, процветая, а не погибая. Если снаружи обычно шли войны, то внутри были еще более стойкие группировки. Гвельфы, возглавляемые семьями Гримальди и Фиески, и гибеллины, возглавляемые семьями Спинола и Дориа, предавались междоусобицам, а иногда и гражданской войне, пока, наконец, под влиянием Андреа Дориа не было достигнуто некоторое приближение к миру, который, освободив государство от французского контроля, добился принятия важнейших конституционных изменений, которые имели тенденцию к уничтожению старых и резко разделенных партийных линий. Тем не менее, даже он чудом избежал свержения в результате заговора, возглавляемого одним из Фиески; его внучатый племянник и наследник был убит, и его окончательный триумф был обусловлен скорее счастливой случайностью, которая устранила со сцены лидера его противников, чем его личной властью. Затем волна процветания начала поворачиваться против генуэзцев. Турок сделал себя хозяином их земель и городов на Востоке. Венеция вытеснила их из торговли с Левантом. Началась война с Францией, и сам город был захвачен этой державой в 1684 году. Следующее столетие было далеко не благополучным временем для Генуи, и ближе к концу оно открыло свои ворота республиканским войскам, что в конечном итоге привело к немалым страданиям жителей.

Генуя в то время была окружена со стороны суши двойной линией укреплений, значительная часть которых сохранилась до сих пор. Внешняя линия с примыкающими к ней отдельно стоящими фортами поднималась по внутренним склонам на высоту нескольких сотен футов над уровнем моря, и внутри нее проходила внутренняя линия гораздо большей древности. Поскольку в те дни это было место исключительной силы, его захват приобрел первостепенное значение в великой борьбе между Францией и Австрией, как предварительное условие для изгнания республиканских войск из Италии. Город защищали французы под командованием Массены; империалистические силы атаковали его с суши, в то время как с моря он был

блокирован британским флотом. После пятнадцати дней ожесточенных боев на соседних Апеннинах Массена был наконец заперт в городе. Не менее отчаянные бои последовали вокруг стен, пока, наконец, обороняющиеся силы не были настолько ослаблены своими потерями, что дальнейшие агрессивные операции с их стороны стали невозможны, и осада была преобразована в блокаду. Результатом стали голод и мор. Сто тысяч человек оказались запертыми в стенах. “С самого начала осады цены на провизию были непомерно высоки, и в последние дни зерно любого вида нельзя было достать ни за какие деньги.... Соседние скалы внутри стен были покрыты изголодавшейся толпой, ищущей в самых мерзких животных и мельчайших следах растительности средства утолить свои невыносимые муки.... Во время всеобщей агонии были съедены не только кожи всех видов, но и ужас перед человеческой плотью настолько ослаб, что количество жертв было увеличено на мертвых телах их сограждан. Эпидемия, как обычно, пришла вслед за голодом, и заразные лихорадки унесли множество людей, которых силы выживших не смогли переубедить”. Прежде чем упорная оборона была прекращена и Массена, исчерпав все свои ресурсы, был вынужден капитулировать на почетных условиях, двадцать тысяч жителей погибли от голода или болезней. Окончание этой ужасной борьбы принесло мало пользы победителям, поскольку вскоре битва при Маренго и последующие успехи Наполеона в Северной Италии привели к тому, что город снова был сдан французам. В конце карьеры Наполеона ему пришлось выдержать еще одну осаду, поскольку в 1814 году он был атакован английскими войсками под командованием лорда Уильяма Бентинка. К счастью для жителей, французский командующий решил сдаться после нескольких дней ожесточенной борьбы за внешние укрепления. После урегулирования европейских дел, последовавшего за окончательным падением Наполеона, Генуя была присоединена к королевству Сардиния и теперь является частью объединенной Италии; хотя, как говорят, старые инстинкты народа теоретически отдают предпочтение республиканской форме правления.

Генуя, как и многие другие главные итальянские города, сильно изменилась за последние двадцать пять лет. Её гавани были значительно расширены; его оборонительные сооружения вышли далеко за свои древние пределы. Внизу, у воды, среди узких улочек на пологой местности, окаймляющей море, мы все еще находимся в старой Генуе — городе князей-торговцев пятнадцатого и шестнадцатого веков; но выше по склонам вырос новый город с широкими улицами и прекрасными современными домами, а “корсо”, окаймленное деревьями и особняками, все еще сохраняет в своих зигзагообразных очертаниях следы старых укреплений, окружавших рукав Массена. С нескольких мест на этой надземной дороге или рядом с ней открывается великолепный вид на город и окрестности.

С такой позиции природные преимущества Генуи, географические условия, которые почти неизбежно определили ее историю, могут быть поняты с первого взгляда. Позади нас круто поднимаются, как уже было сказано, холмы, образующие самую южную зону Апеннин. Это, без сомнения, недостаток с военной точки зрения, потому что над городом расположено так много позиций на большей высоте; но этот недостаток был менее серьезным в древние времена, когда дальноточность артиллерии была сравнительно небольшой; в то время как труднодоступность, которую представляли эти позиции, и препятствия, которые горный барьер Апеннин создавал для продвижения врага со сравнительно отдаленных равнин Пьемонта, делали город гораздо более безопасным, чем это может показаться на первый взгляд. Под нами раскинулся глубоко утопленный залив, очертаниями напоминающий половинку яйца, защищенный с востока выступающим выступом; в то время как с западной стороны холмы спускаются, сначала быстро,

затем более плавно, к точке, которая выступает еще дальше на юг. Это восточное плечо превращено в своего рода полуостров грубо треугольной формы долиной Бисаньо, ручья значительных размеров, который, таким образом, образует естественный ров для укреплений на восточной стороне города. В бухте, защищенной таким образом с трех сторон суши, суда были в полной безопасности от большинства преобладающих ветров; и было необходимо только проводить мели с западного мыса и из какой-нибудь точки восточного берега, чтобы защитить их также от штормов, которые могли дуть с юга. Первая линия обороны была проложена с последней стороны и до сих пор носит название Моло Веккьо; затем порт был расширен за счет строительства еще одного мола с конца западного мыса; он был значительно расширен, так что теперь можно сказать, что у города есть внутренняя и внешняя гавани. С парাপета Корсо эти топографические факты видны как на ладони, когда мы смотрим поверх высоких и плотно застроенных домов на оживленные набережные и пришвартованные у них корабли. Такая сцена не может не быть привлекательной, а маяк, возвышающийся высоко над западным мысом, имеет менее однообразные очертания, чем обычно у подобных зданий, и значительно усиливает эффект картины. Городу, однако, если смотреть с этой возвышенности, скорее не хватает разнообразия. Мы смотрим вниз на скопление высоких домов, над которыми, действительно, возвышаются два или три купола или башни; но в дизайне одного из них недостаточно разнообразия или достаточно заметного превосходства в других, чтобы обеспечить вид, сравнимый со многими другими древними городами. Еще некоторое разнообразие вносят деревья, которые кое-где, особенно на восточном мысе, перемежаются домами; в то время как Лигурийское побережье, с одной стороны, и далекие вершины Приморских Альп - с другой, придают пейзажу неизменное очарование.

О более новой части города больше говорить не нужно. Он похож на самую современную часть любого континентального города и отличается от большинства из них только естественной крутизной и неровностями местности. В Генуе, за исключением узкого пространства вдоль берега, вряд ли можно найти ровный участок земли. Теперь, когда старые границы оцепления пройдены, оно все еще растет вверх; но за самыми дальними домами холмы по-прежнему увенчаны крепостями, несущими вахту над торговым городом. Они, конечно, относятся к современному времени; но некоторые из них были реконструированы на древних местах и, как видно с первого взгляда, все еще инкрустированы башнями и стенами, которые выполняли свой долг в былые времена. В течение сезона, действительно, нужно было защищать не только товары, ибо до недавнего времени Генуя была главным арсеналом итальянского королевства; но теперь он был перенесен в Специю. Италия, однако, по-видимому, не испытывает особой уверенности в том иммунитете от грабежей, который иногда предоставлялся "открытым городам", или в банальности торговцев миром; и, по-видимому, принимает достаточные меры предосторожности, чтобы враг, командующий на море, не запустил руку в полный кошелек без хороших шансов не получить ничего лучшего, чем раздавленные пальцы.

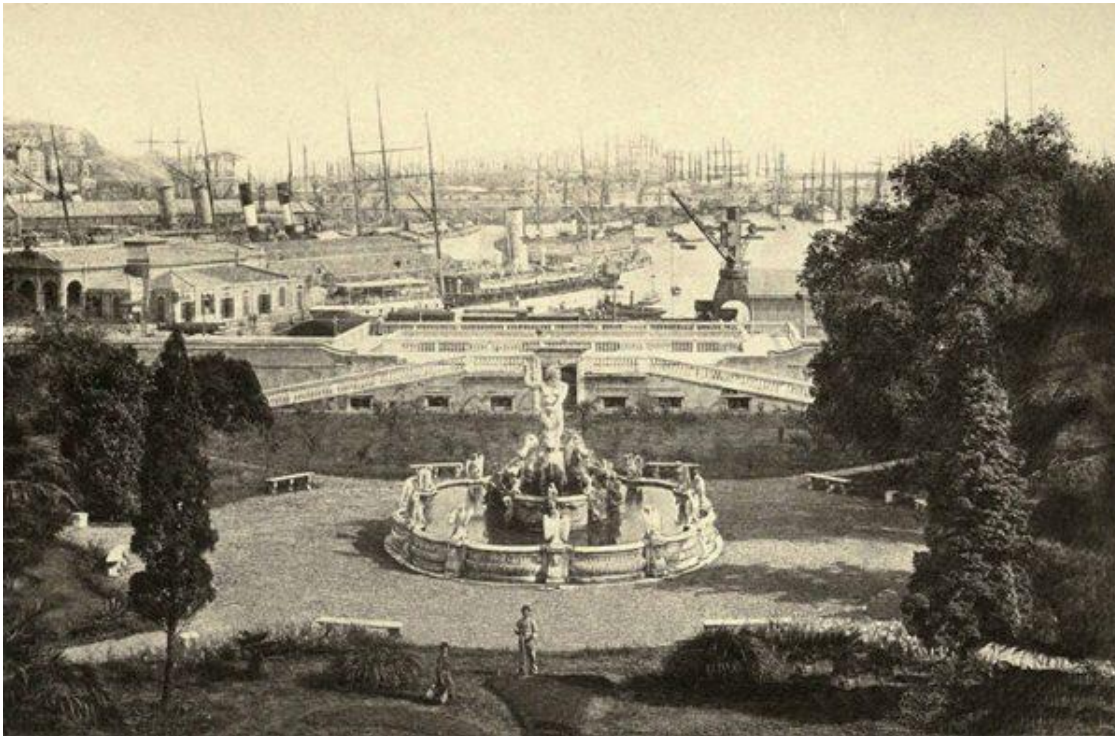
Но в нижнем городе мы все еще находимся в Генуе былых времен. На самом деле, здесь мало что напоминает о городе более строго средневековой эпохи; хотя две церкви датируются днями до так называемого "Возрождения" и являются хорошими примерами его работы. Большая часть того, что мы сейчас видим, принадлежит Генуе шестнадцатого века; или, во всяком случае, лишь немногим старше ее по возрасту. Нижний город, однако, даже там, где его здания сравнительно современные, все еще сохраняет в плане — в своих узких, иногда неправильной формы улочках; в своих еще более узких переулках, ведущих лестничными пролетами вверх по крутому склону холма; в своих переполненных, высоких домах; в своем "сбитом в кучу" виде,

поскольку, возможно, ни один термин не может лучше выразить наше значение — характеристики древнего итальянского городка. На его улицах даже летнее солнце — пусть пословица об отсутствии солнца и присутствии врача говорит что угодно — редко обжигает, а резкий северный ветер теряет свою силу в лабиринте зданий. Открытые пространства любого рода редки; улицы, вследствие их узости, необычайно многолюдны и, таким образом, создают впечатление изобилия населения; которое, действительно, благодаря общей высоте домов, велико пропорционально площади. Соответственно, они плохо приспособлены к требованиям современного дорожного движения.

Генуя, как и Венеция, известна своими *палаццо* - роскошными жилищами, в которых в прежние времена жила бюргерская аристократия, которые до сих пор, во многих случаях, принадлежат их потомкам. Но по стилю и позе ничто не может быть более разным. Мы не ссылаемся на очевидное различие, заключающееся в том, что в одном городе шоссе проходит по воде, в другом - по суше; или на тот факт, что здания в так называемом готическом стиле распространены в Венеции, но не встречаются среди особняков Генуи. Скорее всего, дело в том, что Виа Нуова, которая в этом отношении занимает в Генуе то же место, что и Большой канал в Венеции, является настолько полной противоположностью ему, что их следует сравнивать по их противоположностям. Последнее представляет собой широкую и великолепную магистраль, откуда открывается полный обзор величественных зданий, возвышающихся на ее окраине. Первая представляет собой узкую улочку, соответствующую по размерам одному из менее важных боковых каналов в другом городе. Таким образом, получить сколько-нибудь хорошее представление о фасаде генуэзского дворца палаццо практически невозможно. У проходящего мимо путешественника примерно столько же шансов сделать это, сколько у него было бы при изучении архитектуры Минсинг-лейн; и даже если бы он смог найти тихое время, например, воскресным утром в Городе, ему все равно пришлось бы напрячь шею, вглядываясь в нависающую массу каменной кладки, и получить полный обзор какого-либо одного здания было бы практически невозможно. Но насколько хорошо видны эти палаццо, насколько они оправдывают осмотр? Путешественники часто рассказывают о великолепии Виа Нуова и одной или двух других улиц Генуи. В слове “палаццо” есть внушительная высокопарность, и “улица дворцов” - это формула, которая побуждает многие умы немедленно выразить почтение.

Но, говоря за себя, я должен признаться, что не являюсь большим поклонником этой части Генуи; мне дизайн этих палаццо часто кажется тяжелым и гнетущим. Они скорее роскошны, чем исполнены достоинства, и больше впечатляют длиной кошелька архитектора, чем качеством его гениальности или плодотворностью его концепций. Несомненно, здесь есть несколько прекрасных зданий — Палаццо Спинола, Палаццо Дория Турси, Палаццо дель Университа и Палаццо Бальби входят в число тех, которые больше всего хвалят. Но если уж говорить откровенную, неприкрашенную правду, я никогда не испытывал и никогда не буду испытывать особого энтузиазма по отношению к “городу дворцов”. Для меня было некоторым облегчением обнаружить, что я не одинок в этой ереси, как это может показаться некоторым. Ибо, обратившись к страницам Фергюссона,^[1] сразу после написания вышеупомянутого признания, я впервые прочитал следующий отрывок (и следует признать, что, хотя он и не был свободен от случайных “чужачеств” в вопросах археологии, он был критиком обширных знаний и немалого авторитета): “Когда Венеция приняла стиль Возрождения, она использовала его с аристократической элегантностью, которая смягчает даже самые фантастические формы в худшую эпоху. В Генуе царит претенциозная парвенюистская вульгарность, которая оскорбляет,

несмотря на значительные архитектурные достоинства. Их размеры, великолепие и группировка могут заставить нас восхищаться дворцами Генуи; но по реальной красоте или архитектурному совершенству дизайна они не выдержат ни малейшего сравнения с современными или более ранними дворцами Флоренции, Рима или Венеции”. Далее он очень правдиво добавляет, взглянув на довольно незаконный прием, с помощью которого фасады стали более эффектными за счет использования краски вместо естественного цвета используемых материалов, как в старых зданиях Венеции, он добавляет: “Безусловно, самой красивой особенностью больших дворцов Генуи являются их внутренние дворы” (особенность, которая, очевидно, может полностью привлечь лишь сравнительно ограниченное число посетителей), “хотя с архитектурной точки зрения они состоят не из чего иного, как из рядов аркад, опирающихся на утонченные дорические колонны. Они, как правило, мраморные, иногда сгруппированы парами, и слишком часто с блоками антаблемента над каждым, под подпружиненной аркой; но, несмотря на эти недостатки, закрытый двор всегда и неизбежно приятен, а в сочетании с садами и пейзажами за их пределами, что обычно имеет место в этом городе, эффект, если смотреть с улиц, настолько поэтичен, что обезоруживает критиков. Все, что можно сказать, это то, что какими бы красивыми они ни были, будь у них чуть больше вкуса и рассудительности, они могли бы быть в десять раз лучше, чем сейчас”.

В некоторых из этих палаццо хранятся картины и коллекции произведений искусства, представляющие значительную ценность, и интерес к ним, возможно, усилил восхищение, которое они вызывали у посетителей. Одним из наиболее примечательных является Палаццо Бриньоле Сейл, обычно называемое Палаццо Россо, потому что его фасад выкрашен в красный цвет. Теперь он стал памятником щедрости его бывшей владелицы, герцогини Гальеры, члена семьи Бриньоле Сале, которая с согласия своего мужа и родственников в 1874 году подарила

этот дворец и его содержимое городу Генуя, получив доход, достаточный для его содержания. Королевский дворец на Виа Бальби - один из тех, где сад придает очарование не очень яркому, хотя и большому зданию. Это здание, ранее принадлежавшее семье Дураццо, было куплено Карлом Альбертом, королем Сардинии, и, таким образом, стало королевской резиденцией. Дворец дожей, в котором когда-то жили генуэзские дожи, теперь переоборудован под государственные учреждения, а на палаццо напротив церкви Святого Маттео есть надпись, которая сама по себе придает зданию исключительный интерес: “Сенат. Минусы. Андрей де Ория, патриот-освободитель, *munus publicum*”. Именно здесь раньше жил великий гражданин Генуи, о котором Роджерс написал в часто цитируемых строках:

“Он оставил его ради лучшего; и теперь это
торговый дом, самые дешевые товары
Громоздятся на его этажах. И все же, каким бы разрушенным оно ни было,
это все еще самое благородное жилище — даже в Генуе!
И если бы ты, Андреа, прожил там до конца,
Ты поступил бы правильно: ибо есть то, что снаружи,
Что в стене, чего монархи не могли дать,
А ты не мог взять с собой — то, что говорит во всеуслышание:
Это был дар твоей страны ее избавителю!”

Великий государственный деятель покоится в соседней церкви вместе с другими членами своей семьи, а над главным алтарем висит меч, подаренный ему папой римским. Церковь была сильно переделана — несомненно, предполагалось, что она была украшена — самим Дориа; но старые монастыри, датируемые первой половиной четырнадцатого века, до сих пор остаются нетронутыми. Более величественный палаццо, который он воздвиг, как до сих пор сообщает нам надпись снаружи, находился в более открытой и, несомненно, тогда более привлекательной части города. Во времена Дориа он стоял в окружении обширных садов, которые простирались с одной стороны до террасы с видом на гавань, а с другой - на некотором расстоянии вверх по склону холма. С задней стороны дворца замысловатая конструкция из восходящих каменных ступеней вела к колоссальной беломраморной статуе Геркулеса, которая с этой возвышенности, казалось, наблюдала за домом Дориа и генуэзским портом. Все это, к сожалению, изменилось; адмирал теперь не нашел бы особого удовольствия в своем некогда величественном доме. Он занимает своего рода полуостров между двумя потоками цивилизации двадцатого века. Между стеной террасы и морем пролегла железная дорога, соединяющая гавань с главной линией, с ее железными рельсами, ангарами и маневровыми станциями — унылый неприглядный вид, поскольку примыкания к конечным станциям обычно относятся к числу самых уродливых приделков цивилизации. Террасная лестница на противоположной стороне дворца была сметена главной железнодорожной линией, которая проходит в нескольких ярдах от его фасада, таким образом разделяя сады и изолируя святилище Геркулеса, который с отчаянием взирает сверху вниз на результат трудов, которые даже он мог бы счесть тяжелыми, в то время как фыркающие, визжащие паровозы проезжают и восстанавливают движение — звери, которые ему показались бы более грозными, чем лернейская гидра или немейский лев.

Дворец следует обычному генуэзскому правилу - обращать лучшую сторону вовнутрь и предлагать миру в целом менее привлекательную. Сторона, обращенная к суше, которая граничит с узкой улицей и, таким образом, можно было бы предположить, с самого начала

должна была соединяться с верхними садами мостом или подземным переходом, имеет простой, почти массивный дизайн, но она не поднимается на такую большую высоту, как это принято у палаццо в центре города. Сторона, обращенная к морю, является гораздо более привлекательной композицией, поскольку она ассоциируется с обычной галереей лоджии, которая занимает три стороны продолговатой формы. Он, поскольку земля имеет уклон к морю, хотя и находится на уровне улицы снаружи, находится на цокольном этаже и сообщается лестничными пролетами с нижними садами. Последние сравнительно невелики и ничем не примечательны; но в те времена — не такие уж далекие, — когда их террасы выходили на Средиземное море, когда город и его торговля были в меньшем масштабе, когда живописная сторона труда еще не была вытеснена пылью и сажой чрезмерного труда, ни одно место в Генуе не могло быть более приятным для вечерней прогулки или для мечтательного отдыха в каком-нибудь тенистом уголке в разгар дневной жары. Само палаццо демонстрирует признаки запущенности — семья, я полагаю, с некоторых пор перестала использовать его в качестве резиденции; две или три комнаты все еще сохранены в их первоначальном состоянии, но большая часть здания сдана в аренду. В коридоре, недалеко от входа, на фресках на стенах изображены члены семьи Дориа, одетые в классические одежды, соответствующие вкусу, царившему в шестнадцатом веке. На крыше большого салона Юпитер занят низвержением Титанов. Эти фрески принадлежат перу Перини дель Вага, ученика Рафаэля. Великий адмирал, строитель дворца, изображен среди фигур в коридоре и на картине маслом в салоне, на которой сохранились остатки роскошной мебели и несколько интересных украшений. Это был дородный мужчина с серьезным, квадратным, волевым лицом, из тех, что часто глядят на нас с полотен Тициана или Тинторете, — человек доброго нрава, но при этом властный; осторожный и вдумчивый, но человек действия больше, чем школы или библиотеки; тот, кого вряд ли поколеблет мимолетный порыв или преходящая эмоция, но у которого ясная и твердая цель, который намеревался достичь своей цели, если бы смертный мог добиться успеха, и умел наблюдать и выжидать своего времени. Такие люди, если можно доверять портретам и истории, не были редкостью в великую эпоху, когда Европа освобождалась от пут средневекового влияния и расширяла свой ментальный горизонт не меньше, чем физический. Такие люди — творцы наций, и не только своих собственных состояний; они становятся все более редкими во времена бурных красноречий и истерических настроений, когда народ лепечет, впадая в старческую дряхлость.

У самого Андреа Дориа — “Il principe”, как его называли, — была долгая и в некоторых отношениях неоднозначная карьера. В своей ранней жизни он отличился как успешный флотоводец, и в результате любопытных осложнений, царивших в те дни между итальянскими государствами и их соседями, в конечном счете стал адмиралом французского флота. Но он обнаружил, что Генуя не добьется ничего хорошего от французского короля, который в то время был практически ее хозяином; поэтому он перешел на сторону императора Карла и с его помощью изгнал из своего родного города войска, в которых он ранее служил. Его влияние в Генуе было так велико, что он мог бы легко получить верховную власть; но этого, как истинный патриот, он не понял, и Конституция, принятая под его влиянием, постепенно положила конец ожесточенной партийной борьбе, которая так долго была чумой Генуи, и она оставалась в силе до Французской революции. Тем не менее, несмотря на всеобщую благодарность за его великие заслуги перед государством, за свою долгую жизнь — ибо он умер в возрасте девяноста двух лет — он на собственном опыте убедился в изменчивости человеческих дел. У него не было сына, а его наследник и внучатый племянник — молодой человек — был

непопулярен, и, как это часто бывает, молодое деревце совершенно уступало по характеру увядающему дереву. Члены другой знатной семьи — Фиески — вступили в заговор и собрали отряд вооруженных людей под предлогом экспедиции против корсаров, которые так долго были вредителями Средиземноморья. Вспышка была хорошо спланирована; в новогоднюю ночь 1547 года были захвачены главные посты в городе. Сам Дория был вовремя предупрежден и избежал поимки; но его наследник был убит, а его враги, казалось, восторжествовали. Но их успех сменился неудачей из-за несчастного случая. Граф Фиешо, проходя по доске к галере в гавани, сделал неверный шаг и упал в море. В те дни ношение доспехов усугубляло опасности на глубине; граф пошел ко дну, как камень, и таким образом оставил заговорщиков без лидера как раз в самый критический момент. Таким образом, вскоре они были разбиты и рассеяны, и им пришлось испытать на себе истинность пословицы “Кто нарушает закон, тот платит”, ибо в те дни люди испытывали мало сентиментальной нежности к предводителям мятежа и нарушителям установленного порядка. Фиески были изгнаны, а их дворец стерт с лица земли. Так старый адмирал вернулся в свой дом и на террасу с видом на море, пока, наконец, его долгая жизнь не закончилась, и его похоронили вместе с отцами в церкви Святого Маттео.

Недалеко от дворца Дория находится мемориал другому адмиралу, известному во всем мире больше, чем Дория. На открытом пространстве перед железнодорожным вокзалом — зданием, фасад которого не лишен архитектурных достоинств, — возвышается красивый памятник в честь Христофора Колумба. Строго говоря, он не был уроженцем города, но определенно родился на генуэзской земле и, как теперь, кажется, принято считать, в Коголето, маленькой деревушке в нескольких милях к западу от города. Однако он не смог убедить лидеров своего собственного государства в том, что еще предстоит открыть обширные районы мира; и хорошо известна история о том, как долгое время его проповеди оставались без внимания, и, подобно большинству вестников поразительных физических фактов, он нашел своих самых упрямых противников среди духовенства своего времени. Наконец, Испания, после того как Генуя, Португалия и Англия отказались, поставила Колумба во главе экспедиции с целью открытий; и на испанской земле также — в заброшенности и сравнительной бедности, измученный тяжелым трудом и тревогами — великий исследователь закончил свою пеструю карьеру. Генуя, однако, хотя и невнимательна к сравнительно малоизвестному энтузиасту, не преминула воздать должное успешному первооткрывателю; и рада уловить некоторый отраженный свет от великолепия успехов, в помощь которым она не внесла своего вклада. В этом отношении, однако, остальной мир не может подхватить их притчу о ней; люди обычно находят, что в целом дешевле и, конечно, менее хлопотно строить гробницы пророков вместо того, чтобы чтить их при жизни; тогда, действительно, просят хлеба или нет, камень часто дают. Так что теперь изображение Колумба стоит высоко среди экзотических растений, на виду у всего мира, ибо это первое, с чем сталкивается путешественник, выходя с железнодорожной станции.

Одним из самых характерных — если не одним из самых приятных — мест в Генуе является длинная улица, которая под несколькими названиями проходит между последним рядом домов в городе и гаванью. От последнего он, действительно, отделен рядом офисов и сводчатых залов; они покрыты террасой-крышей и служат различным целям, более или менее непосредственно связанным с судоходством. Фасадные стены домов, которые высоко поднимаются со стороны суши, поддерживаются грубыми арками. Таким образом, как это часто бывает в итальянских городках, здесь есть широкая пешеходная дорожка, одинаково защищенная от солнца и дождя, заменяющая “фасад первого этажа” с темными магазинами сзади и киосками для

продажи всевозможного хлама, расположенными в промежутках между арками. Во многих городах эти аркады часто являются одними из самых декоративных элементов; но в Генуе, хотя и не лишены определенной причудливости, они настолько грубы по дизайну и конструкции, что вряд ли заслуживают этого названия. Старая Догана, одно из зданий на улице, дает хорошее представление о коммерческой части Генуи до появления steam и сама по себе представляет значительный интерес. Во-первых, это постоянный памятник ожесточенной вражде между Генуей и Венецией, поскольку он построен из камней замка, который, будучи захвачен одной из сторон у другой, был разобран и отправлен в Геную в 1262 году. Опять же, в его стенах находился Банк Сан-Джорджо, который возник из-за муниципального долга, возникшего для того, чтобы снарядить экспедицию по пресечению набегов семьи по фамилии Гримальди, устроившей в Монако что-то вроде Пещеры совершеннолетия. Впоследствии учреждение процветало и передавало в доверительное управление большую часть средств на благотворительные цели, пока “французы не наложили свой лапу на счета и не разорили всех членов общества”. Это также имеет косвенную связь с английской историей, поскольку после поражения от Гримальди многие из их вассалов перешли на службу Франции и были генуэзскими лучниками, сражавшимися при Кресси. Наконец, захваченные цепи Пизанской гавани были подвешены к ее стенам почти на шесть столетий, поскольку их вернули прежним владельцам сравнительно недавно.

Поворачивая из этой части города, мы петляем по узким улочкам, на которых до сих пор расположены многие основные магазины. На оживленной площади мы проходим *Лоджию Банка Борса* — старую биржу — причудливое сооружение конца шестнадцатого века, стоящее на возвышении; и переходим от нее на *Via дельи Орефичи* — улицу, точно такую же, как один из переулков, ведущих от Чипсайда к Кэннон-стрит, если, конечно, она не еще уже, но зато полна заманчивых магазинов. Генуя известна своими работами из кораллов и драгоценных металлов, но наиболее характерными, как известно всем посетителям, являются филигранные работы из золота или серебра, которые часто отличаются большой деликатностью и красотой и ни в коем случае не стоят так дорого, как можно было бы ожидать по искусному исполнению.

Самым примечательным зданием в Генуе, построенным до тех времен, когда в моде была архитектура эпохи Возрождения, является кафедральный собор, посвященный Святому Лоренцо. Западный фасад, к которому ведет широкая лестница, лучше всего виден, остальная часть здания закрыта довольно плотно по обычной генуэзской моде. Он построен из чередующихся слоев черного и белого мрамора - единственных материалов, используемых для отделки стен, насколько я помню, в городе. Западный фасад в его нижней части представляет собой прекрасный образец “остроконечной” работы, состоящий из тройного портала, который по элегантности дизайна и богатству орнамента трудно превзойти. Он датируется примерно 1307 годом, когда собор был почти перестроен. Последний, в целом, представляет собой очень сложное сооружение, поскольку до сих пор сохранились части более раннего романского собора, например, прекрасные “мраморные” колонны нефа; важные изменения были внесены гораздо позже. Они, к которым относится убогий этаж, раскрашенный в черно-белые полосы, чтобы напоминать каменные полосы внизу, как правило, наиболее неудовлетворительны; и здесь, как и во многих других зданиях, приходится, пусть и неохотно, “благословлять старое и запрещать новое”. Наиболее богато украшенной частью интерьера является боковая часовня, построенная в конце пятнадцатого века и посвященная святому Иоанну Крестителю; здесь его мощи хранятся для почитания верующих и, как сообщают нам путеводители, помещены в великолепную серебряно-позолоченную раку, которую несут торжественной процессией в день

его рождества. Нам также сообщили, что женщинам, в знак осуждения той роли, которую пол сыграл в убийстве баптиста, разрешается входить в часовню только один раз в год. Это ни в коем случае не единственный случай, когда Римская церковь на практике выражает свою решительную точку зрения относительно того, какой пол является высшим. Кафедральный собор обладает еще одним великим, хотя сейчас, к сожалению, изуродованным сокровищем - *сакро Катино*. Во-первых, долгое время предполагалось, что он был вырезан из цельного изумруда; во-вторых, это была реликвия великой древности и большой святости; хотя относительно его точных притязаний на почитание в этом отношении авторитеты расходились. Согласно одному, это был подарок Соломону от царицы Савской; согласно другому, в нем содержался пасхальный ягненок на Тайной вечере; в то время как третий утверждал, что в это блюдо Иосиф Аримафейский попал кровью, которая текла из пронзенного бока распятого Спасителя. В его великой древности, по крайней мере, не может быть сомнений, поскольку он был взят генуэзцами, когда они грабили Кесарию еще в 1101 году, и тогда считался самой ценной вещью из награбленного. Материалом является зеленое стекло — вывод, который когда-то считался настолько еретическим, что любые эксперименты *на катино* были запрещены под страхом смерти. Что касается его прежнего использования, то больше ничего нельзя сказать, кроме того, что оно, возможно, было таким же древним, как христианская эра. Почти излишне говорить, что Наполеон увез его в Париж; но наихудшим результатом этого ограбления было то, что, когда после второй оккупации этого города была произведена реституция, *катино*, по какой-то вопиющей небрежности, был так плохо упакован, что на обратном пути сломался и был соединен вместе золотой оправой филигрانی, согласно путеводителям. Надпись в нефе сообщает нам интересный факт из ранней истории Генуи, который, возможно, не следует опускать. Дело в том, что город был основан неким Янусом, правнуком Ноя; и что другой Янус после падения Трои также поселился в нем. Колонисты из этого злополучного городка, похоже, действительно довольно хорошо распределились по всему известному миру.

Более чем одна из небольших церквей Генуи представляет археологический интерес, а более современная церковь, называемая Аннунциата, чрезвычайно богата внутренним убранством, хотя они больше примечательны своей роскошью, чем хорошим вкусом. Но одна структура требует некоторого внимания в любом описании города. Это Кампо Санто, или место захоронения в Генуе, расположенное на некотором расстоянии от стен в долине Бисаньо. Большой участок земли на склоне, образующем правый берег этого ручья, был превращен в кладбище, и его нынешний план был заложен более двадцати пяти лет назад. Обширные открытые пространства заключены внутри и разделены коридорами с галереями; террасы также, соединенные лестничными пролетами, ведут к длинному ряду зданий, расположенных на некотором расстоянии над рекой, в центре которых находится часовня, увенчанная куполом, поддерживаемая изнутри большими колоннами из полированного черного мрамора Комо. Тела более бедных людей хоронят обычным способом на открытой земле кладбища, и пол коридоров, по-видимому, представляет собой непрерывный ряд сводов, закрытых, как раньше в наших церквях, большими каменными плитами; но очень большое количество умерших покоится над землей в сводах, построенных по плану, который, очевидно, был заимствован из катакомб, подобных римским. Однако есть то отличие, что в последнем "*loculi*", или отдельные отсеки для хранения трупов, были вырыты в скале, в то время как здесь они построены полностью из каменной кладки. В обоих случаях "*локулус*" расположен так, чтобы его более длинная ось была параллельна внешней стороне, как это иногда делалось в высеченных в скале

гробницах Палестины, вместо отверстия на более узком конце, так что труп, в гробу он или нет, лежит в положении спящего на корабельной койке. После погребения локулус, как и в катакомбах, закрывается, а надпись наносится снаружи на плиту. Таким образом, на Кампо Санто в Генуе мы проходим по галерее гробниц. По обе стороны расположены ряды низких вытянутых ниш, поднимающихся ярус за ярусом, в каждой из которых находится длинная белая мраморная табличка, окруженная широкой каймой из темной змеевидной брекчии. Интерьер, как правило, облицован белым мрамором, который смягчается вставками из более темного материала, и эффект, производимый этими простыми монументальными коридорами, этими безмолвными свидетельствами о тех, кто отдыхал после своих трудов, впечатляет, хотя и несколько меланхоличен. В монастырях, как правило, можно найти более роскошные памятники. Здесь обычно участки стены отдаются под семейные памятники, склепы, как я предполагаю, находятся под тротуаром. Эти мемориалы часто отличаются сложным дизайном и дороговизной материалов. Ими будут восхищаться те, для кого роскошь является главным элементом красоты, и довольно второсортное исполнение концепций, явно третьесортных, никого не оскорбит. Другие, однако, будут в основном поражены неполноценностью современной скульптуры по сравнению с лучшими работами классических эпох и усомнятся в том, что более амбициозные композиции, которые предстали нашему взору в этих галереях, предпочтительнее простого достоинства средневековой алтарной гробницы и спокойного покоя ее лежащей фигуры.

Поездка на Кампо Санто, помимо того, что отсюда открывается вид на одну из наиболее совершенных частей старой оборонительной ограды Генуи, примером которой могут служить ворота Порты Кьяппиа, одни из меньших ворот, проходит в пределах видимости, хотя и на некотором расстоянии ниже, одной из немногих реликвий классического времени, сохранившихся в городе. Это акведук, который был построен римлянами. Некоторые его части, насколько можно видеть снизу, по-видимому, принадлежат первоначальному сооружению; но, поскольку оно все еще используется, во многих частях оно было более или менее реконструировано и модернизировано.

Окрестности Генуи приятны. С обеих сторон, особенно с восточной, расположены загородные дома с садами. Западная часть какое-то время менее привлекательна. Пригород Санпьердарена не отличается ни красотой, ни интересом; но в Конильяно, а еще больше в Сестре Поненте, грязные следы торговли становятся менее заметными, и Природа не полностью вытесняется двузубой вилкой механизма. Пегли, расположенный еще дальше на запад, является очень привлекательным местом, которое часто посещают летом для морских купаний. В этой части побережья холмы местами подступают вплотную к морю, а из воды поднимаются утесы; скалы представляют интерес для геолога во многих отношениях. Один скальный холм, поднимающийся из песка в заливе Пра, увенчан старой крепостью, а в самом Пегли есть одна или две примечательные виллы. Из них сады виллы Паллавичини обычно привлекают посетителей. Одних они награждают сталактитовыми гротами и “водной гладью с лодками под искусственными пещерами, китайской пагодой и египетским обелиском”; других больше привлекает красота растительности, поскольку пальмы и олеандры, мирты и камелии, а также многие полутропические растения цветут на открытом воздухе.

Мы можем рассматривать Геную как место встречи двух Ривьер. Побережье к западу — Ривьера—ди-Поненте - то, что теперь, после уступки Ниццы, частично стало французской землей, более известно; но то, что находится к востоку, Ривьера-ди-Леванте, хотя и менее

доступно в целом и лишено такой привлекательной черты, как дорога Корниш, по мнению некоторых, определенно красивее. Действительно, есть дорога, которая на протяжении части пути проходит рядом с морем; но гораздо более изрезанный характер побережья часто вынуждает ее удаляться на некоторое расстояние вглубь страны, и в конечном итоге ей приходится пересекать довольно значительную гряду холмов, чтобы добраться до Специи. Очертания побережья, действительно, являются, пожалуй, наиболее заметной чертой различия между двумя Ривьерами. Холмы на восточной стороне спускаются к воде гораздо круче, чем на западной. Они гораздо более резко изрезаны оврагами и более глубоко изрезаны морскими заливами; таким образом, строительство железной дороги от Генуи до Специи было работой, требующей немалого труда. Утверждается, что между двумя городами насчитывается около пятидесяти туннелей, и совершенно верно, что на большей части расстояния к северу от последнего места поезд чаще проходит под землей, чем над землей. Здесь действительно выгодно путешествовать на самом медленном поезде, который только можно найти, поскольку это может служить воплощением путешествия на экспрессе: “Выезжаем из туннеля; один взгляд между скалами и оливковыми рощами, вверх по ущелью, в которое втиснулась живописная старая деревня; другой взгляд туда же, на море, сверкающее в солнечном свете внизу; визг паровоза и еще одно погружение в темноту”. Некоторые из этих оврагов, по которым, однако, взбирается деревня, настолько узки, что, если я могу доверять своей памяти, я видел поезд, остановившийся на станции, с паровозом в начале одного туннеля и последним вагоном, еще не выехавшим из другого.

Но побережье, если его исследовать, полно изысканных уголков, и тут и там, где случайно холмы немного отступают или к морю спускается долина больше, чем обычно, расположены города некоторого размера, из которых, как из мест привалов, можно легко осмотреть местность, поскольку поезда ходят довольно часто, а расстояния невелики. На протяжении нескольких миль от Генуи побережье менее холмистое, чем становится впоследствии; тем не менее путешественник подготовлен к тому, что его ждет, поскольку его проводят от главного вокзала на западной стороне Генуи, полностью под городом, к его восточной стене. Затем проезжают Нерви, который, как и Пегли, привлекает немало летних посетителей и представляет собой яркий и солнечный город с приятными садами и виллами. Далее следует Рекко, тоже яркий и жизнерадостный, за ним виднеются четко очерченные холмы, которые образуют длинный мыс, окружающий западную сторону залива Рапалло. Туннели и деревни, поскольку железная дорога то углубляется в скалу, то огибает берег какой-нибудь маленькой бухты, ведут сначала в Рапалло, а затем в Кьявари, один с его стройной колокольней, другой со старым замком. пышность растительности во всем этом районе не может не привлекать внимания. Склоны холмов серые от олив; апельсины заменяют яблоки в садах, а в более защищенных уголках мы замечаем более бледное золото лимона. Здесь растут огромные колючие алоэ, там изящные перистые пальмы; здесь сосны южного типа с раскидистыми каменными дубами и дюжиной других вечнозеленых кустарников.

По пути в Специю перед нами мелькают восхитительные пейзажи, но, как уже было сказано, всю их красоту можно оценить, только прогуливаясь среди холмов или катаясь на лодке вдоль побережья. Здесь бесконечное разнообразие, но основные черты схожи: крутые холмы, изрезанные оврагами, скалистые мысы и защищенные бухты; деревни, иногда примостившиеся высоко на обочине, иногда гнездящиеся в овраге; иногда колокольня, иногда сторожевая башня; склоны, здесь покрытые оливковыми рощами, здесь с их естественным покровом из соснового и дубового кустарника, вереска, мирта и земляничных деревьев. Изменение также

характера скал разнообразит пейзаж, поскольку между Фрамурой и Бонасолой находится огромная масса серпантина, которая своей своеобразной структурой и оттенками напоминает скалы близ Лизарда в Англии. Эта порода широко добывается в карьерах по соседству с Леванто, и из этого маленького порта отгружается много блоков.

В самой Специи сложилась примечательная ситуация. Большой морской залив вдается глубоко в сушу, параллельно общей линии холмов и почти параллельно береговой линии. Хребет, прикрывающий его на западе, сужается по мере того, как он опускается к мысу Порто-Венере, и еще дальше простирается скалистыми островами; в то время как на противоположном берегу не менее, а может быть, и более высокие холмы защищают гавань от восточных порывов. Только в одном направлении он открыт ветру, и сравнительная узость входного отверстия делает возможным возведение искусственных защитных сооружений. В самом начале этого глубоко утопающего в воде слоя находится небольшой участок ровной местности — так сказать, начало долины, — окруженный крутыми холмами. На этой небольшой равнине, у самой воды, стоит Специя. Раньше это был тихий провинциальный городок, небольшой морской порт с небольшой торговлей; но когда Италия перестала быть географическим выражением и практически превратилась в единую нацию, Специя была выбрана, надо признать, мудро, в качестве места расположения главного военно-морского арсенала. Один взгляд показывает его естественные преимущества для такой цели. Доступ с суши всегда должен представлять трудности, и каждая дорога может контролироваться фортами, расположенными на еще более возвышенных позициях; в то время как вражеский флот, продвигаясь вверх по заливу, должен проходить под обстрелом такого количества батарей, какие защитники могут построить. Кроме того, сооружение волнореза посередине канала сразу же послужило защитой от штормов и вынудило всех, кто приближается, проходить через проливы, которыми командуют пушки. Расстояние города от его внешних укреплений и от открытого моря кажется достаточным, чтобы обезопасить его даже от современных боеприпасов; так что, пока первые не будут сокрушены, его не смогут достать снаряды. Но следует признать, что это изменение не обошлось без недостатков. Сегодняшняя Специя, возможно, и является более процветающим городом, чем Специя четверть века назад, но она отчасти утратила свою красоту. Крепость двадцатого века не добавляет очарования пейзажу и не венчает холм так живописно, как средневековый замок. Строятся дома, прокладываются дороги, у моря отвоевывается земля для строительства набережных. Таким образом, это место имеет в целом неопрятный вид; между городом и морем есть какая-то неровная окантовка, которая в настоящее время, при ближайшем рассмотрении, выглядит очень неприглядно. Более того, здания арсенала вряд ли могут быть живописными или великолепными; а по соседству выросли крупные фабрики, более или менее связанные с ними, из которых торчат высокие трубы из красного кирпича - колокольни двадцатого века. Сам город никогда не представлял особого интереса; в нем нет ни прекрасных церквей, ни старинных ворот, ни живописных улиц — разрушенный форт среди оливковых рощ, возвышающийся над улицами, — это все, что может претендовать на звание древнего, так что его рост не привел к утрате каких-либо отличительных черт, если только это не роща старых олеандров, которые когда-то были достопримечательностью в летнее время. Многие из них в настоящее время исчезли, возможно, в результате естественного распада; а уцелевшие деревья смешаны с апельсиновыми. В последние годы они были в основном посажены по всему городу. На одной из главных улиц они растут у обочины, как платаны или каштаны в других городах. Золотистые плоды и глянцевые листья, на которые всегда приятно смотреть, кажутся вдвойне очаровательными по контрасту с засушливыми флагами и пыльными улицами. Спелые

апельсины десятками, сотнями, по всей дорожке и в двух-трех ярдах от тротуара! Исключительно ли добродетельны мальчики из Специи? или эти золотые яблоки Гесперид являются предметом особой гордости населения, и дома и в школе по-прежнему царит “Отцовская палка”, и является ли этот иммунитет результатом физического принуждения, а не морального убеждения? Как бы то ни было, я собственными глазами видел золотые апельсины, сотнями висящие на деревьях на улицах Специи, и был бы рад узнать, как долго они оставались бы в таком же положении в домах английского городка, среди “самых законопослушных людей во вселенной!”

Но если окрестности города утратили часть своего древнего очарования, если современная Специя слишком сильно напоминает нам то Вулвич, то “новый район” на окраине Лондона, нам стоит только пройти в нагорье, избегая соседства фортов, чтобы увидеть ту же красоту, которую когда-либо представляли горы этого побережья. Там кончаются сахарный тростник и виноградная лоза, инжир и олива, хотя последних так много, что можно предположить, что это местная поросль; там неровные склоны покрыты низкорослым дубом и карликовой сосной; там мирт цветет, почти не прекращаясь в зимние месяцы; там земляничное дерево демонстрирует свои восковые цветы, а в сезон цветения радуется сочными малиновыми ягодами. Даже деревни придают пейзажу красоту — во всяком случае, если смотреть на них издалека; некоторые расположены высоко на склонах холмов, откуда открывается далекий вид на сушу и море; другие раскинулись у кромки воды в защищенных бухтах, под каким-нибудь разрушенным фортом, который в старину защищал рыбацкий народ от набегов корсаров. Таковы Теренца и Леричи, смотрящие друг на друга через воды маленького “Порту”; и многие другие деревни, в которых серые, белые и розовые дома сливаются в единую приятную гармонию цвета. Вся эта часть побережья представляет собой череду скалистых мысов и крошечных бухточек, череду тихих уголков, к которым только море образует естественную дорогу. Не менее неправильной формы, не менее изолированным является западное побережье залива Специя, о котором уже упоминалось. Здесь, в Порто-Венере, маленькая деревушка все еще возвращает нас своим названием к классическим временам; а старая церковь на скалистом мысе стоит на месте, которое когда-то было занято храмом морской богини. Красоту пейзажа усиливает скалистый лесистый остров Изола Пальмерия, который круто возвышается над узким проливом; хотя цель, которой он был посвящен — тюрьма для заключенных, — не добавляет ему очарования и не навеивает приятных размышлений.

Некоторым также кажется, что сама гавань, какой бы оживленной и яркой она ни была, наводит на более болезненные мысли, чем в прежние времена. Ибо она не проповедует “мир любой ценой”, а является ежедневным свидетелем того, что до нынешней эпохи еще далеко тысячелетие. Здесь можно увидеть на якоре современные средства ведения морской войны: большие башенные корабли и броненосцы, канонерские лодки и торпедные катера — зло, несомненно необходимое, но все же зло; внешние и видимые признаки налогового бремени, которое сдерживает развитие Италии и косвенно является тяжелой ценой, которую ей приходится платить за вступление в ряды великих держав Европы. Они менее живописны, чем старые линейные корабли с их высокими палубами, высокими мачтами и облаками парусины; тем не менее, ничто не может полностью испортить гавань Специи, и даже эти плавучие замки приятно выделяются вдали разнообразными очертаниями холмов и мысов, которые наконец, если мы посмотрим на юг, подкрепляются величественными очертаниями группы настоящих гор - Апуанских Альп.

IX

ТОСКАНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Последние месяцы Шелли в Леричи—История его смерти—Каррара и ее мраморные карьеры—Пиза— Грандиозная группа церковных зданий—Монастыри Кампо Санто—Жизнь Наполеона на Эльбе—Происхождение этрусков—Руины Тарквиниев—Чивита Веккья, старый порт Рима—Остия.

Залив Специя достаточно резко очерчен на своей западной стороне длинным холмистым полуостровом, который отделяет его от Средиземного моря, но поскольку он составляет лишь небольшой угол с общим направлением береговой линии, его окончание менее выражено на противоположной стороне. О его красотах мы говорили в предыдущей статье, но на южной оконечности есть маленький городок, который, в связи с расположенным ниже побережьем, представляет меланхолический интерес для каждого любителя английской литературы. Здесь, в Леричи, Шелли провел, как оказалось, последние месяцы своей жизни. Сам город, когда-то сильно укрепленный его пизанскими владельцами против их врагов Генуи с одной стороны и Лукки с другой, представляет собой живописное место. Старый замок венчает мыс, охраняющий маленькую гавань и возвышающийся над небольшим, но оживленным городом. Недалеко к юго-востоку находится Дом Магни, некогда иезуитская семинария, которую занимал Шелли. Дом с видом на красивый залив, холмы на его противоположном берегу и остров Порто Венере, но в нескольких милях от величественной группы гор Каррара, посреди роскошных пейзажей Восточной Ривьеры, хотя сам по себе и не очень привлекателен, был подходящим домом для любителя природы. Но пребывание Шелли в его стенах было слишком рано прервано. Существуют странные истории (подобные тем, что, затаив дыхание, рассказывают старые няни у камина) о том, что с приближением часа закрытия духи невидимого мира приняли телесную форму и стали видны глазу поэта; рассказы о фигуре в темном одеянии, стоящей у его постели и зовущей его следовать за собой; о смеющемся ребенке, поднимающемся из моря, когда он прогуливался при лунном свете по террасе, радостно хлопая в ладоши; и о других предупреждениях о том, что завеса, отделявшая его от мира духов, исчезает. Шелли наслаждался морем. 1 июля он отплыл из Леричи в Ливорно на небольшом парусном судне. 8-го числа он отправился обратно в сопровождении только своего друга мистера Уильямса и мальчика-англичанина. День был жаркий и знойный, и когда солнце опустилось низко, страшный шквал обрушился на соседнее море. Что произошло, никто точно не знает, но они так и не вернулись на берег. День шел за днем, а великое море хранило свою тайну; но наконец, 22-го числа труп Шелли был выброшен на берег близ Виареджо, а труп Уильямса - близ Бокка Леричи, в трех милях отсюда. Только три недели спустя тело юноши-моряка было выброшено на

берег. Вероятно, фелюга либо перевернулась, либо была затоплена при первом же разряде шторма; но когда ее нашли примерно три месяца спустя, люди говорили, что она выглядела так, как будто ее затонули, и распространились еще более отвратительные слухи о том, что это был не несчастный случай, а работа каких-то итальянцев, выполненная в надежде на грабеж, поскольку предполагалось, что у партии при себе была значительная сумма денег. Сначала тела были зарыты в песок с негашеной известью; но в то время закон Тосканы требовал, чтобы “любой предмет, выброшенный затем на берег, был сожжен в качестве меры предосторожности против чумы”, поэтому с помощью друзей тело Шелли было предано огню “с топливом и ладаном, вином, солью и маслом в сопровождении греческой кремации” в присутствии Байрона Ли Ханта и Трелони. Тело Уильямса было точно так же сожжено накануне. “Это был великолепный день и великолепная перспектива; впереди было жестокое и спокойное море, позади - Аппенины. Кроншнеп с криком подкатился вплотную к погребальному костру, и его нельзя было прогнать; пламя поднялось золотистое и высокое”. Увековеченный прах был захоронен, как всем известно, на протестантском кладбище в Риме рядом с могилой Китса, недалеко от пирамиды Цестия. Как бы много ни было поводов для сожалений в жизни Шелли, в его смерти было еще больше, ибо такой гений, как у него, редок, и если работа *springtide* была такой великолепной, какими могли бы быть плоды лета?

Когда Спецкий залив остается позади, Магра при впадении в море расширяется в устье реки, которая в старину служила границей между Лигурией и Этрурией. В пяти милях от побережья и менее чем в половине расстояния от реки находится Сарзана, главный город провинции, некогда укрепленный, в котором до сих пор находится представляющий некоторый интерес кафедральный собор. Когда-то здесь родился папа Николай V., основатель Ватиканской библиотеки, а по соседству зародилась семья Буонапарте, одна из ее ветвей эмигрировала на Корсику. Сарзана раньше носила название Луна Нова, так как она заменила другую Луну, стоявшую недалеко от устья реки. Это было в руинах еще во времена Лукана, и теперь путешественник из Саранцы в Пизу видит только “полоску низкой, поросшей травой земли, разделяющую его и море. Здесь стоял древний город. Здесь мало на что стоит смотреть. Кроме нескольких полуразрушенных гробниц и пары фрагментов римских руин, от Луны ничего не осталось. Волшебная сцена, описанная Рутилом, столь подходящая к месту, носящему имя девы-царицы небесной, ‘прекрасные белые стены’, стыдящиеся своим блеском нетронутый снег, гладкие, многоцветные скалы, поросшие смеющимися лилиями, если не чистое творение поэта, теперь исчезли из поля зрения. Остатки амфитеатра, полукруглого здания, которое может быть театром, цирком, *писциной*, фрагменты колонн, пьедесталы для статуй, блоки тротуара и надписи - вот и все, что сейчас может показать Луна”.

Но все это время в поле зрения находится грандиозная группа холмов Каррара, возвышающихся над низменностью, которая спускается к побережью. В настоящее время железнодорожная ветка ведет из Авенцы, небольшого портового городка, из которого отгружается мрамор, в город Каррара, через пейзажи исключительной красоты. Пологие берега и извилистые склоны холмов на переднем плане покрыты оливами, дубами и другими деревьями; тут и там группы домов, белых, серых и розовых, группируются вокруг башни-колокольни на каком-нибудь выгодном участке, в то время как сзади возвышается огромная горная стена Апуанских Альп с ее сверкающими утесами, изрезанными, надо признать, довольно грубо мраморными карьерами, хотя длинные осыпи под этими расселинами при более отдаленном взгляде почти напоминают альпийские снега. Расположение города восхитительно, поскольку он стоит у входа в быстро сужающуюся долину, на достаточно

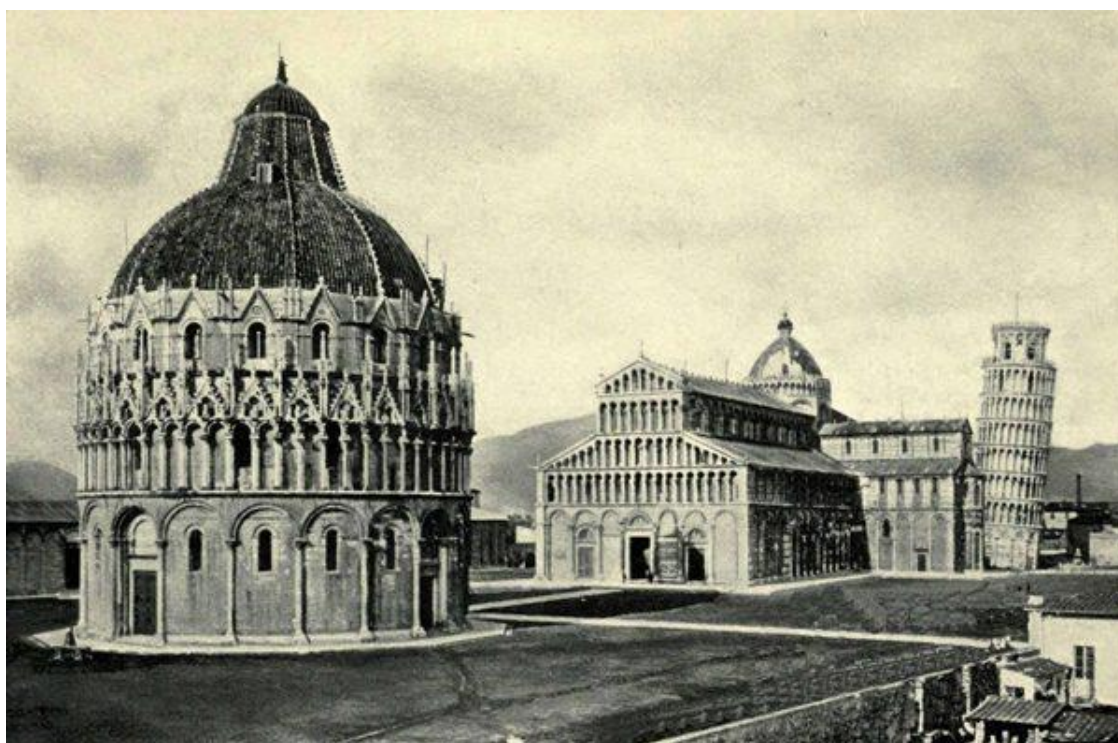
возвышенном месте, чтобы любоваться этой изысканно богатой низменностью, которая полого спускается к сверкающему морю. Да и само это место не лишено интереса. По крайней мере, одна из его церквей, Сан-Андреа, является действительно красивым образцом архитектуры этой части Италии XIII века, но преобладают каменоломни, и их продукция представлена повсюду. Здесь находятся мастерские скульпторов и ателье мастеров. Прекрасный белый мрамор здесь, как серебро во времена Соломона, не имеет большого значения; им вымощают улицы, строят дома, он служит даже для самых низменных целей, и его можно увидеть разбросанным повсюду в ожидании отправки поездами в более отдаленные регионы. За пределами улиц Каррары, в направлении гор, автомобильных дорог больше не существует. Тропинки выются по холмам тут и там в довольно запутанной последовательности, среди виноградных лоз и оливковых рощ, к деревушкам и каменоломням; одна, действительно, гораздо большего размера и с более четким направлением, какое-то время держится рядом с рекой, если действительно ручей, протекающий мимо Каррары, достоин такого названия, за исключением тех случаев, когда разражаются бури или тают снега в горах. Но все эти переулки одинаково заканчиваются в карьере, изрыты глубокими колеями, вспаханными, как поле, колесами тяжелых повозок, которые везут огромные мраморные блоки. Можно встретить этих скрежещущих и стонущих на своем пути, запряженных упряжками быков сизого цвета (длиннее, чем те, на которых пахал Елисей, когда старший пророк набросил ему на плечи свою мантию), больших, кротких на вид животных с кроткими глазами и меланхолией, как у поедателей лотоса. Встречаться с ними не всегда доставляет особое удовольствие, поскольку полосы движения узкие, и часто свободных мест нет; то, как регулируется движение на некоторых участках, - проблема, которую я еще не решил.

Каррара была бы близка к земному раю, если бы не комары, которые, как говорят, сделали бы даже Эдемский сад непригодным для проживания, особенно для его первых обитателей. О них, однако, я не могу говорить, поскольку никогда не ночевал в городе и даже не посещал его в то время года, когда это проклятие земли проявляется в наибольшей степени; но я без колебаний утверждаю, что горы Каррары не менее красивы по очертаниям, чем горы любой другой части главной цепи Альп аналогичной высоты, при этом им нет равных по цвету и разнообразию зелени.

За Авенцей следует Масса, значительный город, красиво расположенный среди поросших оливами холмов, усеянных виллами и густо покрытых листвой. Как и Каррара, он расположен недалеко от гор и спорит с Каррарой за репутацию своих каменоломен. Этот город когда-то был столицей герцогства Масса-Каррара, и титул носила сестра Наполеона I. Ее большой дворец сохранился до сих пор; память о ней должна сохраниться, хотя и не совсем в чести, поскольку, по словам мистера Хэйра, она снесла старый собор, чтобы улучшить вид из своих окон. Но если Масса прекрасна, то прекрасна и Пьетра Санта, гораздо меньший городок, окруженный старыми стенами и необычайно живописный по очертаниям. Здесь есть прекрасная старинная церковь с живописной колокольной, которая, хотя и немного более современна, чем сама церковь, пережила более четырех столетий. Площадь с ратушей, этой церковью и еще одной - очень характерная черта. В баптистерии одной из церквей находятся несколько бронзовых скульптур Донателло. Примерно в полудюжине миль отсюда, к которым ведет дорога, проходящая через красивые пейзажи, находятся мраморные карьеры Серавеццы, которые были впервые открыты Микеланджело и до сих пор находятся в стадии разработки. У поездок по железной дороге в этом регионе есть только один недостаток: поезд идет слишком быстро. Пусть это будет так медленно, как хочется, а это может быть очень медленно, нам никогда не

удастся прийти к решению относительно того, какое место наиболее живописно расположено или откуда открывается самый прекрасный вид. Общеизвестно, что сравнения отвратительны, но восхитительны, как, несомненно, и Ривьера-ди-Понента, мне Ривьера-ди-Леванте кажется еще более прекрасной.

Однако после Пьетра Санта пейзаж становится менее привлекательным, Апуанские Альпы начинают оставаться позади, и более широкая полоса равнины отделяет Апеннины от моря. Эта местность, по которой проходит железная дорога, сама по себе плоская, черствая, хотя, возможно, и не убыточная для земледельца. Виареджо, упомянутый на предыдущей странице, расположен среди дубовых и сосновых лесов, это место мало примечательно в качестве оздоровительного курорта; а затем железная дорога, выйдя из леса, уходит от моря и пересекает болотистые равнины Серкио, направляясь к берегам Арно.

Теперь он приближается к величественной группе церковных зданий, возвышающихся над стенами Пизы. Поскольку этот город расположен далеко в глубине страны, в шести милях от моря, мы должны ограничиться кратким упоминанием. Но длинное описание излишне, ибо кто не знает о его соборе и Кампо Санто, о его баптистерии и падающей башне? В Европе нет более изумительной и цельной группы церковных зданий, построенных из белого каррарского мрамора, ныне изменившего с возрастом цвет на нежно-кремовый, но все еще почти ослепительного в лучах полуденного солнца, но никогда не бывает так красиво, как когда стены, арки и шпили сверкают при восходе солнца или краснеют при заходе. В монастырях Кампо Санто вы можете увидеть памятники, насчитывающие почти пять столетий, и противопоставляющие древнее и современное искусство; фрески на их стенах, хотя часто плохо сохранившиеся и нередко малоценные, представляют немалый интерес как иллюстрация

средневековых представлений о евангелии любви и мира. Под их крышей в настоящее время хранятся несколько реликвий римских и этрусских времен, которые достойны изучения. Сама почва этого Божьего акра также небезынтересна, ибо, когда Святая Земля была потеряна для христиан, сюда из Иерусалима было доставлено пятьдесят три корабля земли, чтобы мертвые из Пизы могли упокоиться в земле, освященной видимым присутствием их Искупителя. Собор представляет собой великолепный образец сурового, но величественного стиля, который был в моде примерно в конце одиннадцатого века, поскольку он был освящен в 1118 году. Он посвящен великой морской победе, одержанной пизанцами за три года до битвы при Гастингсе, а колонны, поддерживающие внутренние своды, были одновременно и памятниками классических зданий, и памятниками побед пизанцев. Знаменитая пизанская башня, хотя и построенная более поздно, в общем стиле хорошо гармонирует с собором. Его положение, без сомнения, привлекает наибольшее внимание, поскольку на первый взгляд оно кажется удивительно ненадежным, но нельзя не пожелать, чтобы заселение никогда не происходило, поскольку уклон достаточен, чтобы серьезно нарушить гармонию группы. Баптистерий также гармонирует с собором, хотя строительство его началось примерно через сорок лет после завершения строительства последнего, и оно не только длилось более века, но и получило некоторые декоративные дополнения в четырнадцатом веке. Но хотя эта группа соборов является славой и венцом Пизы, лучшим памятником ее самых гордых дней, в самом городе есть и другие здания, представляющие интерес; а широкие набережные, обрамляющие Арно с обеих сторон, по имени Лунгарно, которые образуют непрерывный переход из одного конца города в другой, вместе с четырьмя мостами, соединяющими его старую и новую части, достойны большего, чем мимолетного внимания.

Земля, граничащая с рекой Арно между Пизой и ее впадением в Средиземное море, не имеет очарования для путешественника, однако может понравиться фермеру. В нескольких милях к югу от устья реки находится Ливорно, и за одиннадцать миль пути по железной дороге от него до Пизы путешественник видит столько, а может быть, и больше, чем он мог бы пожелать, в дельте Арно. Это обширная аллювиальная равнина, всегда низменная, местами заболоченная; иногда луговые угодья, иногда пахотные. Тут и там виднеются легкие и неприметные линии дюн, очень вероятно, следы древних морских берегов, когда река медленно впадала в Средиземное море, которые иногда покрыты сосновой рощей.

Ливорно - не старый город, и он мало привлекателен для антиквара или художника. На самом деле, я думаю, что из-за своих размеров это самый неинтересный город, будь то на море или внутри страны, в который я когда-либо въезжал в Италии. Бриндизи - унылая дыра, но в ней есть один или два объекта, представляющих интерес. Бари не очень привлекателен, но в нем есть две церкви, архитектура которых окупит долгое изучение; но Ливорно - почти чудо банальной архитектуры и серости. Конечно, есть гавань, конечно, есть корабли, конечно, есть море, и все это обладает определенным очарованием; но на самом деле это настолько мало, насколько это может быть в данных обстоятельствах. Город был творением Медичи, "шедевром этой династии". В середине шестнадцатого века это было незначительное местечко с населением от семисот до восьмисот жителей. Но оно быстро возросло, когда принцы этой семьи взяли город в свои руки и превратили его в Адулламскую пещеру, куда могли прибежать недовольные или угнетенные из других стран: евреи и мавры из Испании и Португалии, спасающиеся от преследований; католики из Англии, угнетаемые карательными законами Елизаветы; купцы из Марселя, ищущие убежища от гражданской войны. Взращенный таким образом, он вскоре был

переполнен талантливыми и энергичными людьми; он быстро превратился в важный торговый центр, и теперь в городе с пригородами проживает почти сто тысяч душ.

Ливорно пересечен каналами настолько, что его иногда называют “Маленькой Венецией”, и был укреплен, но поскольку оборонительные сооружения относятся к системе Вобана, они мало что добавляют ни к интересу, ни к живописности этого места. Сохранились части стен и цитадели, последняя окружена широким рвом с водой. На главной улице есть несколько хороших магазинов и две довольно большие площади; на одной из них, носящей имя Карло Альберто, установлены статуи героических размеров последнему великому герцогу и его предшественнику. Надпись на последнем весьма лестна; но надпись на первом гласит, что граждане пришли к выводу, что продолжение австро-лоренской династии несовместимо с благоустроенностью и счастьем Тосканы, и соответственно проголосовали за союз с Италией. Другая площадь теперь носит имя Виктора Эммануила; на ней находятся здание, которое раньше было королевским дворцом, ратуша и кафедральный собор; последняя представляет собой церковь немалых размеров, но довольно простой образец стиля Ренессанс, с несколькими красивыми колоннами из настоящего мрамора и большим количеством имитации, раскрашенной в тон. Там также есть некоторые остатки старых укреплений, хотя они и не такие уж старые, рядом с внутренней, или первоначальной гаванью. Поскольку со временем здесь оказалось слишком мелко для судов современной вместимости, Порто Нуово, или внешняя гавань, была заложена почти пятьдесят лет назад и защищена от волн полукруглым молом. Среди других львов этого места, и все они очень маленькие, есть статуя герцога Фердинанда I., одного из основателей Ливорно, с четырьмя турецкими рабами вокруг пьедестала. Торговля Ливорно в основном состоит из зерна, хлопка, шерсти и шелка и осуществляется в основном с восточными портами Средиземноморья. Здесь также находится важное судостроительное предприятие. Однако у нее есть одно интересное звено, связывающее ее с английской литературой, поскольку на протестантском кладбище был похоронен Тобиас Смоллет. За городом есть приятная общественная прогулка по берегу моря, откуда открывается далекий вид на Эльбу и другие острова.

Холмистая местность к югу от широкой долины Арно не представляет особого интереса, и на значительном расстоянии между морем и подножием холмов простирается широкая полоса земли, ровная равнина с кукурузными полями и лугами. Кое-где длинные полосы сосновых лесов, кажется, почти граничат с первыми; округлые отроги последних поросли густым лесом, но кое-где их венчают серые деревушки, которые, по-видимому, окружены старыми стенами, и за ними проступают более смелые очертания более отдаленных Апеннин. На протяжении многих долгих миль будет продолжаться этот пейзаж, эта плоская, болотистая, пересеченная дамбами равнина, на которой почти нет жилья, хотя деревня за деревней видны, примостившиеся, как погоны, на невысоких склонах холмов. Легко понять, почему они оказались в таком явно неудобном положении, поскольку мы находимся в начале Тосканской Мареммы, района, поражаемого малярией в летние месяцы, и не слишком здорового, если судить по внешнему виду крестьян, в любое время года. Но нельзя не заметить, что ближе к северной оконечности дома стали довольно обычным явлением на этой равнине, и многие из них новые, так что усилия, которые были предприняты для улучшения местности путем осушения, похоже, увенчались успехом. В течение некоторого времени открывается прекрасный вид на море; сравнительно недалеко от побережья холмистый остров круто поднимается из воды и увенчан низкой круглой башней. За ним лежит Эльба, длинный, отвесный холмистый хребет, а вдали, в ясный день, синее огромное горный массив Корсики.

У Эльбы есть свои интересы для геолога, свои красоты для любителя пейзажей. Здесь есть карьеры по добыче гранита и серпентина, но его слава основана на железных рудниках, которые были известны с очень ранних времен и из которых до сих пор добывают мелкие группы кристаллов гематита. Она была настолько знаменита во времена Римской империи, что вызвала к жизни хорошо известную фразу Вергилия *“Insula inexhaustis chalybum generosa metallis”*. Когда эти его хозяева давно скончались, он принадлежал по очереди Пизе, Генуе, Лукке и, вслед за другими, великому герцогу Флоренции Козимо. Затем он стал неаполитанским и, наконец, французским. Как всем известно, он был присвоен Наполеону после его отречения, и с мая 1814 по февраль 1815 года он носил титул короля Эльбы. Затем, когда недовольство во Франции усиливалось, а послы спорили за столом Конгресса в Вене, он внезапно ускользнул от кораблей, которые наблюдали за побережьем, и высадился во Франции, чтобы с триумфом пройти в Париж, потерпеть поражение при Ватерлоо и умереть на острове Святой Елены.

Остров по большей части холмистый, даже почти гористый, поскольку в одном месте он возвышается почти на три тысячи футов над уровнем моря. Долины и нижние склоны богаты и плодородны, здесь выращивают хорошие фрукты и хорошее вино, а виды часто поражают красотой. Рыбный промысел имеет определенное значение, особенно промысел тунца. Порто-Феррайо, главный город, живописно расположен на северной стороне, где до сих пор сохранились форты, построенные Козимо I. для защиты своей недавно полученной территории, и особняк, очень скромный дворец, в котором жил Наполеон.

“Должен признаться, что мой остров очень мал”, - заметил Наполеон, когда впервые оглядел свое королевство с вершины горы над Порто-Феррайо. На самом деле это мало, потому что остров ненамного превышает пятнадцать миль в длину и в самой широкой части десять миль в поперечнике; и поистине маленьким он, должно быть, казался человеку, который мечтал о Европе для своей империи и наполовину осуществил свое видение. Тем не менее, как замечает один из его историков, “Если предположить, что империя могла существовать в течение столь короткого промежутка времени, Эльба обладает такой красотой и разнообразием, что могла бы стать сценой для мечты о суверенитете летней ночью”.

Сначала он заявлял, что “полностью смирился со своей судьбой, часто говорил о себе как о человеке, политически умершем, и приписывал себе заслуги в том, что он говорил об общественных делах, поскольку они его больше не интересовали”. Комментарий о себе в связи с Эльбой забавен. Он исследовал свои новые владения в компании сэра Нила Кэмпбелла и, как само собой разумеющееся, посетил железные рудники. Когда ему сообщили, что они представляют ценность и приносят доход около двадцати тысяч фунтов в год, “Тогда это, “сказал он, - мое”. Но когда ему напомнили, что он выделил этот доход ордену Почетного легиона, он воскликнул: “Где была моя голова, когда я выделял такой грант? Но я издал много подобных глупых указов!”

Он сразу же приступил к работе, чтобы исследовать каждый уголок острова, а затем разработать ряд улучшений и переделок такого масштаба, на осуществление которых, если бы они были осуществлены с помощью имеющихся у него средств, потребовалась бы его жизнь. Инстинкт завоевателя ни в коем случае не умер в нем; ибо “одним из его первых и, возможно, наиболее характерных предложений было усилить и расширить свои лилипутские владения путем оккупации необитаемого острова под названием Пианоза, который был опустошен из-за частых набегов корсаров. Он отправил тридцать своих гвардейцев и десять

человек из независимой роты, принадлежащей острову, в эту экспедицию (какой контраст с теми, которыми он руководил ранее!), набросал план укреплений и самодовольно заметил: "Европа скажет, что я уже совершил завоевание".

Через короткое время к нему на острове присоединились его мать и сестра Полина, и немало тех, кто когда-то сражался под его флагом, постепенно перебрались на Эльбу и поступили на службу в его гвардию. Во Франции был организован заговор, и когда все было готово, Наполеон воспользовался временным отсутствием сэра Нейла Кэмпбелла и английского крейсера и отплыл с Эльбы.

В четыре часа дня в воскресенье, 26 февраля, "прозвучал сигнальный выстрел из ружья, забили барабаны, призывая к оружию, офицеры побросали все, что могли, из своих пожитков в мешки с мукой, матросы уложили свои рюкзаки, началась погрузка, и в восемь вечера все было взвешено". За время своего путешествия ему не раз чудом удавалось спастись, потому что его окликал французский фрегат. Его солдаты, однако, спрятались, а его капитан был знаком командиром фрегата, так что никаких подозрений не возникло. Сэр Нил Кэмпбелл также, как только узнал о случившемся, бросился в погоню на военном шлюпе, но прибыл вовремя только для того, чтобы издалека увидеть флотилию Наполеона, когда ее пассажиры высаживались на берег.

Пианоза, упомянутый выше остров, лежит к северу от Эльбы и получил свое название из-за своей почти ровной поверхности; говорят, что самая высокая точка находится всего в восьмидесяти футах над уровнем моря. Учитывая его кажущуюся незначительность, он имеет большее значение, чем можно было ожидать в истории. Злополучный сын Марка Агриппы был сослан сюда Августом по наущению Ливии, а через некоторое время был более эффективно устранен с дороги, чтобы обеспечить преемственность ее сыну Тиберию. Мы читаем также, что впоследствии он перешел в собственность Марка Пизона, который использовал его как заповедник для павлинов, которые были здесь такими же дикими, как фазаны у нас. Некоторые остатки римских бань до сих пор хранят память о своих прежних хозяевах. Долгое время спустя он стал яблоком раздора между Пизой и Генуей, и последнее государство, разрешив первому возобновить владение этими островами Тосканского архипелага, оговорило, что Пьяноза должна быть навсегда оставлена неводеланной и заброшенной. Чтобы обеспечить выполнение этого обязательства, генуэзцы завалили все колодцы огромными каменными глыбами.

Капраха, прекрасный остров к северо-западу от Эльбы, находится скорее ближе к Корсике, чем к Италии. Хотя он меньше четырех миль в длину и меньше половины этой ширины, он соперничает с обоими по холмистости, поскольку его хребты возвышаются в двух местах более чем на тысячу четыреста футов над уровнем моря. Сарацины, генуэзцы, пизанцы и корсиканцы в былые времена заставляли его вести довольно беспокойное существование, и даже в 1796 году Нельсон разрушил форт, защищавший его гавань, и оккупировал остров.

"Стагно, или лагуна, морское болото Страбона, представляет собой обширное пространство со стоячей соленой водой, настолько мелкой, что ее можно переходить вброд по частям, но она никогда не пересыхает даже самым жарким летом; проклятие окрестностей из-за зловонных испарений и полчищ москитов и других насекомых, которые она порождает в это время года, но компенсирует жителям изобилие рыбы. Промысел обычно ведется ночью и способом, часто практикуемым в Италии и на Сицилии, путем загарпунивания рыбы, которую привлекает свет на

носу лодки. Любопытное зрелище в тихие ночи - видеть сотни этих маленьких яликов или каноэ, блуждающих со своими фонарями и создающих постоянно движущийся отсвет на поверхности озера”.[2]

Эльба, по-видимому, поддерживает некоторую связь с материком благодаря холмистому мысу, на котором стоят дома Пьомбино, небольшого городка, интересного главным образом тем, что он находится недалеко от Популонии, старого этрусского города, от которого до сих пор сохранились значительные руины. Здесь, когда кланы собрались, чтобы вернуть Тарквиниев в Рим, стояли

“Опоясанная морем Популония,
стражи которой наблюдают за
заснеженными горными вершинами Сардинии,
обрамляющими южное небо”.

Но еще долго после того, как Ларс Порсенна из Клузия отступил, сбитый с толку разрушенным мостом, Популония продолжала оставаться важным местом, поскольку здесь есть замок, построенный в средние века. Но сейчас это всего лишь бедная деревня; однако в ней сохранились фрагменты зданий, напоминающих о ее римских хозяевах, а ее стены из многоугольной каменной кладки переносят нас в эпоху этрусков.

Не следует забывать, что почти вся береговая линия, описанная в этой главе, от реки Магра до Чивита-Веккьи, принадлежала загадочному и не так давно почти неизвестному народу - этрускам. Действительно, когда-то их власть простиралась на значительное расстояние к северу и югу от этих пределов. Даже сейчас существует много споров относительно их происхождения, но они были могущественной и цивилизованной расой еще до того, как был основан Рим. Они боролись с ним за господство в Италии и были окончательно покорены этим народом только в третьем веке до нашей эры. “Этрурия в древности была густонаселенной не только в тех частях, которые все еще заселены, но также, как доказывают остатки городов и кладбищ, в местностях, ныне опустошенных малярией и вновь превратившихся в пустыню; и то, что сейчас является болотом или джунглями, логовом диких кабанов, буйволов, лисиц и вредных рептилий, где человек часто боится останавливаться и спешит прочь из пораженной чумой земли, в древности давало богатые урожаи кукурузы, вина и масла, и содержало многочисленные города”. могущественный и состоятельный, в чьи руки коммерция вливала сокровища Востока и более ценные произведения эллинского гения. Большинство из этих древних мест сейчас без жителей, ежегодно бороздимые плугом, или заброшенные как непригодная для использования дикая местность; а те, которые все еще заселены, являются, за немногими исключениями, всего лишь призраками их первоначального величия, простыми деревнями на месте густонаселенных городов. Повсюду видны следы ушедшей цивилизации, без сомнения, уступающей по качеству той, что существует в настоящее время, но гораздо более широкой по масштабам и оказывающей гораздо большее влияние на соседние народы и на судьбы мира”.[3]

К югу от этого мыса начинается собственно Маремма. Фоллоника, единственное место на некотором расстоянии, которое можно назвать городом, почернело от дыма до такой степени, что это необычно для Италии, поскольку здесь выплавляется большая часть железной руды с Эльбы. Но виды по соседству, несмотря на ровность болотистой или поросшей кустарником равнины, не лишены очарования. Внутренние холмы часто привлекательны; к северу лежат мыс

Пьомбино и омываемая морем Эльба, к югу - мыс Кастильоне, который заканчивается более низкой линией утеса, увенчанного башней, и небольшой остров Формика неправильной формы. В Кастильоне-делла-Пеская есть небольшая гавань, когда-то укрепленная, из которой экспортируют шерсть и древесный уголь, произведенные на соседних холмах. Мыс Кастильоне, должно быть, когда-то был островом, поскольку он отделен от внутреннего хребта ровной равниной Маремма. В настоящее время появляется Гроссето, живописная столица Мареммы, расположенная на крутом подъеме над окружающей равниной, линия неба которого подчеркнута парой низких башен и куполом; он был защищен оборонительными сооружениями, которые датируются, вероятно, концом семнадцатого века. Затем, после того, как будет пересечен Омборн, одна из рек, вытекающих из Апеннин, мыс Таламоне спускается к морю, защищая одноименную деревню. Это живописное местечко, над которым возвышается старый замок, а якорная стоянка защищена островом Сан-Джильо, сейчас достаточно тихим, но в путеводителе говорится, что здесь за двести двадцать пять лет до христианской эры римские войска высадились и рассеяли вторгшуюся галльскую армию. Но к югу находится другой мыс, более крупный, чем Тламоне; это Монте-Арджентарио, крутые склоны которого покрыты массой лесов. Виды на эту часть побережья исключительно привлекательны. Действительно, трудно было бы найти что-либо более поразительное, чем расположение Орбителло. Город расположен у подножия горы Арджентарио, поскольку он возвышается на целых две тысячи футов над уровнем моря и имеет смелые очертания, заслуживает этого названия. Он почти отделен от материка большой лагуной с соленой водой, которая с каждой стороны ограничена двумя низкими и узкими полосками суши. Лучший вид открывается с юга, где мы смотрим через изгиб моря на город и на Монте-Арджентарио с его двойной вершиной, которая, поскольку граница лагуны очень низкая, кажется полностью изолированной.

Ясно доказано, что Орбителло был этрусским городом; возможно, по словам мистера Денниса, основанным пеласгами, “поскольку фундамент морской стены, которая окружает его с трех сторон, сложен из огромных многоугольных блоков, точно таких, какие можно увидеть во многих древних местах центральной Италии (а именно в Норбе, Сеньи, Палестрине), и таких, из которых состоят стены соседней Козы”. Гробницы этрусской постройки также были найдены непосредственной близости от города, на песчаном перешейке, соединяющем его с материком. Другие также были найдены внутри стен. Гробницы оказались необычайно продуктивными; отчасти, без сомнения, потому, что они, по-видимому, избежали более ранних разграблений. Были найдены изумительной красоты вазы, многочисленные изделия из бронзы и золотые украшения. О самом городе, который издавна имеет очень живописный вид, мистер Деннис говорит: “Это место довольно большого размера с населением почти в шесть тысяч человек, и среди городов Маремма уступает только Гроссето. Доказательством того, насколько население Мареммы стремится к оздоровлению, является тот факт, что Орбителло, хотя и находится посреди стоячей лагуны площадью десять квадратных миль, сравнительно здоров и за тридцать лет более чем удвоил свое население, в то время как Теламона и другие небольшие места вдоль побережья летом почти пустынные, а те немногие люди, которые остаются, раздуваются, как винные бурдюки, или желтеют, как ящерицы”. Но внутренний район полон руин и остатков городов, которые во многих случаях были цитаделями задолго до того, как Ромул прочертил линии стен Рима своим плугом, если это действительно когда-либо происходило. Анседония, древняя Коза, находится всего в нескольких милях отсюда, Руселле, Сатурния, Сована - на значительно большем расстоянии; дальше к югу возвышается еще один из этих покрытых лесом хребтов, которые, изолированные морем или болотами, так характерны

для этой части итальянского побережья. Здесь можно увидеть старые стены Корно, другого этрусского города, возвышающиеся над оливковыми деревьями и каменными дубами.

За пределами этого низменность становится более волнистой, а пейзаж на переднем плане немного менее однообразным. Теперь появляется Корнето, венчающий пологое плато в конце отрога внутренних холмов, которое наконец защищено линией утесов. Окруженный кольцом старых стен, подобно Кортоне, он “возносит к небесам диадему башен”. По месту расположения и внешнему виду это типичный пример одного из старых городов Этрурии. На высоте трехсот с лишним футов над равниной, отделяющей ее от моря, с видом на сверкающую воду с одной стороны и покрытые лесом хребты с другой открывается очаровательный вид, а достопримечательности в его стенах отнюдь не незначительны. Здесь есть несколько старинных церквей, а в муниципальном музее хранятся многочисленные этрусские и римские древности. Сам город, однако, не этрусского происхождения, его основание датируется только средневековьем; но на противоположном и еще более изолированном холме все еще можно проследить руины Тарквиний, одного из величайших городов Этрурийского союза; едва ли менее важный, чем Вейи, один из самых активных городов в стремлении восстановить династию Тарквиниев, он продолжал процветать после того, как подчинился Риму, но пришел в упадок в темные дни, последовавшие за падением Империи, и никогда не поднимал головы после того, как был разграблен римлянами. сарацины, пока, наконец, Корнето не опустел, и его постигла обычная участь стать каменоломней для нового города. Сейчас видны только остатки зданий и его оборонительных сооружений; но в большом некрополе, расположенном к юго-востоку от Корнето и на одном с ним отроге, сохранилось множество древностей. Романтическая история о его открытии, сделанном в 1823 году, рассказывается в путеводителях. Уроженец Корнето при раскопках случайно наткнулся на могилу. Сквозь дыру он увидел вытянувшуюся во весь рост фигуру воина, облаченного в полные доспехи. Несколько минут он изумленно смотрел на мертвеца, затем фигура исчезла, почти как призрак, ибо под воздействием свежего воздуха она рассыпалась в прах. С тех пор были открыты многочисленные подземные камеры; содержимое - вазы, бронза, драгоценные камни и украшения - было вывезено в музеи или разбросано по шкафам коллекционеров, но настенные росписи сохранились до сих пор. Это работы различных периодов с шестого по второй или третий век до нашей эры, и они свидетельствуют о влиянии греческого искусства на ранних жителей Италии.

По мере того, как мыс, увенчанный стенами Корнето, удаляется вдаль, пересекают небольшую речку, которая, какой бы незначительной она ни казалась, имеет место в церковной легенде, поскольку нам сообщают, что в Торре Бертальдо, недалеко от ее устья, ангел развеял св. Сомнения Августина по поводу Троицы. Затем дорога подходит к крупнейшему порту на побережье с тех пор, как был оставлен Ливорно. Чивита-Веккья, как следует из названия, - это старый город, который после упадка Остии на протяжении веков служил портом Рима. Он был основан Траяном и в древности иногда носил его имя, но в его стенах практически ничего нет, что указывало бы на столь великую древность. Он, как и многие другие места вблизи побережья, подвергался нападениям сарацин и в течение нескольких лет был совершенно безлюден, но примерно в середине девятого века жители вернулись в него, и город, который тогда получил свое нынешнее название, постепенно приобретал значение по мере усиления светской власти папства. Если мало что может побудить путешественника остановиться, то и художника мало что может соблазнить. Чивита-Веккья занимает очень низкий и слабо очерченный мыс. Его дома беловатого цвета, квадратные по очертаниям и с довольно плоскими крышами. Здесь нет

бросающихся в глаза башен или куполов. Когда-то он был окружен укреплениями, построенными в разное время примерно в семнадцатом веке. Они, однако, были удалены со стороны суши, но все еще остаются довольно совершенными по соседству с гаванью, вход в которую защищен небольшим островом, над которым возвышается низкая массивная башня и высокий круглый фарос. В этом месте не осталось ни оживления, ни торговли; то небольшое, что там было, исчезло, когда была открыта железная дорога. Он оправдывает свое название, и его старость нельзя назвать бодрой.

К югу от Чивита-Веккьи прибрежный регион, хотя и часто достаточно однообразный, на какое-то время становится немного более разнообразным. Здесь все еще есть немного болотистой местности, все еще есть какая-то ровная равнина, но низкие и пологие холмы, окаймляющие основную массу Апеннин, временами спускаются к морю и даже разнообразят его береговую линию, прерываемую низким мысом. Время от времени его, как и в Санта-Маринелле, венчает старый замок. Повсюду виднеется много вечнозеленого кустарника, здесь растущего пучками среди участков грубой травы, там разрастающегося в настоящие заросли значительной протяженности, и виды иногда становятся более разнообразными и даже красивыми. Санта-Севера, большой замок, построенный из серого камня, с группой высоких башен, похожих на крепости, на невысоком утесе, возвышающемся над морем, напоминает нам какую-то старую крепость на побережье Файфшира. Недалеко от этого мыса, как утверждают знатоки древностей, находился Пиргос, некогда порт этрусского города Кере, который лежит среди холмов на расстоянии примерно полудюжины миль. Здесь и там вдоль этой части побережья также можно заметить одинокие старые башни. Они напоминают по своему расположению, хотя и более живописны по своему виду, башни Мартелло на южном побережье Англии. Как и они сами, они являются памятником смутных времен, когда захватчиков боялись. Они были возведены для защиты тосканского побережья от набегов мавров, которые на протяжении веков наводнили ужас Средиземноморья. Снова и снова эти корсары нападали; то небольшая флотилия нападала на какой-нибудь слабо защищенный город; то одинокий корабль высаживал свою пиратскую лодку на какой-нибудь неохраемый берег, чтобы разграбить соседнюю деревню или несколько разбросанных ферм, и отступал с небольшой добычей и небольшой группой пленников, обреченных на рабство, оставляя после себя дымящиеся руины и кровоточащие трупы. Странно подумать, сколько времени прошло, прежде чем был обеспечен совершенный иммунитет от этих проклятий Средиземноморья. Англия, что бы ни говорили ее враги, в свое время совершила несколько добрых дел, и одним из лучших было то, когда ее флот под командованием адмирала Пеллю разрушил форты Алжира и сжег все суда пиратского флота.

Пейзаж на какое-то время продолжает улучшаться. Дубовые леса становятся выше, внутренние холмы более разнообразны по очертаниям и покрыты лесом. Здесь выглядывает скала, там деревня или замок. В Пало большая непривлекательная вилла и живописный старый замок выходят окнами на тонкую линию морского пляжа, куда менее состоятельные слои населения Рима приезжают подышать свежим воздухом в жаркие летние дни. Он также отмечает место расположения Альсиума, где во времена Римской Империи у одного или двух известных людей, самым важным из которых был Помпей, были загородные резиденции. На какое-то время здесь больше нет ровной равнины; земля повсюду плавно спускается к морю, покрытая лесом или грубой травой. Но вскоре происходит еще одно изменение, и перед нашими глазами открывается великая равнина Тибра, простирающаяся с одной стороны до недалекого моря, с другой - до холмов Рима. Она плоская, унылая и непривлекательная, во всяком случае, зимой,

как и долина Нен ниже Питерборо или Уитхэм за Линкольнширскими болотами. Он изрезан дамбами, которые окаймлены низкими берегами. Тут и там пасутся стада мышиного цвета быков с длинными рогами, а круглые стога сена с низкими коническими верхушками бросаются в глаза больше, чем коттеджи. Тибр извивается по своему извилистому руслу через эту болотистую равнину, мутный поток, который римляне с почтением называли *flavus*, если только это слово не означало какой-либо непривлекательный цвет. Одна невысокая башня вдалеке указывает на город Порту, другая - на Остию, а рядом с последней длинная сосновая роща является приятным дополнением к монотонности пейзажа.

У этих двух городов были времена величия. Первый, как следует из его названия, когда-то был портом Рима, а в первые дни христианства был заметным местом. Он был основан Траяном по соседству с гаванью, построенной Клавдием; ибо эта гавань, как и гавань Остии, которую она должна была заменить, уже была забита. Но хотя императоры могут предлагать, река распоряжается, особенно когда речь идет о ее иле. Порт Траяна давно постигла та же участь; сейчас это всего лишь мелководный бассейн в двух милях от моря. В последние годы в Порту, в поместье принца Тортонии, которому принадлежит все это место, были проведены значительные раскопки. Порт, построенный Траяном, имел шестиугольную форму; он был окружен складами и сообщался с морем каналом. Между ним и внешним, или клавдиевым, портом для императора был построен дворец, и до сих пор видны остатки стены, возведенной Константином для защиты гавани со стороны суши. Единственные средневековые памятники старины, которые есть в Порту, - это старый замок, который служит епископальным дворцом, и цветущая церковь Санта-Руфина, возраст которой по меньшей мере равен десятому веку.

Остия, место гораздо более древнее, чем Порту, не такое пустынное, хотя ее звезда закатилась, в отличие от другой. Основанный, как некоторые говорят, Анком Марциусом, он был портом Рима до первого века нашей эры. Затем заиливание его сообщения с морем привело к переносу торговли в Порту, но “слава храма Кастора и Поллукса, многочисленных вилл римских патрициев, в изобилии разбросанных вдоль побережья, и толп людей, которые часто посещали его берега ради морских купаний, поддерживали процветание города в течение некоторого времени после разрушения его гавани”. Но вконец концов все покатило под откос, и тогда пришли захватчики. Когда-то в нем проживало восемьдесят тысяч человек; во времена Медичи это была бедная деревня, и люди влачили свое жалкое существование, делая известь из мрамора разрушенных храмов! Таким образом, вандализм крестьян, даже в большей степени, чем патрициев, смел многие отборные реликвии классических времен. Виллы и храмы были разрушены; море теперь далеко; Остия - всего лишь маленькая деревушка, “одно из самых живописных, хотя и унылых мест недалеко от Рима”, но в течение большей части нынешнего столетия были проведены тщательные раскопки, было обнаружено много ценных произведений искусства, и значительная часть древнего города была обнажена. Магазины и жилые дома, храмы и бани, театр и форум, со многими остатками древнего города, теперь можно осмотреть, а многочисленные предметы старины меньшего размера хранятся в музее старого замка. Это сооружение, с его мощными бастионами, высокой круглой башней и огромными машинами, является очень ярким объектом, поскольку возвышается над равниной, “массивное и серое на фоне линии неба”. Его рисовали многие художники, начиная с Рафаэля, который видел его, когда он был завершен не так давно, вплоть до настоящего времени.

Х

ВЕНЕЦИЯ

Первые дни — Гранд—канал и его дворцы—Площадь Святого Марка—Венецианские похороны—Длинная гряда островов—Венецианское стекло—Торчелло, древний Алтинум - Две его уникальные церкви.

Пока Венецию никто не посещает, среди возможностей жизни - новые ощущения. Подобного города нет в Европе. В Амстердаме есть свои каналы, но Венеция - это сплошные каналы; в Генуе есть свои дворцы, но в Венеции их больше и они красивее. Он расположен на группе островов в спокойной лагуне. Но сегодняшняя Венеция - это не Венеция тридцатилетней давности. Даже тогда от былой романтики немного осталось, поскольку длинный железнодорожный виадук соединял ее с материком. Раньше сюда можно было добраться только на лодке, поскольку между городом и болотистой границей Падуанской дельты лежало несколько миль соленой воды. Сейчас Венеция изменилась еще больше, причем в худшую сторону. Люди кажутся более бедными и обнищавшими. Его здания в целом, особенно обычные дома, выглядят более тусклыми и ветхими. Краска кажется более облупленной, штукатурка - более облупленной, кирпичная кладка - более прогнившей; кажется, все говорит скорее об упадке, коммерческом и моральном, чем о возрождении. В случае с более важными сооружениями, действительно, последствия времени часто были более чем устранены. Здесь реставрация, нередко ненужная и непродуманная, испортила некоторые почтенные реликвии старины грубыми пятнами цвета из-за современных репродукций древних и оригинальных работ: здание пострадало, как, следует признать, пострадали не немногие из наших самых драгоценных семейных реликвий, от результатов усердия, не сдерживаемого осмотрительностью, и разрушитель творил свою волю под видом реставратора.

Москиты все еще процветают в Венеции, как и в былые времена. Было бы преувеличением ожидать, что крылатый представитель этого рода будет меньше процветать на свободе в Италии, чем в австрийском рабстве, но что-то могло быть сделано для искоренения двуногого вида. Он присутствует в полной силе в большинстве городов к югу от Альп, но нигде он не встречается так часто и так раздражающе, как в Венеции. Если в каком-то городе Европы и есть место, где посетитель мог бы искренне пожелать обрести покой в своей душе и созерцать в задумчивом изумлении, то это большая пьяцца, перед фасадом собора Святого Марка, странным и прекрасным, как мечта. Остановитесь там и попытайтесь насладиться его чудесами, поклоняться в тишине и покое. Тщетная иллюзия. Здесь нет толпы спешащих машин или толпы спешащих людей, которые по необходимости мешали бы вашим видениям (голубей на площади часто больше, чем людей), но вверх ползет нищий в одежде, кишасей паразитами, скулящий о "милостыне"; вниз налетают потенциальные гиды, предлагая бесполезные советы на ломаном и

едва понятном английском; с той и с другой стороны толпятся продавцы мусора, украшений из ракушек, кружев, жалких безделушек и длинных лент фотографических “сувениров”, ужасающих в своем уродстве. Тот, кто может выстоять пять минут перед собором Святого Марка и сохранить католическую любовь к человечеству, действительно должен быть наделен характером, превосходящим среднюю дружелюбность.

Гибель Рима косвенно стала рождением Венеции. Насколько нам известно, в великие дни Империи здесь не было даже деревни. Пришли захватчики, Адриатическое побережье было разрушено; его остатки можно найти среди островов в лагунах. Аквилея была объята пламенем, города Падуанской дельты трепетали перед ордами свирепых гуннов, но острова на ее побережье давали надежду на безопасность. О том, какими в те дни должны были быть эти лагеря-убежища, можно судить по островам, которые сейчас граничат с материком, низким, болотистым, заросшим густыми зарослями и окаймленным тростником; они были нездоровы, но доступны только по запутанным и труднодоступным каналам, и мало что могло соблазнить нарушителя. Лучше было рискнуть заболеть лихорадкой в лагунах, чем быть убитым или угнанным в рабство на материке. Прошло некоторое время, прежде чем Венеция заняла лидирующие позиции среди этих разбросанных поселений. Он стал центром управления в 810 году, но прошло почти два столетия, прежде чем Венецианское государство достигло какого-либо реального возвышения. Первым и, возможно, самым важным шагом на этом пути было разгромление пиратов Истрии и Далмации. Это позволило Республике стать великой “Адриатической и Восточной компанией” и получить в свои руки управление торговлей на Восток. Жители Венеции были храбры и проникательны, чем-то похожи на наших предков елизаветинской эпохи, могущественных на море и суше, но понимающих толк и в искусстве поддержания мира. Она сражалась с Генуей за коммерческое превосходство, с турками за существование. Она была слишком сильна для первого, но последнее в конце концов истощило ее, и Лепанто стал одним из ее последних и наименее плодотворных триумфов. И все же только в конце шестнадцатого века внимательный глаз смог обнаружить симптомы старческого увядания. Затем Венеция постепенно сошла в могилу. Его медленный распад занял более полутора столетий; но Французская революция косвенно вызвала крах Венеции, поскольку ее последний дож отрекся от престола, и город был оккупирован Наполеоном в 1797 году. После его падения Венеция была передана Австрии и нашла в Габсбурге сурового и несимпатичного хозяина. Она вела тщетную борьбу за свободу в 1848 году, но в конце концов была передана Италии после австро-прусской войны 1866 года.

Город построен на группе островов; его дома построены на сваях, потому что здесь нет настоящего твердой почвы. Трудно сказать, насколько нынешние каналы соответствуют первоначальным каналам между маленькими островами, насколько они искусственны; но было ли первоначальных островков мало или их было много, не может быть сомнений в том, что раньше они были разделены самым большим, или Гранд-каналом, *Рио-Альто* или Дип-Стрим. Маршрут проходит по букве S и разделяет город примерно на две половины. Боковые каналы, которых очень много, поскольку город, как говорят, занимает сто четырнадцать островов, редко бывают шире, часто скорее уже, чем боковая улица в Лондонском сити. В Венеции, как часто отмечалось, нельзя пользоваться ни телегой, ни экипажем, ни даже запряженной ослом повозкой костера. Улиц здесь достаточно, но они узкие и извилистые, очень похожие на дворы в центре Лондона. Кареты, кэбы и омнибусы заменены гондолами. Нет необходимости описывать их, ибо кто их не знает? Одним из следствий такой замены каналов улицами является то, что юный венецианец ныряет в воду, как молодая утка в пруд, и не слишком церемонится в

вопросе снятия своей одежды. Летним днем свернешь в боковой канал, и можно увидеть, как младшие члены семьи купаются у собственного порога, возможно, самый маленький, во избежание несчастных случаев, привязан веревкой к удобному кольцу; более того, иногда, когда мы бредем по одной из узких *calle* (переулков), мы слышим тихий топот ног, мимо проносится что-то влажное, и маленький венецианский мальчик, гибкий и черноглазый, с голыми ногами, с голой спиной и почти без штанов, проносится мимо, сокращая путь к своему дому. одежда перекинута через квартал зданий, обогнуть который он пока не может.

В таком городе, как Венеция, трудно превозносить один вид выше другого. Есть благородный размах Большого канала с его дворцами; есть много групп зданий менее внушительного масштаба, но все же более живописных, на каналах поменьше, часто почти каждый поворот приносит какое-то новое удивление; но есть два вида, которые всегда возникают в моем сознании раньше всех остальных, когда мои мысли обращаются к Венеции, особенно такой, какой она была раньше. Один из них - вид на фасад Сан-Марко с площади. Я не стану извиняться за цитирование слов, которые описывают более точно, чем позволяют мои силы, впечатления, вызванные этой сказочной архитектурной концепцией. “ За этими рядами упорядоченных арок из земли поднимается видение, и вся огромная площадь, кажется, открывается оттуда в каком-то благоговейном страхе, что мы можем видеть ее издалека: множество колонн и белых куполов, сгруппированных в длинную низкую пирамиду из разноцветного света, сокровищницу, как кажется, частично из золота, частично из опала и перламутра, разделенную внизу на пять огромных сводчатых портиков, покрытых прекрасной мозаикой и окруженных скульптурами из алебаstra, прозрачного, как янтарь, и нежного, как слоновая кость; скульптуры фантастические и сложные, из пальмовые листья и лилии, виноград и гранаты, птицы, цепляющиеся и порхающие среди ветвей, все переплеталось вместе в бесконечную сеть бутонов и перьев, и посреди этого - торжественные фигуры ангелов со скипетрами и в одеждах до пят, склонившихся друг к другу через ворота, их черты неясны на фоне мерцания золотой земли сквозь листья рядом с ними, прерывистые и тусклые, как утренний свет, когда он угасал среди ветвей Эдема, когда давным-давно его ворота впервые охранялись ангелами. И круглых стенах подъездов установлены колонны разномастных камней, яшмы и порфира, и глубокие-зеленый серпантин, пятнами с хлопьями снега, и шарики, что половина откажется, а половина урожая на солнце, Клеопатра-как, их голубые вены, чтобы поцеловать, тени, когда он крадет их выявления после строки лазурной волнистость, как отступающий прилив оставляет махнул песок: их капиталы богатых с переплетенными узорами, укоренившиеся узлы из травы, и перемещаясь листьев аканта и виноградные лозы, и мистические знаки все начинаются и заканчиваются в кресте: и выше их в широкие архивольты непрерывную цепочку из языка и из жизни, ангелы и небесные знамения и труды мужиков, каждый в назначенное время на землю; а над ними еще один ряд сверкающих вершин, смешанное с белой арки, обрамленный алыми цветами, смешение восторга, среди которых грудей греческой лошадей не видно полыхающий в их широте золотого сила, и Святого Марка-Лев, снято на синем поле, покрытое звездами, пока, наконец, словно в экстазе, гребней арок ворваться в мраморной пены, и бросить далеко в голубое небо вспышками и венки из скульптурные брызг, как будто выключателей в Лидо на берегу были скованном Морозом, прежде чем они упали, а морские нимфы имели инкрустированные их с коралла и аметиста.”[4]

Это Сан-Марко таким, каким он был. Восемь столетий почти не причинили ему вреда; они лишь нежно прикоснулись к зданию и смягчили его оттенки, придав им нежную гармонию; теперь его новые хозяева, жестокие в своей доброте, восстановили мозаику и соскоблили мрамор; теперь

необработанные пятна грубого цвета резко контрастируют с теми частями, к которым из-за сложности резьбы или по какой-либо другой причине было сочтено невозможным прикасаться. Смотреть сейчас на собор Святого Марка - все равно что слушать симфонию мастера гармонии, исполняемую на расстроенных инструментах.

Фотографии, рисунки, иллюстрации всех видов сделали собор Святого Марка настолько знакомым всему миру, что нет необходимости пытаться дать какое-либо описание его деталей.

Может быть, достаточно сказать, что собор стоит на месте меньшего по размеру и более старого здания, в котором уже хранились мощи святого Марка, покровителя Венеции. Нынешнее сооружение было построено примерно в 976 году, и на его возведение ушло почти столетие. Но он украшен остатками многих классических сооружений: колоннами и плитами из мрамора, порфира и серпентина, которые были высечены в каменоломнях Греции и Сирии, Египта и Ливии руками римских рабов и украшали дворцы и бани, храмы и театры римских городов.

Внутри собор Святого Марка не менее странный и впечатляющий, но вряд ли столь привлекательный, как снаружи. Он простой по очертаниям и почти тяжелый по дизайну, в плане представляет собой греческий крест со сводчатым куполом над центром и каждым плечом. Несмотря на то, что внешний вид собора Святого Марка во многом обязан мрамору, порфиру и мозаике, он был бы прекрасен, если бы был построен только из серого известняка. Вряд ли это можно было сказать об интерьере: уберите отборные камни с колонн, дадо и тротуара, снимите корку мозаики, эти богато одетые фигуры на золотом фоне, со стен и со свода (поскольку весь интерьер облицован мрамором или мозаикой), и останется только довольно темное, массивное здание, которое будет казаться несколько ниже и мельче, чем можно было ожидать.

Другой вид Венеции, который, кажется, лучше всего сочетает в себе ее своеобразие и живописную красоту, можно увидеть на очень близком расстоянии от собора Святого Марка. Оставьте фасад, о котором мы только что говорили, три огромные мачты с их богато украшенными бронзовыми гнездами, на которых в гордые дни Венеции развевались знамена Кандии, Кипра и Мореи; сверните с Пьяцца на Пьяцетту; оставьте, с одной стороны, огромную Кампанилу, скорее огромную, чем красивую (если кто-то осмелится высказать критику шепотом), с другой - роскошный портик герцогского дворца; пройдите под внушительным фасадом самого дворца с его величественной колоннадой; дальше, между знаменитыми колоннами, расположенными на возвышении. привезен более семи столетий назад из каких-то сирийских руин, на которых изображены лев Святого Марка и статуя Св. Теодор, другой покровитель Республики; а затем, стоя на Моло в начале Рива дельи Скьявони, оглянитесь вокруг; или, еще лучше, спуститесь в одну из гондол, ожидающих у ступеней, и оттолкнитесь на несколько десятков ярдов от берега: затем оглянитесь назад, на фасад дворца и Мост вздохов, на оживленные набережные Ривы, на зеленые деревья Джардини Паббликани, посмотрите на Пьяцетту, междудвойными колоннами которой виднеются собор Святого Марка и Мост вздохов. высокая колокольня вдоль фасада Королевского дворца с бахромой кустарника внизу приятно контрастирует со всеми этими массивами каменной кладки, широкий вход в Гранд-канал, между рядами дворцов, через него к большому куполу Санта-Мария-делла-Салюте и Догана-делла-Маре, со статуей Фортуны (соответствующей прошлому, а не настоящему), смотрящей под углом, обращенным к морю. За этим, еще дальше, находится Изола Сан-Джорджо, группа простых зданий, церковь с простым по очертаниям куполом и кирпичной колокольней почти без украшений, но единственное, что есть в Венеции после великой группы Святого Марка; это

молчаливый свидетель ее триумфов, которые давят на сознание. С этой точки зрения Венеция предстает перед нашими глазами в своем величии и в своей простоте, в своих патрицианских и плебейских чертах, как “морская Кибела, только что вышедшая из океана, восседающая на троне своих ста островов ... повелитель вод и их силы.

Но уехать из Венеции, не побывав на Большом канале, значило бы оставить город с половиной нерассказанной истории. Его великие исторические воспоминания собраны вокруг площади Святого Марка; это молчаливый свидетель его триумфов в мирное и военное время, благородных и отважных деяний его правителей. Но Гранд-канал - центр его жизни, коммерческой и бытовой; он ведет от набережных к Бирже, от Рива дельи Скьявони и Догана делла Маре к Риальто. Он граничит с дворцами великих исторических семей, которые были правителями и принцами Венеции, которые создали Государство своей храбростью и благоразумием, которые разрушили его своей завистью и своекорыстием. Гранд-канал - это генеалогия Венеции, иллюстрированная и выгравированная на камне. По мере того, как мы скользим в гондоле, столетие за столетием история отечественной архитектуры, с двенадцатого по восемнадцатый, медленно разворачивается перед нами. Есть дворцы, которые все еще во многом остаются такими, какими были в старину, но кое-где среди них отвоевало себе место какое-нибудь современное строение, безвкусное и уродливое; немало также переоборудовано под торговые центры и украшено заметными плакатами, возвещающими ремесло их новых хозяев, достойных представителей эпохи, которая не стыдится намалевать скалы Сен-Готарда рекламой отелей и раскрасить его валуны в пользу продавцов шоколада!

Но в нынешнюю эпоху человек должен быть благодарен за все, что уцелело из-за жажды богатства и вульгарности “демократии”. Большая часть старой Венеции сохранилась до сих

пор, хотя маленькие пароходики снуют вверх и вниз по Большому каналу, а над его водами перекинута уродливые железные мосты, оба, надо признать, удобные, хотя и уродливые; гондолы все еще живы; все еще слышен на каждом углу странный предостерегающий крик лодочника, иногда единственный звук, кроме стука весла, нарушающий тишину жидкой улицы. Каждый поворот открывает что-то необычное и старомодное. То это рыночная лодка с подвешенными снаружи плетеными корзинами, нагруженными рыбой или овощами с одного из самых отдаленных островков; то какой-нибудь мостик, то какой-нибудь изысканный архитектурный фрагмент, дверной проем, башенка, эркер или ряд богато украшенных окон, то крошечная пьядетта, ведущая к фасаду и колокольне более чем наполовину скрытой церкви; то мраморная ограда колодца. По-прежнему ходят разносчики воды с коваными медными ведрами, подвешенными на каждом конце изогнутого шеста; по-прежнему, хотя и реже, на улице можно увидеть причудливые костюмы; по-прежнему темные лавки в узких проходах полны товаров, непривычных глазу и ярких в свое время цветами и фруктами итальянского лета; по-прежнему пурпурные голуби собираются стаями в заветный час, чтобы покормиться на площади Святого Марка, и, не боясь опасности, превращают торговца маисом на пенни в ходячую голубятню.

И все же Венеция восхитительна для глаз (к сожалению, не всегда для носа во многих укромных уголках), несмотря на давление бедности и распутство реставраторов. Возможно, он возродится и все же увидит лучшие дни (говорят, что его торговля возросла с 1866 года); но если это так, то, если дух эпохи не изменится, результатом будет более полное разрушение всего, что составляло его очарование и чудо; поэтому эту главу уместно завершить кратким наброском одной сцены, которая, кажется, гармонирует с воспоминаниями об ушедшем величии, - венецианских похорон. Мертвые больше не покоятся среди живых под мостовыми церквей: гондола везет венецианца "по улицам" к повседневным делам жизни; она уносит его прочь от дома на островное кладбище. Из какого-то узкого переулочка, приглушенного каменной кладкой, доносятся звуки похоронного марша; процессия выходит на пьядетту у воды; гроб несут служители в длинных вуалях и плакальщицы с зажженными факелами в сопровождении духового оркестра с бряцающими тарелками. Большая гондола, украшенная черным и серебряным, ожидает у ближайшей пристани; оркестр и большинство сопровождающих останавливаются у воды; гроб опускают в лодку, факелы гаснут; более дикий вой меланхолической музыки, более звонкий звон тарелок означают последнее прощание с домом, его удовольствиями и работой; весла опускаются в воду, и еще одно дитя Венеции переносится из города живых в город мертвых.

Длинная гряда островов полностью укрывает Венецию от моря, так что воды вокруг ее стен очень редко вздымаются волнами. Прилив тоже поднимается и опускается, но незначительно, не более чем на два-три фута, если не больше. Таким образом, при отливах и отливах не обнажаются берега с ядовитой грязью, и все же в каналах поддерживается некоторая циркуляция, которая, если бы не это, была бы такой же невыносимой, как выгребные ямы. Небольшие лодки могут плавать по большей части лагуны, где во многих местах безопасный маршрут приходится размечать кольями, но для крупных судов проток немного. Длинный остров, по имени Маламокко, находится между Венецией и Адриатическим морем, по обе стороны которого находятся главные, если не единственные входы для больших судов. На его северной оконечности находится песчаный пляж Лидо, великий венецианский курорт, где хорошо купаться в море. Но, кроме этого, Маламокко мало что может предложить; больше интереса представляют другие части лагуны. На южной оконечности, примерно в пятнадцати

милях отсюда, излюбленной экскурсией является старый город Кьоджа. Со стороны моря длинная полоса узких островов, одним из которых является Маламокко, защищенных массивными стенами, образует барьер от волн Адриатики. Со стороны суши находится унылый, охваченный лихорадкой регион *Лагуна Морта*, похожий на обширное болото, за которым возвышаются зубчатые пики Альп и изломанные вершины Эуганских холмов. Сам город, римская ямка Клаудии, представляет собой уменьшенную копию Венеции, соединенную, как и она, мостом с материком. Хотя в нем меньше реликвий, представляющих архитектурную ценность, он меньше пострадал от современных изменений и сохранил гораздо больше своего характера старого света.

Мурано, остров или группа островов, является крошечной копией Венеции, и экскурсия по нему гораздо короче, поскольку он находится всего в полутора милях к северу от города. Здесь находится главное место работы стеклодувов; здесь сделаны те изысканные репродукции старинного венецианского стекла и древней мозаики, которые прославили имя Сальвиати во всех частях Европы. Здесь также находится собор, который, хотя и пострадал от времени, забвения и реставрации, все еще является великой реликвией. В восточной части находится красивая апсида, дополненная аркадой и украшенная инкрустацией из мрамора, но остальная часть экстерьера простая. Как обычно в этой части Италии (поскольку внешнее великолепие собора Святого Марка исключительное), все богатство декора отведено интерьеру. Здесь колонны из отборных камней поддерживают своды; в восточной апсиде выложена прекрасная мозаика, но славой Мурано является его пол, великолепное произведение *искусства Александрии*, инкрустированный мрамором и порфиром, датируемый началом одиннадцатого века и более богатый по дизайну, чем даже в соборе Святого Марка, поскольку в его узорах присутствуют павлины и другие птицы причудливого рисунка.

Но за Мурано, примерно в полудюжине миль от Венеции, есть еще один остров, который нельзя оставлять без посещения. Сюда можно добраться во время восхитительной экскурсии по лагуне, среди уединенных малонаселенных островов, по садам Венеции, где они не заросли густой травой и не покрыты деревьями. Это Торчелло, древний Алтинум. Когда-то здесь был знаменитый город, центр района, когда Венеция боролась за существование. Сейчас в нем мало домов, они полуразрушены; земля наполовину заросла кустарниками, акациями и гранатами, летом красными от алых цветов. Но в нем есть две церкви, которые, несмотря на небольшие размеры, почти уникальны по своему интересу: Дуомо, посвященный Святой Марии, и церковь Санта. Фоска. Они стоят бок о бок и соединены между собой небольшим монастырем. Первая представляет собой простую базилику, которая сохранила свой древний план и расположение почти в первозданном виде. На одном конце находится восьмиугольный баптистерий, который вместо того, чтобы быть отделенным от собора *атриумом* или двором, отделен от него только проходом. Внешний вид собора прост; внутреннее убранство не намного более богато. Древние колонны с причудливо вырезанными капителями, поддерживающие полукруглые арки на сваях, отделяют проходы от нефа. Каждый из них имеет апсидальное окончание. Главный алтарь стоит в центре среднего, а за ним, у стены, на возвышении установлен мраморный трон епископа, к которому ведет длинный пролет мраморных ступеней. С каждой стороны, заполняя оставшуюся часть изгиба, поднимаются шесть рядов ступеней, похожих на сиденья амфитеатра, места сопровождающих жрецов. Алтарь, верный своему названию, образован путем ограждения части нефа низкой каменной стеной и перилами. Мнения относительно даты постройки этого собора расходятся. По словам Фергюссона, он был возведен в начале одиннадцатого века, но стоит на месте того, что был на четыре столетия

старше, и воспроизводит планировку своего предшественника, если на самом деле не включает в себя его части. Конечно, колонны и капители в нефе принадлежат, как правило, более раннему зданию. Действительно, они, вероятно, выполняли свой долг не один раз, и, по крайней мере, некоторые из них были изваяны еще до того, как имя Аттилы было услышано в дельте североитальянских рек.

Соседняя церковь Святого Петра. Фоска едва ли менее интересна. Восьмиугольный корпус с апсидами на восточном конце поддерживает круглый барабан, который покрыт низкой конической крышей, а большую часть церкви окружает галерея или коридор. Это многое добавляет к красоте дизайна, идея которого, как отмечает Фергюссон, явно заимствована у круглых колоннад римских храмов. Он также справедливо хвалит красоту интерьера. В этой церкви также, которая в своем нынешнем состоянии не такая старая, как кафедральный собор, были использованы материалы гораздо более древнего здания или построек. Но на этих деталях или мозаиках собора мы не должны задерживаться, а должны лишь остановиться, чтобы упомянуть любопытное каменное кресло в соседнем дворе, которое носит название трона Аттилы; возможно, подобно креслу герцогов Коринфии, оно было древней резиденцией главного судьи острова.

XI

АЛЕКСАНДРИЯ

Унылые и бесплодные берега дельты Нила—Своеобразная форма города—Странная и разнообразная картина уличной жизни Александрии—Площадь Мехемет Али—Великолепная панорама из каирской цитадели—Колонна Помпея—Битва на Ниле—Открытие знаменитого камня с надписью в Розетте—Порт-Саид и Суэцкий канал.

Путешественник впервые видит однообразную и унылую египетскую морскую доску с острым чувством разочарования. Низкие гряды пустынных песчаных холмов, изредка прерываемые столь же непривлекательными лагунами, образуют меланхолический контраст с прекрасными пейзажами североафриканского побережья дальше на запад, которые незадолго до этого радовали его взор, когда он огибал побережье Алжира. Какая разница от поросших густым лесом холмов, плавно поднимающихся вверх от кромки воды, до нижних хребтов Атласского хребта, чьи покрытые снегом вершины отчетливо выделяются в ослепительной атмосфере, пейзаж разнообразен кукурузными полями и оливковыми рощами, и густо усеян белыми фермерскими домами, выглядящими на расстоянии всего лишь белыми пятнышками и сверкающими, как бриллианты, под палящими лучами солнца. Теперь, вместо всей этой теплоты красок и разнообразия очертаний, перед вами предстают унылые и бесплодные берега дельты Нила.

Если ожидающий путешественник так разочарован своим первым видом Египта с моря, то еще большее разочарование он испытывает, когда корабль приближается к гавани. Этот шумный и болезненно современно выглядящий город - город великого Александра и ворота в страну восточной романтики и чарующих ассоциаций — можно было бы принять за какой—нибудь процветающий европейский порт, скажем, Марсель или Гавр, раскинувшийся на египетской равнине, если бы не редкие пальмы или минареты, выделяющиеся среди массы европейских зданий.

Но хотя мы не должны искать живописных пейзажей и романтического окружения в этом процветающем порту, все же в этом классическом районе есть многое, что может заинтересовать антиквара и “интеллигентного туриста”. Морской берег Дельты на протяжении веков был полем сражений греческой и Римской империй, а территория между Александрией и Порт-Саидом усеяна историческими достопримечательностями.

Сама Александрия, хотя и является во многом европеизированным и гибридным городом, не лишена интереса. Египетские писатели-путешественники, а следовательно, и туристы, которые редко вычеркивают что-то для себя, довольно пренебрегли этим. На него слишком часто смотрят как на порт Каира, точно так же, как Ливорно относится к Пизе и Флоренции, и посетители обычно довольствуются тем, что посвящают ему всего один день, а затем спешат на поезде в Каир.

Конечно, было бы абсурдно сравнивать Александрию с точки зрения художественного, антикварного и исторического интереса с этим последним городом; хотя, на самом деле, Каир - современный город по сравнению с Александрией Александра; точно так же, как Александрия похожа на гриб по сравнению с Гелиополисом, Фивами, Мемфисом или другими мертвыми городами долины Нила, следы которых все еще сохранились. Часто отмечалось, что древний город не завещал современной Александрии ничего, кроме своих руин и своего названия. Даже эти руины прискорбно малочисленны, и большинство памятников в основном предполагаемые. От архитектурного великолепия династии Птолемеев осталось мало следов. Где сейчас находятся 4000 дворцов, 4000 бань и 400 театров, которыми полководец-завоеватель Амру хвастался своему хозяину, халифу Омару? Что теперь осталось от великолепного храма Сераписа, возвышающегося над городом на платформе в сто ступеней? Хотя от славы древней Александрии, некогда второго города Империи, почти не осталось следов, воспоминания о ее великолепии не угасли, и для вдумчивого путешественника в этом городе воспоминаний есть свои достопримечательности. Здесь святой Марк проповедовал Евангелие и принял мученическую смерть, и здесь Афанасий в воинственной полемике противостоял арианским ересям. Здесь на протяжении многих веков были собраны в этом центре греческой учености и культуры величайшие умы цивилизованного мира. Здесь Клеопатра, “тщеславная покровительница тщеславцев мира”, держала Антония в плену, в то время как Октавий готовил свои легионы, чтобы сокрушить его. Здесь Амру победил, и здесь Аберкромби пал. Даже те, чьи вкусы не склонны к историческим или теологическим изысканиям, знакомы, благодаря бессмертному роману Кингсли, с историей благородно мыслящей Ипатии и коварного и амбициозного Кирилла, и могут дать волю своему воображению, посетив музей, где она читала лекции, и Цезариум, где она пала жертвой зверского рвения Петра Чтеца и его шайки фанатичных монахов.

Своеобразная форма города, построенного частично на острове и полуострове Фарос, а частично на материке, обусловлена, по мнению хронистов, патриотической прихотью основателя, который спроектировал город в виде хламиды, короткого плаща или туники, которые носили македонские солдаты. Современный город, хотя и значительно расширил свои границы на восток и запад, все еще сохраняет эти любопытные очертания, хотя для неклассического ума они скорее напоминают морскую звезду. До нас дошли различные легенды, объясняющие выбор именно этого места для строительства средиземноморского порта. Согласно популярной версии, некий почтенный провидец явился Великому Завоевателю во сне и процитировал строки из "Одиссеи", в которых описывается единственная защищенная гавань на северном побережье Египта: "некий остров, называемый Фарос, омывается морем с высокими волнами прямо против Египта". Воспользовавшись этим сверхъестественным намеком, Александр решил построить свой город в той части побережья, где остров Фарос служил естественным волнорезом и где уже было основано небольшое греческое рыбацкое поселение под названием Ракотис. Легенда интересна, но вряд ли есть необходимость прибегать к мифической истории, чтобы объяснить выбор этого места. Двумя великими целями Александра были основание торгового центра и расширение торговли, а также слияние греческой и римской наций. Для выполнения этих задач требовалось создание удобного морского порта с господствующим положением в устье Нила. Выбор места немного западнее устья Нила, без сомнения, был обусловлен его знанием того факта, что морское течение направляется на восток и что наносная почва, принесенная Нилом, вскоре закупорит гавань, вырытую к востоку от реки, как это уже произошло в Пелузии. Именно этот намыв сделал гавани Розетты и Дамьетты практически непригодными для судов любой осадки, а в Порт-Саиде накопление песка требует постоянных дноуглубительных работ, чтобы сохранить свободным вход в Суэцкий канал.

Один известный писатель о Египте верно заметил, что есть три Египта, которые могут заинтересовать путешественника. Египет фараонов и Библии, Египет халифатов и "Тысячи и одной ночи", Египет европейской торговли и предприимчивости. Именно об этой третьей стадии цивилизации свидетельствует прекрасная гавань Александрии. Она представляет интерес не только для инженера и человека науки, но и имеет огромное историческое значение. Он служит связующим звеном между древней и современной цивилизацией. В порту находится лучший памятник Александру Македонскому — *"si quæris monumentum respice"*. Если бы не это, Александрия могла бы сейчас быть маленьким рыбацким портом, имеющим не большее значение, чем маленькая греческая рыбацкая деревушка Ракотис, руины которой погребены под ее просторными набережными. Не будет ошибкой сказать, что существующая гавань - это совместная работа Александра и английских инженеров нынешнего столетия. Первоначально он был образован в результате строительства огромного мола (Гепташтадиона), соединяющего остров Фарос с материком; и это грандиозное инженерное достижение, спланированное и осуществленное Александром, было дополнено великолепным волнорезом, построенным Англией в 1872 году стоимостью более двух с половиной миллионов фунтов стерлингов. После Марселя, Мальты и Специи это, пожалуй, лучший порт Средиземноморья, как из-за его природных преимуществ в качестве гавани, так и из-за обширных инженерных работ, упомянутых выше. Западная гавань (ранее называвшаяся Эвностос, или "хорошее плавание домой"), о которой мы говорим, поскольку восточная, или так называемая новая гавань, забита песком и отдана местным судам, имеет только один недостаток — опасный риф у входа, который следовало взорвать до того, как были предприняты волнорез и другие

инженерные работы. Проход через перекадину очень запутанный и трудный, и в очень плохую погоду к нему редко прибегают. Восточная гавань будет представлять большой интерес для художника, поскольку она переполнена живописными местными судами и дахабье с их огромными латинскими парусами. Путешественник, испытывающий такое отвращение к современному виду города из западной гавани, находит здесь некоторое утешение и начинает чувствовать, что он действительно на Востоке. Раньше эта гавань была единственной доступной для иностранных судов, фанатичные мусульмане возражали против того, чтобы “франкские собаки” заняли их лучшее убежище. Это ограничение со времен Мехмета Али было снято, что в значительной степени пошло на пользу александрийской торговле.

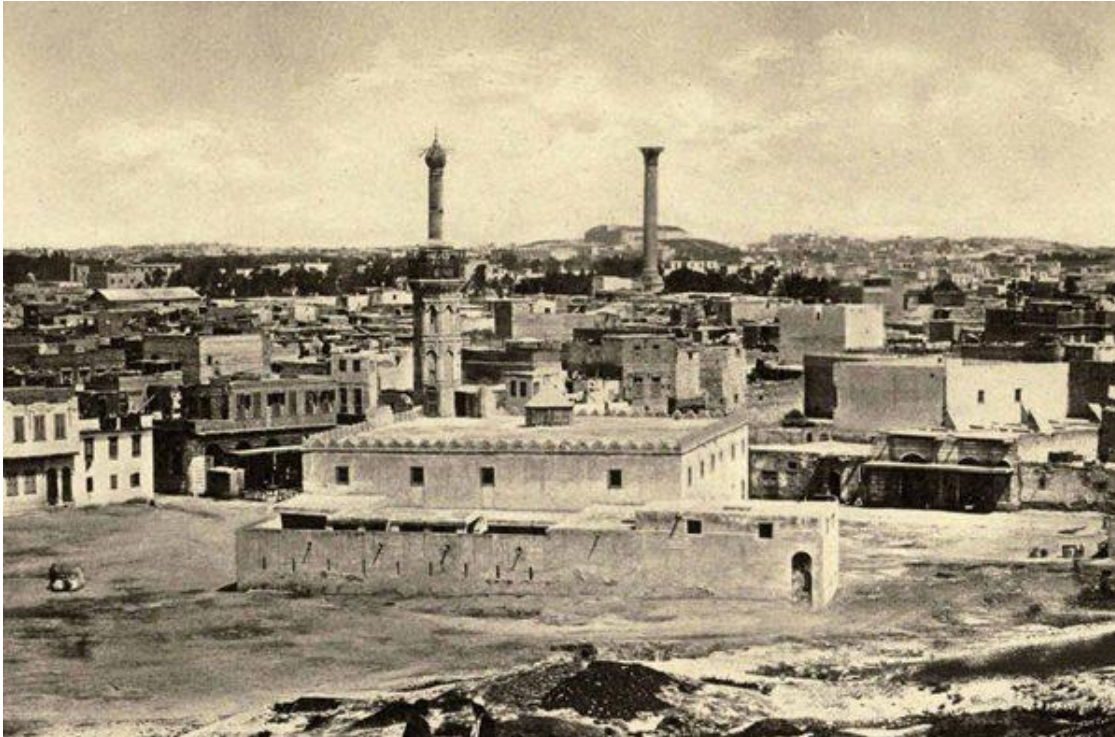
В период турецкого владычества— когда Египет при мамлюках, хотя номинально и был вилайетом Османской империи, практически находился под властью беев, торговля Александрии значительно сократилась, и Розетта забрала большую часть ее торговли. Когда Мехмет Али, основатель нынешней династии, пришел к власти, его ясный ум сразу же осознал важность этого древнего торгового центра и мудрость выбора Александром места для порта, которому суждено было стать торговым центром трех континентов.

Мехмет - создатель современной Александрии. Он углубил гавань, которая была засорена из-за скопления песка, окаймил ее просторными набережными, построил массивные форты, защищающие побережье, и вернул городу его прежнее торговое значение, обеспечив его сообщение с Нилом через канал Махмудия. Это обширное предприятие было осуществлено только с большими человеческими жертвами. Он был раскопан принудительным трудом 250 000 крестьян, из которых около 20 000 умерли от жары и тяжелого труда.

При сходе с парохода путешественнику придется выдержать обычную стычку с арабскими носильщиками, левантийскими гостиничными зазывалами и египетскими погонщиками ослов. Возможно, он будет поражен, если у него вообще останется время или характер для размышлений, тесной связью между английским миром моды и ослом, по крайней мере, в том, что касается номенклатуры, где каждое животное названо в честь какой-нибудь английской знаменитости. Однако неотделимые друг от друга эпизоды высадки в восточном порту знакомы всем, кто побывал на Востоке; и те же сцены повторяются в каждом североафриканском порту, от Танжера до Порт-Саида, и в дальнейшем описании нет необходимости.

Главная магистраль Александрии, прекрасная улица, идущая по прямой от западных ворот города до площади Мехмет Али, находится в нескольких минутах ходьбы от набережной. Внезапный поворот, и это странное смешение восточной и западной жизни предстает перед изумленным взором зрителя. Эта живая диорама, созданная блестящей и постоянно меняющейся толпой, по-своему уникальна. Здесь собрано большее разнообразие национальностей, чем даже в Константинополе или космополитичном Алжире. Давайте отойдем в сторону и понаблюдаем за этим пестрым сборищем всех наций, родов и рас, движущихся по этому оживленному шоссе. Калейдоскопическое разнообразие ярких красок и фантастических костюмов поначалу кажется немного сбивающим с толку. Торжественные и бесстрастные на вид турки, мягко прогуливающиеся мимо на ослах в ярких пополах, ухмыляющиеся негры с нубийских холмов, меланхолично выглядящие феллахи в своих скромных синих кафтанах, левантийцы с хитрыми чертами лица, шерифы в зеленых тюрбанах и живописные бедуины из пустыни, вышагивающие в своих развевающихся бернусах, составляют основную массу этой беспокойной толпы. Переменяясь и придавая разнообразие

цветам этому живому калейдоскопу, великолепно одетые евреи, свирепого вида албанцы, их разноцветные пояса оцетинились оружием, и греки в нижних юбках. Затем, как приятное дополнение к этой цветовой массе, мимо проносится группа египетских дам, без сомнения, “стая белокурых девиц, богато разодетых”, но их лица, как и богатые одеяния, скрыты под неизбежными яшмами, покрывающими шаровидные брюки. Таковы элементы этого грандиозного маскарада, составляющие странную и разнообразную картину александрийской уличной жизни. А теперь мы можем перейти к осмотру православных достопримечательностей, но мы увидели величайшее зрелище, которое может показать нам Александрия.

Площадь Мехмет Али, которую обычно для краткости называют Большой площадью, находится совсем рядом. Это центр европейского квартала, и вокруг него расположены банки, консульские учреждения и основные магазины. Эта площадь, центр жизни современной Александрии, соответственно названа в честь основателя нынешней династии и создателя современного Египта. Этому великому правителю, который в свое время справедливо претендовал на то, чтобы стать основателем не только независимого королевства, но и великой Восточной империи, Александрия во многом обязана своим процветанием и коммерческим значением. Карьера Мехмета Али интересна и романтична. Существует определенное сходство между его историей и историей Наполеона I. Совпадение кажется еще более очевидным, если вспомнить, что они родились в один и тот же год. Каждый из них, заняв малоизвестное положение, начинал как авантюрист на чужой земле, и каждый достиг политического возвышения силой оружия. Однако, в отличие от Наполеона, в одном важном пункте Мехмет Али основал династию, которая до сих пор остается у власти, несмотря на слабость и неспособность его преемников. Для западных умов, возможно, его великая

претензия на высокое место в мировой истории заключается в его усилиях по внедрению европейских институтов и методов цивилизации и созданию системы правления, противостоящей мусульманским инстинктам. Он создал армию и флот, частично основанные на европейских моделях, стимулировал сельское хозяйство и торговлю, а также организовал административную и фискальную систему, которая многое сделала для того, чтобы поставить страну на прочную финансовую основу. Великим пятном его правления, без сомнения, была ужасная резня мамелюкских беев, и это было главной точкой атаки его врагов и недоброжелателей. Трудно оправдать этот восточный пример *государственного переворота*, но следует помнить, что существование этого мятежного элемента было несовместимо с поддержанием его правления, и что мир в стране подвергался такой же опасности со стороны мамелюкских беев, как и мир Порты со стороны янычар несколькими годами позже, когда было совершено нечто подобное зверству.

Посреди площади стоит красивая конная статуя Мехмета Али, которая, вероятно, уникальна в одном отношении. Мусульманская религия требует строжайшего толкования предписания декалога против создания “себе какого-либо трусливого образа”, и, следовательно, статую последователю веры Магомета редко можно увидеть в мусульманской стране. Возведение этого конкретного памятника вызвало сильное возмущение наиболее ортодоксальной части мусульманского населения Александрии, и религиозные чувства толпы проявились в беспорядках и других враждебных демонстрациях. Мусульмане считают нечестивыми не только изображения в камне или металле, но и любое подобие человеческого облика. Они верят, что автор будет вынужден в День Воскресения воплотить в жизнь кощунственную подделку. Туристам в Египте, которые увлекаются рисованием эскизов или увлекаются фотографией, не мешало бы помнить об этой добросовестной щепетильности мусульманской расы и не позволять своему рвению привезти с собой живописные сувениры из своих путешествий побуждать их, например, делать “моментальные снимки” интерьеров мечетей. В Египте, без сомнения, местные жители слишком сильно боятся франков, чтобы проявлять свои оскорбленные чувства с помощью физической силы, но все же это неблагородно, чтобы не сказать нехристиански, задевать религиозные предрассудки людей. В некоторых других странах Северной Африки, особенно во внутренних районах Марокко или Триполи, беспорядочная фотосъемка может привести к неприятным результатам, если не к определенной опасности. Туристу фотоаппарат Kodak, даже со всеми последними усовершенствованиями, показался бы несколько неэффективным оружием против толпы фанатичных арабов.

Это внушительное сооружение, так заметно выделяющееся на западном роге Фароса, - дворец Рас-эт-Тин, построенный Мехметом Али и отреставрированный с отвратительным вкусом его внуком, бывшим хедивом Исмаилом. При взгляде с борта корабля дворец имеет довольно поразительный вид. Однако экстерьер - лучшая его часть, поскольку богато украшенный и безвкусный интерьер не представляет особого интереса. С верхних балконов открывается прекрасный вид на гавань, а сады стоит посетить. Они красиво разбиты, и среди множества других деревьев можно увидеть оливы, неизвестные ни в одной другой части Дельты. Украшения и убранство интерьера характеризуются безвкусным великолепием. Неуместная смесь современных французских украшений и восточного великолепия придает салонам вычурный вид, и эффект получается причудливый и неприятный. Какое облегчение уйти от столь навязчивых свидетельств декоративных вкусов бывшего хедива, выйдя на балкон. Какой лес мачт бросается в глаза, когда смотришь вниз на обширную гавань; внутреннюю гавань, “море

внутри моря”, переполненную судами, несущими флаги всех наций, и полную оживления и движения.

Вид интересен и заставляет осознать коммерческую важность этого великого торгового центра, места встречи коммерции трех континентов, но в нем не так много особенностей, которые отличали бы его от любого другого процветающего порта.

Чтобы получить наилучший вид на город и окрестности, мы должны подняться по склонам горы Каффарелли к форту, венчающему вершину, или направиться к крепости Ком-эль-Дик на возвышенности недалеко от ворот Розетты. Александрия, раскинувшаяся, как карта, лежит у наших ног. На этой высоте обыденный вид шумного и процветающего морского порта, который при близком знакомстве кажется европеизированным и модернизированным, лишенным малейшего сходства с восточным городом, сменяется видом некоторой красоты. В Александрии, даже больше, чем в большинстве городов Востока, расстояние придает очарование виду. С этих высот убогие закоулки и оживленные главные магистрали выглядят как темные нити, вплетенные в паутину города, подчеркнутые белыми мечетями, с их вздымающимися куполами, загибающимися внутрь, как веерные пальмы, к сверкающим в лучах солнца полумесяцам, и их высокими изящными минаретами, пронзающими бездымную и безоблачную атмосферу. Приглушенный гул оживленных улиц и набережных время от времени нарушается мелодичным криком муэдзина. Затем, глядя на север, видишь чистую синеву Средиземного моря, пока оно не теряется в дымке горизонта. К западу и югу простираются спокойные воды озера Мареотис, на самом деле мелкой и вредной для здоровья лагуны, но, судя по всему, это улыбающееся озеро, которое своей водой, окаймленной низменными песчаными дюнами, напоминает зрителю об особой красоте Норфолкских болот.

Если смотреть на юг, за озером раскинулась роскошная равнина Дельты. Вид, возможно, не назовешь живописным, но пейзаж имеет свое особое очарование. Местность, без сомнения, плоская и однообразная, но на этой богато возделанной равнине нет однообразия красок.

Бесчисленные перья были потрачены на сравнения при описании особенностей этой североафриканской Голландии. Для некоторых этот огромный рыночный сад с его сетью каналов просто напоминает шахматную доску. Другие не довольствуются этими прозаическими сравнениями, и их более причудливая метафора сравнивает страну с зеленым одеянием, переплетенным серебряными нитями, или с семилучевым веером, ребрами которого, конечно же, являются семь устьев Нила. Однако, по правде говоря, всю силу этого причудливого образа в большей степени почувствовал бы зритель, наслаждающийся великолепной панорамой из каирской цитадели, поскольку любопытная треугольная форма Дельты гораздо лучше видна с этой точки, чем из Александрии, расположенной у основания треугольника.

Можно расходиться во мнениях относительно наиболее подходящих метафор, но все должны согласиться с тем, что в ландшафте дельты есть определенные элементы красоты. Зимой или весной его видит большинство туристов: зеленые поля колосющейся кукурузы и ячменя, луга арбузов и огурцов, поля гороха и пурпурного люпина, сплошная масса цветов, перемежающаяся пальмовыми рощами и белыми минаретами, отмечающими место расположения почти незаметных глинобитных деревень, и густо пересеченная бесчисленными каналами и траншеями, которые издали кажутся серебряными нитями и наводят на мысль о филигранной работе бробдиньяга или о тонком узоре Короля Инея на наших оконных стеклах. впечатляюще и не лишено красоты.

Летом и ранней осенью, особенно в августе и сентябре, когда уровень воды в Ниле достигает максимума, вид более впечатляющий, хотя и не такой красивый. Тогда именно эта Изменчивая страна предлагает свой самый впечатляющий аспект. Дельта превращается во внутренний архипелаг, усеянный зелеными островами, каждый из которых увенчан деревней с белыми стенами или бросается в глаза группой пальм. Нил и его разлившиеся притоки покрыты дахабьями с огромными парусами, которые придают жизнь и разнообразие водным просторам.

Александрия может похвастаться несколькими "львами" в обычном понимании этого слова, но из них, безусловно, самой интересной является колонна, известная под названием Столп Помпея. Все слышали о знаменитом монолите, который в сознании людей так же тесно ассоциируется с Александрией, как Колизей с Римом или Альгамбра с Гранадой. Это имеет, конечно, не больше отношения к историческому Помпею (которому это приписывает неграмотный турист), чем Игла Клеопатры к знаменитой Царице, "Змею Старого Нила", или Колодец Иосифа в Каире к еврейскому патриарху. Своим названием он обязан тому факту, что некий префект, названный в честь великого соперника Цезаря, воздвиг на вершине существующей колонны статую в честь коня римского императора Диоклетиана. Существует известная легенда, придуманная для объяснения особой причины его возведения, которую очень любят составители путеводителей. Согласно этой истории, это историческое животное, случайно споткнувшись, остановило преследование александрийских христиан, поскольку император-тиран поклялся продолжать резню до тех пор, пока кровь жертв не достигнет колен его лошади. Однако антиквары и египтологи склонны насмехаться над этой легендой как над правдоподобным мифом.

По мнению многих ученых авторитетов, ствол этой колонны когда-то был частью Серапеума, этого знаменитого здания, которое было одновременно храмом языческого бога Сераписа и огромной сокровищницей древней цивилизации. Было высказано предположение — чтобы объяснить ее отсутствие в описаниях Александрии, данных Плинием и Страбоном, которые упоминали два обелиска Клеопатры, — что колонна упала и что префект Помпей просто заново воздвиг ее в честь Диоклетиана и заменил статую Сераписа статуей императора — или его коня, согласно некоторым хронистам. Этот статут, если он когда-либо существовал, теперь исчез. Однако в нынешнем виде это исключительно поразительный и красивый памятник благодаря своей огромной высоте, простоте формы и элегантным пропорциям. Это немного напоминает зрителю колонну Нельсона на Трафальгарской площади, и, возможно, отсутствие статуи не вызывает особого сожаления, учитывая высоту колонны, поскольку это может натолкнуть неугомонных туристов, которые насмехаются над статуей Нельсона как над "адмиралом с мачтой", на подобную остроту в адрес Диоклетиана.

За исключением этого монолита, который "одиноким колонной скорбит над своими поверженными братьями", лишь несколько фрагментарных и разбросанных руин упавших колонн отмечают место расположения всемирно известного Серапеума. Больше ничего не осталось от знаменитой библиотеки, великолепного портика с его сотней ступеней, обширных залов и четырехсот мраморных колонн этого великого здания, призванного увековечить славу Птолемеев. Эту библиотеку, которая была предшественницей великих библиотек современности, не следует путать с не менее известной библиотекой, которая была пристроена к музею, точное местонахождение которой до сих пор является яблоком раздора среди антикваров. Последний был разрушен случайно, когда Юлий Цезарь поджег александрийский флот. Коллекция Серапеума просуществовала шестьсот лет, пока не была бессмысленно

уничтожена из-за фанатизма халифа Омара. Говорят, что арабский завоеватель оправдал это варварство лживой эпиграммой, которая была столь же неопровержимой, сколь и логически ошибочной, как и знаменитая эпиграмма, известная изучающим английскую историю под названием "Вилка архиепископа Мортон". "Если эти писания, " заявил бескомпромиссный завоеватель, " согласуются с Книгой Божьей, они бесполезны, и их не нужно сохранять; если они расходятся, они пагубны и должны быть уничтожены". Ничто не могло устоять перед этим вопиющим примером *petitio principii*, и в течение шести месяцев триста тысяч пергаментов служили топливом для четырех тысяч александрийских бань.

Рядом с колонной Помпея находится унылая пустошь, усеянная причудливыми резными сооружениями. Это мусульманское кладбище. Как и в большинстве восточных городов, кладбище находится в западной части города, поскольку мусульмане считают, что та часть горизонта, за которую заходит солнце, является наиболее подходящим местом для их захоронений.

В этом унылом городе мертвых похоронены также многие руины Серапеума, а среди гробниц разбросаны фрагменты колонн и сломанные pedestals. На некоторых гробницах грубо нарисован зеленый тюрбан, странно не гармонирующий со строгой резьбой по камню. Это означает, что в гробнице покоятся останки потомка пророка или правоверного мусульманина, который сам, а не опосредованно, как это часто делается, совершил паломничество в священный город Мекку. Некоторые надгробия украшены искусной резьбой, но большинство довольно простое, за исключением стиха из Корана, вырезанного на камне. Наблюдательный турист заметит на многих гробницах любопытное маленькое круглое отверстие, вырезанное в камне у изголовья, которое, по-видимому, предназначено для образования прохода внутрь склепа, хотя обычно отверстие засыпано землей. Говорят, что этот отрывок сделан для того, чтобы Ангел Исрафил при Воскресении мог вытащить находящегося в нем человека за волосы с его головы; и распространенный среди мусульман низшего класса обычай брить голову, за исключением круглого пучка волос посередине — мода, которая предполагает зарождающуюся косичку или перевернутую тонзуру, — обусловлен как этим суеверием, так и санитарными соображениями.

Гораздо больший интерес, чем это сравнительно современное кладбище, представляют пещерные кладбища Эль-Мекса. Эти катакомбы находятся примерно в четырех милях от города. Маршрут вдоль невысокой гряды песчаных холмов на редкость непривлекателен, но ветряные мельницы, окаймляющие берег, придают местности домашний вид и, во всяком случае, нарушают монотонность этого унылого и прозаичного берега. Вскоре мы добираемся до недостроенного дворца Саид-паши в Эль-Мексе, который обязан своим происхождением мании строительства, которая помогла сделать правление этого слабоумного правителя столь дорогостоящим для его обремененных налогами подданных. Одного взгляда на убогий архитектурный стиль достаточно, чтобы избавиться от чувства разочарования, когда вам скажут, что здание закрыто для публики. Катакомбы, которые простираются на большое расстояние вдоль морского берега и частью которых являются так называемые Термы Клеопатры, очень обширны, и туристы обычно довольствуются осмотром части. Здесь нет мумий, но отчетливо видны ниши. План катакомб любопытным образом напоминает обереги от ключа.

В Александрии есть несколько “достопримечательностей”, представляющих большой интерес, помимо уже упомянутых. На самом деле, Александрия интересна скорее как город достопримечательностей, чем. Это правда, что названия некоторых мечетей, таких как мечеть Тысячи и одной колонны, построенная на месте мученической смерти Святого Марка, и мечеть Св. Афанасий, рассчитаны на то, чтобы возбудить любопытство туриста: но интерес вызывает только название. Многоколонная мечеть превращена в карантинную станцию, а мечеть Св. Афанасий не имеет никакого отношения к великому Отцу, за исключением того, что он стоит на месте церкви, в которой он, вероятно, проповедовал.

Затем есть коптский монастырь Святого Марка, в котором, по словам обитателей, находится тело великого Евангелиста — утверждение, которое едва ли обмануло бы самого невежественного и доверчивого туриста, который когда-либо вверял себя заботливой опеке господина Дж. Готовьте, поскольку хорошо известно, что тело святого Марка было перевезено в Венецию в девятом веке. Мечеть с богато украшенным фасадом и высоким минаретом, в которой покоятся останки Саида Паши, является единственной, помимо уже упомянутых, которую стоит посетить.

Берега дельты от Александрии до Розетты необычайно богаты историческими ассоциациями и густо усеяны историческими достопримечательностями. Равнина, на которой велись сражения, решившие судьбу всего западного мира, вполне может быть названа “Восточной Бельгией”. На этой ограниченной территории империи Востока и Запада боролись за господство, и много веков спустя англичане отбили здесь у Наполеона свою Индийскую империю, которой угрожала опасность. Во время нескольких миль пути по железной дороге между Александрией и пригородным городом Рамле пассажир пересекает классическую местность. При Мустафа-паше линия огибает римский лагерь, где Октавий разбил армию Антония и завоевал для Рима новую империю. К сожалению, сейчас от этого лагеря осталось мало руин, поскольку большая часть камней использовалась Исмаил-пашой при строительстве одного из своих бесчисленных дворцов, ныне превращенного в госпиталь и казармы для английских войск. Почти на том самом месте, где победил Октавий, произошла Александрийская битва, которая нанесла смертельный удар великому плану Наполеона по созданию Восточной империи и превращению Средиземноморья в “французский залив”. Это сражение было, с точки зрения количества задействованных войск, незначительным; но, как заметил великий историк современной Европы, “Важность триумфа не всегда можно измерить количеством участвовавших в нем людей. Состязание 12 000 британцев с равным числом французов на песках Александрии, по своему отдаленному эффекту, свергло империю, более великую, чем империя Карла Великого, и спасло человечество от более жестокой тирании, чем у римских императоров”.^[5] Еще несколько минут, и исторические размышления путешественника прерываются визгом паровоза, когда поезд въезжает на станцию Рамле. Этот приятный и целебный городок, с его рядами аккуратных вилл, стоящих на собственной ухоженной территории и садах, резиденций александрийских купцов, наводит на мысль о модном или “восходящем” английском месте отдыха, а не о восточном городке. Как резиденция он, несомненно, имеет много преимуществ, включая хорошее и достаточное водоснабжение и частое железнодорожное сообщение с Александрией. Но это не те достопримечательности, которые привлекают путешественника. Единственные объекты, представляющие интерес, - это руины храма Арсенои, жены Птолемея Филадельфа. Об этом храме существует интересная и романтическая легенда, которая, без сомнения, навела Поупа на мысль в его причудливом стихотворении “Похищение замка”:

“Не волосы Береники первой взметнулись так ярко,
небеса озарились растрепанным светом”.

Эта прелестная история, увековеченная Катуллом, заключается в следующем: — Когда Птолемей Эвергет отправился в свою экспедицию в Сирию, его жена Береника поклялась посвятить свои волосы Венере Зефириде, если ее муж вернется целым и невредимым. Ее молитва была услышана, и во исполнение своего обета она повесила в храме Арсеное золотые локоны, украшавшие ее голову. К сожалению, они были украдены каким-то кощунственным вором. Священники, естественно, были встревожены, король в ярости, а королева безутешна. Однако благодаря искусству Конона, придворного астронома, был найден способ, с помощью которого таинственное исчезновение могло быть удовлетворительно объяснено, священники были освобождены от всякой вины, а тщеславие королевы удовлетворено. Хитрый придворный астроном заявил, что Юпитер взял локоны и превратил их в созвездие, поместив его в той четверти небес (“Млечный путь”), по которому боги, согласно традиции, поднимались на Олимп и спускались с него. Этот благочестивый обман был осуществлен путем присоединения группы звезд, образующих хвост созвездия Льва, и объявления, что это скопление звезд было новым созвездием, в которое были преобразованы локоны Береники. Эта произвольная модификация небесной системы известна под названием Кома Береники и до сих пор сохраняется на астрономических картах.

“Я сам вижу звезды сияющими сейчас,
я, кто когда-то завивал на челе Береники,
локон, который она, воздев свою прекрасную руку,
посвятила многим богам, чтобы от бед
Они могли защитить ее новообретенного царственного супруга,
Когда из ее брачных покоев, весь в приподнятом настроении,
Окрыленный сладким торжеством, он поспешил
опустошить области Ассирии”.^[6]

В нескольких милях к северо-западу от Рамлеха, на оконечности западного выступа Абукирского залива, находится деревня Абукир. Железная дорога на Розетту огибает этот залив славной памяти, и когда путешественник проезжает мимо этих тихих и пустынных берегов, окаймляющих водную арену, на которой Франция и Англия боролись за Восточную империю, он снова переживает те волнующие времена, и драматические эпизоды той знаменитой битвы на Ниле всплывают в памяти. Эта полоса темно-синей воды, ограниченная на западе скалистым островком, ныне называемым островом Нельсона, а на востоке фортом Сен-Жюльен на мысе Розетта, отмечает позицию французского флота 1 августа 1798 года. Флот был пришвартован в форме полумесяца вплотную к берегу и прикрывался батареями форта Абукир. Французский адмирал Брейс был настолько уверен в силе своей позиции и в своем превосходстве в орудиях и людях (почти в соотношении три к двум) над флотом Нельсона, что отправил эту знаменитую депешу в Париж, заявив, что враг намеренно избегает его. Велико, должно быть, было его смятение, когда английский флот, который шесть долгих недель прочесывал Средиземное море с надутыми парусами в поисках его, получил сигнал, что он непоколебимо приближается к своему грозному врагу — тому врагу, с которым Нельсон поклялся сразиться, если он окажется над водой, даже если ему придется плыть к Антиподам. “Завтра я получу звание пэра или Вестминстерское аббатство”, — таковы были исторические слова, произнесенные английским адмиралом, когда был замечен французский флот, выстроившийся в боевом порядке в бухте

Абукир. Промеры этого опасного рейда были ему неизвестны, но, заявив, что “там, где есть место для маневра противника, должно быть место и для нас, чтобы встать на якорь”, он приказал своей передовой эскадре занять позицию со стороны суши противника. Остальной части английского флота было приказано встать на якорь с внешней стороны линии противника, но на близком расстоянии, таким образом удвоив часть линии противника и поместив ее в полосу огня. Короче говоря, результатом этого блестящего и виртуозного расположения английского флота было окружение двух третей кораблей противника и отрезание их от поддержки их консORTов, которые были пришвартованы слишком далеко, чтобы нанести вред врагу или помочь своим друзьям. Французский адмирал, несмотря на свою кажущуюся неприступную позицию, с самого начала был обойден маневрами, и победа Нельсона была практически обеспечена.

Вскоре после того, как Нельсон бросил якорь, наступил вечер. Всю ночь сражение бушевало яростно и нескончаемо, “освещаемое непрерывными залпами более чем из двух тысяч пушек” и пламенем, вырывавшимся из поврежденных кораблей французской эскадры. Солнце село над самым гордым флотом, который когда-либо отправлялся в плавание от берегов Франции, и утро озаряло странно изменившуюся картину. Разбитые и почерневшие остовы теперь лишь обозначали позицию, которую они занимали всего несколько часов назад. Только на одном корабле, *Тоннанте*, развевался трехцветный флаг. Когда *Тесей* приблизился, чтобы забрать ее в качестве приза, она подняла флаг перемирия, но сохранила свои цвета развевающимися. “Ваш боевой флаг или никакого!” - последовал суровый ответ, когда ее враг развернулся и приготовился к abordажу. Медленно и неохотно, как угасающая надежда, этот бледный флаг развевался на ее высоких мачтах, и следующим, что развевалось там, был штандарт Старой Англии. “И вот битва закончилась — Индия была спасена на берегах Египта — карьере Наполеона был положен конец, а его флот уничтожен. Семь лет спустя этот военно—морской флот был возрожден, чтобы полностью погибнуть при Трафальгаре - подходящая гекатомба для похорон Нельсона, чья жизнь, казалось, оборвалась, поскольку его миссия была тогда и, таким образом, выполнена”. Слава Трафальгара, увековеченная смертью Нельсона, без сомнения, в какой-то степени затмила славу Нила. Последнее сражение, действительно, не было увековечено в памяти англичан популярными балладами — этими мгновенными фотографиями, как их можно было бы назвать, высочайших мыслей и сильнейших эмоций, вдохновленных патриотизмом, — но едва ли какое-либо крупное морское сражение современности было более плодотворным в плане блестящих достижений героизма и подвигов великолепной преданности, чем битва на Ниле. Традиции этого ужасного боя еще не угасли среди египтян и арабов, чьи предки выстроились вдоль берегов залива в ту памятную ночь и со смешанным чувством ужаса и изумления наблюдали за уничтожением этого великого оружия. Имея некоторое представление о моральном воздействии, которое окажет высадка английских войск на берега этой исторической бухты на солдат Араби, лорд Уолсли рассматривал возможность высадки там английского экспедиционного корпуса в августе 1882 года.

На восточном берегу залива Абукир, в Розеттском рукаве Нила, примерно в пяти милях от его устья, раскинулся живописный городок Розетта. Его арабское название - Рашид, этимологическое совпадение, которое побудило некоторых авторов прийти к поспешному выводу, что это родина Гаруна Аль-Рашида. Для некоторых людей, без сомнения, город утратил бы большую часть своего интереса, если бы был отделен от нашего старого друга по “Тысяче и одной ночи”; но неоспоримым фактом остается то, что Гарун аль-Рашид умер примерно за семьдесят лет до основания города в 870 году нашей эры. Розетта была портом некоторого

коммерческого значения, пока открытие канала Махмудия в 1819 году не перенаправило большую часть ее торговли в Александрию. Город не лишен архитектурного интереса, и на полупустынных улицах можно встретить множество фрагментов руин, а в дверных проемах сравнительно современных домов можно заметить мраморные колонны, свидетельствующие о значительной древности. Одной из самых интересных архитектурных особенностей Розетты являются Северные ворота, обрамленные массивными башнями необычной для Египта формы, каждая из которых увенчана крышей конической формы. Посетители, вероятно, обратили внимание на необычные остроконечные крыши и огромные выступающие окна большинства домов. Именно из этих выступающих дверных проемов и решетчатых окон была совершена такая страшная казнь британским войскам во время злополучной английской экспедиции в Египет в 1807 году. Генерал Уошоуп был послан генералом Фрейзером, который командовал войсками, с абсурдно недостаточными силами в 1200 человек для взятия города с сильным гарнизоном. Албанские войска Мехемета Али намеренно оставили ворота открытыми, чтобы втянуть английские войска в узкие и извилистые улочки. Их командир, не осматриваясь, вслепую бросился в город со всеми своими людьми. Албанские солдаты дождались, пока англичане окажутся запертыми в этом адском лабиринте узких, кривых улочек, а затем из каждого окна и с крыш домов на них обрушился настоящий град мушкетных и ружейных пуль. Прежде чем офицеры смогли вытащить своих людей из этой ужасной смертельной ловушки, треть солдат пала. Таков был результат этой опрометчивой и тщетной экспедиции, которая затмила блеск их оружия в Египте и во многом способствовала потере их военного престижа. То, что это сокрушительное поражение произошло так близко от места самого славного подвига их оружия всего за несколько лет до этого, естественно, считалось своеобразным усугублением неудачи этой опрометчивой экспедиции.

Для студентов-археологов и египтологов Розетта представляет наибольший интерес, поскольку именно по соседству с ней был найден знаменитый камень с надписями, который дал ключ к разгадке иероглифических писем Египта, который египетские ученые безуспешно искали столько лет. Возможно, ни одно из археологических открытий, сделанных в Египте с тех пор, как эта земля была научно освоена учеными, участвовавшими в экспедиции Наполеона, даже мумифицированные останки фараонов, не является более ценным в глазах египтологов и антикваров, чем этот сравнительно современный и уродливый на вид блок черного базальта, который сейчас находится в египетских галереях Британского музея. История его открытия интересна. Некий месье Бушар, французский инженерный капитан, производя некоторые раскопки в форте Сен-Жюльен, небольшой крепости в окрестностях Розетты, обнаружил этот знаменитый камень в 1799 году. Интерпретация надписи в течение многих лет бросала вызов всем усилиям наиболее образованных французских и английских ученых, пока в 1822 году двум известным египтологам, Шампольону и доктору Янгу, после независимого изучения и экспертизы не удалось расшифровать ту часть надписи, которая была написана греческими буквами. Из этого они узнали, что надпись была составлена в трех экземплярах и на трех языках: один на греческом, другой в древнейшей форме иероглифов, самом чистом виде "графического письма", а третий демотическими знаками - последняя форма иероглифов, используемая народом, в которой символы более неясны, чем в чистых иероглифах, используемых священниками. Надпись, когда ее наконец расшифровали, оказалась сравнительно недавней, поскольку это был указ Птолемея V., изданный в 196 году до н.э. Розеттский камень был приобретен Англией как часть военных трофеев во время египетской экспедиции 1801 года.

В Розетте железная дорога отходит от побережья и направляется на юг, в Каир.

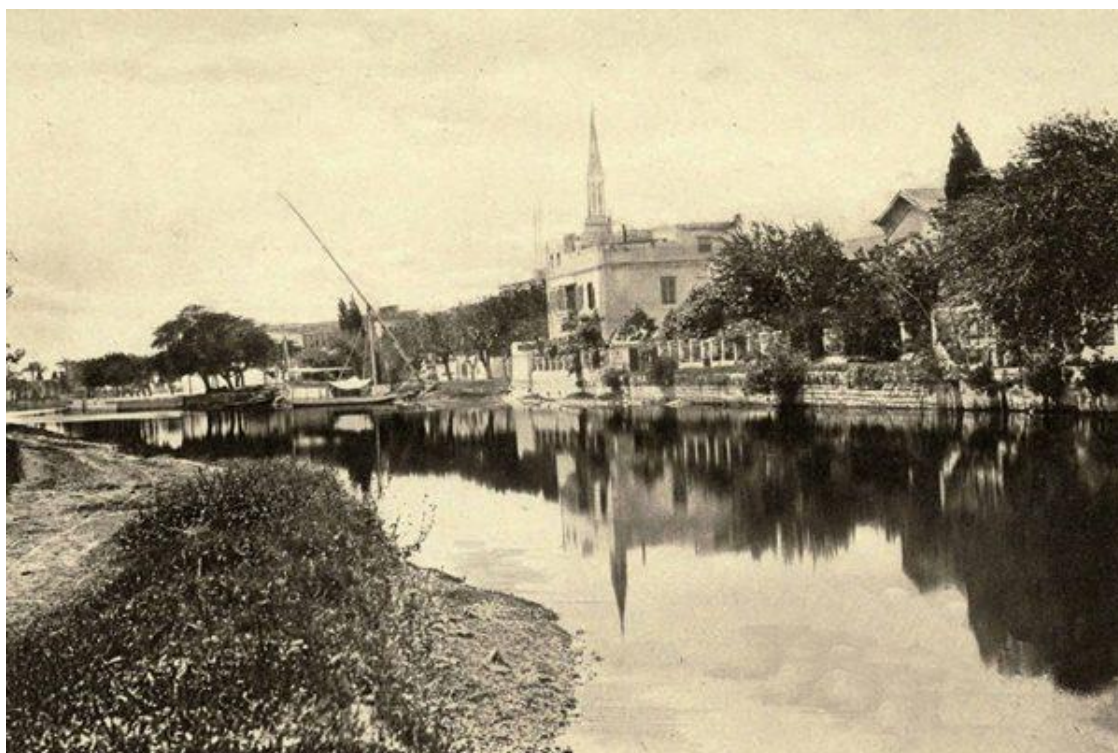
Если путешественник пожелает ознакомиться с сельским хозяйством Дельты, он получит некоторое представление об удивительном плодородии страны, просто сев на поезд до Даманхура, центра хлопководческого района. Путешествие займет не более пары часов. Пассажир, путешествующий на пароходе из Александрии в Порт-Саид, хотя и огибает побережье, не может увидеть никаких признаков сельскохозяйственного богатства Египта, и для него весь Египет может оказаться засушливой пустыней, а не одним из самых плодородных районов во всем мире. Площадь обрабатываемых земель, которая, однако, ежегодно простирается в сторону моря, отделена от побережья поясом, состоящим из полос песчаной пустыни, болотистых равнин, невысоких песчаных холмов и соленых лагун, ширина которого варьируется от пятнадцати до тридцати миль. Линия, проведенная от Александрии до Дамьетты через южный берег озера Бурлос, приблизительно обозначает границу обрабатываемых земель в этой части дельты. Самый ненаблюдательный путешественник по Египту не может не заметить, что его единственной отраслью промышленности является сельское хозяйство и что основная масса его жителей - землепашцы. Египет, похоже, действительно задуман природой как житница и рыночный сад Северной Африки, и процветание страны зависит от того, удастся ли ей сохранить свое место в качестве чисто сельскохозяйственной страны. Опрометчивые, но, к счастью, тщетные попытки недавних правителей развивать промышленность за счет сельского хозяйства являются результатом недальновидной политики или извращенных амбиций. Опыт доказал, что каждый акр, утраченный из-за его древнего и рационального использования в качестве источника урожая, является потерей для национального богатства.

На том, что “Египет - это дар Нила”, настаивали с “отвратительной повторяемостью” все авторы, посвященные Египту, начиная с Геродота. Согласно популярной этимологии, [7] само название Нила (νεῖ λος, от νέα ἡ λῦς, новая грязь) свидетельствует о его своеобразных удобрительных свойствах. Для египтянина Нил - это все во всем, и можем ли мы удивляться, что египетские мифологи распознали в нем Созидательный Принцип, ведущий вечную войну с Тифоном, Разрушительный Принцип, представленный наступающей пустыней? Как хорошо заметил мистер Стэнли Лейн-Пул, “без Нила не было бы Египта; великая Африканская Сахара непрерывно простиралась бы до Красного моря. Короче говоря, Египет - это протяженный оазис, прорытый в каменистой пустыне вечно текущим потоком, который его воды сделали зеленым и плодородным”.

В Каире Нил начинает подниматься примерно на третьей неделе июня, и начало разлива совпадает с гелиакическим восходом Собачьей Звезды. Древние называли небеса часами, и, по мнению некоторых авторов, именно связь между подъемом Нила и появлением Собачьей Звезды впервые открыла путь к изучению астрономии древними египтянами, так что Нил был не только создателем их страны, но и их науки. Феллахи, однако, до сих пор свято верят в сверхъестественное происхождение перелива. Говорят, что 17 июня в Нил падает чудесная капля воды, которая вызывает разлив реки. До сентября река продолжает подниматься, не регулярно, а скачками. В этом месяце он достигает своего полного расцвета, а затем постепенно стихает, пока не достигнет своей обычной высоты в зимние месяцы.

Как хорошо известно, качество урожая зависит от высоты ежегодного разлива — подъема не менее чем на восемнадцать футов в Каире вполне достаточно, в то время как подъем более чем на двадцать шесть футов или около того нанес бы непоправимый ущерб. Распространено мнение, что очень высокий уровень Нила полезен, в то время как чрезмерное затопление нанесло бы гораздо больший вред стране, чем аномальный дефицит воды. Статистика

убедительно показывает, что большая часть случаев голода в Египте произошла после исключительно высокого уровня Нила. Шекспир, который, как мы знаем, часто ошибается в вопросах естествознания, возможно, отчасти ответственен за эту популярную ошибку: “Чем выше возвышается Нил, тем больше он обещает”, — заставляет он сказать Антония, описывая цезарю чудеса Египта.

Побережье между Розеттой и Порт-Саидом, как и остальная часть египетского побережья, плоское и однообразное. Единственным утешением в этой унылой панораме является живописный городок Дамietta, который с его высокими домами, издаലെка выглядящими как мраморные дворцы, имеет поразительный вид с моря. Город, хотя и содержит несколько просторных базаров и несколько больших мечетей с правильными пропорциями, мало что может привлечь посетителя, и здесь нет древностей или зданий, представляющих какой-либо исторический интерес. Путешественник, проникнутый традициями крестовых походов, который ожидает найти какие-то следы Саладина и сарацин, будет обречен на разочарование. Дамietta сравнительно современна: старый византийский город был разрушен арабами в начале XIII века и отстроен заново — на более безопасном расстоянии от вторжения с моря - в нескольких милях вглубь страны под названием Меншея. Одни из ворот современного города, ворота Меншея, служат напоминанием о его прежнем названии. Хотя торговля Дамией, как и большинства морских портов Дельты, пришла в упадок после строительства канала Махмудия, это все еще город, имеющий определенное коммерческое значение, и здесь размещены консульские представительства нескольких европейских держав. Для спортсменов Дамietta предлагает особые преимущества, поскольку является столицей охоты на дику дичь на озере

Мензале, которое изобилует водоплавающими птицами всех видов. Здесь кормятся мириады диких уток, и в изобилии водится “крупная дичь” — если это выражение можно применить к птицам — в виде цапель, пеликанов, аистов, фламинго и т.д. На болотах, примыкающих к озеру, можно найти образцы папируса, причем этот район является одним из немногих мест обитания этого редкого растения. Вскоре после того, как вы обогнете выступающую гряду невысоких песчаных холмов, окаймляющих устье Дамьеттского рукава Нила, вашему взору представляются благородные пропорции самого высокого маяка Средиземноморья. Он оснащен одним из самых мощных электрических фонарей в мире, его проникающие лучи видны ясной ночью на расстоянии более двадцати пяти миль. Вскоре после этого лес мачт, по-видимому, вырастающий из пустыни, сообщает пассажиру о близости Порт-Саида.

С точки зрения туриста, в Порт-Саиде, конечно, смотреть нечего. Город представляет собой немногим больше крупной станции по добыче угля и вырос совсем недавно. Своим существованием он обязан исключительно Суэцкому каналу и тому факту, что вода в этой части побережья глубже, чем в Пелузии, где перешеек самый узкий. Город частично построен на искусственном фундаменте на полосе низких песчаных отмелей, образующих естественную морскую стену, защищающую озеро Мензале от Средиземного моря. Осенью в верховьях Нила он со всех сторон окружен водой. Писатель с богатым воображением однажды назвал Порт-Саид Африканской Венецией — не очень удачное описание, поскольку современный вид этой угольной станции поражает самого невнимательного посетителя. Это сравнение по своей неуместности может быть сопоставлено с пресловутым сравнением между Македонией и Монмутом. И Венеция, и Порт-Саид не имеют выхода к морю, и это единственная общая черта, которая у них есть.

Песчаные равнины в окрестностях города, однако, представляют большой интерес для историка и археолога. Здесь можно найти руины и остатки древности, которые напоминают о периоде цивилизации, насчитывающем больше столетий, чем Порт-Саид (построен в 1859 году). Руины Пелузия (Ветхозаветного Греха), ключа к Северо-Восточному Египту эпохи фараонов, находятся всего в восемнадцати милях отсюда, и вдоль берега все еще можно проследить несколько следов великого шоссе — старейшей дороги в мире, остатки которой сохранились, — построенной Рамсесом II в 1350 году до нашей эры, когда он предпринял свою экспедицию для завоевания Сирии.

Обратимся к более поздней истории. Именно на берегах Пелузия Камбиз разгромил египтян, и здесь примерно пять столетий спустя Помпей Великий был предательски убит, когда бежал в Египет после битвы при Фарсалии.

К юго-западу от Порт-Саида, недалеко от жалкой рыбацкой деревушки Саис, расположенной на южном берегу озера Мензале, находятся великолепные руины Таниса (Зоан из Ветхого Завета). По историческому и археологическому интересу эти редко посещаемые руины уступают лишь руинам Фив. Немного любопытно, что в то время как туристы толпами устремляются в далекие Фивы и Карнак, мало кто берет на себя труд посетить легкодоступные руины Таниса. Руины были обнаружены ценой огромного труда покойной Мариетт Бей, и в великом храме были обнаружены некоторые из самых заметных памятников фараонов, в том числе более дюжины гигантских упавших обелисков — больше, чем в любом фиванском храме. Этому огромному зданию, отреставрированному и расширенному Рамсесом II, более пяти тысяч лет. По мере упадка Фив значение Таниса росло, и при царях Двадцать первой династии он стал главной

резиденцией правительства. Мистер Джон Макгрегор (Роб Рой), который был одним из первых современных путешественников, обративших внимание на эти величественные руины, заявляет, что из всезнаменитых останков, которые он видел, ни одно не произвело на него “такого глубокого впечатления упавшего и заброшенного великолепия”, как разрушенный храм Таниса.

Суэцкий канал, по общему признанию, является одним из величайших начинаний современности и, возможно, за тридцать лет, прошедших с момента его завершения, произвел в мировой торговле большие преобразования, чем это было осуществлено за тот же период с помощью пара. Несомненно, это была работа одного человека, к тому же лишенного малейшей технической подготовки в инженерной профессии. Месье де Лессепс, конечно, не может претендовать на какую-либо оригинальность в концепции этого великого начинания, поскольку идея открытия сообщения между Средиземным и Красным морями посредством морского канала почти так же стара, как сам Египет, и правителями Египта, начиная с Сесостриса, было предпринято множество попыток перекинуть через Перешеек “мост из воды”. Большинство этих проектов оказались безуспешными, хотя во времена Птолемеев между двумя морями существовало какое-то водное сообщение, и именно по этому каналу Клеопатра пыталась спастись после битвы при Акциуме. Когда Наполеон Великий оккупировал Египет, он зашел так далеко, что назначил комиссию инженеров для изучения проектируемого плана морского канала, но из—за невежества членов комиссии, которые сообщили, что разница в уровнях двух морей составляет тридцать футов, хотя на самом деле она едва превышает шесть дюймов, что потребовало бы огромных шлюзов и повлекло бы за собой огромные денежные затраты, от плана отказались.

Короче говоря, Суэцкий канал - это дело рук одного великого человека, и его существованием мы обязаны неустрашимому мужеству, неукротимой энергии, силе убеждения и притягательной личности месье де Лессепса, которая влияла на всех, с кем он соприкасался, от вице-короля до самого скромного феллаха. Этот великий проект также был осуществлен не профессиональным инженером, а простым консульским служащим, и был осуществлен вопреки самому решительному противодействию политиков и капиталистов, а также вопреки насмешкам инженеров-практиков, которые притворялись, что глумятся над этой схемой как над химерической мечтой тщеславного француза.

Канал, рассматриваемый с чисто живописной точки зрения, не обладает такими поразительными особенностями, как другие великие памятники инженерного мастерства — Четвертый мост, туннель Мон-Сени или великая железная дорога, которая взбирается на самые высокие вершины Скалистых гор. Этот “огромный ров”, как его презрительно называли, “на самом деле не был перенесен через высокие горы и не прорезал туннелей в скальных породах, и его воды не были ограничены титаническими массивами каменной кладки”. Фактически, с технической точки зрения, название canal применительно к этому каналу является неправильным. Он не имеет ничего общего с другими каналами — ни шлюзов, ни шлюзов, ни резервуаров, ни насосных установок. На самом деле это искусственный пролив или продолжение морского рукава. Мы можем с этим согласиться, но для людей с богатым воображением в этом великом предприятии есть элементы романтики. Это творение волшебника девятнадцатого века, который с помощью своей волшебной палочки—лопаты - изменил форму земного шара и заставил море течь непрерывно от Средиземного моря до Индийского океана. Кроме того, самый прозаичный путешественник, пересекающий его, вряд

ли сможет не быть впечатлен гениальными локусами. Каждая миля Канала проходит по региону, обогащенному воспоминаниями о событиях, зародившихся в самые отдаленные времена античности. По этой равнине четыре тысячи лет назад странствовал Авраам из далекого Ура Халдейского. За спокойными водами озера Мензале лежат руины Зоана, где Моисей творил свои чудеса. Справа раскинулась равнина Пелузий, по которой шел Рамсес II. возглавил свою великую экспедицию по завоеванию Сирии; и по этому песчаному тракту полчища персидских, греческих и римских завоевателей последовательно проносились, чтобы завладеть богатствами Египта. Проходя ночью по каналу — электрический свет кажется пароходу огненным столбом, когда он быстро, но бесшумно прокладывает свой курс через пустыню, — странная впечатляющая сцена усиливается. “Канал соединяет воедино в стремительном контрасте великое прошлое и великое Настоящее, указывая на будущее, которое мы так же мало способны предугадать, как фараоны или Птолемеи древности предсказывали чудеса двадцатого века”.

XII

Мальта

“Око Англии в Средиземноморье” — Обширные системы укреплений—Часовые и музыка боевых искусств—Королевская страда Валлетты—Церковь Святого Иоанна—Святого Эльма—Военный госпиталь, “сама слава Мальты” —Читта Веккья—Святой Павел и его путешествия.

Среди путешественников есть разногласия относительно того, к Мальте лучше приближаться ночью или днем; есть ли большее очарование в том, чтобы проследить очертания “Глаза Англии в Средиземном море” по длинным волнистым линиям света вдоль ее боевого фронта, а затем, когда встает солнце, позволить деталям проявиться самим, или увидеть, как вся масса зданий, морских валов и укреплений обретает форму в соответствии с быстротой, с которой корабль приближается к лучшей из всех британских гаваней в Средиземном море. Многие можно было бы сказать об обоих видах, и если под “Мальтой” понимать ее столицу, то посетитель многое упустит, если не увидит самую живописную часть острова в обоих этих аспектах. И безусловно, большинство тех, кто останавливается в Валлетте по пути в какое-либо другое место или из него, рассматривают этот город как “колонию” в миниатюре. Многие, действительно, едва ли знают, что у нее есть название, отличное от названия острова, на котором она построена; еще меньше знают, что “Вилла” Ла Валлетта - всего лишь один из четырех укрепленных городов, которые сливаются в один, и что по поверхности этого густонаселенного скопления разбросаны десятки деревень, в то время как все их побережье окружено кольцом фортов, построенных там, где скалы недостаточно круты, чтобы служить барьером против захватчиков. С другой стороны, хотя в мальтийской группе нет места и вполнину столь романтического, или какого-либо “казального” уголка, столь же великолепного, как Валлетта и ее пригороды, для живописной репутации

главной крепости острова немного прискорбно, что так мало посетителей видят какую-либо другую ее часть, кроме страны в непосредственной близости от ее главного города. Ибо, если ни один из островов не наделен поразительными пейзажами, то собственно Мальта, пожалуй, наименее привлекательна.

Хотя эти безмятежные острова находятся менее чем в шестидесяти милях от Сицилии, они часто сотрясались от землетрясений, но, похоже, никогда не подвергались извержениям вулкана Этна. Сложенные из мягкой кремовой породы, относящиеся к последнему геологическому периоду, слоны и гиппопотамы, извлеченные из своих пещер, показывают, что в то время, когда Средиземное море простиралось на север и юг на обширных территориях, которые сейчас являются сушей, эти острова все еще были под водой, и что в сравнительно недавнее время, до открытия Гибралтарского пролива, и когда суженное Средиземное море представляло собой всего лишь пару озер, Мальта была немногим больше африканского полуострова.

Действительно, группа настолько современна в том виде, в каком мы ее знаем, что в эпоху человечества Комино, по-видимому, был объединен с островами по обе стороны от него. Ибо, как показывают глубокие колеи от колес на противоположных берегах двух ближайших островов, даже на некотором расстоянии в воде, промежуточные проливы либо образовались недавно, либо когда-то были настолько мелкими, что их можно было перейти вброд.

Но если кто-то сомневается, день или ночь - лучшее время для первого знакомства с Мальтой, то не может быть и речи о времени года, когда ее лучше всего посетить; ибо если турист приедет на Мальту весной, он найдет страну пестрящей цветами, зелеными полями пшеницы и ячменя, тмина и клевера сулла, или хлопка, и даже участками сахарного тростника, табака и свежей листвой виноградников, окруженных живой изгородью из опунций, готовых распуститься пышным цветом. Грядки знаменитого мальтийского картофеля соседствуют с благородными урожаями фасоли и дынь. Инжир и гранаты, персики, груши, абрикосы и мушмула в цвету; и если любопытный прохожий выглянет из-за ограды фруктового сада, он может увидеть апельсины и лимоны, пестрящие цветами, аромат которых наполняет вечерний воздух. Но осенью, когда перелетные птицы прилетают на зимовку, земля выжигается летним солнцем во время палящего сирокко до бесплодия. Почва, тонкая, но удивительно плодородная, благодаря своей губчатой текстуре превосходно удерживающая влагу, выглядит белой и иссушенной, когда греется на жарком солнце; и даже сады, окруженные высокими каменными стенами, защищающими их от знойных ветров из Африки, или дикой "грегале" с севера, или Левантера, который несет сырость и уныние к Гибралтарскому проливу, не в состоянии смягчить пыльный, меловой оттенок пейзажа. Холмы там есть — гордые мальтийцы называют их "горами Бенгемма", — но для насмешников из более альпийских регионов это всего лишь холмы, потому что на Та-л'Аглии, самой высокой высоте Мальты, барометр показывает всего 750 футов, в то время как редкие морские утесы достигают половины этой высоты. Долины на волнистой поверхности пропорциональны друг другу, и даже они и небольшие лоцинки, изрезанные водотоками, голые из-за отсутствия леса; ибо древесина, которая росла в древние времена, давным-давно срублена, а у современного солодовника настолько укоренилось предубеждение против зеленых листьев, которые не продаются, что, как говорят, он потихоньку выкорчевывал деревья, посаженные отеческим правительством якобы для блага неблагодарных детей. Следовательно, за исключением рощи боски вокруг какого-нибудь древнего рыцарского дворца или нескольких рожковых деревьев, таких низких, что козы, лишённые скромного корма, могут, как в Марокко, забраться на них, чтобы перекусить, сельским районам Мальты не хватает света и тени, которые дают леса, точно так же, как ее засушливый пейзаж не омрачают

ни озера, ни реки, ни какой-либо другой ручей, достойный этого названия. Однако, поскольку синее море, впадающее в бухту или заканчивающее вид на какую-нибудь узкую улочку, или поднимающее брызги перед “бурным” ветром, называемым “Евроклидон”, редко скрывается из виду, блеск внутренних вод упускается из виду реже, чем это было бы, если бы страна была больше.

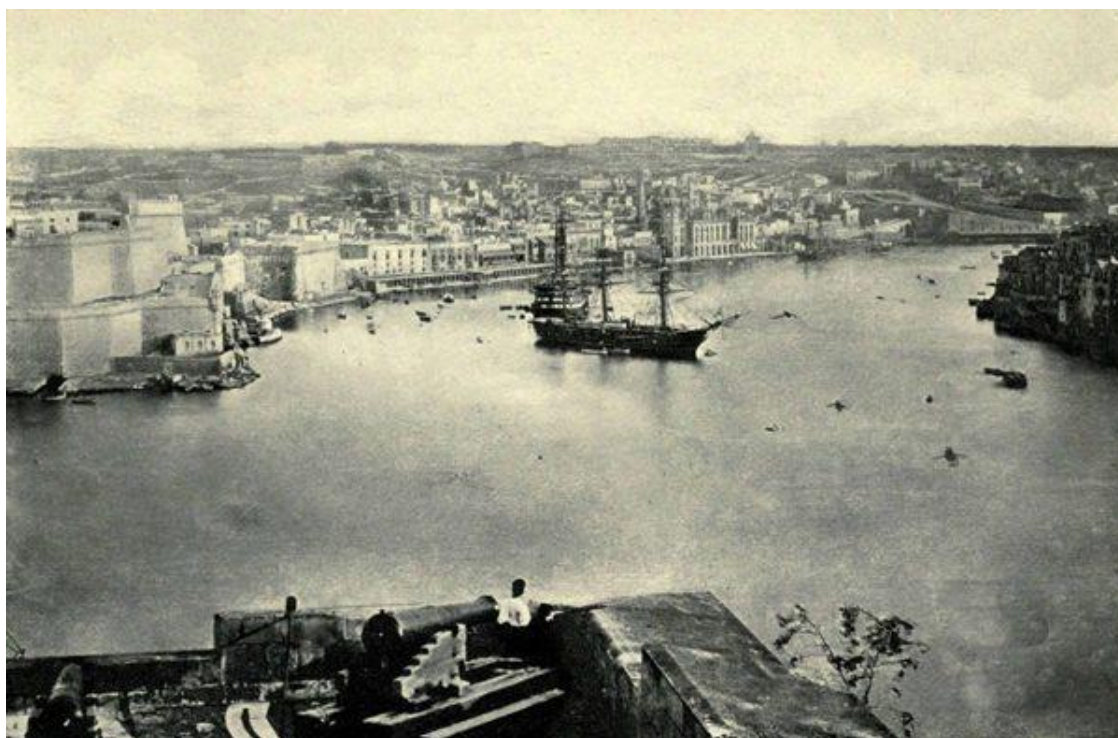
Но сама Мальта - лишь одна из мальтийских групп. Как сказано в учебниках географии, здесь есть три главных острова: Мальта, Гозо, а между ними маленький Комино, который вместе с Коминетто, островком еще меньшего размера неподалеку, кажется, был гребнем древней земли, погруженной в море. Едва “вояджер” скрывается из виду Сицилии, как обнаруживаются слабые очертания этих островов, похожие на четко очерченные облака на фоне безмятежно голубого неба. И все же, бесспорно, первый взгляд на Мальту разочаровывает; поскольку Этна свежа в памяти посетителя с одной стороны, а огромная Гибралтарская скала жива в воспоминаниях тех, кто прибывает с другого конца Средиземного моря, ни на одном из трех островов мало что может поразить воображение. Ибо большая часть живописности Мальты обязана трудам человека, а вся ее романтика - великим именам и могущественным событиям, с которыми связаны ее исторические берега. Но есть также по берегам этого крупного представителя мальтийского сообщества крошечная Филфла с ее почтенной церковью; Пьетро Негро, или Черная скала; Гзейер, освященный затонувшим кораблем Святого Павла; и Сколио Марфо, на котором разбивают лагерь несколько рыбаков или где растет трава, достаточная для нескольких кроликов или одной-двух скромных коз; и, великий по славе, хотя и небольшой по размеру, Хагра тал Дженерал, или Грибная скала, на которой до сих пор процветает это любопытное растение-паразит, *Грибок Мелитенсис* у старых ботаников - *Synotrium sossineum* у современных систематиков. Посетитель, которому захочется высадиться на скале в апреле или мае, найдет ее в полном цвету и, возможно, учитывая ее древнюю репутацию, будет несколько разочарован появлением сорняка, который когда-то пользовался такой репутацией кровоостанавливающего средства и превосходного средства от множества других болезней, что мальтийские рыцари бережно хранили его в качестве подарка дружественным монархам и больницам острова. В наше время он менее ценится, хотя до самого недавнего времени хранителем скалы, на которой он цветет наиболее обильно, был постоянный чиновник колониальной службы. В наши дни это место действительно редко оскверняется человеческой ногой, потому что ящик, натянутый на блок двумя тросами, с помощью которого можно было пересечь сто пятьдесят футов моря между скалами и берегом Дуэйры, был сломан несколько лет назад и с тех пор не ремонтировался. Но, помимо этих научных ассоциаций, связанных с этим останком Гозо, второй по величине остров мальтийской группы заслуживает более частого осмотра, чем это есть на самом деле, хотя маяк Та Джурдан достаточно знаком каждому яхтсмену на “Магнум Маре”. Ибо это первый кусочек Мальты, увиденный с запада, и последнее воспоминание о нем, которое видит возвращающийся домой изгнанник, возвращающийся с легким сердцем с Востока. И все же, за исключением его классических воспоминаний (это был легендарный остров Калипсо, греческий Гаулос, римский Голулум и арабский Гаудекс, название, которое до сих пор используется местными жителями), турист в поисках живописного не найдет многого, что могло бы доставить ему удовольствие на Гозо, с его изрезанным бухтами берегом, местами изрезанным, но, за исключением южного и западного побережья, редко достигающим высоты трехсот футов над уровнем моря. Тем не менее, приятное разнообразие холмов и долин, редкие рощицы деревьев и цветущие сады, из которых на рынок Валлетты поступает большая часть овощей, придают Гозо вид сельской красоты, которую редко можно

увидеть или которая вообще отсутствует в остальной группе. Гозо, по-видимому, меньше пострадал от иностранных вторжений, чем Мальта или даже Комино. Здешний козий сыр все еще сохраняет что-то от репутации, которую comestible приобрел в те времена, когда мир был мало знаком с молочными продуктами, а “мальтийские джеки”, могучие ослы (настоящие антиподы своих крошечных собратьев на берберийском побережье), в основном экспортируются именно отсюда. Но, как и необычные собаки и кошки этой группы, сейчас их становится все меньше.

Внешний вид гозитанцев также несколько отличается от облика их соотечественников в других местах, и они говорят на мальтийском языке, более близком к арабскому, чем жители других островов, чья речь смешалась с речью всех средиземноморских рас, от тирийцев до итальянцев, хотя ее основа, несомненно, финикийская, и постепенно к ней примешивается менее звучный язык их последних правителей. Действительно, используемые в повседневной жизни лампы идентичны по форме фаянсовым, извлеченным из древнейших карфагенских гробниц, и до недавнего времени в Казаль-Гарбо, деревне недалеко от залива, у которого находится Генеральс-Рок, говорили на своеобразном жаргоне, родственном ивриту, известном как “Брэйк”. Но народ гозо в наши дни не торгует ни оловом, ни пурпуром, их ярко раскрашенные лодки пересекают пролив Фреги с не более романтичным грузом, чем капуста и огурцы для кораблей Его Величества; а смуглые девушки, которые сидят у полуоткрытых дверей белых домов, ничем так не заняты, как изготовлением знаменитых мальтийских кружев. Однако, за исключением силы, трудолюбия и бережливости гозитанцев, на этом острове мало что напоминает посетителю об их финикийских предках, и через несколько лет, благодаря устойчивым отношениям, которые установило ежедневное паровое сообщение между ними и их менее искушенными соотечественниками, “Башня гиганта” (руины храма Астарты) в Казаль-Ксгаре будет едва ли не единственным остатком этих доисторических поселенцев. Но Казаль-Надур с его крепкими мужчинами и красивыми женщинами, Тирка-Зерка, или Лазурное окно, естественная арка на берегу моря, и Рабатто, маленькая столица в центре острова, которая в честь Юбилейного года сменила название на Викторию, - все это достойно прогулки дальше, чем Миджиарро, или “место для картинга”, у которого бросает якорь пароход из Валлетты. С разрушенных стен цитадели посетитель может осмотреть Гозо с его коническими холмами, сплюснутыми наверху из-за размыва верхнего известняка под действием погодных условий и опускания лежащего под ними зеленого песка, что в целом напоминает регион, усеянный вулканами. Затем, если он захочет задержаться надолго, экскурсант может из этого приятного центра дойти пешком или доехать на машине до залива Рамла, нависающего над скалой, которая является еще одним “Гротом Калипсо”, или до залива Марса-иль-Форно, или до залива Кленди, через хорошо орошаемый овраг, заросший фруктовыми деревьями, прогулка, которая дает возможность увидеть лучшие скалистые пейзажи на острове; или, наконец, до Кала Дуэйра, рядом с которой находится Генеральская скала, которая (как мы уже знаем) находится в) является одним из главных львов Гозо. Комино с его пещерами не задержит надолго самых нетерпеливых туристов, а его скудные производственные мощности, неспособные прокормить более сорока человек, не рассчитаны на то, чтобы вызвать большого энтузиазма.

Самый короткий маршрут в Валлетту из Миджиарро - в Марфу, но большинство людей предпочтут высадиться сразу в Валлетте. Здесь отмечен переход от тихих островов к оживленному мегаполису группы. Все указывает на столицу зависимого государства, которая если и не богата сама по себе, то находится в руках богатой нации, и на крепость, на которую черед военачальников расточала деньги без какого-либо учета коммерческих аспектов затрат.

Ибо, если Мальта была и всегда должна оставаться торговым центром, она на протяжении веков никогда не переставала быть прежде всего местом боя, оплотом, перед оборонительной мощью которого должны уступить все остальные интересы. Все общественные здания выполнены в масштабе существенности, который для путешественника, до сих пор знакомого только с Гибралтаром, довольно поразителен. Даже резиденции чиновников лучше, чем можно было бы ожидать в “колонии” (хотя там нет ни колонистов, ни места для них) с населением менее 170 000 человек и доходом, редко превышающим 250 000 фунтов стерлингов в год. В Валлетте, без сомнения, есть невообразимо мерзкие притоны. Но по большей части они расположены в узких переулках, которые мало привлекательны для обычного посетителя, или в Мандераджио, полуподземном районе, в основном ниже уровня моря, где дома часто без окон, а удобства еще важнее; так что в пророческом юморе есть бессознательная мрачность, которая окрестила этот квартал Валлетты (площадь два с половиной акра, население 2544 человека) “местом обитания скота”. И все же, хотя девятью пятью квадратными милями Мальтийских островов - это, пожалуй, самая густонаселенная часть земли, почва здесь настолько плодородна, а источников занятости, особенно после строительства Суэцкого канала, так много, что крайняя нужда почти неизвестна, в то время как сельское население, похоже, счастливо не быть ни богатым, ни бедным.

Но турист, впервые осматривающий Валлетту с палубы парохода, бросающего якорь в Карантинной гавани, или, что еще лучше, с Большой гавани на другой стороне полуострова, на котором построена столица, мало что из этого видит. Едва судно останавливается, как его окружает рой своеобразных “дгайза” с высокими носами, или мальтийских лодок, владельцы которых, стоя на веслах, настойчиво пытаются вытащить пассажира на берег; ибо Мальта, подобно своей сестре-крепости в устье Средиземного моря, не поощряет причалы и пирсы, у

которых могут стоять на якоре большие суда и где беспокойные команды кишат, когда их не желают видеть. Толпы странствующих торговцев, хитрых людей, обладающих всем гибким рвением азиатов и всем отсутствием совести, которое является удобным наследием торговцев Срединного моря, устраиваются на палубе, готовые расстаться с кружевами, филигранью, кораллами, раковинами и апокрифическими монетами ордена Святого Иоанна за любой выкуп, не менее чем вдвое превышающий их стоимость. Но на Мальте, как и везде в средиземноморских портах, всегда существуют две цены: цена, за которую местный житель получает что-либо, и цена, которую просят заплатить иностранца. К этим тарифам в последние годы была добавлена новая цифра, и это та райская цифра, та любимая легенда о золотом веке, к которой прибегают только тогда, когда покупатель очень нетерпелив, или очень зелен, или очень богат, “цена, которую заплатила леди Брасси”. Однако, даже когда приезжий воображает, что заключил честную сделку (а цены внезапно падают, когда начинает звонить последний звонок), у коробейника в кармане хорошо, настолько хорошо, что, по подсчетам, каждый пароход оставляет за собой что-то около двухсот фунтов наличными.

Но если мусор, продаваемый в Валлетте, можно купить не хуже и несколько дешевле в Лондоне, то саму Валлетту нужно увидеть *на месте*. Вход в любую из гаваней позволяет получить лишь слабое представление об этом месте. Кажется, что все форты и здания с плоскими крышами нагромождены друг на друга непривлекательными террасами. Повсюду расставлены пушки, и справа, и слева - те опорные пункты, которые являются конечным назначением пушек. Когда пароход с визгом вползает в “Порт Марса-Мускиет” (“порт” излишне, поскольку арабское “Марса” означает то же самое) или Карантинную гавань, он проходит мыс Драгут, справа от которого находится форт Тинь, слева - форт Сент-Эльмо, а прямо по курсу - форт Манозель и Лазаретто на острове. Если бы нашей целью была Гранд-Харбор на другой стороне Валлетты, форт Рикасоли и форт Сент-Анджело были бы в равной степени заметны, построенные на двух различных выступках, которые пересекают левую сторону этой гавани. Но форты - это, так сказать, лишь узлы обширной системы укреплений, которые окружают каждый ручей, бухту и мыс Валлетты и ее ответвлений. Века тяжелого труда, миллионы денег и лучшие таланты трехсотлетних инженеров были расточены на создание ошеломляющей массы занавесей и рогожных изделий, равелинов и полустанков, рвов и частоколов, разводных мостов, бастионов и земляных укреплений, которые поражают глаз в такой изобилии, что приводили в восторг душу дяди Тоби. Часовые и боевая музыка - самые привычные зрелища и звуки, а после солдат и казарм, матросов и военных кораблей - самые частые напоминания о том, что Мальта, как и Гибралтар, является великой военной и военно-морской базой. Но он также обладает некоторыми гражданскими правами, неизвестными последнему. Среди них законодательный орган с ограниченной властью и безграничной болтовней, и, что более важно для посетителя, граждане могут въезжать в Валлетту и выезжать из нее в любое время дня и ночи, никаких поднятых подъемных мостов или флегматичных опускных решеток, препятствующих их передвижению в мирное время. Чужеземец высаживается на берег, не подвергаясь сомнению относительно его национальности, и на Мальте британец лишен чувства *цивизованности как таковой*, которое он впитывает в Гибралтаре; ибо здесь иностранец может перемещаться так же свободно, как и хозяева земли. Но человек, желающий исследовать Валлетту, должен уметь подниматься; потому что от места приземления до главного отеля на главной улице подъем непрерывный, и первую часть пути приходится проделывать по лестнице. Действительно, эти шаги так часто требуются, что можно посочувствовать прощальному проклятию Брайона, когда он, прихрамывая, преодолевал одно из этих частых препятствий для передвижения,

“Adieu! вы, проклятые улицы лестниц!
(Как верно клянется тот, кто взбирается на вас!)”.

Причина такого своеобразного строительства в том, что Валлетта построена на гребне горы Скебаррас, так что подъем от гавани к главным улицам, идущим по гребню холма, обязательно крутой. В результате, однако, город стал более живописным, чем был бы, если бы архитектор, который закладывал город, когда Жан де Ла Валетт, великий магистр рыцарей, решил в 1566 году перенести столицу сюда из центра острова, смог найти средства для формирования плато путем выравнивания вершины кургана. Таким образом, Валлетта состоит из улиц, идущих в продольном направлении, и других, пересекающих первую под прямым углом. К большинству из них ведут ступеньки; одна, Strada Santa Lucia, состоит из нескольких пролетов, и ни одна из них не проходит на одном уровне из конца в конец. Основой города и лучшей из его магистралей является Страда Реале, или Королевская улица, которая в прежние времена была известна как Страда Сан-Джорджио, а во время кратковременной французской оккупации - как “Улица прав человека”. Семь главных улиц идут параллельно ей, а одиннадцать под прямым углом тянутся прямыми линиями через мыс от гавани к гавани. Страда-Реале и расположенная рядом с ней Торговая страда, однако, являются наиболее типичными достопримечательностями столицы, и посетитель, который добросовестно прогуливается по любой из них, заглядывая то тут, то там вверх или вниз по менее важной поперечной “страде”, получает четкое представление о городе Ла-Валетт, чья статуя стоит рядом со статуей Иль-Адана над Королевскими воротами в дальнем конце улицы, носящей это название. Здесь мы встречаем первое препятствие для вторжения со стороны суши в виде глубокого рва, вырубленного в цельной скале, прямо поперек полуострова от одной гавани до другой, при необходимости отрезая пригород Флорианы от собственно города, хотя Флориана с ее садами, расположенными на валу, плацем для парадов и казармами снова защищена с внутренней стороны другими огромными укреплениями, которые повсюду окружают побережье.

Однако в настоящее время подъемный мост опущен, и длинный поток людей, гражданских и военных, пересекает его, направляясь к Страда-Реале и обратно. Ибо эта улица - главная артерия, по которой всегда циркулирует безмятежное течение жизни Валлетти. Солдаты в разнообразной униформе полков, представленных в гарнизоне, маршируют взад и вперед, на парад или с парада, или несут вахту на крепостных валах, или развлекаются пешком, или в опрятных маленьких крытых “каррозеллах”, или деревенских кэбах, в которых, в отличие от аналогичных по конструкции гибралтарских, можно прокатиться за счет монеты, которая, по словам Сиднея Смита, была отчеканена для того, чтобы позволить определенной бережливой расе быть щедрой. Матросы с военных кораблей в Гранд-Харборе и моряки торгового флота, спешащие на берег, используют то время, которое они могут уделить в грог-магазинах нижнего города, чтобы осмотреть местные достопримечательности. Извозчики и кармен, управляющие машинами без бортов и всегда мчащиеся на предельной скорости на своих маленьких лошадках, разбрасывают неосторожных пешеходов. Туземные женщины с той странной “фальдеттой”, или односторонним капюшоном на черных плащах, который является характерной чертой Мальты, как мантилья характерна для Испании, проходят бок о бок с английскими леди по последней лондонской моде, или крепкие крестьянки, возвращающиеся с рынка, печально мешают британской няне, распределяющей свое внимание в неравных пропорциях между своими инфантильными подопечными и стражниками, марширующими на “караул” к крепостным валам. Стада коз, чье огромное вымя почти касается земли, прогуливаются, чтобы их подоили, у дверей клиентов. Мальтийские рабочие, смуглые

человечки, босые, широкоплечие и мускулистые, в почти национальной одежде - кепке "Гленгарри", хлопчатобумажных брюках и фланелевой рубашке, с алым поясом, перекинутой через руку курткой и маленькими серьгами, - толкают нарядных офицеров, направляющихся в Юнион-клуб, или шумный "глобруттер", только что сошедший с парохода, который час назад бросил якорь. Несколько индусов со змееглазыми лицами в ярко расшитых шапочках приглашают вас осмотреть их ассортимент декоративных изделий, но, за исключением пары арабов из Туниса или нескольких неуклюжих турок из Триполи в пилотках поверх "барраканов", в "Страда Реале" в Валлетте мало что напоминает о той человеческой живописности, которую придают портовой улице Гибралтара пестрые толпы испанцев, сицилийцев, негров, мавров и англичан, заполняющих ее в любое время от утренней артиллерийской стрельбы до часа, когда чужака вытесняют с улицы. За воротами. Мальта - самая религиозная римско-католическая страна, священников и кармелитов в рясах повсюду много, и в течение всего дня прихожане, входящие и выходящие из многочисленных церквей, с вечным "бряцаньем" их колоколов, напоминают описание Англии того времени Рабле. На каждом шагу к посетителю пристают хнычущие попрошайки, чье упорство сравнимо разве что с упорством сапожников и извозчиков, которые, похоже, воображают, что конечная цель человека на Мальте - ездить в каррозеллах и начищенных ботинках. В Гибралтаре мы находим утешение для глаз в огромной скале, возвышающейся над головой, в коттеджах, окруженных деревьями, приютившихся на ее склонах, или в редких зарослях пальм в ложбинах. Их не хватает для главной страды Валлетты. Однако по архитектурной красоте эти две улицы невозможно сравнить. Вдоль порта выстроились дома, немногие из которых красивы, а большинство - убоги, в то время как из-за нехватки места узкие "пандусы", как правило, теснятся так же густо, как любой переулок в Валлетте. Редко бывает, чтобы магазины были лучше, чем в маленьком английском городке, и в целом цивилизованная часть скальных крепостей не утратила впечатления того, что ее вырастили люди, у которых было совсем немного мировых богатств, и поддерживали жизнь люди, которым было не на что тратить.

С другой стороны, главная улица Валлетты застроена добротными и в большинстве случаев красивыми домами, часто с маленькими крытыми каменными балконами, которые придают зданиям особый характер. На желтый известняк также приятно смотреть, а многочисленные дворцы, которые любящие комфорт рыцари возвели для своего убежища, придают Валлетте вид "города, построенного джентльменами для джентльменов". Здесь, справа, находится симпатичный Оперный театр (открыт, как и частные театры, как по воскресеньям, так и по субботам), а на другой стороне улицы - Auberge of the Language of Provence, ныне занимаемый Юнион-клубом. Чуть дальше, на открытом пространстве, затененном деревьями, находится церковь Святого Иоанна, на которую рыцари расточали свои богатства, и до сих пор, несмотря на разграбление французскими войсками в 1798 году, она богата золотыми и серебряными сосудами, крестами, пиксами, драгоценными камнями, рыцарскими эмблемами, картинами, резьбой по камню и другими церковными украшениями, хотя, как и богатый орден военных монахов, гордостью которого она была, церковь Святого Иоанна снаружи нарочито проста. Auberge d'Auvergne, ныне здание Суда, находится на другой стороне улицы, совсем рядом со зданием, которое раньше было Рыцарской сокровищницей, хранилищем, в которое собирались пожертвования командорств со всей Европы. Публичная библиотека, окруженная деревьями немного в стороне от дороги, интересна тем, что в ней хранятся книги судебного пристава Луи де Тенсена, великого магистра де Рогана (который ее построил) и многих наиболее образованных рыцарей, а также хорошая коллекция древностей острова. Рядом с ним

находится дворец великого магистра, ныне резиденция губернатора или частично используется как правительственные учреждения. Внутренние дворики, засаженные апельсинами, молочаем, гибискусом и другой зеленью, и стены, увитые бугенвиллиями, создают восхитительную прохладу для пешехода, входящего с жаркой улицы; в то время как широкая мраморная лестница, коридоры, увешанные портретами воинов и картинами, изображающими воинские подвиги рыцарских галер, оружейная, полная старинного оружия, и майоликовые вазы из аптеки, а также многочисленные реликвии бывших правителей острова, достойны длительного изучения теми, кто интересуется искусством или хочет узнать больше о жизни на острове. древность. Зал Совета также заслуживает посещения, поскольку там можно увидеть бесценные брюссельские гобелены. И наконец, самый праздный турист вряд ли пренебрежет Залом Святого Михаила и Святого Георгия, фресками, прославляющими знаменитые деяния ордена Святого Иоанна, и причудливыми часами во внутреннем дворе, которые, согласно мальтийской легенде, были привезены с Родоса, когда этот остров был оставлен после сопротивления, менее славного, чем победа. Ибо, как воскликнул Карл V, услышав о капитуляции, которая привела к тому, что Мальта стала домом рыцарей, “в мире не было ничего более безнадежно потерянного, чем Родос”. Главный караул с помпезной латинской надписью, сообщающей о том, что “Великий и непобедимый британский вокс Melitensium Amor et Europæ Имеет insulas confirmant An mdccccciv”, находится прямо напротив дворца. Но когда посетитель видит богатства искусства, которые рыцари были вынуждены оставить после себя, он склонен недоумевать, как мальтийцы, которые не пожертвовали ни одного байока, чтобы купить их или построить эти дворцы или укрепления, могли либо по “Любви”, либо по той необходимости, которая не знает закона, передать их нам, или как “Великая и непобедимая Британия” могла принять без компенсации собственность военных монахов, чей орден, лишенный богатства и влияния, все еще существует и претендует с согласия по крайней мере одного суда на звание среди суверенных держав Христианского мира. Рыцари, однако, по-прежнему остаются величайшими личностями Мальты. Мы встречаем их, их восьмиконечный крест и их работы на каждом шагу. Их призраки все еще бродят по дорогам. Имена великих мастеров увековечены в городах, которые они основали, и в фортах, которые они воздвигли. Их портреты, выполненные в грубой технике берлинского литографа, висят даже на стенах отелей. Об их церковной стороне свидетельствуют церкви, которые они воздвигли, агиологические названия, которые они дали многим улицам, изображения святых, которые, несмотря на три четверти столетия правления протестантских правителей, все еще стоят на углах, и необходимость, которую мы только недавно обнаружили, прийти к взаимопониманию с папой относительно пределов канонического права в этой наиболее верной части его духовных владений.

С другой стороны, светская сторона Ордена не менее заметна. Здесь, например, спустившись по нескольким ступеням, которые служат пешеходной дорожкой, мы подходим к форту Святого Эльма, которым заканчивается Страда-Реале. Но задолго до того, как на Монте-Себеррасе возник какой-либо регулярный город, когда столица находилась в центре острова, эта крепость на мысе на полпути между двумя гаванями была местом, вокруг которого часто разворачивались сражения, когда Пайним и Кристиан сражались за господство над островом. Из всех этих осад самой масштабной является осада 1565 года, за год до того, как был заложен город Валлетта. Дважды ранее, в 1546 и 1551 годах, турки пытались изгнать рыцарей, но им не удалось высадиться. Но в упомянутый год султан Солиман Великолепный, тот самый Солиман, который тридцать четыре года назад изгнал их с Родоса, решил приложить все усилия, чтобы изгнать Орден из их нового дома. Флот вторжения состоял из ста тридцати восьми судов под

командованием ренегата Пиали и армии в тридцать три тысячи человек под командованием Мустафы-паши. Эти морские и сухопутные силы вскоре были увеличены прибытием двух тысяч пятисот отважных старых корсаров, привезенных из Алжира Хасаном-пашой, и восемнадцати кораблей с шестнадцатью сотнями человек под командованием еще более знаменитого Драгута, главаря пиратов Триполи, которому, по воле военного случая, несколько лет спустя было суждено трудиться галерным рабом в этой самой гавани. Осада длилась почти четыре месяца. Каждый фут земли отстаивался с героической решимостью, пока не стало очевидно, что форт Сент-Эльмо больше не может держаться. Затем рыцари, измученные и израненные, превратившиеся в жалкие остатки своего числа, приняли виатикум в маленькой замковой часовне и, обнявшись, вышли на крепостной вал навстречу тому, что им уготовано. Но Сент-Анджело и Сенглеа, расположенные на конце полуострова, на котором сейчас построена Изола, держались до тех пор, пока после прибытия помощи с Сицилии турки не отступили. Из сорока тысяч человек, которые 18 мая расположились перед замком, не десять тысяч вернулись на борт; в то время как из восьми или девяти тысяч защитников едва ли шестьсот смогли присоединиться к Молитве благодарности за успешное завершение того, что было одной из величайших битв в древности или современности. Затем случилось так, что “самый выдающийся и преподобнейший лорд, брат Джон де ла Валетт”, если процитировать его титулы, начертанные над Королевскими воротами, решил заложить новый город, чтобы не прошло и двенадцати месяцев, как сбылось изначальное пророчество о том, что наступит время, когда каждый фут земли в Монте-Скеберрасе будет стоить унцию серебра. Святой Эльм по-прежнему является главнокомандующим островными крепостями, и маленькая часовня, которую рыцари оставили пасть под турецкими ятаганами, снова в хорошей сохранности после того, как была давно забыта под кучей мусора. Но, несмотря на то, что хозяева Мальты были церковниками и солдатами, если верить всем рассказам, они были в гораздо большей степени *военными*, чем монахами. Очевидцы описывают рыцарей, отправляющихся в воинственную экспедицию, которые махали руками прекрасным дамам на берегу. В своих альберго, или казармах, “Языки” жили роскошно, и хотя дуэли были строго запрещены, параллельно Реале проходила узкая улочка Страда-Стретта, на которой этот крайне нецерковный способ разрешения споров был отвергнут. Ибо по приятному вымыслу любая стычка в его пределах рассматривалась просто как случайная трудность, возникшая из-за того, что два пылких джентльмена случайно толкнули друг друга!

Сворачивая на Страда Мерканти, Сан-Джакомо бывшей номенклатуры, мы встречаем еще больше напоминаний об этом живописном братстве. Ведь рядом с больницей для неизлечимых находится их кладбище, а дальше по крутой улице находится Военный госпиталь, основанный великим магистром фра Луисом де Васконселосом. Этот лазарет, как говорит нам старый писатель, в прежние времена был “самой славой Мальты”. У каждого пациента было по две кровати для переодевания и отдельный шкаф с замком и ключом. В одну палату помещали не более двух человек, и за ними прислуживали “Братья-прислужники”, еду им приносили на серебряных блюдах, а все остальное заказывали с соответствующим великолепием. В наши дни больница, хотя и не столь роскошная, по-прежнему остается благородным учреждением, одна из палат которой имеет четыреста восемьдесят футов в длину и считается самой длинной в Европе. Но серебряной посуды нет, а медсестры перестали быть рыцарского звания. Университет, учреждение, которое выпускает врачей с быстротой, объясняющей их количество на острове, является еще менее внушительным зданием, чем общественный ломбард по соседству, и ни одно из них не так примечательно, как рынок, который примечателен с

литературной точки зрения, поскольку, возможно, является единственным зданием в Валлетте, основатель которого удовлетворился описанием своих заслуг вульгарным языком. На вершине холма, куда мы все время взбирались, находится дом с прекрасным мраморным дверным проемом, который также является реликвией рыцарей. Ибо это здание было Кастелланьей, или тюрьмой, и позорный столб, у которого заключенные отбывали епитимью, и маленькое окошко наверху, к которому заключенных подвешивали за руки, до сих пор вместе с огромным крюком, к которому была привязана веревка, видны тем, кто интересуется подобными дисциплинарными вопросами. Но подобно высеченным в скале подземельям, в которых рыцари держали две тысячи своих галерных рабов, в большинстве случаев турок и мавров, павших на пути их военных кораблей, которые все еще находятся в задней части Террасы Верфи, подобные напоминания о жестокой эпохе и суровом порядке угнетают странника в поисках живописного. Он предпочитает смотреть на ресторан итальянского языка, где находятся апартаменты королевских инженеров, или на Палаццо Паризи напротив (в настоящее время это конюшня), где генерал Бонапарт жил во время своего краткого пребывания на Мальте, которое с тех пор вызвало отвращение к французскому имени на острове, или на ресторан Кастильи, благороднейший из всех рыцарских дворцов, где два научных корпуса устраивают свои гостеприимные трапезы.

Теперь мы прошли по всей длине двух главных продольных улиц Мальты и увидели большинство зданий, представляющих большой интерес для всех. Но на Страде Меццоди и Британнике есть много частных домов наилучшего описания, и даже некоторые общественные, такие как Auberge de France (посвященный главе департамента комиссариата), заслуживают изучения с исторической, если не с архитектурной, точки зрения. Все эти рыцарские отели достойны внимания. Большинство из них в настоящее время используются для нужд правительственных учреждений или, как, например, Auberge d'Arragon (епископальная резиденция), для проживания местных высокопоставленных лиц. Но там, где когда-то стоял Auberge d'Allemagne, была построена коллегиальная церковь Святого Павла, и если здесь когда-либо был Auberge d'Angleterre (поскольку английский язык был запрещен при Генрихе VIII. конфисковала английские комендатуры и вскоре ей наследовала Бавария), здание, носившее ее имя, было сровнено с землей при строительстве нового театра. Тем не менее, несомненно, что Туркопольер, или генерал Кавалерии, до Реформации был выбран из английского языка, точно так же, как в Провансе всегда называли Великого командора, во Франции - Великого госпитальера, в Италии - адмирала, в Арагоне - Драпировщика, в Оверни - командующего, в Германии - Великого судебного пристава, а в Кастилии - Великого канцлера Суверенного ордена, чей великий магистр носил, среди прочих титулов, титулы принца Мальтийского и Гозо.

Сейчас мы находимся в Верхней Барракке, одной из тех аркад, возведенных рыцарями для прогулок и до сих пор являющихся любимой прогулкой горожан в утренней и вечерней прохладе. С этой точки также открывается хороший вид на Валлетту и большую часть соседней страны с высоты птичьего полета, и если посетитель продолжит свою прогулку к Андреевскому бастиону, он может стать свидетелем панорамы обеих гаваней; одну из них, как утверждают мальтийцы (и мы не обязаны им противоречить), превосходит только Босфор. Во всяком случае, это самый живописный вид на острове. Оттуда с первого взгляда видны две главные гавани, кишасшие лодками, парусниками и пароходами, от огромного броненосца до шумного маленького катера. Затем мы видим, что помимо главного полуострова, на котором построена Валлетта и который отделяет Карантин от Гранд-Харбора, есть несколько других мысов, выступающих в эти порты, в дополнение к острову, занятому фортом Манозель и Лазаретто. Эти

узкие полуострова разделяют гавань на множество вспомогательных бассейнов, заливов и речушек, в то время как сама Валлетта разлилась по пригородам Флорианы, Слимы и Сент-Джулиана и со временем может занять Тасбиш и Пьету; Биги, где расположен Военно-морской госпиталь, и Коррадино, связанные с веселыми воспоминаниями о ипподроме, и более мрачные, относящиеся к кладбищам и тюрьмам, все из которых сосредоточены в этом квартале, где в прежние времена рыцари держали своих конных лошадей. -племенные предприятия и их охотничьи угодья.

Но в Валлетте есть определенные пригороды, которые ни один порядочный мальтийец не назовет таким скромным названием. Это "Три города" Витториоза и Сенглеа, построенные на двух полуостровах, выступающих в Гранд-Харбор и разделенных Докьярд-Крик, и Бурмола или Косспиква, отходящие от берега. Эти три "города" защищены огромными линиями укреплений Фиренцуола и Коттонера, а поскольку форт Анджеоло, самая древняя из мальтийских цитаделей, и форт Рикасоли, напоминающий имя его строителя, входят в число их замков, они очень высоко держат голову на Мальте. Действительно, задолго до того, как появилась идея о Валлетте, и когда Нотабиле был признан непригодным для их целей, рыцари поселились в Борго, или Бурге, который, как гласит стоящая до сих пор Статуя Победы, был удостоен названия Читта Витториоза после их победы над турками. Страда Антикко Палаццо дель Губернаторе напоминает старый дворец, который когда-то стоял на этой улице, и действительно, до 1571 года этот ныне бедный городок был резиденцией правительства. Старинные здания, такие как женский монастырь Санта-Сколастика, бывший когда-то больницей, и Дворец инквизитора, ныне являющийся квартирами английского гарнизона, являются свидетелями его расцветающего достоинства. Бурмола также является городом старых церквей, и Сенглеа, названный в честь великого магистра Де ла Сенгле, хотя в настоящее время и не имеет большого значения, содержит множество архитектурных доказательств того, что, когда его старое название "Херсонес", или полуостров, было изменено на Изола, или "Непокоренный", этот "город", в котором сражался форт Майкл, играл на Мальте почти такую же важную роль, как и в наши дни, когда его верфи и арсенал являются главными источниками славы.

Поворачивая наш взгляд вглубь острова, мы видим с Барракки холмистую местность, белесую, сухую и непривлекательную, усеянную выступающими над поверхностью белыми скалами; белые маленькие деревушки, в каждой из которых есть церковь и обнесенные стенами поля; и в довершение всего, на вершине возвышенности, город, над которым возвышаются шпили собора. Это Читта Веккья, "старый город", как его называли, когда столица была перенесена в Валлетту, хотя местные жители до сих пор называют его сарацинским именем "Медина" (город), более современное обозначение "Нотабиле" связано с комплиментарным замечанием Альфонсо Великодушного, короля Кастилии. Нет более древнего города на Мальте. Здесь, как мы знаем из знаменитой речи Цицерона, Веррес, претор Сицилии, основал несколько мануфактур по производству хлопчатобумажных изделий, из которых шились женские платья необычайного великолепия, и здесь тот же самый сладострастный правитель совершил предосудительный грабеж храмов и "жилищ богатых и почетных граждан". В их освященной веками столице должна была состояться инаугурация Великих магистров, а в ее кафедральном соборе все еще должен был пройти хиротонию каждый епископ Мальты. Но слава Нотабиле - это его воспоминания, ибо во всем христианском мире нет более безмолвного города, чем тот, к которому мы приближаемся по островной железной дороге, которая в последние годы сократила расстояние в восемь миль между ним и Валлеттой. Каждый руд, покидающий

похожую на пещеру станцию, выдолбленную в мягкой твердой породе, и туннели под укреплениями, кажется все более сонным. Каждые несколько минут мы останавливаемся у побеленного сарая рядом с побеленным “казалем”. И все “казалы” кажутся дубликатами друг друга. Белые улицы этих деревень узкие, а людей мало. Но церковь неизменно непропорционально велика, хорошо построена и богато украшена, в то время как магазины на маленькой площади намного беднее, чем должны были бы покровительствовать люди, поддерживающие такую прекрасную церковь. Есть Хамрун с его Апостольским институтом, которым руководят алжирские миссионеры, Мисада в долине и Бирчиркара. Казаль-Курми, где проходит рынок крупного рогатого скота, виден вдалеке, а в Лиа и Бальзане мы находимся среди апельсиновых и лимонных садов, которыми славятся эти деревни. Дворец Сан-Антонио с его приятной территорией создает рельеф для глаз. В Аттаре, “деревне роз”, виден акведук, снабжающий Валлетту водой из Диар-Хандура, а затем, в Сан-Сальвадоре, поезд начинает крутой спуск, который заканчивается у подножия холма, на котором построен Нотабиле.

На этом склоне расположены небольшие поля с террасами и остатки того, что, должно быть, когда-то было грозными укреплениями. Но сейчас все рушится. Несколько торговцев из Валлетты пользуются преимуществами железной дороги, строя загородные дома, а некоторые представители старой мальтийской знати цепляются за город, связанный с их старинной славой. Но его ветшающие особняки с их заплесневелыми гербами, дворцы, приспособленные для прозаических целей, крепостные валы, с которых веками не доносился лязг оружия, и улицы, тихие, если не считать шагов расквартированных там британских солдат или бормотания профессиональных нищих, рассказывают историю о давно ушедшем величии. Статуя Юноны встроена в ворота, а в похожем на сарай музее собрано множество финикийских, римских и других останков, выкопанных из почвы города. Мальтийские мальчишки пристают к нам с просьбой купить медные монеты рыцарей, которые возможно, честные, а их родители изготавливают серебряные, которые, вероятно, являются апокрифическими.

В самом Нотабиле, однако, смотреть особо не на что, хотя с вершины Санатория, где в старину располагались Суды справедливости (а под ним до сих пор сохранились ужасные подземелья), можно окинуть взглядом весь остров. Прозаическому глазу кажется довольно суховатым быть “Фиор дель Мондо”, цветком мира, как патристично настроенный мальтиец называет землю, которую он покидает с сожалением и возвращается с радостью. Там, к югу, находится дворец Вердала и Бошетто, роща, пользующаяся большим спросом у жителей Валлетты для пикников, а за ними - летний дворец инквизитора, недалеко от того места, где видны морские брызги, разбивающиеся о скалистые утесы. На западе видны холмы Бингемма, изобилующие финикийскими гробницами, и, если пешеходу интересно, он может посетить старую скальную крепость Кала та Бахрия, Имтарфу, где стоял храм Прозерпины, и Имтахлеб на берегу моря, где в сезон в изобилии растет земляника. Муста с ее огромной купольной церковью достаточно заметна на северо-востоке, в то время как в бинокль нетрудно разглядеть Зеббар и Зейтун, Зуррико, Паолу и другие деревни юго-восточного побережья, разбросанные по региону, где очень много остатков прошлого. Ибо здесь находятся руины храмов Хагиар-Хим и Мнайдра, грубых доисторических памятников, а на берегу Марса-Сирокко (бухты, в которую дует горячий африканский ветер) находится мегалитическая стена, которая, как полагают, является последней от храма Мелькарте, тирского Геркулеса.

Но в Нотабиле, задолго до Аполлона и Прозерпины, чьи мраморные храмы стояли здесь, даже до рыцарей, чье трехсотлетнее железное правление вызывает особое восхищение у

мальтийцев, это имя очень часто звучит во многих устах. И это “Сан-Паоло”. Святой Павел действительно великий человек Мальты, и люди очень ценят его. Он почти такой же популярный персонаж, как сэр Томас Мейтленд, деспотичный “король Том”, от чьего великодушного деспотизма и доблестных поступков тоже со временем можно немного устать. Церкви, улицы и соборы посвящены Апостолу язычников, а с вершины Санатория босоногий мальтиец указывает на “некий ручей с берегом”, в котором он потерпел крушение, остров Салмун, на котором стоит его статуя, и церковь, возведенную в его честь. Бесполезно намекать этому благочестивому сыну Читта Веккья, что сомнительно, чтобы Павел вообще когда-либо терпел крушение на Мальте, что не исключено, что местом этого примечательного события была Мелита в Рагузинском заливе. Разве там нет змей, превращенных в камень, если нет живых змей, способных кого-либо укусить, и чудесного источника, который бьется по повелению Апостола? И разве не “бурный ветер под названием Евроклидон” дует в этот самый момент? И в соборе мы впервые узнаем, что Публий, на месте дома которого он построен, стал первым епископом Мальты. Ибо разве его мученичество не высечено из мрамора и не нарисовано на холсте? И мало-помалу мы видим грот, в котором святой Павел отбывал трехмесячную епитимию, хотя причина не объяснена, а над ним часовню, возведенную в память обращенного римского правителя, а неподалеку - катакомбы, в которых укрывались ранние христиане, хотя существует ли подземный ход оттуда в Валлетту, как утверждают историки, с этим наш босоногий комментатор не согласен.

Все это для него непочтительные сомнения. Нотабиле с его кафедральным собором, монастырями и обителью, его церковью Святого Публия, “камня на камне от которой никогда не становится меньше”, семинарией для священников, Епископским дворцом и Епископской больницей - не место для скептицизма по отношению к святому Павлу и его путешествиям. Любое подобное неверие нам лучше перенести в другое место. День жаркий, старый город погружен в сон, и разговоры ведутся о прошлом. У калитки маленькой станции у подножия холма паровоз, по крайней мере, сохранился. И когда мы медленно въезжаем в Валлетту и выходим на оживленную улицу, кажется, что за час мы перенеслись из Средневековья в Двадцатый век. Оркестр играет на Дворцовой площади, а политики шествуют по какому-то событию, которое нас, искателей живописного, не касается. Но в Валлетте мы находимся в стране живых людей. Позади нас находится город мертвых, а вокруг него раскинулись деревни, которые, кажется, никогда не были живыми.

XIII

СИЦИЛИЯ

Сцилла и Харибда—Мессина, главный торговый центр Сицилии—Великолепные руины греческого театра в Таормине—Вездесущность горы Этна—Подход к Сиракузам—Знаменитая

Латомия дель Парадизо—Гиргенти, Город Храмов—Железнодорожный маршрут в Палермо—Мозаики—Кафедральный собор и аббатство Монреале—Монте Пеллегриньо в час заката.

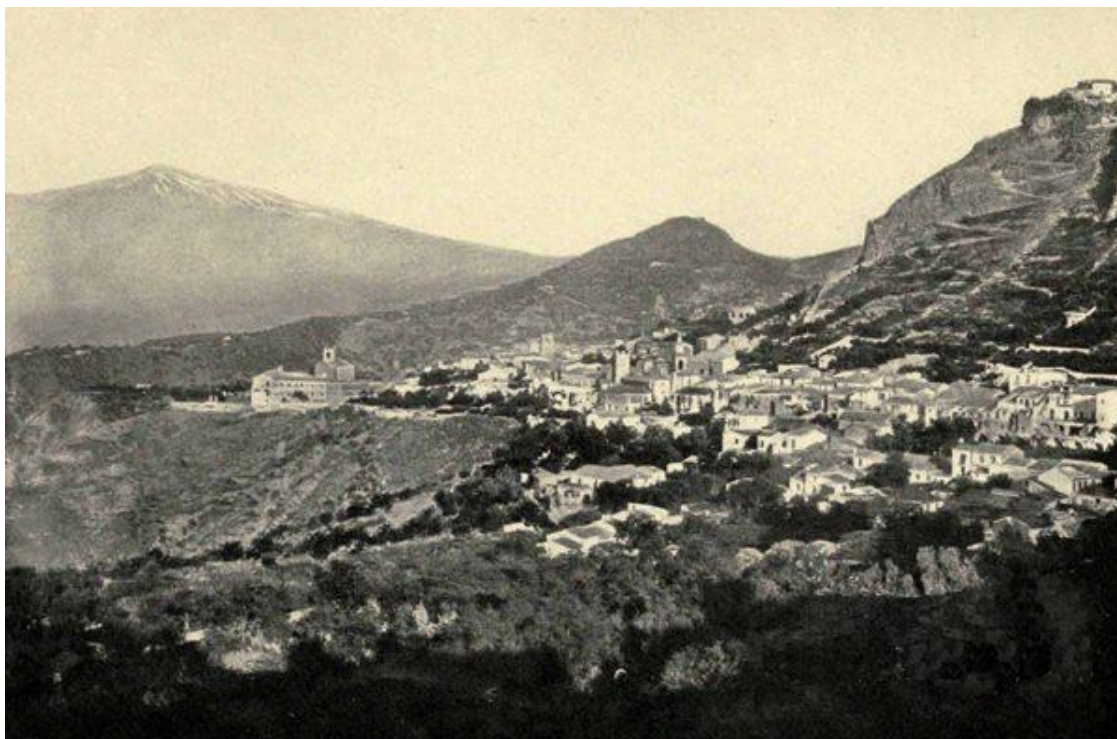
Путешественнику, планирующему попасть на Сицилию любимым морским путем из Неаполя в Мессину, приближение к острову представляет особый интерес и красоту. Ночного путешествия из солнечной бухты, раскинувшейся у подножия Везувия, достаточно, чтобы оказаться почти в тени Этны. К рассвету он только что миновал Пунта-дель-Фаро, мыс с маяком на крайнем северо-восточном углу этого треугольного острова, древней Тринакрии, и направляется в пролив. Далеко слева от себя он может видеть, во всяком случае, глазом веры, скалу Сцилла, выступающую из побережья Калабрии, в то время как водоворот Харибды, как ему хотелось бы верить, бурлит и пенится у подножия Фароса в нескольких сотнях ярдов справа от него. Здесь пусть он решительно обнаружит легендарное чудовище с разверстой пастью, в которую были втянуты те незадачливые мореплаватели древности, чей страх перед Сциллой загнал их слишком близко к берегам Сицилии. Современные географы могут утверждать (как чего они не будут утверждать?) эту Харибду следует отождествлять с Гарофало, течением, которое огибает мессинский волнорез в семи милях к югу; но Цирцея отчетливо сказала Улиссу, что два чудовища не были “на расстоянии выстрела из лука”; и совершенно ясный и прямой отчет, данный по этому поводу Энеем Дидоне, делает невозможным сомнение в том, что Сцилла и Харибда столкнулись друг с другом в устье пролива. Путешественник будет с полным основанием считать, что он успешно преодолел проход между этими двумя ужасами, как только оставит Фарос позади и помчится вдоль восточного побережья острова к городу Мессина.

Очень смелым и впечатляющим становится пейзаж острова в постепенно расширяющемся дневном свете. Ярус за ярусом над ним возвышаются голые коричневые склоны холмов, отроги великой горной пирамиды, к которой он приближается. Эти нагромождения гор, углубляющиеся здесь, где ночная тень еще задерживается, до совершенно черного цвета, и краснеющие там, где они “принимают утренний” цвет ржавого железа, достаточно безошибочно заявляют об их вулканическом характере всем, кто знаком с его признаками. Именно таким железистым лицом Природа поворачивается к вам, когда вы спускаетесь в сумерках мимо островка Лас-Пальмас на Гран-Канарии или прокладываете свой путь от восточного к западному побережью Тенерифе, огибая раскидистые склоны пика. Слева, среди гор Калабрии, виден скальный пейзаж другого характера, несколько затмеваемый как более близкими, так и более высокими высотами острова напротив, но, тем не менее, не играющий второстепенной роли в композиции суши и морского пейзажа. Миля за милей вид сохраняет свою суровую красоту, и когда, наконец, в поле зрения появляются город и гавань Мессины, и форт Кастеллаччо начинает заполнять поле зрения, за исключением естественных валов холмов, путешественник будет рад признать, что к немногим островам в мире можно приблизиться с пейзажами, столь романтическими и так хорошо соответствующими их историческим ассоциациям.

Есть те, кто находит Мессину разочаровывающей, и нет никаких сомнений в том, что покинуть воды окруженного скалами пролива ради гавани крупного торгового порта, не претендующего на особую красоту, - значит испытать определенный эффект разочарования. Однако было бы несправедливо возлагать ответственность за это на город как таковой. Только такая жемчужина, как Неаполь или Алжир, может соперничать с такой оправой. Мессина - это не Алжир и не

Неаполь; это всего лишь честный, древний, процветающий, активный, довольно чистый и невпечатляющий с архитектурной точки зрения город. Главный торговый центр Сицилии с населением более восьмидесяти тысяч человек, кафедральным собором, архиепископом и университетом, он может позволить себе, как, возможно, полагают его жители, обойтись без эстетических достопримечательностей. Но его просторные набережные, его прекрасный порт причудливой формы, Гавань Серпа, как ее называли древние, когда в честь нее называли город “Занкле”, представляют свой интерес, если не претендуют на живописность; и видом с Фаро-Гранде на изгиб Серпа, с сицилийскими горами позади, калабрийскими скалами впереди и проливами справа и слева от зрителя пренебрегать не стоит.

Тем не менее, Мессина вряд ли надолго задержит любителя развлечений, особенно учитывая, что Таормина, жемчужина острова и, можно сказать, всей Италии, ожидает его всего в шестидесяти-ста милях езды по железной дороге. Линия от Мессины до Джардини, станции в Таормине и места, откуда Гарибальди переправился в Калабрию осенью 1860 года, огибает морское побережье, пролегая под мысами и пересекая высохшие русла рек на расстояние тридцати миль, среди пейзажа, который уже был виден с пролива, но который теперь теряет привлекательность из-за слишком близкого расположения. Построенный из камня город древняя Таормина расположен на крутом и скалистом утесе примерно в четырехстах футах над железнодорожной линией, и к нему ведет чрезвычайно извилистая дорога длиной около трех миль. Есть короткие пути для молодых, порывистых и шумных на ветру; но даже эти удачливые люди могут поступить хуже, чем просто сберечь дыхание и сдержать свое нетерпение поскорее добраться до места назначения, хотя бы ради разнообразной панорамы, которая разворачивается по мере того, как они поднимаются с уровня на уровень на своем извилистом пути. Невозможно отрицать, что Таормина стоит благородно и противостоит проливам с простым достоинством, которому могли бы позавидовать многие более крупные и даже возвышенные города. Видеть это с выгодного ракурса, с зубчатой дороги, где южное солнце омывает ее ярко-белые стены и ломанные линии крыш домов, с башней Сант-Агостино, очерченной на фоне конуса Этны, и стеной, которая огибает ее, почти дрожащей на самом краю утеса, в то время как у подножия склона пролив тянется на юг “нежными, изгибающимися линиями кремовых брызг”, видеть это - значит, по крайней мере, признать, что некоторые короткие пути не стоят того, и что тропинку, ведущую вверх по склону холма, вполне можно оставить тем, кто не хочет рисковать. животные, для использования которых он был построен и которые, как обычно считается, предпочитают сокращение своего путешествия любому мыслимому увеличению его живописной привлекательности.

В Таормине можно задержаться надолго. Чистого, вдохновляющего воздуха его высокого плато и несравненной красоты открывающихся с него видов было бы достаточно, чтобы остановить торопливые шаги даже самых стесненных во времени “путешественников по миру”; но тем, кто сочетает любовь к пейзажам со вкусом к археологии и классической старине, будет действительно трудно покинуть это место. Ибо немного выше города, в центре изысканного пейзажа, возвышаются великолепные руины греческого театра, его зрительный зал, правда, почти сравнялся с равниной, но в том, что касается остатков сцены и авансцены, он более совершенен, чем любой другой на Сицилии и, за одним исключением, в мире. Но не нужно быть ученым или антикваром, чтобы ощутить необычайное очарование этого места. Нигде из всех реликвий ушедших цивилизаций Время и Природа не относились с таким трепетом к труду человека. Каждая весна и лето, которые проходили над этими заплесневелыми колоннами и разрушенными арками, оставляли после себя свою дань в виде вьющихся растений, вьющихся полевых цветов и мягко покрывающего их мха. Общий камень и цоколь, каменная кладка Природы и человека слились в одну и ту же изысканную гармонию серого и зеленого; и глаз тщетно пытается отличить дело рук Великой Матери от тех памятников ее давно умерших детей, которые она облекла своим собственным бессмертием.

Однако, помимо неопишуемого очарования его непосредственных окрестностей, театральное плато должно запечатлеться в памяти всех, кто попал на Сицилию через Мессину, как предоставившее им первый “ясный” вид Этны, их первую возможность взглянуть на величественную гору, не замеченную ни в одной точке ее очертаний или массы объектами, расположенными на более низком уровне. Вся панорама, открывающаяся с этой точки, действительно великолепна. Слева, на переднем плане, возвышаются высоты Кастильоне из долины Алькантара; в то время как, когда взгляд обводит перспективу слева направо, он последовательно загорается на отшельничестве Святой Марии делла Рокка, замке Таормина,

нависающем холме Мола и возвышающейся над ним Монте-Венере. Но, доминируя над всем ландшафтом и неотразимо напоминая о себе взгляду, который на мгновение устремляется к ближайшей горной цепи или голубым холмам Калабрии по ту сторону пролива, возникает никогда не забываемая пирамида Этны, гора, не имеющая себе равных по сочетанию величия и грации, по мягкой симметрии своей “линии” и резкому контрасту между ее покрытыми шрамами от лавы склонами, ассоциирующимися с муками, и вечным покоем ее увенчанной снегом вершины. Его можно увидеть поближе из Катании, и, что лучше всего, по пути оттуда в Сиракузы; но первое хорошее зрелище из Таормины, во всяком случае, при благоприятной погоде и времени года, наверняка запомнится надолго.

Двадцатью милями дальше к югу вдоль побережья раскинулись город и бани Ачи-Реале, приятный курорт в сезон “лечения”, но для других, кроме инвалидов, более интересный своими ассоциациями с Феокритом и Овидием, с “Гомером - Генделем эпоса и Генделем - Гомером песен”; одним словом, с Ацидом, и Галатеей, и Полифемом, и бессмертным Улиссом. Ачи Кастелло, расположенный примерно в паре миль вниз по побережью, является, если быть точным, именно тем местом, которое связано с этими очень древними историями, хотя овечий выгон Полифема, вероятно, простирался далеко вдоль побережья в обоих направлениях, а легенда о поражении великана героем “Одиссеи” сохранилась в обозначении скалистой цепи, которая в этом месте выступает из сицилийского побережья. Сколь-деи-Циклопи представляют собой прекрасную группу базальтовых скал, самая большая из которых около двухсот футов в высоту и две тысячи футов в окружности, без сомнения, “камень, намного превосходящий первый”, которым Полифем выстрелил в отступающего Странника и который “чуть не задел конец руля”. Великану достаточно “полкирпича”, чтобы “швырнуть” его в незнакомца, независимо от того, действительно ли Циклоп швырнул его или нет; и вместе со своими шестью товарищами он смело и с прекрасным скульптурным эффектом выделяется на фоне горизонта. Несколькими милями дальше находится Катания, второй по численности населения и значимости город Сицилии, но, за исключением одного преимущества, которое выделило бы наименее интересные места, ни в коем случае не второй по красоте. Как город, это действительно обычное дело. Его бухта, хотя и обширна, не имеет особого изящества очертаний; и даже громоздящиеся мачты в его оживленной гавани едва ли способны нарушить монотонность этой полосы домов на плоском побережье, которая, если не считать окрестностей, является единственным, что составляет Катанию. Но с Этной, нависающей над ней день и ночь, и городом, раскинувшимся между двумя огромными рукавами, которые гигант протягивает к морю с каждой стороны, Катания не могла выглядеть полностью прозаичной и неинтересной, даже если бы постаралась.

Мы должны снова вернуться к горе, поскольку следует помнить, что Этна - это постоянная особенность, *это the*, что является постоянной особенностью ландшафта почти на всем восточном побережье Сицилии от Пунта-ди-Фаро до мыса Санта-Кроче, если не до Сиракузского мыса. Его вездесущность внушает благоговейный трепет по мере того, как один час путешествия сменяет другой, а великая гора оказывается как никогда близко. На протяжении многих миль пути на юг она преследует путешественника, как угрызения совести. Каждый последующий этап его путешествия дает ему лишь иной и, по-видимому, не более отдаленный вид. Его высота в десять тысяч футов, хотя, конечно, и значительная, вряд ли кажется достаточной для объяснения этого постоянного и неослабевающего возвышения, которое, однако, частично объясняется внешним направлением, принимаемым морским побережьем после того, как мы проезжаем Катанию, и становящимся все более заметным по

пути из этого города в Сиракузы. Не может быть лучшего плана действий для того, кто желает осмотреть великую гору полностью, непрерывно, продолжительно и в лучшем виде, чем дожидаться благоприятного дня, а затем предпринять рассматриваемое путешествие по железной дороге, рассчитав его таким образом, чтобы достичь языка Санта-Кроче к заходу солнца. От Катании до Лентини Этна, где бы она ни была видна, находится справа от путешественника; в Лентини железнодорожная линия резко поворачивает налево и, упираясь в побережье в Аньоне, огибает его по всему северному берегу мыса, заканчиваясь мысом Санта-Кроче, при приближении к которому она поворачивает обратно, чтобы следовать "углу возврата" мыса, а затем, еще раз повернув налево, проходит почти точно на юг вдоль побережья до Сиракуз. На протяжении примерно двадцати миль от Лентини до Аугусты, под мысом Санта-Кроче, Этна лежит слева от путешественника, а между ним и широкой голубой бухтой, окаймленной на протяжении части пути полосой сверкающего песка шириной в милю. Тогда огромный вулканический конус, все его двадцать миль от вершины до морского побережья, уменьшенные расстоянием до небытия, кажется, поднимаются из самого моря; его давно остывшие потоки лавы, возможно, почти смешиваются с водами залива. Когда лучи заходящего солнца падают со всего острова на серебристо-серый песок, сине-фиолетовое море и красновато-железные склоны гор, первым побуждением человека является воскликнуть вместе с Вордсвортом, в совершенно разных обстоятельствах, что "на земле нет ничего прекраснее". Но это произошло. Ибо тот, кто может продолжать любоваться горой до тех пор, пока солнце действительно не зайдет, обнаружит, что даже зрелище, которое он только что увидел, может быть превзойдено. Он должен дожидаться момента, когда серебро песка исчезнет, пурпур моря сменится серым, а красновато-коричневый цвет лавовых склонов Этны потемнеет; ибо это также момент, когда розовый отблеск ушедшего заката достигает своего пика и завершает симфонию цвета аккордом, более изысканно-сладостным, чем все остальное.

От мыса Санта-Кроче до Сиракуз интерес к маршруту, возможно, немного снизится. Великий вулкан, который привлекал внимание на протяжении всего путешествия, теперь расположен менее благоприятно для обзора, а иногда, как, например, когда железная дорога огибает Мегарский залив в южном направлении, и вовсе пропадает из виду. Приближение к Сиракузам также не вполне подготавливает человека к трогательному очарованию этого самого интересного из великих, мертвых, полупустынных городов древнего мира или даже к исключительной красоте его окрестностей. Вы должны войти в сам населенный квартал и поселиться на этом жалком осколке древних греческих Сиракуз, острове Ортиджия, которым ограничен нынешний город (или, скорее, вы должны начать с этого, а затем отправиться в долгую исследовательскую прогулку вокруг *контурни*, проследить линию древних укреплений и нанести на карту, насколько это возможно, четыре других квартала, каждый из которых намного больше Ортиджии, которая, давным-давно отдана под апельсиновые сады, разбросанные виллы и многое другое). фермерские дома, когда-то, без сомнения, были густонаселенными районами древнего города), прежде чем вы начнете либо открывать для себя элементы его материальной красоты, либо ощущать что-либо из его духовной магии. Трудно поверить, что этот пришедший в упадок и, по-видимому, все еще пребывающий в упадке маленький островной городок когда-то был крупнейшим из эллинских городов, двадцать миль, согласно Страбону, в окружности, и даже во времена Цицерона в одном из его ныне заброшенных кварталов располагались "очень большой форум, прекраснейшие портики, великолепно украшенная ратуша, самое просторное здание Сената и великолепный храм Юпитера Олимпийского". Увы, более ненасытный разрушитель, чем Веррес! унес все эти чудеса

искусства и архитектуры, и от большинства из них не осталось даже следа фундамента. На великолепном Форуме единственная колонна без канавок кажется единственной реликвией. Портики, Ратуша, Здание Сената, Храм Юпитера-Олимпийца не поддаются восстановлению даже при самом активном архитектурном воображении. Но западная стена района, в котором находились эти сокровища, все еще частично прослеживается, а в прилегающем квартале древнего города мы оказываемся в его самом богатом районе как в археологическом, так и в живописном плане.

Ибо здесь находится знаменитая Латомия дель Парадизо, каменоломня, тюрьма, гауптвахта и место захоронения сиракузского грека, а также еще более знаменитый театр, уступающий Таорминскому по завершенности сцены и авансцены, но содержащий самый прекрасно сохранившийся зрительный зал в мире. Вход в Латомию, это гигантское отверстие в форме уха, высеченное в известняковой скале и ведущее в обширную шепчущую камеру, акустические свойства которой заставили отождествить ее с (историческим или легендарным) Ухом Дионисия, обладает собственной странной, дикой впечатляющей силой. Но по красоте, хотя и не по величию, его превосходит другой заброшенный известняковый карьер по соседству, который был преобразован его владельцем в оранжерею. Он расположен на полпути между Латомия-дель-Парадизо и Карьером по производству Капуччини и, по правде говоря, является прекрасным местом для уединения. Над ним нависает совершенная тишина, которая никогда не кажется такой глубокой, как в тех пустынных местах, которые когда-то были средоточием бурной жизни. Он богат духовным очарованием природной красоты и чувственной роскошью субтропической культуры: совсем рядом зелень и золото апельсиновых деревьев, на среднем расстоянии - торжественные плюмажи кипарисов, а еще дальше - ослепительно белые известняковые стены, навстречу которым склоняется голубое небо.

Пройти мимо каменоломен к остаткам греческого театра - значит в какой-то мере променять наслаждение глаз на более утонченные удовольствия мысленного общения. Нельзя сказать, что концентрические изгибы этих заплесневелых, поросших мхом каменных скамеек лишены привлекательности для чувств. Напротив, они прекрасны сами по себе, и, подобно всем архитектурным руинам, которые лучше всего иллюстрируют научную доктрину "адаптации к окружающей среде", чем все одушевленные предметы в природе, они восхитительно гармонируют по линиям и тону со своим природным окружением. Тем не менее, для большинства людей, и особенно для тех, кто склонен к созерцательности, греческий театр в Сиракузах, как и амфитеатры Рима и Вероны, произведет наибольшее впечатление в моменты, когда чувства наименее активны, а воображение наиболее занято. Именно тогда, когда мы абстрагируем разум от существующих условий руин; именно тогда, когда мы "восстанавливаем" его с помощью тех процессов ментальной архитектуры, которые никогда не приведут к вандализму; именно тогда мы заново населяем его безмолвные, истертые временем скамейки нетерпеливой, бурлящей жизнью двадцативековой давности, в его очаровании заключена большая часть магии. И здесь, конечно, перед воображением стоит не слишком трудная задача, настолько мощно ему помогает чудесная завершенность этих останков. До сих пор можно довольно отчетливо проследить более сорока ярусов сидений, выточенных из природного известняка скалы; и хотя их мраморная облицовка, конечно, давно превратилась в пыль, целые *клинописи* на них все еще практически так же не пострадали от времени, все так же пригодны для использования, для которого они были предназначены, как и тогда, когда сиракузяне великой эпохи Аттической драмы стекались сюда, чтобы послушать трагедии этого поэта, которого они так глубоко почитали, что возможность декламировать его стихи была

достижением, вознаграждаемым освобождением узников, обладавших ими. из рабства. Любителю классической древности Сиракузы в изобилии предоставят “моменты”; но ни в одном другом месте ни в самой Ортигии, ни в этих пригородах современного города, ни у фонтана Аретуза на краю большого порта; ни в Храме Минервы, ныне Кафедральном соборе, с его дорическими колоннами, вмурованными в позорную штукатурку; ни в самой дикой и величественной из древних сиракузских каменоломен, Латомия деи Капуччини, где, как предполагается, находятся злополучные остатки разбитой армии Никия. чтобы искупить принудительным трудом неудачу Сицилийской экспедиции, будет ли ему так же легко восстановить разрушенное прошлое, как здесь, на этом пустынном плато, с этими совершенными памятниками бессмертной аттической сцены вокруг него, и у его ног город, гавань, мыс Племириум, голубые воды Ионического моря.

Однако пришло время возобновить наше путешествие и отправиться в тот едва ли менее интересный или менее красиво расположенный город Сицилия, который обычно является следующим местом остановки путешественника. Маршрут в Джирдженти из Сиракуз - самый извилистый участок железнодорожного сообщения на острове. Чтобы добраться до места назначения, необходимо проделать почти весь обратный путь в Катанию. В Бикокке, в нескольких милях от этого города, линия ответвляется вглубь страны примерно на пятьдесят-шестьдесят миль, затем снова отклоняется, а затем спускается в юго-западном направлении к побережью. В нескольких милях от моря, в пределах легкой досягаемости от гавани Порто Эмпедокле, находится Джирдженти. Дневное путешествие обещало быть интересным. На всем протяжении своего движения на запад линия, пересекая плодородную равнину Катании, богатого зернобобовым районом, который сделал Сицилию житницей римского мира, постепенно поднимается в гористую местность и ныряет между Калашчибеттой и Кастроджованни в извилистое ущелье, над которым возвышаются две последние названные высоты. Последнее из двух установлено на месте равнины Энна, места самого раннего похищения, зафиксированного в истории. Цветы больше не цветут в прежнем изобилии на лугах, с которых Персефону похитил Темный Царь Аида; но это место по-прежнему красивое и плодородное, поистине “зеленый пуп острова”, центральный Омфалос, с которого око простирается на север, восток и юго-запад по всем просторам тройного моря Тринакрии. Но те, кто не хочет прерывать свое путешествие ради жертвоприношения Деметре или наслаждения прекраснейшим, в смысле самым обширным видом на Сицилии, все же могут восхититься благородным расположением построенного в скале городка Кастроджованни, взирающего на железную дорогу с нависающей скалы.

Гиргенти, Город Храмов, богатейший из всех мест в мире, за исключением одного памятниками языческого культа, достаточно эффективно скрывает свой характер от того, кто въезжает в него с севера. В пределах существующего города почти не видно его археологических сокровищ, и, по правде говоря, в нем мало собственных достопримечательностей. Агригент, согласно Пиндару, “прекраснейший город смертных”, не так поразит современного зрителя; но это, без сомнения, связано с тем, что, подобно Сиракузам и другим знаменитым местам древнего искусства и религиозного почитания, он уменьшился до размеров, настолько уменьшившихся, что все богатство тех величественных зданий, которым он был обязан славой своей красоты, осталось далеко за пределами его нынешних границ. Таким образом, ничто не должно задерживать путешественника в самом городе (если, конечно, он не хочет ненадолго посетить построенный позже собор, не примечательный ничем, кроме знаменитого мраморного саркофага с рельефным изображением мифа об Ипполите), и ему не мешало бы без

промедления подняться на Рупе Атенея. Вид, однако, во всех направлениях великолепен: город справа от зрителя и позади него, море впереди и холмистая, усеянная руинами равнина между ними. С этой точки сам Джирдженти выглядит достаточно внушительно благодаря неправильной форме его крыш и башен, вырисовывающихся на фоне неба. Но именно вид на море привлекает внимание. Вершина холма или окно отеля, неважно, какая или где находится ваша точка наблюдения, вам достаточно взглянуть из окрестностей Джирдженти в сторону Порто-Эмпедокле, в нескольких милях к югу, и в поле вашего зрения попадает пространство площадью в несколько десятков акров, которое, как можно разумно предположить, не имеет аналогов ни в одной области подобных размеров на поверхности земного шара. Это сад заплесневелых святынь, настоящий фруктовый сад из разрушенных портиков и сломанных колонн, а также огромных колонн, распростертых у подножия своих огромных постаментов. Вы можете сосчитать, идентифицировать и назвать их все даже с того места, где вы стоите. Церера и Прозерпина, Юнона Лациния, Конкорд, Геркулес, Эскулап, Юпитер Олимпийский, Кастор и Поллукс - все они видны сразу, все узнаваемы и пронумерованы с востока на запад в порядке, указанном выше. Это земля разрушенных храмов, и, судя по всему, больше ничего.

Действительно, можно просто преуспеть, проследив за изгибами железной дороги, которая черной змеей вьется к Порто-Эмпедокле, но, кроме этого, там нет никаких признаков жизни. Не видно ни повозки на дорогах, ни лошади в бороздах, ни работника среди виноградных лоз. Сам Джирдженти с его шумом и грохотом находится позади вас; на набережных порта не видно ни проблеска жизни или движения. Все кажется таким же пустынным, как эти серые и заплесневелые храмы свергнутых богов, одиночество, которое лишь меняет характер, не углубляясь в интенсивность, по мере того как взгляд путешествует по окаймленной пеной береговой линии в бескрайнем море. Есть странная красота в этом безмолвном Пантеоне мертвых божеств, в этом пейзаже, который, как может показаться, все еще отдается эхом последнего вопля умирающего Пана; и это красота смерти и запустения, которой подобная природа, особенно изобилующая здесь, вносит немалый вклад по контрасту. Нигде на Сицилии сельская местность не изобилует оливками так щедро. Их изогнутый стебель и трепещущая серебристая листва растут повсюду. Оливки взбираются по склонам холмов неровными рядами; оливки собираются по двое, по трое и более крупными группами на ровной равнине; оливки тянутся вдоль разрушенных стен храмов, и можно уловить мерцание их ветвей в солнечном свете, который струится через перистилии без крыш. От Рупе Атенея через равнину до того места, где глаз натывается на белые петли дороги в Порто Эмпедокле, можно почти сказать, что каждый объект, который не является храмом или фрагментом храма, является оливковым деревом.

Безусловно, самыми интересными из руин с точки зрения археолога являются руины Храма Согласия, который, действительно, является одним из наиболее хорошо сохранившихся из существующих, благодаря, как ни странно, религиозному мещанству, которое в средние века превратило его в христианскую церковь. Конечно, это было не в духе его богини-покровительницы, что он так преобразился: ничто, без сомнения, не было так далеко от мыслей тех, кто таким образом присвоил святилище Согласия, как стремление проиллюстрировать доктрину единства религии. Но искусство и археология, если не романтика, имеют веские основания поблагодарить их за то, что они “завладели” зданием на любых основаниях, поскольку, конечно же, именно этому обстоятельству мы обязаны его идеальной сохранностью и тем фактом, что все детали дорического стиля применительно к религиозной архитектуре можно изучить в этом храме, в то время как многие из сопутствующих ему храмов превратились

в неразличимые руины. Конкордия оставалась практически нетронутой на протяжении долгих столетий под домашним названием “церковь святого Григория Репского”, и в результате она предстает перед зрителем своим величественным фасадом с завершенным архитравом, великолепным шестиугольником из тридцати четырех колонн, боковые ряды которого по тринадцать стволов в каждой уходят в благородные линии перспективы. Юнона Лациния, или Юнона Люсинда (поскольку, возможно, здесь Юноне поклонялись либо как “Лацинийской богине”, либо как богине деторождения), более древний храм, чем Конкордия, хотя стиль еще не пришел в упадок, когда был построен последний храм, можно увидеть вблизи, величественные и трогательные руины. Он датируется пятым веком до нашей эры и, следовательно, является дорическим произведением лучшего периода. Землетрясения, по-видимому, способствовали разрушительной работе времени, и хотя двадцать пять колонн остались целыми, фасад, увы! представлен только фрагментом архитрава. Еще более масштабными были разрушения, нанесенные Храму Геркулеса его единственным непобедимым врагом. Это великое и знаменитое святилище, издревле очень почитаемое агриджентинцами и содержащее статую бога, которую неутомимый “коллекционер” Веррес тщетно пытался разграбить, теперь представляет собой немногим больше, чем груды обвалившейся каменной кладки, и только одна сломанная колонна-древко все еще стоит на одном конце этого места. Но именно среди остатков древнего святилища Зевса, полностью недостроенного, хотя это сооружение было оставлено слишком амбициозными проектировщиками, мы получаем лучшее представление об огромном масштабе, над которым работали религиозные архитекторы и каменщики старого света. Сами руины жестоко пострадали от рук человека; на самом деле, настолько, что по линиям оснований колонн можно проследить лишь общий план храма, поскольку огромные массы камня были вывезены с места, которое использовалось при строительстве Мола. Но осталось достаточно, чтобы показать гигантский масштаб, с которым была спланирована и частично выполнена эта работа. Колонны, которые когда-то стояли на этих основаниях, имели двадцать футов в окружности или более двух ярдов в диаметре, и каждый из их выступов образует нишу, достаточно большую, чтобы в ней мог поместиться человек! Вон тот Кариатид, который был тщательно и умело собран из фрагментов, несомненно, многих Кариатид, и который сейчас лежит, подложив руки под голову, навзничь и смотрит в голубое небо над собой, более чем в четыре раза выше среднего роста человека. От макушки его склоненной головы до каменных подошв его рост составляет двадцать пять футов, и, наблюдая за туристом, сидящим рядом с ним или на нем и смотрящим на Джирдженти вдалеке, испытываешь прикосновение того чувства иронии человеческих поступков, которое Шелли выражает в своих “Озимандиях”.

Железнодорожный маршрут из Джирдженти в Палермо менее интересен, чем маршрут из Катании в Джирдженти. Она проходит почти строго на юг и север через весь остров от берега до берега, через действительно гористую местность, как и везде на Сицилии, но не отмеченную ничем особенно ярким в виде высокогорных пейзажей. На Термини мы достигаем северного побережья, и линия ответвляется на запад. Еще около дюжины миль приводят нас к Санта-Флавии, откуда всего в полчаса ходьбы находятся руины Солунтума, расположенного на самом восточном холме мыса Каталфано. Вид на побережье с этой точки потрясающий, и в ясный день отчетливо виден мыс Чефалу, расположенный примерно в двадцати милях к востоку. Еще десять миль “вестинга”, и мы приближаемся к Палермо, столице Сицилии, городу, в который лучше заходить с моря, которому он обязан своей красотой и своим названием.

Для путешественника, только что приехавшего из Гиргенти с его почтенными руинами или из Сиракуз с их классическим очарованием, первые впечатления от Палермо, скорее всего, окажутся разочаровывающими. Особенно они будут важны, если он пришел с умом, полным исторического энтузиазма, и памятью, отягощенной записями о греческой колонизации, сарацинском владычестве и нормандском завоевании, и ожидает оказаться лицом к лицу с реликвиями и остатками, по крайней мере, современного периода трех. Ибо Палермо - это именно то, что путеводители привыкли описывать как “красивый современный город”; что означает, как слишком хорошо известно большинству людей, знакомых с латинскими странами, город, подобный множеству других континентальных городов, построенный и населенный поклонниками латыни и преданными парижской “цивилизации”, “как две капли воды похожий”. В столице Сицилии страсть к монотонному великолепию бульвара достигла почти забавного накала. С этой точки зрения Палермо можно рассматривать как состоящий из двух наиболее впечатляющих бульваров примерно одинаковой длины, каждый из которых делит город пополам со скрупулезным равенством с востока на запад и с севера на юг и пересекаются друг с другом точно в центре под математически точным углом в девяносто градусов. Вы стоите у Porta Felice, водных ворот города, спиной к морю, а перед вами, прямая, как игральная кость, простирается красивая Виа Витторио Эмануэле на милю или больше вперед. Вы пересекаете красивую Виа Витторио Эмануэле на половину ее длины и оказываетесь на Кватро Канти, маленькой восьмиугольной площади, которая может похвастаться тем, что является самой главной улицей Палермо, и с этого пересечения четырех перекрестков вы видите простирающуюся справа и слева от вас не менее красивую Виа Макуэда. Прогуляйтесь по любой из этих двух главных магистралей, Македе или Витторио Эмануэле, и вы будете одинаково удовлетворены каждой из них; единственное, что может омрачить ваше удовлетворение, - это сознание того, что вы были бы в равной степени удовлетворены другой, и, действительно, требуется усилие памяти, чтобы вспомнить, в какой из двух вы находитесь. Здесь не на что жаловаться ни на архитектуру, ни на убранство домов. Все правильное, регулярное и симметричное по линиям, яркое и жизнерадостное по цвету и, в целом, абсолютно лишенное индивидуальности и очарования.

Однако, конечно, невозможно полностью уничтожить древний и интересный город бульварами. В Палермо, как и в любом другом городе, есть свои “фишки”, которые без особого труда найдет любой, кто сойдет с проторенной колеи двух главных магистралей и отправится на их поиски сам. Таким образом, он может найти здесь и там достаточно сведений, напоминающих ему, что он живет на “иле” трех, нет, четырех цивилизаций, на четырехслойной формации, в которую греки и римляне, сарацины и норманны внесли каждый свой последующий слой. Вряд ли нужно говорить, что последнее оставило самые глубокие следы из всех. Королевский дворец, первая из достопримечательностей Палермо, к которой путешественник, вероятно, направит свой путь, станет лучшей иллюстрацией этого. Сарацинского происхождения, он последовательно дополнялся полудюжиной нормандских принцев, начиная с Роберта Жискара, а его часовня Cappella Palatina была построена Рожером II. в начале двенадцатого века это была жемчужина декоративного искусства, которая сама по себе оправдала бы поездку на Сицилию, чтобы ее увидеть. Чисто архитектурные красоты интерьера достаточно впечатляют, но глаз теряет всякое представление о них среди богатства их убранства. Величественные ряды нормандских арок, венчающих неф, в любом другом здании приковали бы взгляд зрителя, но в Палатинской капелле нельзя думать ни о чем, кроме мозаики. Мозаики есть повсюду, от западной двери до восточного окна и от северной до южной стены трансепта. Святой в натуральную величину в

мозаичном великолепии взирает на вас сверху вниз из каждого промежутка между арками нефа, а мозаичные медальоны святых, окруженные бесконечным узором и арабесками, образуют внутреннюю сторону каждой арки. Мозаичные ангелы парят с распростертыми руками над апсидой. Колоссальная Мадонна и Бамбино, осененные парящим отцом Вечным, смутно проступают из мозаики на алтаре сквозь темноту алтаря. Земля повсюду золотистая, и мрачное богатство эффекта неопишимо. В Палермо и его окрестностях, в церкви Марторана и в кафедральном соборе Монреале, не меньше, чем здесь, изобилует то же самое убранство, и мозаики последнего из двух вышеупомянутых зданий считаются самыми прекрасными из всех; но посетитель, не являющийся экспертом или ценителем в этом конкретном виде искусства, вероятно, будет наиболее глубоко впечатлен мозаиками Палатинской капеллы, с которыми он познакомится первым.

Королевский дворец, несомненно, тоже может запомниться ему как место, с которого он получил свое первое представление о непревзойденном положении Палермо. С плоской крыши Обсерватории, расположенной в башне С. Нинфа, вокруг нас раскинулась величественная панорама. Зритель стоит на полпути между Амфитритой и Золотой Раковиной, которую она когда-то забавлялась, бросая на берег. Позади него лежит Конка д'Оро с горной цепью, к которой она упирается, Грифоне и Куччо, холмы Биллиени и дорога в Монреале, вьющаяся по долине мимо Ла Рокка; впереди лежит благородный изгиб залива, от мыса Монджербино до порта, смелые очертания Монте Пеллегрино, залив Монделло еще дальше слева, и Капо ди Галло, завершающий береговую линию с его мысом, смутно проглядывающим сквозь дымку. Палермо, однако, возможно, не раскрывает всей красоты своего расположения нигде, кроме как у кромки моря, где город приютился на изгибе позади одного из них, а Пеллегрино возвышается над водами впереди.

Но окрестности города, которые представляют особый интерес и притягивают к себе, приглашают нас, и первым среди них является Монреале, расположенный в нескольких милях отсюда, пригород, к которому путешественник поднимается по дороге, открывающей на каждом повороте какой-нибудь новый и поразительный вид на залив. С одной стороны, когда он покидает город, находится монастырь капуцинов, привлекательный своими катакомбами с мумифицированными бывшими гражданами Палермо для любителей скорее ужасного, чем живописного. Далее находится красивая Вилла Таска, затем Ла Рокка, откуда по извилистой дороге очень древней постройки мы поднимаемся на королевскую гору, увенчанную знаменитым кафедральным собором и бенедиктинским аббатством Монреале. Как уже было сказано, здесь больше мозаик, столь же прекрасных по качеству и в еще большем изобилии, чем те, что украшают интерьер Палатинской капеллы; говорят, что они занимают площадь в семьдесят тысяч четырехста квадратных футов. Из собора мы переходим в прекрасные монастыри, а оттуда в благоухающий апельсиновый сад, откуда открывается еще один восхитительный вид на долину в сторону Палермо. Следующая достопримечательность - Сан-Мартино, на месте упраздненного бенедиктинского монастыря. Крутая тропинка, ответвляющаяся вправо от Монреале, ведет к заброшенному форту Кастеллаччо, от которого дорога спускается до Сан-Мартино, откуда через живописную долину Бокка-ди-Фалько совершается приятное путешествие обратно в Палермо.

Желание взобраться на красивую гору столь же сильно, как если бы восхождение на нее не было столь эффективным способом скрыть ее красоту, как если бы сидеть на ее картине; и Монте Пеллегрино, спящая на солнышке и демонстрирующая благородные линии того, что,

несомненно, должно быть одной из самых живописных гор в мире, вполне вероятно, заманит путешественника на ее вершину. На эту массу серого известняка, которая приобретает такой изысканный оттенок под красными лучами вечернего солнца, нетрудно взобраться. Зигзагообразная тропа, поднимающаяся по ее склонам, хорошо видна из города, и, хотя поначалу она крутая, постепенно подъем по верхним склонам горы становится легче. Первоначально Пеллегрино был островом и до сих пор отделен равниной Конка д'Оро от других прибрежных гор. Еще несколько столетий назад он был покрыт подлеском, а в гораздо более ранние времена здесь выращивали кукурузу для солдат Гамилькара Барки, которые заняли его во время первой Пунической войны. Под нависающей скалой на ее вершине находится Грот Ста. Розалия, святая покровительница города, девушка, которая, по преданию, сделала это свое благочестивое убежище несколько столетий назад, и обнаружение останков которой в 1664 году привело к мгновенному прекращению разрушительной эпидемии чумы, которая как раз в то время опустошала Палермо. С тех пор грот был превращен, как того требовали обстоятельства, в церковь, к которой верующие совершают множество паломничеств. Крутая тропинка за часовней ведет к обзорной станции на вершине горы, откуда открывается далеко простирающийся вид. Отсюда виден конус Этны, расположенный более чем в восьмидесяти милях по прямой, а еще дальше на север, среди Липарейской группы, - вечные печи Стромболи и Вулкано. Там есть более крутой спуск с горы к юго-западу, и либо по нему, либо возвращаясь к нашему первоначальному маршруту, мы возвращаемся на дорогу, которая огибает подножие горы с запада и, на расстоянии четырех миль от городских ворот, ведет к одному из самых очаровательно расположенных убежищ, которые монарх когда-либо строил для себя, королевской вилле-замку Ла Фаворита, возведенному Фердинандом IV. (Фердинанд I Обеих Сицилий), в остальном не менее неудобный из серии неудобных принцев, которых бурбоны дали народам Южной Италии.

Какими бы великолепными ни были достопримечательности Палермо, они вряд ли смогут задержать посетителя на оставшееся время его пребывания на Сицилии. Для тех, кто желает хорошенько осмотреть Тринакрию и кто уже познакомился с Мессиной и Сиракузами, Катанией и Джирдженти, столица является наиболее удобным штаб-квартирой, откуда можно посетить все достопримечательности, которые еще можно увидеть в западной и юго-западной частях острова. Ибо именно поэтому, в естественном порядке вещей, он отправился бы в Марсалу (известную как место высадки "Тысячи" при Гарибальди в 1860 году и начало того памятного марша, который через несколько недель завершился свержением правления Бурбонов) и Трапани (издрепанона), другого серповидного городка, дорогого вергилианскому студенту как место игр, учрежденных Энеем в память престарелого Анхиза, погибшего в Эриксе, поэтически подходящее место для влюбленного. об Афродите, в которой он закончит свои дни. Город богини на вершине Монте-Сан-Джулиано, древнего Эрикса, быстро приходит в упадок. Дегенеративные потомки или, возможно, правильнее было бы сказать, преемники ее древних почитателей предпочитают равнину у ее подножия, и год за годом туда происходят миграции, которые угрожают причислить это незапамятное поселение языческой древности к мертвым городам прошлого и оставить его заросшие травой улицы и заплесневелый собор наедине с морем и небом. От всемирно известного святилища Венеры Эрицины сейчас ничего не осталось, за исключением нескольких следов его основания и древнего резервуара, когда-то служившего фонтаном, посвященным богине. Нет необходимости задерживаться на Сан-Джулиано дольше, чем это необходимо, чтобы обозреть величественную морскую панораму, которая окружает зрителя, и отметить мыс Бон в Африке, слабо выступающий из южной дымки.

Следует посетить Селинунто и Сегесту, известные как величиим, так и интересом к своим греческим руинам. От станции Кастельветрано на обратном пути всего восемь миль до руин Селина, самого западного из эллинских поселений Сицилии, города с историей немногим более двух столетий активной жизни и более двух тысяч лет запустения. Паммил из Мегары основал его, как гласит легенда, в седьмом веке до нашей эры. В пятом веке той же эры карфагеняне разрушили его. С того дня он оставался заброшенным, за исключением того, что служил убежищем для первых христиан в дни их гонений и оплотом мусульман в их сопротивлении королю Рожеру. И все же за свою короткую жизнь, длившуюся около двухсот двадцати лет, он стал, по какой-то неизвестной причине народной святости, местом расположения не менее семи храмов, четыре из которых были одними из крупнейших, когда-либо существовавших, как известно. Правда, большинство из них сохранилось лишь в виде распростертых фрагментов, поскольку предполагается, что их злейшим врагом было землетрясение, а не время, и самая большая из них, посвященная Геркулесу или, как некоторые считают, Апполло, несомненно, вообще не была закончена. Его длина, включая ступени, достигает экстраординарной цифры в триста семьдесят один фут; его ширина, включая ступени, составляет сто семьдесят семь футов; в то время как его колонны должны были бы вознестись после завершения строительства до колоссальной высоты в пятьдесят три фута. Он датируется пятым веком до нашей эры, и, вероятно, появление смуглых карфагенских захватчиков прервало работу каменщиков. Сейчас это колоссальное нагромождение могучих, поверженных, сломанных колонн, их выступы почти разгладились от времени и непогоды, а постаменты были приданы той же форме и закруглены теми же силами, придав им сходство с гигантскими горными валунами.

Однако восхищение вызывают храмы Селинунто, а не их окрестности, и в этом отношении они резко контрастируют с местом, где сохранились единственные безымянные руины, которые, возможно, вместе взятые, являются самым “жалким” образцом живописности на всей Сицилии, холмом и храмом Сегеста. Из Калатафими, места одного из гарибальдийских сражений, в Сегесту путь лежит по дороге Кастелламаре и через красивую и хорошо орошаемую долину. В первую очередь следует посетить сам город. Монте-Барбаро с руинами театра находится к северу, к западу - холм, на котором стоит знаменитый храм. Никому не нужно знание греческой археологии или истории Греции, или даже особая любовь к греческому искусству, чтобы быть глубоко тронутым зрелищем, которое представляет это место. Ему нужно не больше, чем способность героя Вергилия быть тронутым “чувством слез в смертных вещах”. Сам храм совершенен, за исключением того, что его колонны все еще не украшены канавками; но больше всего нас поражают не простые и величественные очертания здания, не линии уменьшающихся колонн и не массивные наличники, опирающиеся на эти могучие стволы, а гармония между этим великим творением человека и окружающей его природой. В этом горном уединении, перед этим заброшенным святилищем угасшего культа мы присутствуем при соединении двух пустынь, и кто-то почти сказал о двух вечностях, о вечных холмах и неувядаемых стремлениях человеческого сердца. Никакие слова не могут передать уединенное величие храма Сегеста. Он не похож ни на один другой храм на Сицилии в этом уникальном месте. Рядом с ним нет храма-соперника, и в пределах видимости зрителя нет даже остатков какого-либо другого здания, храма или чего-то еще, что бросало бы вызов сравнению. Эти руины одиноки во всех смыслах, одиноки в плане физической изоляции, одиноки в том суровом пафосе, который придает им это положение.

В музее Палермо, в который, как теперь можно предположить, вернулся исследователь этих разрушенных святилищ искусства и религии, интересные метопы Селина вызовут у него воспоминание о том большом музее руин, который он только что посетил в Селинунто; но в заброшенном монастыре, который теперь превращен в Национальный музей, мало что может задержать его внимание, кроме фрагментов эллинской архитектуры. И, возможно, можно предположить, что погоня за древностями, за которыми можно охотиться с гораздо большим успехом в других частях островов, не совсем та цель, которая побуждает большинство приезжающих на Сицилию продлевать свое пребывание в этом прекрасно расположенном городе. Его привлекательность, по сути и почти полностью, заключается в характеристике, отмеченной в только что использованной фразе. С архитектурной точки зрения Палермо - ничто: как уже было сказано, он заклеивен банальностью и отсутствием изысканности, присущими всем современным итальянским городам второго сорта. И, более того, все, что человек когда-либо сделал для ее внешнего украшения, она может показать вам за несколько часов; но дней и недель будет не более чем достаточно для полной оценки всего, чем она обязана природе. Древностей у нее нет или почти нет, если, конечно, мы не готовы включить в эту категорию реликвии сравнительно современного нормандского господства, которыми, конечно, изобилуют ее прекрасные мозаики. Ил последовательных эпох и обломки жизни, которая с самых ранних времен была насыщенной, безвозвратно похоронили почти все следы ее классического прошлого. Ее истинная, ее единственная, но самодостаточная привлекательность выражена в ее древнем имени. Она действительно "Панормус"; именно как "весь портовый город" она наполняет взор и разум, остается в памяти и заново оживает в воображении. Когда будет тщательно исследован сам город и его окрестности вплоть до Монреале, Сан-Мартино и Ла-Зиса; когда внушительными Портami Феличе должным образом восхитятся; когда вдоволь прогуляются по прекрасным садам Ла Флора с их богатой субтропической растительностью; когда должным образом изучат Ла Кала, причудливую маленькую узкую гавань с мелководьем и оживленную жизнь на ее набережных; тогда тот, кто любит природу больше, чем творения человека, и предпочитает истинное вечное просто образу "бессмертию", признается себе, что в Палермо нет ничего прекраснее. , нет ничего более захватывающего, чем *томастерство*, которое Непревзойденный Мастер выполнил, придав форму тем благородным линиям скалы, по которым Пеллегрино спускается к городу у его подножия, и проследив тот изгиб береговой линии, на котором в тени горы вырос город. Вид на эту высоту-хранительницу и покровительницу, эту скалу-хранительницу, как можно было бы себе представить, столицы Сицилии, прекрасен со всех точек и в любое время суток. Он одинаково возвышается над городом и морем, с какой бы точки на него ни смотрели, и смелая, но в то же время мягкая красота его контуров во всех аспектах обладает неизменным очарованием. Самый простой бездельник, самый легкомысленный из прогуливающихся в Палермо должен поздравить себя с тем, что всегда имеет перед глазами гору, один вид которой можно назвать почти "гуманитарным образованием" в области поэзии и искусства. Однако ему следует посещать Пьяцца Марина не только в время прогулок, но и тогда, нет, больше всего тогда, когда толпа начинает редеть и, как говорит Гомер, "все пути затенены", в час заката. Ведь тогда чистый средиземноморский воздух становится наиболее прозрачным, окаймляющая пена - самой белой, насыщенный теплый фон Конка д'Оро - самым сочным, в то время как голые, похожие на вулканы склоны Монте Пеллегрино кажутся плавящимися в красноватый расплавленный металл под косыми лучами солнца. Постепенно, по мере того как вы наблюдаете, как гаснут краски, почти так же, как гаснут снежные вершины при угасании *Альпийских гор*, тени начинают ползти вверх по склонам гор, предвестники ночи, которая уже

опустилась на улицы города и сквозь которую начинают проглядывать его огни. Еще немного, и тело горы превратится в темную, расплывчатую массу, и только ее конус и изящные верхние гребни будут слабо вырисовываться на фоне бледной глубины неба.

Таким образом и в такой час можно увидеть город, залив и горы в том, что можно назвать их эстетическим или художественным совершенством. Но они очаровывают, причем магией почти равной силы, в любое время суток. Очарование не ослабевает до конца, и, возможно, никогда путешественник не ощущает его так остро, как в тот момент, когда Палермо улыбается прощальной улыбкой прощающемуся гостю и с палубы парохода, который должен увезти его прочь, машет на прощание удаляющемуся городу, укрытому в своей золотой раковине прекраснейшей из океанских нерейд.

Если его отъезд приходится на вечер, когда лучи заходящего солнца падают поперек подножия Пеллегрини и опрокидывают огнем верхушки низко стоящих домов морского порта и струятся над ними по сверкающим водам гавани, зрелище это не скоро забудется. Все более и более тусклым становится прекрасный город с увеличивающимся расстоянием и сгущающимися сумерками. Теплые розовые оттенки благородной горы остывают, превращаясь в пурпур, и, наконец, темнеют, превращаясь в тяжелую массу мрачных теней; море меняется на то призрачное серебро, которое покрывает его в сумерках. Это соревнование между летящим пароходом и опускающейся ночью за то, чтобы полностью скрыть быстро исчезающую береговую линию из виду; и это соревнование настолько ожесточенное, что до самого конца оставляет нас в сомнении, темнота или расстояние отняли ее у нас. Но еще через несколько минут, будь то по той или иной причине, стирание будет полным. Позади нас, там, где некоторое время назад лежал Палермо, маячит только полоса постоянно темнеющей дымки, а перед носом нашего судна - серая гладь средиземных вод, которые лежат между нами и Неаполитанским заливом.

XIV

НЕАПОЛЬ

Неаполитанский залив—Везувий—Характерные сцены уличной жизни—*Рестораны на открытом воздухе*—Часовня Святого Януария—Могила Вергилия—Капри, Мекка художников и любителей живописного—Император Тиберий—Описание Голубого грота—Побережье-дорога из Кастелламаре в Сорренто—Амальфи—Сорренто, “деревня цветов”—Храмы Пестума.

Неаполь сам по себе, не считая его окрестностей, не отличается исключительной красотой. Его притязания на звание “самого красивого города Европы” основаны исключительно на

случайном стечении обстоятельств. Когда иллюзорное очарование, придаваемое расстоянием, исчезнет при ближайшем приближении, станет видно, что город, вдохновлявший поэтов всех веков, - это немногим более чем огромный, шумный, заурядный торговый порт, который ни на минуту нельзя сравнить, с эстетической точки зрения, с Генуей, Флоренцией, Венецией или многими другими итальянскими городами, одинаково хорошо известными путешественнику. Этот неотъемлемый недостаток, однако, с лихвой компенсируется непревзойденными природными красотами его расположения и очаровательных окрестностей. Ни один город в Европе, ни Палермо с его “Золотой раковиной”, ни Константинополь с его “Золотым Рогом”, ни Генуя, “Жемчужина Ривьеры”, не могут похвастаться таким великолепным расположением. Путешественнику, приближающемуся к Неаполю морем, вполне можно простить излишнюю словоохотливость. Когда корабль входит в залив, проходя между прекрасными островами Искья и Капри, которые, кажется, расположены как два форпоста, охраняющих вход в этот водный рай, сцена еще не скоро изгладится из памяти. Повсюду вокруг простирается лазурная необъятность залива, его широкие изгибы ограничены справа скалистым Соррентинским мысом, с Сорренто, Метой и группой маленьких рыбацких деревушек, приютившихся в поросших оливками обрывах, наполовину скрытых апельсиновыми рощами и виноградниками, а над ними возвышается величественная гора Монте-Анджело. Дальше по побережью приковывает взгляд Везувий, гений-покровитель этого места, его нижние склоны, поросшие виноградной лозой, представляют поразительный контраст с темным конусом вулкана, изрыгающего огонь и дым, ужасное свидетельство скрытых внутри сил. Слева изящные холмы Камальдоли спускаются к красиво изрезанному заливу Поццуоли, который выглядит как миниатюрная копия родительского залива с вулканом Монте-Нуово вместо Везувия. Затем прямо перед зрителем предстает белая масса, похожая на мраморный карьер; белая выступающая линия, теряющаяся в изящном изгибе Везувия, по мере приближения парохода превращается в Неаполь и его пригороды Портичи и Торре дель Греко. Дальше, на дальнем заднем плане, вид закрывает призрачная гряда снежных вершин, ответвление гор Абруцци, едва различимое в фиолетовой дымке горизонта. Все эти разнообразные перспективы объединяются, образуя панораму, с которой по красоте и размаху вряд ли можно сравниться в Европе.

Это голое и неадекватное описание, возможно, послужит объяснением одной из причин преобладания среди множества прекрасных видов Юга Европы, которые обычно открываются на Неаполитанский залив. Эстетическую привлекательность залива во многом следует приписать разнообразию красивых и поразительных объектов, представленных в открывшемся виде. Здесь мы имеем не просто великолепный залив с благородными, размашистыми изгибами (глубоко изрезанные побережья Средиземного моря могут похвастаться гораздо большей протяженностью), но вдобавок в этой сравнительно ограниченной области мы имеем непревзойденное сочетание морских, горных и островных пейзажей. Короче говоря, Неаполитанский залив с его островами, мысами, бухтами, проливами и полуостровами является воплощением основных физических особенностей земного шара и вполне может послужить наглядным уроком для ребенка, готовящего свое первое сочинение по географии. Кроме того, не отсутствует и человеческий интерес. Могущественный город Неаполь, подобно огромному осьминогу, протягивает свои щупальца направо и налево, образуя разбросанные города и деревни, раскинувшиеся вдоль восточного и западного берегов залива. Однако более правдоподобную, хотя и прозаичную причину популярности Неаполитанского залива можно найти в его привычности. Неаполь и Везувий так же хорошо известны нам по гравюрам,

фотографиям или наброскам, как собор Святого Павла или здания парламента. Если бы другие знаменитые бухты, например, Палермо или Коринф, были столь же хорошо известны, у Неаполитанского залива было бы много соперников по популярности.

Путешественник чувствует, что приземляясь, испытывает ужасное разочарование. Величественная перспектива города и залива подняла его ожидания на самый высокий уровень, и разочарование стало еще сильнее. Убогие окрестности порта, худшего квартала города, убожество и грязь улиц, которым предшествует неизбежная война с алчной толпой орущих лодочников, носильщиков и таксистов, заставляют разочарованного посетителя склоняться к зловещему толкованию двусмысленной максимы "*Веди Неаполь и пой мори*"; и афоризм Гете о том, что человек, который хранит воспоминания о Неаполе, никогда не будет совершенно несчастен, кажется ему откровенной насмешкой. и жесточайшая ирония судьбы.

Улицам Неаполя на редкость не хватает архитектурного интереса. Здесь не только мало исторических зданий или памятников, что любопытно, если учесть важную роль, которую Неаполь сыграл в средневековой истории Юга Европы, но и не так много красивых современных домов или дворцов с какими-либо претензиями. Не то чтобы Неаполю не хватало интереса. Обычный турист, который называет место интересным пропорционально количеству страниц, посвященных его основным достопримечательностям в путеводителях, может, пожалуй, презрительно отмахнуться от этого великого города как от места, которое можно достаточно хорошо "обустроить" за пару дней; но для изучающего человеческую натуру Неаполь предлагает великолепное поле для деятельности с его разнообразными и характерными сценами уличной жизни. Для тех, кто смотрит глубже, этот огромный улей человечества, в котором итальянскую жизнь можно изучать во всех ее разнообразных фазах и аспектах, не может быть полностью обычным явлением.

Это прописная истина, что жизнь Неаполя нужно видеть на улицах. Улица - это спальня неаполитанца, столовая, гардеробная, клуб и площадка для отдыха. Обычай превращать улицы в дом присущ не только мужчинам. Представительницы прекрасного пола любят выполнять *на открытом воздухе*, туалеты, и часто может быть видно взаимное содействие друг другу в примерочной свои пышные волосы на виду у прохожих.

Как и в восточных городах, определенные профессии обычно ограничены определенными улицами или переулками в бедных кварталах города. Названия на углах улиц показывают, что этот обычай существует уже давно. Здесь есть улицы, предназначенные исключительно для огранщиков, работающих ювелиров, букинистов, и магазинов старой одежды, и это лишь некоторые из основных профессий. Самая любопытная из этих торговых улиц - одна недалеко от собора, где торгуют религиозными товарами; святыни, безвкусные изображения, дешевые распятия, кресты и четки составляют содержимое этих церковных морских магазинов. Этот самобытный местный характер различных видов искусства и ремесел сейчас лучше всего проявляется на площади Пьяцца дельи Орефичи. На этой площади и прилегающих к ней улицах работают только серебряники и ювелиры, и здесь все еще можно купить характерные украшения южноитальянских крестьянок, хотя их начинают заменять дешевые, сделанные на станках безобразия Бирмингема. Помимо бурлящей толпы, эти узкие улочки и переулки полны драматического интереса. Любопытные, характерные привычки и обычаи местных жителей лучше всего изучать в бедных кварталах вокруг собора. Однако тот, кто будет наблюдать за этим подвижным и постоянно меняющимся человеческим калейдоскопом, не должен ожидать, что

будет делать это, неторопливо прогуливаясь. Это было бы так же бесполезно, как пытаться остановить приливы и отливы уличных течений, поскольку улицы узкие, а движение оживленное. Дверной проем станет удобным убежищем от длинных верениц тяжело нагруженных мулов и ослов, которые в значительной степени заменяют автомобильное движение. Распространенным и в высшей степени живописным объектом является огромная повозка угольщика, запряженная обычно тремя лошадьми в ряд. Богато украшенная накладка сбруи очень примечательна, с ее блестящим набором безвкусовых медных флажков и сияющими *накладками* *peroussé* с фигурами Мадонны и святых, которые, как предполагается, вместе с языческими символами в виде рогов и полумесяцев, защищают лошадей от повреждений. К сожалению, эти талисманы, похоже, не способны защитить их от жестокости хозяев. Жестокость неаполитанцев по отношению к животным вошла в поговорку. Эта особенность особенно заметна по праздничным дням и воскресеньям. Неаполитанский возница, по-видимому, считает, что вместимость транспортного средства и грузоподъемность лошади ограничены только количеством пассажиров, которые могут ухитриться удержаться на телеге, и, если на кузове телеги разместится меньше дюжины человек, двое или трое в сетке и пара на оглоблях, он сочтет себя недостаточно снисходительным к своему скакуну. Именно на дороге Кастелламаре во время фестиваля посетитель лучше всего осознает поразительную гибкость представлений неаполитанца о возможностях вьючного животного. Часто можно увидеть, как маленький пони изо всех сил тащит в гору поклажу из двенадцати или пятнадцати неповоротливых взрослых, побуждаемый к максимальным усилиям физическим убеждением в виде палок и кнутов и моральным убеждением в виде пронзительных криков и ругательств. Их дьявольский грохот, кажется, придает некоторую окраску высказыванию о том, что “Неаполь - это рай, населенный дьяволами”.

Уличные рестораны *под открытым небом* любопытны и поучительны. Этот огромный кувшин масла, кипящего на углях, указывает на прилавок с жареной рыбой, где рыба и “масляные лепешки” продаются по цене одного су за порцию. Этим киоскам очень покровительствуют очень бедные люди, для которых макароны - почти недостижимая роскошь. На углу улицы часто можно увидеть прилавок с супом из улиток, который бросается в глаза благодаря своей начищенной медной посуде. Бедняки считают улиток большим деликатесом; и в этом они всего лишь следуют древним обычаям, ибо даже во времена римской Империи улитки пользовались спросом, если мы можем судить по количеству улиточных раковин, найденных при раскопках Помпей. Живописной достопримечательностью являются стада коз. Ранним утром через город проходят молочные фермы. Умные животные знают своих клиентов, и у каждой стаи есть свой регулярный ритм, который она выбирает по своему усмотрению. Иногда коз доят на улицах, ведро спускают с верхних этажей домов на веревке - нетронутый вид *подъемника*. Однако, как правило, животное поднимается по лестнице, чтобы его подоили, и снова спускается самым будничным образом.

Ярко раскрашенные прилавки торговцев водой со льдом и лимонадом придают теплоту улицам. В профессии *acquaiole* (продавец воды) есть несколько степеней. Самый низший представитель этого ремесла - странствующий *аквайоло*, который ходит просто с бочонком воды со льдом, привязанным к спине, и корзинкой лимонов, подвешенной к поясу, и разливает напитки по два центезими за стакан. Считалось, что завершение строительства акведука Серино, который обеспечивает весь Неаполь превосходной водой из многочисленных общественных фонтанов, покончит с освященным веками продавцом воды; но, похоже, бедные классы не могут обойтись без какого-либо ароматизатора, и поэтому это скромное братство продолжает оставаться

живописным дополнением улиц. Это лишь некоторые из наиболее ярких объектов, представляющих интерес, которые наблюдатель не преминет заметить во время своих прогулок по городу. Но мы должны оставить это увлекательное занятие и обратиться к некоторым основным достопримечательностям Неаполя.

Хотя по сравнению с любым другим городом Италии в Неаполе меньше достопримечательностей и специфических объектов, представляющих интерес, все же есть несколько общественных зданий и церквей, которыми туристу не следует пренебрегать. Есть всего полдюжины церквей из двадцати пяти или тридцати, отмеченных в путеводителях, которые полностью окупают затраты на их посещение. Собор находится в старой части города. Его главная достопримечательность - великолепная часовня святого Януария, покровителя Неаполя. В серебряной раке под богато украшенным алтарем находится знаменитый флакон, содержащий свернувшуюся кровь святого. Эта часовня была построена в начале семнадцатого века во исполнение обета благодарного населения в честь святого, который спас их город "от пожара Везувия заступничеством своей драгоценной крови". Святой Януарий пользуется высочайшим почитанием у низших классов Неаполя, для которых церемония разжижения, которая проводится два раза в год, является символом веры, на который они безоговорочно полагаются. История святого человека слишком хорошо известна, чтобы нуждаться в повторении здесь. Многочисленные чудеса, приписываемые ему, и легенды, сложившиеся вокруг его имени, составили бы немалое дополнение к агиологической литературе Италии.

Из других церквей лучше всего посетить Sta. Кьяра, Сан-Доменико Маджоре и Сан-Лоренцо. В здании Sta. Архитектор Кьяра, по-видимому, стремилась воплотить, насколько это возможно, идею церкви воинствующей, внешне напоминающей крепость, а не место поклонения. В соответствии с представлениями о реставрации церквей, господствовавшими в прошлом веке, знаменитые фрески Джотто были покрыты толстым слоем побелки, разумный чиновник, отвечавший за реставрацию, счел эти картины слишком темными и мрачными для настенного декора. Сейчас самыми примечательными объектами в церкви являются готические гробницы анжуйских королей.

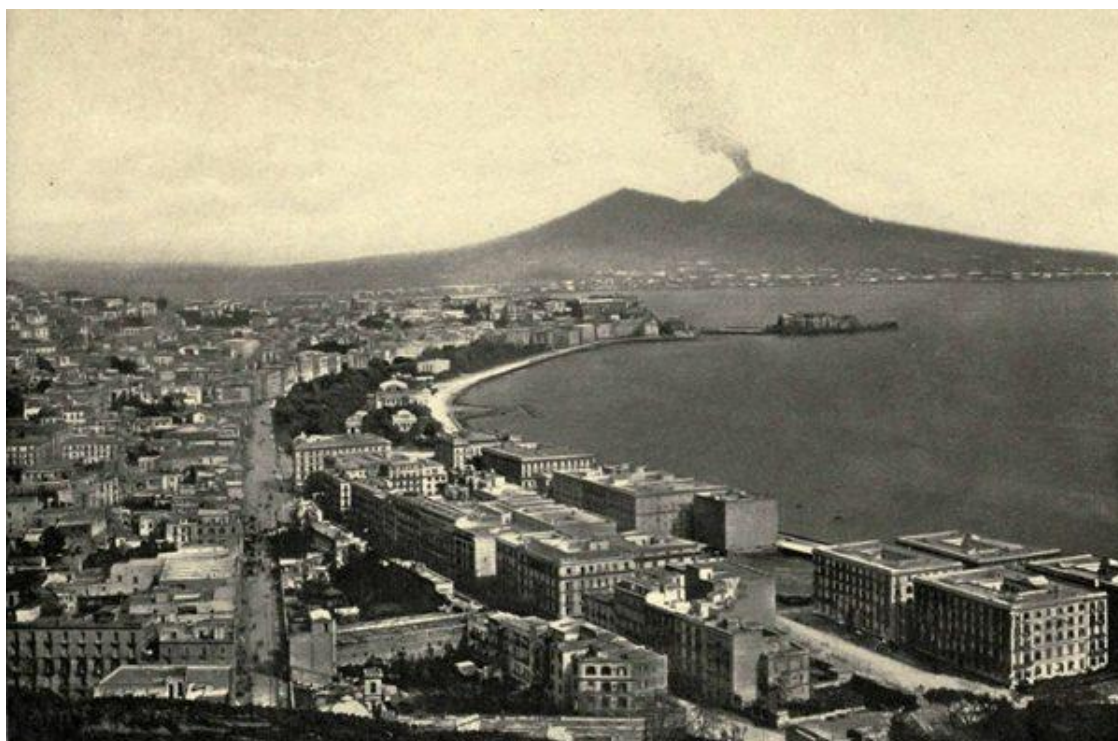
Две церкви Сан-Доменико и Сан-Лоренцо находятся неподалеку, и турист в этом городе "великолепных расстояний" благодарен провидению, которое поместило три самые интересные церкви Неаполя на сравнительно ограниченной территории. Следующим следует посетить Сан-Доменико, поскольку здесь собраны одни из лучших образцов скульптуры эпохи Возрождения в Неаполе. Кьяра занимается готическим искусством. Она была сильно переделана и отремонтирована в течение шестнадцатого и семнадцатого веков, но до сих пор остается одной из самых красивых неаполитанских церквей. Его самым важным памятником является мраморная группа с рельефом Богородицы и св. Матфеем и Иоанном работы Джованни да Нола, которая считается лучшей работой скульптора. Готическая церковь Сан-Лоренцо, к счастью, частично избежала изуродующих рук реставратора семнадцатого века. Эта церковь представляет определенный литературный и исторический интерес, поскольку Петрарка провел несколько месяцев в соседнем монастыре; и именно здесь Боккаччо увидел прекрасную принцессу, увековеченную в его сказках по имени Фьямметта.

Чтобы оценить истинное историческое и географическое значение Неаполя, мы должны помнить, что весь этот вулканический район представляет собой один большой палимпсест, и что до сих пор мы занимались только самой верхней и наименее важной надписью. Чтобы

составить адекватное представление об этой уникальной стране, мы должны взяться за расшифровку более ранних надписей. Для этой цели мы должны посетить Национальный музей, который содержит богатые и уникальные коллекции древностей, в других местах абсолютно не представленных. Здесь будут найдены лучшие сокровища из погребенных городов Кум, Геркуланума и Помпей. В этом огромном некрополе древнего искусства можно прочесть почти тысячелетнюю историю.

Однако для многих живое настоящее представляет больший интерес, чем похороненное прошлое, и для них бесчисленные прекрасные экскурсии по Неаполю окажутся более привлекательными, чем все богатство древностей в музее. Конечно, с чисто эстетической точки зрения, все лучшее, что есть в Неаполе, не связано с этим, если допустить быка. Чтобы добраться до Поццуоли и классического района Байя и Кума, мы пройдем по прекрасной набережной Национальной виллы, которая тянется от Кастелло дель Ово (Неаполитанская Бастилия) до мыса Позилипо, откуда из конца в конец открывается великолепный беспрепятственный вид на залив. Капри, центральная точка проспекта, кажется, изо дня в день меняет свою форму, подобно сказочному острову. Иногда, в безоблачный день, фантастические очертания скал четко выделяются на фоне синего моря и еще более голубого неба; дома отчетливо различимы, и вам почти кажется, что вы можете различить группы зевак, перегнувшихся через парапет маленькой площади, настолько ясна атмосфера. Иногда остров окутывает голубоватая дымка, и благодаря любопытному атмосферному эффекту можно увидеть новую форму *Фата-Морганы*, когда кажется, что остров поднят из воды и подвешен между морем и небом.

Территория Национальной виллы обширна и обставлена со вкусом, но изуродована некачественными гипсовыми копиями колоссальных размеров знаменитых античных статуй. Странно, что Неаполь, обладая некоторыми из величайших шедевров древних скульпторов, довольствуется этими пластиковыми чудовищами для украшения своей самой модной набережной. Самой интересной особенностью Национальной виллы является Аквариум. Это не просто выставочное место, а международная биологическая станция, и фактически открытая для публики часть состоит только из запасных резервуаров лаборатории. Это учебное заведение является самым важным в своем роде в Европе и поддерживается ведущими европейскими университетами, каждый из которых оплачивает такое количество “столов”.

У входа в туннельное шоссе, известное как Грот ди Позилипо, которое проходит через мыс, образующий западный бастион Неаполя, и служит барьером, ограждающим от шума этого разросшегося города, находится колумбарий, известный как Гробница Вергилия. Путеводители, обладающие превосходной эрудицией, довольно презрительно отзываются об этом историческом месте как о “так называемой могиле Вергилия”. Тем не менее, исторические свидетельства, по-видимому, указывают на истинность традиции, которая определила это место как место, где когда-то покоился прах Вергилия. Посещение этой гробницы - подходящее знакомство с окрестностями, гением-покровителем которых, по-видимому, является Вергилий. По солнечным склонам Позилипо поэт, несомненно, время от времени направлялся на виллу Лукулла, расположенную на дальней оконечности полуострова. Оставив мрачный грот, кратчайший путь к Поццуоли, справа от нас, мы начинаем подниматься на знаменитую “Корниш” Позилипо, которая огибает скалы мыса. Сначала дорога проходит фешенебельный пригород Мергеллина, окаймленный почти непрерывной чередой садов вилл. Это, пожалуй, один из самых красивых переездов на Юге Европы. На каждом повороте открываются виды, которые приводят художника в отчаяние и восторг одновременно. На каждом повороте нас так и подмывает остановиться и полюбоваться великолепной перспективой. Пожалуй, из всех прекрасных видов Неаполя и его окрестностей этот, открывающийся с Капо диПозилипо, является самым ярким и надолго запоминается в памяти. У ваших ног раскинулся Неаполь, его выбеленные дома ярко сверкают в лучах солнца. Дальше, за глубокими синими водами залива, приковывает взгляд Везувий, злой гений этой улыбающейся страны, с вершины которого, подобно нимбу, свисает

“Венок светло-голубого пара, чистого и редкого,
Поднимается, едва различимый на фоне глубокого синего неба;

.....

... Он образует, растворяясь там,
купол, как у дворца, повисшего высоко
Над горами”.

Портичи, Торре дель Греко и Торре дель Аннунциата с трудом различимы на этом густонаселенном участке побережья, который простирается от Неаполя до Каstellамаре. Иногда на закате мы создаем великолепный эффект. Эта морская стена из непрерывных городов и деревень загорается под угасающими лучами солнца, как раскаленный уголь. Пожар, похоже, перекинулся на Неаполь, и огромный город “загорелся, как Содом, как будто его подожгла какая-то сверхчеловеческая сила”. Это атмосферное явление может напомнить зрителю с богатым воображением о страшных возможностях, которые предоставляет близость постоянно угрожающего вулкана, возвышающегося *над терроре* над густонаселенной равниной. Есть некое странное очарование, порожденное надвигающейся опасностью, которое придает всему району превосходство в мире воображения. Он прошел свое боевое крещение; и кто знает, как скоро “тусклые твари внизу” могут уготовить подобную участь городу, расположенному столь опрометчиво? Однако эти мрачные размышления неуместны на мирных склонах Посилипо, само название которого означает свободу от забот.

Берега этого мыса густо усеяны римскими руинами, которые редко исследуются из-за их сравнительной труднодоступности. Считается, что большинство руин, театров, храмов, бань, портиков и других зданий, назначение или природа которых не поддаются пониманию антикваров, связаны с обширной виллой печально известного эпикуреца Ведиуса Полио. До сих пор видны следы аквариумов для угрей, которых, по словам Сенеки, кормили мясом непокорных рабов. Спускаясь по извилистым склонам Позилипо, мы впервые видим прелестную маленькую бухту Поццуоли. Вид любопытный и поразительный. Побережье настолько глубоко и резко изрезано, а каналы, разделяющие острова Искья, Прочида и Нисида, настолько узки и извилисты, что трудно различить материк. Мы наслаждаемся уникальной панорамой суши и моря, островов, заливов, проливов, мысов и полуостровов, которые неразрывно переплетены.

Продолжая наше путешествие мимо живописного городка Поццуоли, его домов в полу-восточном стиле, сгруппированных на скалистом мысе, похожем на Монако, мы достигаем священной земли классического студенчества. Любопытно, кто читал его Вергилия или Горация в школе, не может не быть поражен постоянной чередой некогда знакомых имен, столь густо разбросанных по сухим косточкам путеводителей. Район между Кумой и Поццуоли является *святой святыней* классической Италии, и “едва ли найдется место, которое не отождествлялось бы с поэтической мифологией Греции или не ассоциировалось с каким-нибудь именем, знакомым по истории Рима”. Покинув Поццуоли, мы направляемся к Флегрейским полям, которые из-за своей пораженной малярией местности все еще сохраняют что-то от своего древнего зловещего характера. Однако в настоящее время этот участок в значительной степени осушается и возделывается. Тот огромный холм справа от нас, похожий на кельтский могильный курган, - это Монте-Нуово, вулкан, как следует из его названия, недавнего происхождения. С геологической точки зрения, это вчерашний день, возникший во время сильного землетрясения 30 сентября 1538 года, когда, как образно выразился Александр Дюма, “Однажды утром Поццуоли проснулся, огляделся и не смог узнать свое местоположение; там, где прошлой ночью было озеро, теперь была гора”. Упомянутое озеро - Авернус, название, знакомое всем по почтенному и неизменно неправильно цитируемому классическому тексту,

facilis descensus Averni т.д. Эта незначительная на вид вулканическая кротовая нора является ключом к физической географии всего района. Хотя переворот на Монте-Нуово изменил конфигурацию местности вокруг, сокращение населения этой пустынной, но плодородной страны связано не с кратером, а с малярией, бичом побережья. Нехватка домов на западном берегу Неаполитанского залива очень заметна, особенно по сравнению с густонаселенным морским побережьем на стороне Кастелламаре. Покидая Монте-Нуово, мы попадаем в еще более плодородную местность, и пышная растительность этих авернинских холмов, “увитых виноградными лозами”, приятно контрастирует с мрачной землей, “где обитает сумеречный народ Киммерия” поэта. Мифологические предания о прекрасной равнине в нескольких милях дальше, покрытой виноградниками и оливковыми рощами и пестрящей колышущимися кукурузными полями, где Вергилий поместил Елисейские поля, кажутся гораздо более подходящими для того пейзажа, каким мы его видим. Возможно, ощущение драматического контраста присутствовало в сознании поэта, когда он поместил Рай и Ад древних так близко друг к другу.

Помимо очарования, которым древние легенды и поэзия наделили этот район, поразительное обилие руин делает его особенно интересным для антикваров. Одна утренняя прогулка по окрестностям Байи или Кумы откроет бесчисленные фрагментарные памятники древности, далеко выходящие за рамки руин, описанных в путеводителях, которые утилитарные инстинкты сельских жителей лишь частично скрывают: римские гробницы, служащие зернохранилищами или вместилищами для садовых продуктов, храмы, служащие стойлами для коз и ослов, амфитеатры, наполовину скрытые оливковыми садами или апельсиновыми рощами, стены древних вилл, использовавшихся для застройки террасных виноградников; короче говоря, наметанный глаз антиквара в мгновение ока обнаружит за день прогулки обнаружит достаточное количество античных материалов, чтобы почти реконструировать еще одну Помпею. Но хотя каждый акр этого антикварного рая изобилует реликвиями прошлого, и хотя каждая бухта и мыс полны воспоминаний о величайших именах римской истории, мы не должны задерживаться в этом в высшей степени интересном районе, а должны перейти к другим прекрасным местам Неаполитанского залива.

Капри, если смотреть из Неаполя, является самой привлекательной и поразительной достопримечательностью залива. В этом скалистом острове-саде есть своего рода очарование, которое одинаково ощущает как неопытный турист, впервые посещающий Италию, так и опытный путешественник, знавший Капри, когда он был центром художественной колонии, столь же известной, как Ньюлин в наши дни. Несомненно, сверхчувствительные люди теперь считают Капри таким же безнадежно вульгаризированным и избитым местом, как остров Мэн или острова Ла-Манш, теперь, когда он стал излюбленным местом сбора неаполитанских экскурсантов; но такова судьба большинства прекрасных пейзажей Юга Европы, если они вообще легкодоступны. Эти привередливые умы могут, однако, найти утешение в мысли, что для шумных экскурсантов, ежедневно перевозимых в Неаполь и обратно на пылящих маленьких пароводниках из ракушечника, большая часть острова навсегда останется неизведанной страной. Они могут подниматься по знаменитым ступеням Анакапри и даже проникать в Голубой грот, но, как правило, не несут дальше дух географических исследований.

Легкое раздражение, вызванное большим скоплением людей, с лихвой компенсируется красотой необычайно величественных пейзажей, которые можно найти на острове, оскверненном воспоминаниями об этом “обожествленном звере Тиберии”, как называет его

Диккенс. Главное очарование природных особенностей Капри составляют резкие контрасты и удивительное разнообразие пейзажей. Скалистые обрывы, по высоте превосходящие утесы Тинтагеля, а по красоте и смелости очертаний превосходящие утесы величайших норвежских фиордов, окружают зеленую и плодородную садовую землю, покрытую апельсиновыми садами, оливковыми рощами и кукурузными полями. Когда совершаешь круиз вокруг этого окруженного скалами и, по-видимому, недоступного острова, он кажется естественной неприступной крепостью, опоясанным морем Гибралтаром, охраняющим вход в залив, опоясанным отвесными скалами, возвышающимися над морем на тысячу футов, очертания утесов изрезаны крутыми ущельями и скалистыми мысами, с выступающими из них утесами, рифами и титаническими массами обвалившихся скал.

Эти физические контрасты поразительно схожи с историей острова. Это маленькое пятнышко на поверхности земли, ныне отданное исключительно рыбной ловле, скотоводческим занятиям и эксплуатации туристов, и столь же мало затронутое общественными делами, как если бы оно находилось посреди Средиземного моря, вместо того чтобы находиться почти на пушечном выстреле от столицы Южной Италии, прошло через множество превратностей, завоеванных по очереди финикийцами, греками и римлянами; при Риме его мало знали и использовали просто как маяк для галер с зерном, курсирующих из Сицилии в Неаполь, пока он не приглянулся старому императору Августу и он не стал центром торговли. использовал его как санаторий на склоне лет. Несколько лет спустя мы находим эту изолированную скалу во времена правления печально известного Тиберия как резиденцию правительства, из которой он управлял судьбами всей империи. Затем, если быстро пробежать глазами последующие столетия, мы обнаруживаем, что после падения Рима Капри разделяет удачи и несчастья Неаполя и теряет всякую историческую индивидуальность вплоть до начала нынешнего столетия, когда неаполитанский Гибралтар превратился в политический волан, перебрасываемый по очереди между Неаполем, Англией и Францией; а теперь он самодовольно принимает судьбу, очевидно предначертанную ему природой, и стал неаполитанским санаторием и Меккой художников и любителей живописного.

Невозможно провести на Капри много часов, не вспомнив о его гении-покровителе Тиберии. На самом деле, как убедительно выразился мистер А. Дж. Саймондс, “отпечаток копыта выдающегося преступника отпечатался на острове”. *Всерелигиозные локусы*, если такое выражение допустимо в связи с Тиберием, по-видимому, сосредоточены в этой малоприятной личности. Мы не можем оторваться от него. Его дворцы и виллы, кажется, занимают каждую заметную точку острова. Даже сокровищница антиквара является бессмертным свидетельством его пороков и показывает, что Светоний, несмотря на недавние попытки обелить память императора, не доверял простым легендам и басням для своей биографии. Даже самые ревностные исследователи римской истории, несомненно, были бы рады избавиться от этого зловещего призрака, который так настойчиво привлекает их внимание. Судя по тому, как простые каприоты стремятся увековечить имя своего прославленного покровителя, можно почти предположить, что император, чье имя вошло в поговорку как олицетворение преступления и порока, прошел через какой-то процесс, сродни канонизации.

Капри, хотя и по-прежнему славится прекрасными женщинами, чьи классические черты, статные формы и грациозная осанка напоминают Елену и Афродиту Капитолия и Ватикана и, кажется, приглашают перенестись на полотно художника, больше нельзя назвать “раем художника”. Первозданная простота этих дочерей острова с греческими чертами лица, которая

сделала их бесценными моделями, в настоящее время в значительной степени утрачена. Прогресс цивилизации пробудил в них коммерческий инстинкт, и теперь они в полной мере осознают свою художественную ценность. Теперь невозможны ни случайные наброски живописной группы крестьянских девушек, радующихся возможности услужить незнакомцу, ни импровизированный портрет маленького мальчика-рыбака из Каприоте. Это стало “заседанием” для обсуждения, точно так же, как если бы оно проходило в обычном парижском ателье или римской студии. Идея о том, что турист - это дар Провидения, посланный специально для его блага, чтобы на него смотрели в том же свете, что и на “добрые плоды земли”, напоминает нам причудливый древнеиндийский миф о Мондамине, прекрасном незнакомце в зелено-желтых одеждах, из мертвого тела которого выросли маленькие зеленые перышки, впоследствии известные как кукуруза. Однако каприоты обращают внимание своих посетителей не только на это; на самом деле, их в высшей степени практичные представления по этому вопросу, похоже, укрепляют позиции в этой некогда бесхитростной стране, в то время как признанные методы ведения сельского хозяйства остаются почти неизменными. Появление посетителя, вооруженного альбомом для рисования или фотоаппаратом, теперь является сигналом для каждого мужчины и женщины-каприоте в пределах досягаемости позировать в вынужденных и якобы грациозных позах или выстраиваться в неестественные традиционные группы: пожилые старухи вырастают, как по волшебству, на каждом пороге; мужчины-бездельники “небрежно опираются на столбы”; в то время как по всем сторонам света кружатся застенчивые девушки, каждая из которых держит на голове незаменимый кувшин для воды. Эти тенденции к вульгаризации объясняют, почему художники сейчас начинают покидать Капри.

Но мы забываем о главной достопримечательности Капри - Голубом гроте. Все слышали об этой знаменитой пещере, красоты которой были описаны мистером А. Дж. Саймондсом в следующей яркой картине в прозе: “Входя в портал, похожий на расщелину, вы оказываетесь перенесенным в мир колеблющегося подводного блеска. Грот состоит из множества куполообразных помещений, а вода в нем настолько прозрачна, что вы можете видеть серебристое дно с черно-плавниковыми рыбами, плавающими на бело-голубом песке. Плоть ныряльщика в этой воде была похожа на лицо детей, играющих в змея; брызги вокруг него взметались живым огнем; и когда весла касались поверхности, казалось, что ударили по фосфоресцирующему морю, и капли стекали с лопастей голубым жемчугом”. Однако следует помнить, что эти чудеса можно прекрасно разглядеть только в ясный и солнечный день, да еще когда солнце стоит высоко в небе. Учитывая эти благоприятные условия, наименее впечатлительные должны ощутить магию сцены и насладиться меняющимся блеском света и красок. Зрители словно купаются в жидком сапфире, и ощущение того, что ты заключен в драгоценный камень, действительно странное. Но мы, конечно, не испытаем ничего подобного, если исследуем этот прекрасный грот в компании шумных и возбужденных туристов, которые ежедневно прибывают косяками на неаполитанском пароходе. Чтобы оценить ее красоту, пещеру нужно посетить в одиночестве и на досуге.

Те, кто жалуется на то, что деревня Капри так печально модернизирована и наводнена туристами, найдут в Анакапри часть той аркадской простоты, которую они ищут, поскольку разрушительные (с эстетической точки зрения) пальцы прогресса и цивилизации едва коснулись этой уединенной горной деревушки, хотя она находится едва ли в часе ходьбы от “столицы” острова.

Мы, конечно, пойдем по знаменитым ступеням и проигнорируем превосходно спроектированную шоссе, которое вьется серпантином вокруг утесов, зеленых от земляничного дерева и мирта, глядя с высоты поверх простых петель белой ленты. Анакапри восхитительно расположен на богато возделанном плоскогорье, у подножия горы Монте-Соларо. Поднимаясь по склонам горы, мы вскоре достигаем Эрмитажа, откуда открывается прекрасный вид на остров с высоты птичьего полета, с раскинувшимся у наших ног Анакапри и городом Капри, прилепившимся к склонам холмов справа от нас. Но гораздо более величественный вид открывается в награду за наше последнее восхождение на вершину. Мы можем ясно видеть каждую красивую черту Неаполитанского залива, с его великолепной береговой линией от Мизен до Сорренто, рельефно выделяющейся почти у наших ног, а подняв глаза к суше, мы можем увидеть Кампанскую равнину, пока она не растворится в пурпурной дымке Апеннин. На юге широкая водная гладь простирается до далекого горизонта, а справа эта ни с чем не сравнимая перспектива ограничена той “заколдованной землей”, где

“Подметает голубой Салернийский залив, серпом белого песка”.

и в очень ясный день мы можем едва различить фиолетовый неровный контур, который показывает, где “находится Пестум и его руины”.

Несмотря на неоспоримые красоты Капри, кажется, что он настолько отдан на откуп художникам и фотографам-любителям, что становится облегчением уехать в район, не столь известный. Мы оставили напоследок, в качестве подходящей кульминации, самый красивый уголок страны не только в окрестностях Неаполя, но и во всей Южной Италии. Прибрежная дорога из Кастелламаре в Сорренто, Позитано и Амальфи предлагает восхитительное чередование и сочетание мягчайших идиллических пейзажей с самыми дикими и великолепными горами и утесами. На самом деле, необходимо проявлять некоторую сдержанность в формулировках и обуздывать искушение расточать похвалы при описании этого прекрасного региона. Поездка из Неаполя в Кастелламаре представляет собой почти сплошной пригород, и переход от этой монотонной череды улиц с обычными домами к красивой местности, в которую мы попадаем вскоре после выезда из вулканического района Кастелламаре, очень заметен. Во время нашего путешествия мы не можем не заметить ярко-желтые пятна на пляже и плоские крыши домов. Это пшеница, используемая для производства макарон, главным центром производства которых является Торре-дель-Аннунциата. Вдоль всей дороги у домов тоже есть лоджии и балконы, украшенные полосками готовых макарон, разложенных для просушки. Все это освещает мрачную перспективу, казалось бы, бесконечных зданий, и придает району буквально местный колорит. В Кастелламаре путешественника мало что задерживает, и вскоре после выезда из перенаселенного и довольно дурно пахнущего городка мы выезжаем на красивую прибрежную дорогу, ведущую в Сорренто. Первые несколько миль дорога проходит рядом с берегом, иногда почти нависая над морем. Вскоре перед нами открывается вид на Вико, живописно расположенный на скалистом возвышении. По мере подъема на Пунта-ди-Скутола пейзаж становится более живописным. С этого мыса мы впервые увидим прекрасный Пьяно-ди-Сорренто. Он выглядит как один огромный сад, настолько густо он покрыт виноградниками, оливковыми рощами, апельсиновыми и лимонными садами, изредка встречаются алоэ и пальмы, придающие пейзажу восточный оттенок. Вид с высоты птичьего полета с мыса создает у зрителя общее впечатление ковра, в котором преобладающими цветовыми тонами являются насыщенная зелень и золото. Спускаясь на это

плодородное плато, мы обнаруживаем восхитительное сочетание суровых элементов живописности с пасторальностью и идиллией. Равнина пересечена романтическими скалистыми ущельями и крутыми извилистыми ущельями, напоминающими древние каменоломни Сиракуз, их неровные склоны покрыты оливками, дикими виноградными лозами, алоэ и индийским инжиром. Дорога в Амальфи здесь выходит из моря и проходит через сердце этого богатого и плодородного региона, а примерно в трех милях от Сорренто она начинает подниматься на небольшой горный хребет, который отделяет равнину Сорренто от залива Салерно.

Однако вряд ли мы можем оставить без внимания этот скромный городок, посвященный воспоминаниям о Тассо. Его цветы и сады, наряду с живописным окружением, составляют огромное очарование Сорренто. Он кажется чем-то вроде садовой картины, его мирный и улыбающийся вид странно контрастирует с его смелой и суровой обстановкой. Естественная крепость отрезана от остальной части полуострова крутыми ущельями, как Константин в Алжире, в то время как ее прибрежная полоса представляет собой обрыв, отвесно спускающийся к кромке воды, неудивительно, что ее можно сравнить с такими непохожими друг на друга городами, как Грасс, Монако, Амальфи и Константин, в зависимости от вида, который в первую очередь поражает посетителя. Увидев Сорренто с его поразительным изобилием цветов, стены сада, увитые розами, и аромат акаций, апельсиновых и лимонных цветов, пронизывающий все вокруг, мы начинаем думать, что, сравнивая окраинную равнину Сорренто с цветником, мы были слишком опрометчивы. По сравнению с самим Сорренто, равнина - всего лишь большой фруктовый сад. Сорренто - это настоящий цветочный сад, Флоренция в миниатюре, “деревня цветов и цветков деревень”.

Мы покидаем Сорренто и его сады и продолжаем нашу экскурсию в Амальфи и Салерно. Достигнув вершины Коллайн-дель-Пьяно, откуда мы впервые видим знаменитые острова Сирен, выглядящие скорее живописно, чем привлекательно, с их резкими, зубчатыми очертаниями, мы видим великолепный участок скал и горный пейзаж. Известняковые обрывы тянутся непрерывно на многие мили, их очертания прерываются рядом колоссальных шпилей, башенок, обелисков и пирамид, резко врезающихся в голубую линию неба. Пейзаж, хотя и такой дикий и смелый, не является мрачным и унылым. Основания этих высоких обрывов покрыты дикими зарослями мирта, земляничного дерева и тамариска, а на уступах и расщелинах пустились корни дикие лианы и опунции. Овраги и ущелья, нарушающие однообразие этой огромной прибрежной стены утесов, имеют нижние склоны, покрытые террасами и решетчатыми садами лимонов и апельсинов, неправильной зелено-золотистой массой. Позитано, после Амальфи, безусловно, самое живописное место на этих берегах, и, поскольку оно менее известно и, следовательно, не так часто воспроизводится на идеализированных эскизах и “подправленных” фотографиях, как Амальфи, его первый вид должен вызывать у путешественника скорее приятное удивление. Его положение любопытно. Город построен по обе стороны огромного ущелья, отрезанного от выхода на сушу огромной стеной пропастей. Дома поднимаются по скалистым склонам неправильной формы амфитеатром, на самых разных высотах и ярусах, и виды, открывающиеся с вышеперечисленных высот, создают общее впечатление водопада домов, насыпанных по обе стороны ущелья. Проехав несколько миль по самым величественным утесам и горным пейзажам, мы достигаем Капо-ди-Конка, которая вдается в залив, разделяя его на два полумесяца. Глядя на запад, мы видим широкую полосу горной страны, где

“... Несколько белых деревень,
разбросанных вверху и внизу, некоторые в облаках,
Некоторые на берегу темно-синего моря,
И сверкающих сквозь свои лимонные рощи, объявляют
регион Амальфи”.

Попытка описать Амальфи кажется безнадежной задачей. Церкви, башни и дома с аркадами, разбросанные в живописном беспорядке по обе стороны гигантского ущелья, рассекающего отвесную гору, пестрящие богатым колоритом итальянской домашней архитектуры, составляя неописуемо живописную смесь лоджий, аркад, балконов, куполов и главков, подчеркнутых плоскими побеленными крышами. Игра цвета, создаваемая ослепительными лучами солнца и лазурной амплитудой моря и неба, создает тот общий эффект света, цвета, солнечности и теплоты атмосферы, который так трудно передать кистью или пером. Каждый уголок этого очаровательного маленького, окруженного скалами Эдема предоставляет заманчивый материал для художника, и весь регион богат сценами, наводящими на поэтические мысли.

Когда мы смотрим на изолированное положение этого некогда знаменитого города, отрезанного от остальной Италии валом пропастей, местами настолько нависающих над городом, что кажется, будто они оспаривают его обладание у моря без приливов, омывающего стены домов, нелегко осознать, что в средневековые времена он был признан первой военно-морской державой в Европе, владевшей фабриками и торговыми заведениями во всех главных городах Леванта и разработавшей кодекс морских законов, ведущие принципы которого были включены в современное международное право. От древнего величия города не осталось и следа, и посетитель испытывает искушение рассматривать историю его былого величия как чисто легендарную.

Дорога в Салерно живописна, но не так поразительна, как дорога между Позитано и Амальфи. Она не так дерзко спроектирована, а пейзажи более укрощенные. Виетри - самое интересное место для остановки. Он красиво расположен у входа в ущельеобразную долину, которая ведет к так называемой “итальянской Швейцарии”, и окружен со всех сторон лимонными и апельсиновыми садами. Салерно, вероятно, не задержит посетителя надолго, и, на самом деле, город в основном известен путешественникам как отправная точка к знаменитым руинам Пестума.

Эти храмы, после храмов Афин, являются наиболее сохранившимися и, безусловно, наиболее доступными из всех греческих руин в Европе и являются постоянным свидетельством великолепия древнегреческой колонии Посейдония (Пестум). “*Non cuivis homini contingentit adire Corinthum*”, - говорит поэт, и, конечно, посещение этих прекрасных руин заставит меньше сожалеть о невозможности посетить афинский Парфенон. Хотя в расположении храма Пестум отсутствует живописная неправильность Акрополя и храма Гиргенти на Сицилии, эти руины, вероятно, произведут большее впечатление на зрителя с богатым воображением. Их изолированное и пустынное положение посреди этой дикой и заброшенной равнины, без малейших признаков какого-либо здания поблизости, наводит на мысль о почти сверхъестественном происхождении и придает странный оттенок этой сцене одиночества и величественного величия. Кажется разительным контрастом завершение нашей экскурсии по Неаполю и его окрестностям в торжественных храмах Пестума. Мы начали с шума, суеты и

бурной жизни великого города двадцатого века и вернулись примерно на двадцать пять столетий назад, к давно похороненной славе греческой цивилизации.

Сноски:

[1] История современной архитектуры.

[2] Деннис: “Города Этрурии”.

[3] Деннис: “Города Этрурии”, I., стр. xxxii.

[4] Рескин: “Камни Венеции”.

[5] “История Европы” Элисон.

[6] Сэр Теодор Мартин.

[7] Во времена Гомера, как показано в "Одиссее", Нил назывался αἰ ὑππτος, название, которое впоследствии было перенесено на страну.